

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

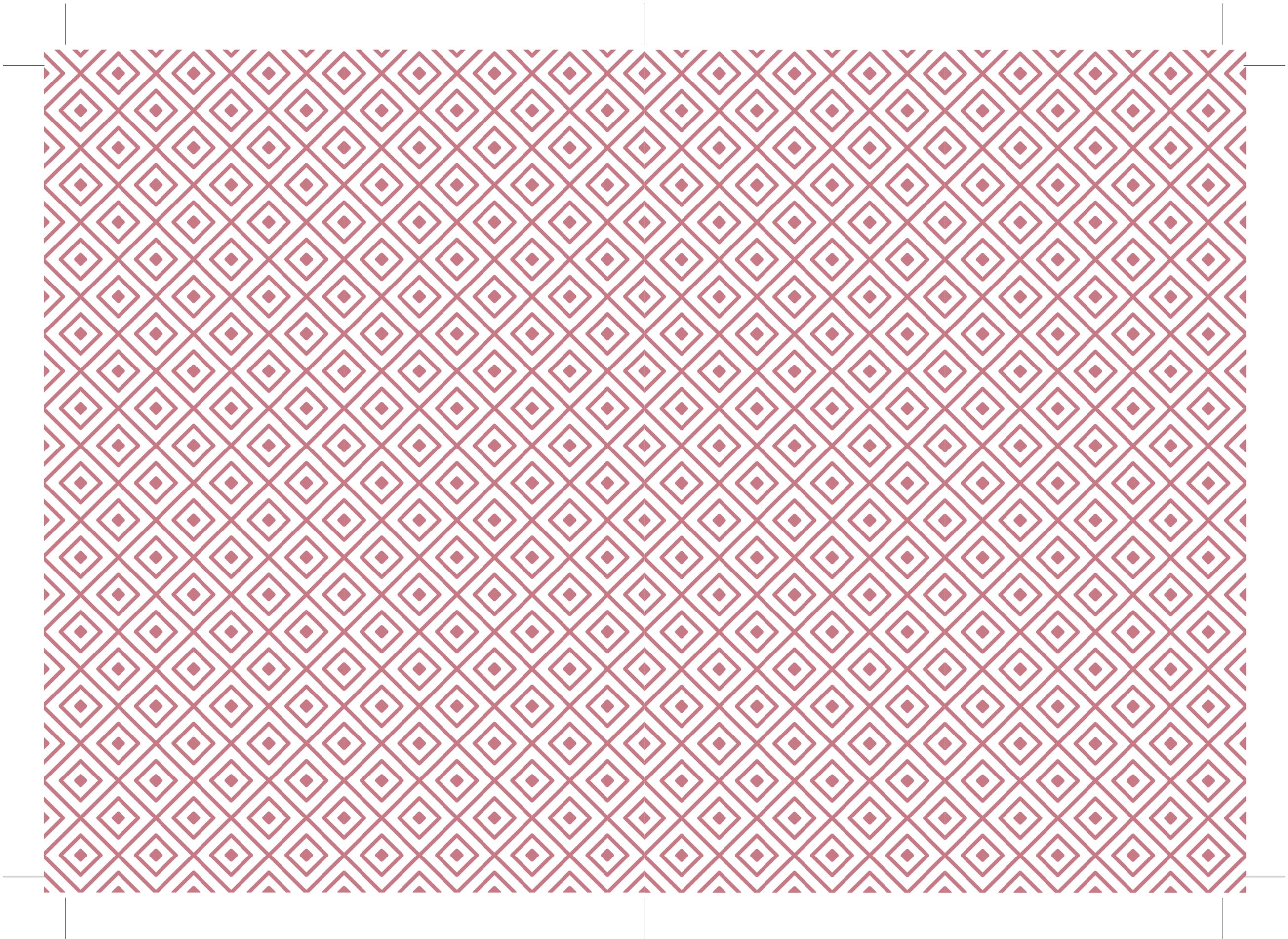

Международная научная конференция
«УЛЫМЖИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – X»

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ • «УЛЫМЖИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – X»

УЛАН-УДЭ
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы международной научной конференции

«УЛЫМЖИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — X»

Научный редактор

О. Н. Полянская, канд. ист. наук, доцент

Улан-Удэ

Издательство Бурятского госуниверситета

2019

УДК 94(517.3)(082)
ББК 63.3
М 33

Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе
научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Рецензенты

- Л. Б. Жабеева**, д-р ист. наук, профессор
Восточно-Сибирский госуниверситет технологий и управления
(Россия, Улан-Удэ)
- Х. Краевска**, д-р гум. наук, директор Архива Польской академии наук
(Польша, Варшава)
- А. Д. Цыбиктаров**, д-р ист. наук, доцент Бурятского госуниверситета
(Россия, Улан-Удэ)

Ответственность за содержание статей остается за авторами

- М 33 **Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития** : материалы международной научной конференции «Улымжиевские чтения — X» / науч. ред. О. Н. Полянская. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2019. — 304 с. ISBN 978-5-9793-1431-0

В сборнике представлены исследования учебных и академических учреждений России, Монголии, Польши, Беларуси. Статьи посвящены актуальным вопросам научного монголоведения, истории и культуры монгольских народов, развития российско-монгольских отношений.

Материалы предназначены для исследователей, преподавателей, студентов и всех интересующихся историей монголоведения и развитием российско-монгольских отношений.

Mongolian Studies in the Modern World: Research Experience, Development Prospects : Proceedings of International Scientific Conference “Ulymzhiev Readings — X” / Sci. Ed. O. N. Polyanskaya. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2019. — 304 p.

The collection presents the studies of researchers from educational and academic institutions of Russia, Mongolia, Poland, and Belarus. The articles are devoted to the topical issues of Mongolian Studies, the history and culture of the Mongolian peoples, and development of Russian-Mongolian relations.

The materials are intended for researchers, teachers, students and all those, who are interested in the history of Mongolian Studies, and development of Russian-Mongolian relations.

УДК 94(517.3)(082)
ББК 63.3

ISBN 978-5-9793-1431-0

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2019

Содержание

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ

Полянская О. Н., Дамдинов А. В., Дугаров В. Д. Профессор Д. Б. Улымжиев (1927–2000) — исследователь истории российского монголоведения	7
Кузьмин Ю. В., Ванина И. Ю. Монголовед Д. Б. Улымжиев: научное наследие, биография, воспоминания	14
Тулисов Е. Монголовед В. Л. Котвич и буряты: сотрудничество на поприще востоковедения (по материалам архивов Кракова и Варшавы)	21
Барей-Стажиньска А. Научные контакты монголоведа Владислава Котвича с бурятскими исследователями	26
Бондарь Л. Д., Мацюк М. Документы семьи Владислава Людвиговича Котвича (1842–1944) в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН	33
Ходковска А. История ориенталистики Польши по материалам Архива Польской академии наук	42
Арванити И. Польские исследователи истории монгольских народов	53
Хеубшман А. С., Кузьмин Ю. В. Современное польское монголоведение	66
Румак Г. В., Курчицкий В. В. Новые документы к биографии монголоведа О. М. Ковалевского (1800/1801–1878) (по материалам национального исторического архива Беларуси в г. Гродно).	72
Валеев Р. М., Валеева Р. З., Мартынов Д. Е., Сахавова Л. М. Рукописный дневник О. М. Ковалевского «Dziennik zatrudnien из фондов Государственного архива Республики Татарстан. 1830–1831»	77
Дацышен В. Г. Синолог В. П. Васильев — стажер российской духовной миссии в Пекине	88
Мартынов Д. Е., Валеев Р. М., Жуков В. Ю., Кульганек И. В. Из истории отечественного монголоведения и китаеведения XIX в.: дневники и письма О. М. Ковалевского и В. П. Васильева из Монголии и Китая	97
Еланцева О. П. Монголовед Алексей Матвеевич Позднеев: по страницам эпистолярного наследия	102
Полянская О. Н. Традиции и преемственность в становлении и развитии научной школы монголоведения в России: О. М. Ковалевский, В. П. Васильев, А. М. Позднеев	115
Трубич О. А. Учебная программа как основа изучения монгольского языка в Восточном институте (конец XIX — начало XX в.)	126
Юсупова Т. И. Деятельность ученого комитета Монголии в 1920-е гг. по документам российских архивов	131
Иванов Д. В. Капитолина Васильевна Вяткина — исследователь монгольских народов и фотограф: начало этнографических изысканий	137

СОВЕТСКО (РОССИЙСКО)-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Урангуа Ж., Оюундалай. Геополитические интересы России в Северо-Восточной Азии и Монголии в начале XX в.	141
Алтанцэцэг З. Российский консульский поселок и город Улан-Батор: история и современность	151
Пунсалдулам Б. Роль русского населения в развитии земледелия Монголии в начале XX в.	160

Баярхишиг С. Российско-монгольская торговля: свободная зона Кяхта — Алтанбулаг	170
Башкуева Е. Ю. Современное гуманитарное сотрудничество Республики Бурятия с Монголией и Китаем: состояние и перспективы	177
Потапов Л. В., Жигмытов Б. Т. Стратегическое планирование российско-монгольских отношений в 2020–2035 гг. на основе истории сотрудничества Российской Федерации и Монголии	184
Цэцэгмаа Ж. Видный просветитель Жамсран Цэвээн — интеллектуальный лидер Монголии	190
Шагдурова И. Н. Роль Тункинской степной думы в процессе интеграции бурят в состав Российского государства	197

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ

Елихина Ю. И. Буддийское искусство Монголии глазами русских путешественников XIX в.	202
Ванчикова Ц. П. Хубилганы и хутухты в истории монгольского буддизма	207
Дашиева Л. Д. Звуковая картина мира тюрко-монгольских народов	213
Цыденова Л. Б. Буддийская обрядовая традиция в творчестве художника А. А. Лушникова	220
Миягашева С. Б. «Кровожадные» заговоренные стрелы в героических эпосах тюрко-монгольских народов	228
Идэрмаа Г. Разновидности похоронных обрядов современных монголов: традиции и инновации	233
Рассадин И. В. Краткий анализ оленеводства у цаатанов Монголии	247
Мясников В. Ю., Ярославцева Л. Г. Колчан монгольского времени из погребения № 1 Заха-Кундэй Заиграевского района Республики Бурятия	253

ВОПРОСЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ МОНГОЛИИ

Баярмаа Г. Из истории конфискации имущества последнего монгольского хана	258
Цыбенев Б. Д. Дауры в Монголии периода правления Богдо-гэгэна	268
Дэлгэрмаа Б. Монгольский торгово-промышленный банк (1924–1954)	272
Будбаяр И. Монгольско-германское сотрудничество в области промышленности в 1926–1931 гг.	280
Кургузов П. В. К истории формирования Ургинского отряда атамана Семенова на территории Внешней Монголии в 1918 г.	288
Дугаров В. Д. Монгольские народы в транснациональных процессах Северо-Восточной Азии XIII–XXI вв. в региональной историографии	293
Корниенко Н. Н. Образовательная и просветительская деятельность православных священнослужителей в Урге	300

Contents

THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC MONOLIAN STUDIES

Polyanskaya O. N., Damdinov A. V., Dugarov V. D. Professor D.B. Ulymzhiev (1927–2000) — a Researcher of the History of Russian Mongolian Studies	7
Kuzmin Yu. V., Vanina I. Yu. Professor D. B. Ulymzhiev (1927–2000): Scientific Heritage, Biography, Memories	14
Tulisov J. Mongolist V. L. Kotvich and The Buryats: Cooperation in the Field of Oriental Studies (Based on the Materials of Krakov and Warsaw Archives)	21
Bareya-Stazhynska A. Scientific Contacts of Professor Wladislaw Kotwicz with Buryat researchers	26
Bondar L. D., Maciuk M. Papers of the Family of Wladyslaw L. Kotwicz (1842–1944) in St. Petersburg Branch of the RAS Archive	33
Chodkowska A. The History of Polish Oriental Studies in the Materials of the Archive of Polish Academy of Sciences	42
Arvaniti J. Polish Researchers of the Mongolian Peoples	53
Heubschman A. S., Kuzmin Yu. V. Modern Mongolian Studies in Poland	66
Rumak G. V., Kurchitskiy V. V. New Documents to the Biography of Mongologist O. M. Kovalevsky (1800/1801–1878) (Based on the Materials of the National Historical Archive of Belarus in Grodno)	72
Valeev R. M., Valeeva R. Z., Martynov D. E., Sakhavova L. M. The Handwritten Dictionary “Dziennik Zatrudnien” and Materials about O. M. Kovalevsky’s Heritage from the State Archive of the Republic of Tatarstan	77
Datsyshen V. G. Synologist V. P. Vasiliev — The Participator of Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Beijing	88
Martynov D. E., Valeev R. M., Zhukov V. Yu., Kulganek I. V. A Glimpse of Mongolian and Chinese Studies in the Russian Empire of the XIXth Century: Mongolia and China Diaries and Letters by O. M. Kovalevsky and V. P. Vasiliev	97
Elantseva O. P. Mongolist Aleksey Matveevich Pozdneev: The Pages of the Epistolary Heritage	102
Polyanskaya O. N. Traditions and Continuity in Development of the School of Monolian Studies in Russia: O. M. Kovalevskiy, V. P. Vasilyev, A. M. Pozdneev	115
Trubich O. A. The Curriculum as A Basis for Studing Mongolian Language in the Oriental Institute (the Late XIX th — the Early XX th Centuries)	126
Yusupova T. I. Activities of The Mongolian Scientific Committee in the 1920s according to the Documents of Russian Archives	131
Ivanov D. V. Kapitolina V. Vyatkina — Researcher and Photographer of the Mongolian Peoples: The Beginning of Ethnographic Research	137

SOVIET (RUSSIAN)-MONGOLIAN RELATIONS: HISTORY, MODERNITY, DEVELOPMENT PROSPECTS

Urangua J., Wuyundalai. Geopolitical Interests of the Russian Empire in Northeast Asia and Mongolia in the Early 20 th Century	141
Altanetsagsag Z. Russian Consular Village and Ulaanbaatar City: History and Modernity	151
Punsaldulam B. Role of the Russian Population in the Development of Agriculture in Mongolia in the Early 20 th Century	160

Bayarkhishig S. Russian and Mongolian Trade: Kyakhta and Altanbulag Free Zone	170
Bashkueva E. Yu. Modern Humanitarian Cooperation of the Republic of Buryatia with Mongolia and China: Status and Prospects	177
Potapov L. V., Zhigmytov B. T. Strategic Planning of Russian-Mongolian Relations in 2020–2035 Based on the History of Cooperation between the Russian Federation, the Buryat Republic and Mongolia	184
Tsetsegmaa Zh. Prominent Enlightener Jamsran Tseveen — the Intellectual Leader of Mongolia	190
Shagdurova I. N. The Role of the Tunkin Steppe Duma in the Process of Integration of the Buryat People and the Russian State	197

CULTURAL HERITAGE OF THE MONGOLIAN PEOPLES: THE ISSUES AND PROSPECTS FOR STUDYING AND PRESERVING

Elikhina Yu. I. Buddhist Art of Mongolia in the Eyes of Russian Travelers of the 19th Century	202
Vanchikova Ts. P. Tulku and Khutukhtu in the History of Mongolian Buddhism	207
Dashieva L. D. Sonal Worldview of the Turco-Mongolian People	213
Tsydenova L. B. Buddhist Ritual Tradition in the Works of the Artist A. A. Lushnikov	220
Miyagasheva S. B. «Bloodthirsty» Charmed Arrows in the Heroic Epics of the Turco-Mongolian Peoples	228
Idermaa G. Funeral Rituals of Modern Mongolia: Tradition and Innovation	233
Rassadin I. V. A Brief Analysis of Reindeer Herding at the Tsaatans of Mongolia	247
Myasnikov V. Yu., Yaroslavtseva L. G. Quiver of the Republic of Buryatia of Mongolian Time from Burial No. 1 Of Zaha-Kunday of Zagraevsky District	253

ISSUES OF THE RECENT HISTORY OF MONGOLIA

Bayarma G. From The History of Confiscation of the Last Mongol Khan's Property	258
Tsybenov B. D. Dairs in Mongolia in Bogdo-Gegen Period	268
Delgermaa B. The Trade and Industrial Bank of Mongolia (1924-1954)	272
Budbayar I. Mongolian-Germany Cooperation in the Field of Industry in 1926–1931	280
Kurguzov P. V. Formation of the Urga Detachment of Ataman Semenov on the Territory of Outer Mongolia in 1918	288
Dugarov V. D. The Mongolian Peoples in Transnational Processes of North-Eastern Asia in the 13 th –21 st Centuries in Regional Historiography	293
Kornienko N. N. Educational Activity of Orthodox Priests in Urga	300

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ

УДК 94(517)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-7-13

**ПРОФЕССОР Д. Б. УЛЫМЖИЕВ (1927–2000) — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ**

© Полянская Оксана Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

E-mail: polgrab@mail.ru

© Дамдинов Алдар Валерьевич

кандидат исторических наук,

E-mail: adamdinov@gmail.com

© Дугаров Владимир Доржиевич

доктор исторических наук, профессор

E-mail: dugarovbgu@mail.ru

Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Статья посвящена научному наследию доктора исторических наук, профессора Даши Батуевича Улымжиева, работы которого освещают историю Монголии XX в. и историю российского монголоведения. История науки сегодня привлекает многих исследователей, история востоковедения представляет особый интерес в связи с актуализацией восточного направления внешнеполитического курса России. Публикации Д. Б. Улымжиева содержат биографические данные многих широко известных и малоизвестных ученых-монголоведов, через научную и педагогическую деятельность которых он прослеживает историю становления и развития научного монголоведения в России. Ключевыми работами Д. Б. Улымжиева являются монографии, посвященные казанской и петербургской школам монголоведения. Работы написаны в 1990-е гг., в них Даши Батуевич актуализировал необходимость изучения истории монголоведения, определил направления, в которых продолжили работать последующие поколения историков-монголоведов.

Ключевые слова: история монголоведения России; историография; Д. Б. Улымжиев.

PROFESSOR D.B. ULYMZHIEV (1927–2000) — A RESEARCHER OF THE HISTORY
OF RUSSIAN MONGOLIAN STUDIES

Oksana N. Polyanskaya

Cand. Sci. (History), A/Prof.

E-mail: polgrab@mail.ru

Aldar V. Damdinov
Cand. Sci. (History)
Email: adamdinov@gmail.com

Vladimir D. Dugarov
Dr. Sci. (History), Prof.
E-mail: dugarovbgu@mail.ru

Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article is devoted to the scientific heritage of a doctor of historical sciences, professor Dashi Batuevich Ulymzhiev, whose works cover the history of Mongolia in the 20th century, and the history of Russian Mongolian Studies. The history of science today attracts many researchers, and the history of Oriental Studies is of particular interest in the light of realizing the eastern course of Russia's foreign policy. D. B. Ulymzhiev's publications contain biographies of many widely known and little-known Mongolian scientists, he traced the history of development of scientific Mongolian Studies in Russia through their scientific and educational activities. Most of D. B. Ulymzhiev's works were monographs dedicated to Kazan and St. Petersburg schools of Mongolian Studies, written in the 1990s. Dashi Batuevich gave evidence of the need to study the history of Mongolian Studies, determined the directions in which subsequent generations of Mongolian historians continued to work.

Keywords: history of Mongolian Studies in Russia; historiography; D. B. Ulymzhiev.

Ученый, педагог, наставник, учитель — все это в полной мере относится к Дашу Батуевичу. Монголоведение — отрасль науки, которой он посвятил всю свою жизнь, интерес к которой он привил своим студентам, оставив после себя учеников, занимающихся вопросами истории Монголии, становлением и развитием российской школы монголоведения.

В 90-е гг. XX в. Д. Б. Улымжиев опубликовал ряд статей, посвященных отдельным исследователям-монголоведам, и две монографии: «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов» (1994) и «Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX в.: Петербургская школа монголоведов» (1997). 90-е гг. XX в. внесли серьезные коррективы в развитие российско-монгольских отношений. Необходимо было актуализировать вопрос о сотрудничестве двух государств и показать на протяжении всей истории существования этих связей, какой огромный интерес проявляла Россия к монгольским народам. Монголоведные исследования в России характеризуются своей цикличностью. Повышение интереса к этой области знаний было вызвано либо событиями, происходящими внутри Российского государства или на его внешних рубежах, либо новым этапом в складывании российско-монгольских отношений. В любом случае необходимы были глубокие знания по истории вопроса.

Каждая статья Д. Б. Улымжиева открывала для читателя малоизвестные страницы российской научной школы монголоведения, истоки которой лежат в стенах Казанского университета. Он особо подчеркивал важность открытия в Казанском университете кафедры монгольского языка (1833), что дало возможность

всесторонне изучать монголоязычные народы. Благодаря деятельности этой кафедры под руководством профессора О. М. Ковалевского университет в Казани становится основным центром монголоведения в России в первой половине XIX в. Профессор Д. Б. Улымжиев особенно подчеркивал тот факт, что «30–50-е гг. XIX в. в Казанском университете примечательны и в другом отношении. В годы ректорства Н. И. Лобачевского в университете предоставлялось право учиться “не только природным русским, но и инородцам, как то: татарам, бурятам и другим”» [1, с. 105–106]. По разрешению ректора университета Н. И. Лобачевского будущие исследователи-монголоведы из бурят — Доржи Банзаров, Галсан Гомбоев, Алексей Бобровников — обучались у профессоров О. М. Ковалевского и А. В. Попова и получили прекрасную научную подготовку. «Все эти факты свидетельствуют о том, что Казанский университет в лице своей передовой прогрессивной профессуры всячески поддерживал стремление представителей национальных окраин получить высшее образование...» [1, с. 106]. Большое внимание в своих работах Даши Батуевич уделил вкладу бурятских ученых в развитие монголоведческих исследований. Первые бурятские ученые — Д. Банзаров, А. Бобровников, Г. Гомбоев, получившие европейское образование в стенах Казанского университета, — заняли достойное место среди известных российских монголоведов. Если имя Д. Банзарова известно широкому кругу читателей, то имена остальных были известны только специалистам. Давая оценку трудам Д. Банзарова, Д. Б. Улымжиев отмечает его «бесспорные заслуги в области религиоведения, истории и культуры монголов» [1, с. 60]. Справедливо замечает, что «“Черная вера” Доржи Банзарова была написана в то время, когда еще не было сравнительного изучения религий и когда этнография как научная дисциплина делала только первые робкие шаги» [1, с. 60]. Высоко оценивает Д. Б. Улымжиев вклад А. Бобровникова в развитие российской школы монголоведения, называя его специалистом широкого профиля, в круг научных интересов которого входили наряду с монгольским и калмыцким языками монгольский фольклор, народные эпические произведения монгольских народов [1, с. 93]. «Грамматику монгольско-калмыцкого языка» А. Бобровникова он относит к «фундаментальным трудам в области монгольского языкознания» [1, с. 88]. Наследие Галсана Гомбоева в исследованиях Даши Батуевича занимает особое место. Это связано, прежде всего, с недостатком работ о научной деятельности учителя монгольского языка, ученого-ламы Галсана Гомбоева, прошедшего нелегкий путь от ламы Гусиноозерского дацана до лектора монгольского языка Санкт-Петербургского университета, известного ученого-востоковеда середины XIX в. «Нельзя сказать, что труды Галсана Гомбоева не получили признания у современников, — пишет профессор Улымжиев. — Напротив, видные востоковеды России, друзья Д. Банзаров, В. В. Григорьев, П. С. Савельев давали высокую оценку его работам. Но после нескольких некрологов, опубликованных в 1863 г. в санкт-петербургских газетах, лишь через полвека с лишним имя Галсана Гомбоева появляется в энциклопедических словарях. За годы советской власти лишь семь авторов выступили с небольшими газетно-журнальными статьями о жизни и трудах ученого. Это непомерно мало по сравнению со значением его работ» [1, с. 70]. Помимо

отдельных статей о Г. Гомбоеве Д. Б. Улымжиев подготовил и опубликовал брошюру об этом выдающемся ученом [2]. Г. Гомбоев всю свою жизнь посвятил одной цели — ознакомлению русских с народом соседней страны — монголами, их языком, памятниками культуры и поэтическими сказаниями¹. «Труды ученого-монголоведа Г. Гомбоева, особенно по источниковедению, не потеряли своей значимости до сих пор» [2, с. 30].

Следующим этапом в обобщении ученым своих научных поисков в области истории отечественного монголоведения, в которой Д. Б. Улымжиев, верный своей традиции, объединил и статьи, и очерки, посвященные развитию российского монголоведения во второй половине XIX в., стала книга «Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX в.: Петербургская школа монголоведов» (1997) [3]. Монография вызвала большой интерес у монгольских ученых. Эту работу как «внесшую достойный вклад в развитие историографии истории монголо-российских отношений» в Академии наук Монголии перевели на монгольский язык [4]. Даши Батуевич ярко рисует процесс становления Санкт-Петербурга как ведущего центра, не только отечественного, но и мирового востоковедения. Сквозь всю работу проходит мысль о том, что успешному развитию востоковедения в Санкт-Петербурге предшествовала неутомимая работа казанской школы востоковедов, которые и в формировании Петербургского востоковедного центра приняли активное участие. Так, первым преподавателем монгольского языка и заведующим кафедрой монгольской и калмыцкой словесности в Петербургском университете был назначен Александр Васильевич Попов, ординарный профессор монгольской словесности Казанского университета [3, с. 29]. Одновременно с А. В. Поповым начал преподавательскую деятельность на факультете восточных языков К. Ф. Голстунский, воспитанник Казанского университета, который, в свою очередь, пригласил Галсана Гомбоева для работы в Петербурге [3, с. 30–31]. Работы по монгольской филологии профессоров Казанского университета О. М. Ковалевского и А. В. Попова служили учебными пособиями для студентов Санкт-Петербургского университета. Одновременно с пере-

---

¹ Научные труды Галсана Гомбоева: Алтан-Тобчи: монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста истории Убаши-Хуитайджия и его войны с ойратами / пер. ламы Галсана Гомбоева. СПб., 1858; О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. СПб., 1859. Ч. IV; Арджи-Бурджи: монгольская повесть, переведенная с монгольского ламою Галсан Гомбоевым. СПб., 1858; Записка о монгольской летописи «Чухала хэрэклэчки», служившей вместе с «Алтан-Тобчи» материалом для истории Саган Сэцэна, опубл. в 1858 г. в приложении «Алтан-Тобчи» (предисл. П. С. Савельева), X–XII; Объяснения Семипалатинских древностей (ламы Галсана Гомбоева) // Известия Императорского Археологического общества. 1859. Т. 2. Вып. 4. С. 209–219; Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов // ИВИАО. СПб., 1860. Ч. 1. Вып. 5. С. 109–127; О древнемонгольском гадании по кости лопатки «Долуну-Чуга» // Труды ВИАО. СПб., 1862. Ч. 8. С. 1–61; Перевод на монгольский язык «Начатков христианского учения». СПб., 1861; Шестьдесят бурятских загадок. СПб., 1856. Т. III. С. 286–293; Шидди-кур: собрание монгольских сказок / пер. с монг. ламы Галсана Гомбоева // Этнографический сборник РГО. СПб., 1864. Вып. VI. С. 7–102.

водом ведущих преподавателей казанской школы в Петербург были отправлены почти все рукописи и восточная библиотека Казанского университета, восточный отдел нумизматики, а из типографии вывезены санскритский, тибетский и монгольский шрифты. Таким образом, «в результате слияния восточных отделений Петербургского и Казанского университетов в 1855 г. в составе профессоров и преподавателей факультета восточных языков Петербургского университета оказались крупнейшие представители отечественного востоковедения того времени — А. К. Казем-Бек, А. О. Мухлинский, В. П. Васильев, И. Н. Березин, А. В. Попов, Д. А. Хвольсон» [3, с. 26]. К середине XIX в. в Петербурге было сосредоточено огромное собрание научных трудов, созданных востоковедами не только университета, но и Академии наук, с ее Азиатским музеем, а также Русским географическим обществом, основанным в 1845 г., под эгидой которого состоялись путешествия Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, М. В. Певцова, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, В. А. Обручева в Монголию и Центральную Азию. Исследователям-путешественникам Даши Батуевич в своей работе уделяет значительное внимание [3, с. 46–61]. «Русское географическое общество с его сибирскими отделениями сыграло, несомненно, важную роль в научном исследовании Монголии и Центральной Азии» [3, с. 10].

В книге «Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX в.: Петербургская школа монголоведов» удачно освещен период развития отечественного монголоведения конца XIX — начала XX в., связанный с именами таких всемирно известных монголоведов, как А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, А. Д. Руднев, В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов [3, с. 76–106, 126–211].

Д. Б. Улымжиев значительное внимание уделяет вкладу бурятских исследователей в развитие монголоведения — выпускников Петербургского университета Гомбожаба Цыбикова, Цыбена Жамцарано, Базара Барадина [3, с. 110–117]. Кроме того, в работе рассказывается о малоизвестных деятелях из бурят, которые преподавали монгольский язык в Петербургском университете: ламе и медицинском практике из Забайкалья А. А. Бадмаеве и лекторе, а затем приват-доценте Н. Н. Доржееве [3, с. 33], что еще раз подтверждает «ценность и своевременность исследования, актуальность которого велика ныне в связи с возрастанием интереса народа к своей истории и культуре, к истории науки своего отечества. Монография вводит в широкий оборот уникальные сведения» [3, с. 5].

Выступая с докладом о развитии монголоведения на VII Международном конгрессе монголоведов, проходившем в августе 1997 г. в Улан-Баторе, Даши Батуевич с гордостью говорил о том, что «монголоведение стало сегодня признанной отраслью востоковедной науки, объединяющей ученых различных стран» [5]. Нетрудно понять значение этих слов, зная, каким сложным был путь становления монголоведения и в России, и за рубежом. Особое внимание Даши Батуевич уделил работе российской делегации на Конгрессе монголоведов, которая была представлена учеными Москвы, Улан-Удэ, Элисты, Иркутска. «Бурятию кроме научных сотрудников БИОН (Бурятского института общественных наук) представляли профессора и преподаватели Бурятского госуниверситета (БГУ), последнее свидетельствует, — писал Д. Б. Улымжиев, — что БГУ с его кафедрами и подраз-

делениями восточного, исторического факультетов и факультета бурятского языка и литературы становится одним из центров востоковедной науки» [5]. Своей исследовательской и педагогической деятельностью профессор Д. Б. Улымжиев способствовал тому, чтобы научное монголоведение развивалось и в Бурятском государственном университете. Он принимал активное участие в становлении Бурятского классического университета на базе педагогического института (БГПИ). В числе других общественных и научных деятелей республики он выступил в печати, подчеркивая важность этого мероприятия, обосновав необходимость образования в Бурятии университета не только подготовкой квалифицированных специалистов, но и успешным развитием фундаментальной науки, понимая, что университет может стать альма-матер для многих исследователей, как для него когда-то стал Ленинградский университет¹.

Д. Б. Улымжиев принадлежит к той плеяде представителей Бурят-Монголии, которые получили образование в Ленинградском госуниверситете сразу после Отечественной войны и впоследствии, став дипломированными специалистами, внесли весомый вклад в развитие науки республики и страны. 44 года своей жизни он отдал Бурятскому педагогическому институту, а затем и университету, где состоялся как ученый-монголовед и педагог. В 1969 г. доцент Д. Б. Улымжиев защитил докторскую диссертацию и был назначен заведующим кафедрой всеобщей истории БГПИ, которой руководил в течение 27 лет. Члены кафедры под его руководством защитили кандидатские диссертации. Ученики Даши Батуевича плодотворно трудятся в Бурятии, Иркутской и Читинской областях. Под его руководством три соискателя из Монголии — Д. Дашдулам, Н. Ням-Осор и Ж. Цэцэгма — защитили кандидатские диссертации.

На протяжении многих лет профессор Д. Б. Улымжиев читал спецкурсы по истории российско-монгольских отношений, истории российской школы монголоведения, прививая интерес к великому наследию народов Центральной Азии.

За многолетнюю плодотворную научную и педагогическую деятельность Д. Б. Улымжиев был удостоен званий «Заслуженный деятель науки РСФСР», «Заслуженный деятель науки Бурятской АССР». В июле 1998 г. президент Монголии Н. Багабанди вручил ученому государственную награду — орден «Полярной звезды» «за заслуги в развитии науки и научного сотрудничества между Монголией и Россией, в подготовке научных кадров для соседнего государства». В 2000 г. Даши Батуевичу был вручен орден Чингисхана, учрежденный Монгольской академией кочевой цивилизации и Институтом права «Их засаг» как признание огромных заслуг Чингисхана в истории монгольского народа. С давних времен в его честь вручались награды отличившимся на том или ином поприще.

В общей сложности профессор Д. Б. Улымжиев опубликовал свыше 200 работ по актуальным проблемам новой и новейшей истории Монголии, русско-монгольских отношений, по истории отечественного монголоведения, в том числе монографии: «Годы, равные векам» (1981), «Путь монгольского аратства» (1987), «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголо-

---

¹ За сильный самостоятельный классический университет // Бурятия. 1995. 30 марта. С. 4.

ведов» (1994), «Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX в.: Петербургская школа монголоведов» (1997), статьи и материалы о монголооведах Я. И. Шмидте, О. М. Ковалевском, А. В. Попове, Д. Банзарове, Г. Гомбоеве, А. Бобровникове.

Даши Батуевич с надеждой ожидал начало нового века, полагая, что наука в целом и монголоведение в частности займут особое место в российском обществе. Несомненно, из-под его пера вышло бы еще немало интересных работ, но, к сожалению, жить и работать в XXI в. ему было не суждено.

Работы ученого о становлении и развитии российской научной школы монголоведения вышли в 90-е гг. XX в., в период, когда в общественной жизни наблюдался интенсивный рост национального самосознания населяющих Россию народов. Восстанавливалась историческая справедливость, возвращались поруганные имена деятелей культуры и науки. По-новому осмысливались взаимоотношения народов в прошлом и настоящем, развивались и укреплялись международные связи. Появился особый интерес и к истории монголоязычных народов как к одной из интереснейших цивилизаций человечества, поэтому не случаен интерес к монголоведению как науке, славным именам, ныне почти забытым, отечественных ученых. Ответить на многие интересующие вопросы помогли труды монголоведа Д. Б. Улымжиева.

Литература

1. Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов / Бурят. гос. пед. ин-т. Улан-Удэ, 1994. 108 с.
2. Улымжиев Д. Б. Бурятский ученый-востоковед Галсан Гомбоев (1818–1863). К 175-летию со дня рождения / Бурят. гос. пед. ин-т. Улан-Удэ, 1993. 46 с.
3. Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX вв.: Петербургская школа монголоведов / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 1997. 217 с.
4. Улымжиев Д. Б. Монгол судлал. XIX зууны хоёрдугаар хагас — XX зууны эхэн үе монголч эрдэмтдийн Петербургийн дэг сургууль. Улаанбаатар, 1998. 214 с.
5. Улымжиев Д. Б. Монголоведение на рубеже тысячелетий // Правда Бурятии. 1997. 12 нояб. С. 6.

УДК 94(517)(092)
DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-14-20

**МОНГОЛОВЕД Д. Б. УЛЫМЖИЕВ:
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ, БИОГРАФИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ**

© Кузьмин Юрий Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
Байкальский государственный университет
Россия, 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: kuzminuv@yandex.ru

© Ванина Ирина Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент,
Иркутский научно-исследовательский технический университет
Россия, 664064, Иркутск, ул. Лермонтова, 83
E-mail: polina22K09@yandex.ru

Статья посвящена анализу биографии и научного наследия ученого и педагога Д. Б. Улымжиева. Описан научный вклад профессора Д. Б. Улымжиева в российское монголоведение второй половины XX в., его роль в формировании научной школы монголоведения в Бурятии. Творческая биография известного российского монголоведа дополнена личными воспоминаниями авторов. Через призму воспоминаний в статье представлены научные интересы и педагогическая деятельность ученого. Выделено два основных этапа в научной деятельности профессора Д. Б. Улымжиева: изучение непосредственно истории Монголии и история российского монголоведения. Исследования профессора Д. Б. Улымжиева и его учеников возродили традицию изучения истории российского монголоведения, которое в советский период оставалось без внимания историков и востоковедов. Современное востоковедение восстановило связь поколений, преемственность исследований. Кафедра всеобщей истории Бурятского госуниверситета под руководством Д. Б. Улымжиева сформировала «монголоведную школу».

Ключевые слова: Д. Б. Улымжиев, российское монголоведение, творческая биография, воспоминания, научная школа, историография.

PROFESSOR D.B. ULYMZHIEV (1927–2000):
SCIENTIFIC HERITAGE, BIOGRAPHY, MEMORIES

Yuriy V. Kuzmin

Dr. Sci (History), Prof.,
Baikal State University
11 Lenina St., Irkutsk 664003, Russia
E-mail: kuzminUV@yandex.ru

Irina Yu. Vanina

Cand. Sci. (History), A/Prof.,
Irkutsk Research Technical University
83 Lermontova St., Irkutsk 664064, Russia
E-mail: polina22K09@yandex.ru

The article analyzes the biography and scientific heritage of the scientist and educator D. B. Ulymzhiev. We have described the scientific contribution of Professor D. B. Ulymzhiev to Russian Mongolian Studies of the second half of the 20th century, his role in creation of the scientific school of Mongolian studies in Buryatia. The creative biography of the famous Russian specialist in Mongolian studies is completed with personal memories of the authors. The article presents the scientific interests and pedagogical activities of the scientist through the prism of memories. We have identified two main stages in the scientific activity of Professor D. B. Ulymzhiev: the study of the history of Mongolia and the history of Russian Mongolian studies. The studies of Professor D. B. Ulymzhiev and his students restored the tradition of studying the history of Russian Mongolian studies, which was ignored by historians and orientalists in the Soviet period. Modern Oriental studies has re-established generational bridge, the continuity of research. General History Department of Buryat State University under the leadership of D. B. Ulymzhiev established a school of Mongolian studies.

Keywords: D. B. Ulymzhiev; Russian Mongolian studies; creative biography; memoirs; scientific school; historiography.

Финансирование. Грант Российского фонда фундаментальных исследований 18-514-94002 МОКН_а «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия — Монголия — Китай: проблемы, противоречия, сценарии».

Имя доктора исторических наук, профессора Бурятского государственного университета Даши Батуевича Улымжиева (1927–2000 гг.) хорошо известно в российском и мировом монголоведении. Многолетняя педагогическая и научная деятельность Д. Б. Улымжиева в Бурятском государственном педагогическом институте, а затем и в Бурятском государственном университете, создание в университете монголоведной научной школы, подготовка историков и исследователей принесли ему широкую известность в России и за рубежом, особенно в Монголии.

Проведение в Улан-Удэ и Улан-Баторе международной научной конференции «Улымжиевские чтения» — это лучшее научное признание вклада профессора Д. Б. Улымжиева в монголоведение и востоковедение. Надеемся, что проведение этой конференции будет продолжаться.

Основные этапы творческой биографии профессора Даши Батуевича Улымжиева хорошо освещены в материалах конференций, публикациях его учеников и последователей. Можно согласиться с доктором исторических наук, профессором В. Д. Дугаровым, что назрела необходимость аналитического изучения трудов Д. Б. Улымжиева [4, с. 46].

Значительный научный интерес имеет вопрос о влиянии обучения студента Д. Б. Улымжиева в 1945–1950 гг. на восточном факультете Ленинградского университета на формирование его профессиональной квалификации. Кафедра истории стран Дальнего Востока — элитная кафедра Ленинградского университета, занимающаяся подготовкой востоковедов страны, прежде всего китаеведов, японистов, корееведов. На кафедре работали выдающиеся специалисты по истории Китая — профессора Г. В. Ефимов, Л. А. Березный, Г. Я. Смолин, Б. Н. Мельниченко, Б. Г. Доронин, а также востоковеды Е. Я. Люстерник, Д. И. Гольдберг, Б. И. Король. Научным руководителем кандидатской диссертации

ции Д. Б. Улымжиева был доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Геронтий Валентинович Ефимов — крупный китаевед России, специалист по новейшей истории Китая и историографии Китая. Исследованиями американской и английской историографии истории Китая нового и новейшего времени занимался профессор кафедры Лев Абрамович Березный. Историографические исследования на кафедре истории стран Дальнего Востока получили значимое признание, что способствовало формированию известной российской национальной школы. Факультет регулярно проводит историографические научные конференции, которые пользуются широкой популярностью.

Аспиранты и студенты кафедры истории стран Дальнего Востока отмечали внимательное отношение преподавателей к ним, обучение тогда носило дифференцированный характер, что было обусловлено малочисленностью студентов в группе (4–5 человек). Высокие требования к квалификации преподавателей, атмосфера научных традиций российского востоковедения позволяли студентам получить качественную профессиональную языковую, историческую и востоковедную подготовку. Студент Д. Б. Улымжиев в период обучения на восточном факультете освоил традиции российской и советской школы востоковедения.

Даши Батуевич Улымжиев опубликовал более 200 научных работ, в том числе крупные монографические исследования: «Монгольская Народная Республика строит социализм» (1959), «Годы, равные векам» (1981), «Путь монгольского народа к социализму» (1987), «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведения» (1994), «Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX в.: Петербургская школа монголоведов» (1997) [8].

Основными направлениями научной исследовательской работы профессора Д. Б. Улымжиева были новейшая история Монголии XX в., история Монгольской народно-революционной партии (МНРП) и монгольского государства социалистического периода, история кооперации в Монгольской Народной Республике, история российского монголоведения. В его творческой биографии можно выделить два основных этапа. На первом этапе своей научно-исследовательской деятельности профессор изучал вопросы истории Монголии, некапиталистического развития страны: народной революции 1921 г., антифеодальных преобразований в кочевой стране, массовой кооперации в МНР, исторической роли МНРП, народного государства. Для исторических работ данного периода характерна марксистско-ленинская методология исследований, преобладание описательности исторического материала, невысокая степень анализа и критических характеристик исторических событий и деятелей.

Второй этап научной работы профессора Д. Б. Улымжиева (1992–2000 гг.) заключался в исследовании истории российского монголоведения XIX — начала XX вв. Произошла существенная трансформация тематики исторических исследований ученого, смена методики и методологии научных работ.

При неоднократных встречах и общении с профессором Даши Батуевичем Улымжиевым обсуждались актуальные вопросы истории Монголии. Первая встреча с уважаемым ученым из Бурятии Д. Б. Улымжиевым произошла в 1980 г.

на конференции в Иркутске «Проблемы востоковедения в трудах ученых Восточной Сибири». Организатором этого научного мероприятия, положившего начало востоковедным конференциям в Иркутске, был кандидат исторических наук, доцент исторического факультета, крупный археолог, этнограф, музеевед и монголовед Владимир Вячеславович Свинин.

Запомнились скромность и сдержанность известного бурятского монголоведа Д. Б. Улымжиев дал некоторые советы и рекомендации по религиозным вопросам МНР в 1921–1940 гг., поскольку этот исторический период развития Монголии являлся предметом его научных поисков и исследования.

Во время работы над кандидатской диссертацией «Современная общественная мысль МНР об основных проблемах некапиталистического развития Монголии в 1921–1940 гг.» (1986 г.) обращался к оценкам Д. Б. Улымжиева по вопросам монгольской и российской историографии, характера монгольской революции 1921 г., сущности деятельности партии и народного государства, особенностей антифеодальных преобразований.

В 1985–1989 гг. на встречах с профессором Д. Б. Улымжиевым, успешно трудившимся тогда заведующим кафедрой всеобщей истории исторического факультета, обсуждались вопросы новых подходов к истории Монголии, учебных курсов по истории изучения Монголии. Нас сближала одна школа аспирантуры на кафедре истории стран Дальнего Востока, профессора интересовала информация о преподавателях кафедры, их работе и научных интересах. Даши Батуевич кратко рассказывал о собственных научных результатах, дарил свои статьи или книги, недавно изданные, но никогда не вступал в дискуссии или обсуждения, был очень сдержан в критических оценках истории.

Запомнилась встреча с профессором Даши Батуевичем в Улан-Баторе осенью 1989 г. В публичной библиотеке мы долго беседовали на тему российской историографии истории Монголии. Это было в период длительной научной стажировки в Монгольском государственном университете, во время которой собирался материал по монгольской и российской историографии так называемого монгольского вопроса, впоследствии ставший основой монографии «Монголия и “монгольский вопрос” в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е годы XX века)» (1997). История научного монголоведения — предмет изучения профессора Д. Б. Улымжиева, наши научные интересы пересекались в области изучения Монголии дипломатами, военными, торговцами, творческой интеллигенцией и журналистами России начала XX в., а также истории иркутской школы монголоведения [5].

В последующие годы Д. Б. Улымжиев занимался вопросами истории русского монголоведения, научного вклада крупных русских и бурятских ученых в изучение истории, монгольского языка, этнографии и культуры монгольских народов. Были опубликованы крупные исследования, посвященные Казанской и Петербургской школам монголоведения, особый интерес представляет работа о бурятском ученом-востоковеде Галсане Гомбоеве (1818–1863), опубликованная в 1993 г. [9; 10]. Профессор Д. Б. Улымжиев восстановил историю становления и развития русского монголоведения, создал в Бурятском госуниверситете

школу изучения истории востоковедения и монголоведения, положил начало преемственности в исследовании традиционных проблем истории Монголии в дореволюционной и современной России.

Большой интерес представляли публикации Д. Б. Улымжиева, посвященные истории изучения в России культуры, истории Монголии и монгольского языка. Профессор Д. Б. Улымжиев неоднократно приезжал в Иркутск на заседания Ученого совета по защите докторских и кандидатских диссертаций. Успешно защитились его ученики В. Д. Дугаров, А. В. Дамдинов, А. В. Голых, О. Н. Полянская. При поддержке Д. Б. Улымжиева защитили кандидатские диссертации многие монгольские ученые: Н. Ням-Осор, Ж. Цэцэгма, Д. Дашдулам, Д. Тумэнжаргал и другие. В Бурятском госуниверситете была создана группа исследователей, занимающихся изучением истории Монголии нового и новейшего времени, монголоведения в России в целом и в Бурятии в частности (В. Д. Дугаров, О. Н. Полянская, А. В. Голых, А. В. Дамдинов и др.). Продолжая заниматься «монгольским вопросом», изучением оценок Монголии дипломатами России, военными специалистами, русскими торговцами и монголоведами страны, получал ценную информацию из работ коллег-монголоведов Бурятского госуниверситета.

Исследования профессора Д. Б. Улымжиева и его учеников положили начало традиции изучения истории российского монголоведения, которая в советский период находилась вне внимания историков и востоковедов. Современное востоковедение восстановило связь поколений, преемственность исследований. На кафедре всеобщей истории Бурятского госуниверситета совместными усилиями Ш. Б. Чимитдоржиева, Р. Е. Пубаева, Н. В. Абаева, Д. И. Бураева, Б. О. Гатанова, Д. К. Чимитовой под руководством Д. Б. Улымжиева была сформирована «монголоведная школа».

Изучением истории российского монголоведения, проблем русско-монгольских отношений занимаются ученики профессора Д. Б. Улымжиева: доктор исторических наук, профессор Владимир Доржиевич Дугаров, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей и отечественной истории Оксана Николаевна Полянская. Профессор В. Д. Дугаров более 35 лет изучает историю Монголии нового и новейшего времени, русско-монгольские и советско-монгольские отношения, историю российского востоковедения и монголоведения. В 2004 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XX вв. (вопросы историографии)». В. Д. Дугаров опубликовал семь монографий, восемь сборников, пять учебных пособий и более 180 статей, является организатором и участником крупных международных мероприятий и форумов. Наиболее известными исследованиями профессора являются «Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XX вв. (вопросы историографии)» (2004), «Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX — начала XX вв.» (2008), «Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности — начало XX в.)» (2009), «Советско-монгольское сотрудничество в области образования и науки в современной отечественной монголоведной историографии» (совместно с Н. Ц. Сагаевым) (2014), «Российская историография истории Монголии» (2015) [3].

Изучением истории российского монголоведения в Бурятском госуниверситете успешно занимается О. Н. Полянская, опубликовавшая монографии и сборники документов об О. М. Ковалевском [7] и цикл оригинальных статей о российских монголооведах, основанный на архивных материалах, ожидается выход фундаментальной монографии по истории монголоведения в России.

Представляется интересной сравнительная характеристика творческих биографий двух известных ученых-монголоведов — Д. Б. Улымжиева и Ш. Б. Чимитдоржиева, которые прошли одну историческую школу (востоковедная в Ленинграде), параллельно изучали историю Монголии, русско-монгольских и советско-монгольских отношений.

Особого внимания заслуживает архивное и документальное наследие известного российского монголоведа Д. Б. Улымжиева, публикация эпистолярного наследия ученого позволит познакомиться с творческой лабораторией исследователя.

Вопросы российской историографии Монголии привлекают внимание молодых исследователей, о чем свидетельствуют диссертации и публикации Л. Г. Арсеньевой, А. В. Михалева, А. О. Гомбоева, И. А. Гусевой, Е. В. Нолева, А. С. Хеубшман, В. В. Куфтаревой, И. С. Даниловой, О. Н. Пушечниковой и др. Возникло новое направление историографических исследований: изучение западного монголоведения — немецкого, польского, чешского, венгерского — наряду с уже существующими исследованиями американского и британского монголоведения М. И. Гольманом [1].

Назрела необходимость перехода от изучения российской истории монголоведения на уровне описания, обзорности к анализу научной мысли в России, критической характеристике основных проблем монголоведения.

История российского монголоведения нуждается в дальнейшем аналитическом исследовании, особого внимания заслуживают спорные вопросы монголоведения, эволюция научных идей, формирование национальной школы монголоведения и особенностей региональных и местных школ. Это должно быть нетрадиционное перечисление трудов ведущих монголоведов России, а проблемное исследование развития науки. Необходимо проследить эволюцию научных взглядов на ту или иную спорную проблему и концептуальные вопросы российского монголоведения [6, с. 56]. Творческое наследие известных монголоведов — это не только серьезные научные достижения и творческие прорывы, но и иной раз ошибочные заключения, научные заблуждения, поэтому необходимо усилить элементы критичности научного анализа в историографических исследованиях. В данном контексте заслуживает внимания эпистолярное наследие известного ученого-монголоведа Д. Б. Улымжиева, важно провести сравнительный анализ вариантов публикаций и рукописных текстов, изучить подготовительную работу известного ученого.

Литература

1. Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII — середина XX в.). М.: Наука, 1988. 221 с.

2. Дугаров В. Д., Чимитова Д. К. Научное наследие профессора Д. Б. Улымжиева в современной ориенталистике // Монголоведение и глобализация в современном мире: Улымжиевские чтения-VIII: материалы междунар. науч.-практ. конф. (22–23 мая 2014 г.). Улан-Удэ: Бэлиг, 2015. С. 3–8.
3. Дугаров В. Д. Российская историография истории Монголии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. 376 с.
4. Дугаров В. Д. Аналитические исследования монголоведного историографического наследия доктора исторических наук, профессора Петровской академии наук, одного из первых кавалеров Ордена Чингис-хана Даши Батуевича Улымжиева в материалах периодической международной научной конференции «Улымжиевские чтения I–IX. 2002–2017 гг.» // Улымжиевские чтения IX. Даяаршил ба монгол судлал — 2017. (Улан-Батор, 19–20 мая 2017 г.). Улан-Батор, 2017. С. 46–59.
5. Кузьмин Ю. В. Монголия и Китай начала XX в. в оценках военных исследователей. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. 132 с.
6. Кузьмин Ю. В. Проблемы историографии российского монголоведения // Россия и Монголия: история, экономика, наука: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию установления дипломатических связей между Россией и Монголией. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. Кн. 6. С. 49–57.
7. Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (I-я половина XIX в.). Улан-Удэ, 2001. 140 с.; Ее же. Дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского 1828–1833 гг. «Дневник занятий за 1832 г.» — источник по истории народов Внутренней Азии. Улан-Удэ, 2012. 156 с.; Ее же. Монголоведение в России первой половины XIX в.: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ, 2019. 321 с.
8. Улымжиев Д. Б. Путь монгольского аратства к социализму. Новосибирск: Наука, 1987. 287 с.
9. Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведения. Улан-Удэ, 1994. 107 с.
10. Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX в. Петербургская школа монголоведения. Улан-Удэ, 1997. 216 с.
11. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833 гг.) / подготовка к изданию, предисловие, комментарии и указатели О. Н. Полянской. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 228 с.

УДК 94(517)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-21-25

**МОНГОЛОВЕД В. Л. КОТВИЧ И БУРЯТЫ: СОТРУДНИЧЕСТВО НА ПОПРИЩЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ КРАКОВА И ВАРШАВЫ)**

© **Ежи Тулисов**

Варшавский университет

Польша, г. Варшава

E-mail: j.tulisow@uw.edu.pl

Владислав Людвигович Котвич — польский ученый, профессор Санкт-Петербургского и Львовского университетов, человек очень широких горизонтов и знаний, известен миру, главным образом, как монголовед. В своем докладе коснусь лишь тех контактов польского ученого с бурятами, которые имели преимущественно научный характер. Важно рассмотреть три основных аспекта таких контактов: роль В. Л. Котвича в жизни бурятских ученых; научный вклад бурятских ученых и В. Л. Котвича; совместная научная деятельность бурятских ученых и В. Л. Котвича.

Ключевые слова: история монголоведения; архивы Польши; В. Л. Котвич; буряты; Ц. Ж. Жамцарано; Б. Б. Барадийн; Э.-Д. Ринчино; Г. Д. Санжеев.

MONGOLIST V. L. KOTVICH AND THE BURYATS: COOPERATION IN THE FIELD OF ORIENTAL
STUDIES (BASED ON THE MATERIALS OF KRAKOV AND WARSAW ARCHIVES)

Jerzy Tulisov

Warsaw University

Poland, Warsaw

E-mail: j.tulisow@uw.edu.pl

Vladislav Ludwigovich Kotvich is a Polish scientist, professor of St. Petersburg and Lviv universities, a person with wide knowledge in various fields of science, he is known in the world primarily as a specialist in Mongolian studies. The paper deals with the scientific contacts of the Polish scientist with the Buryats. We have considered three basic aspects of such contacts: the role of V. L. Kotvich in the life of Buryat scientists; scientific contribution of Buryat scientists and V. L. Kotvich; joint scientific activity of Buryat scientists and V. L. Kotvich.

Keywords: history of Mongolian studies; archives of Poland; V. L. Kotvich; Buryats; C. J. Zhamzarano; B. B. Baradiin; E.-D. Rinchino; G. D. Sanzheev.

Владислав Людвигович Котвич — специалист по культуре и языкам монгольских народов¹. Но не всех, их слишком много², обычно монголоведы сосредоточивают свое внимание на одном, редко на нескольких языках, остальными же интересуются только попутно. Так и В. Л. Котвич: не считая трудов по культуре

---

¹ Владислав Людвигович Котвич, польск. *Władysław Kotwicz*; родился 20 марта 1872 г. в Оссове (сегодня Восава, Белоруссия), умер 3 октября 1944 г. в поселке Чарный Бор под Вильно (Вильнюсом).

² По разным подсчетам, сегодня существует около пятнадцати монгольских языков.

предков нынешних монгольских народов¹, в его библиографии преобладают исследования по ойратам, особенно калмыкам [1], тогда как работы по другим народам или редки или полностью отсутствуют. Бурятам, например, посвящено только пять небольших работ:

1) Бурятский язык и литература // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1912. Т. 8. С. 680–682².

2) Буряты // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1912. Т. 8. С. 682–691³.

3) Рецензия на книгу Солбонэ Туя [П. Д.] Цветостепь. Стихи. Чита, 1922. Издание Бурмоавтупра, кн. 3 (1923), с. 181.

4) Рецензия на книгу: Турунов А. Прошлое бурят-монгольской народности. Иркутск, 1922; Ойратские известия. 1923. № 1–2. С. 175–177⁴.

5) Новая Республика (Бурят-Монгольская) // Восток. Кн. 4. С. 210⁵.

Рассматривая контакты Котвича с учеными-бурятами, будем ссылаться на следующие архивные фонды:

1. Фонд В. Л. Котвича в Краковском архиве науки, состоящем в совместном ведении Польской академии наук и Польской академии умений⁶ — (К III-19).

2. Корреспонденция В. Л. Котвича, хранящаяся в научной библиотеке Польской академии умений и Польской академии наук (Краков).

3. Личная библиотека В. Л. Котвича и хранящиеся на кафедре монголоведения⁷ Варшавского университета его разрозненные материалы⁸.

Бурятский ученый Цыбен Жамцарано (1880–1942), с которым В. Л. Котвич часто общался, был частым гостем в Монголии. В. Л. Котвича обычно держали в Санкт-Петербурге дела, поэтому монголовед очень долго Монголию знал только по книгам(!), да по письмам — официальным, которые получал как сотрудник

---

¹ См. напр. Монгольские надписи в Эрдени-дзу // Сб. Музея антропологии и этнографии при Российской АН. Пг., 1918. Т. 5. В. 1.

² В соавторстве с Б. Барадийном.

³ В соавторстве с Б. Барадийном.

⁴ Опубликовано вместе с рецензией на очерк калмыцкой истории.

⁵ К сему можно добавить изданный В. Л. Котвичем, но написанный О. М. Ковалевским, очерк «Свадебные обряды бурят» (на польском языке): «Obrzędy weselne Burjatów», Polskie Towarzystwo Orientalistyczne, Lwów, 1936.

⁶ В силу исторических причин в Польше сложились две академии.

⁷ Название «кафедра монголоведения» — условно. Имеющееся здесь в виду подразделение вуза в своей истории носило официально другие названия, как правило, длинные и при этом часто изменяемые. В настоящий момент ситуация выглядит так: Варшавский университет имеет в своей структуре факультет востоковедения. Его частью является заведение тюркологии и филологии народов Центральной Азии. В свою очередь, это заведение состоит из секции тюркологии и секции монголоведения и тибетологии. Вот именно эту последнюю будем здесь называть кафедрой монголоведения.

⁸ Можно предполагать, что эти материалы попали в Варшаву вместе с профессором М. Левицким — учеником В. Л. Котвича и первым заведующим упомянутой кафедры.

министерства финансов¹, и частным, в том числе от Ц. Жамцарано. Можно думать, что эти последние имели в его глазах особую ценность [2]. Ведь их автор был большим знатоком Монголии и при этом коллегой по университету², к которому легко было обратиться с просьбой проверить что-либо³.

Когда наконец В. Л. Котвичу удалось самому съездить в Монголию, это в большой мере было заслугой Ц. Жамцарано [2]. Правда, приглашение в Монголию выхлопотал не он⁴, но зато взял на себя целую логику поездки. Он подсказал В. Л. Котвичу, что с собой взять, где выгоднее купить лошадей и даже какой избрать путь. В планировании маршрута очень помог раздобытый Ц. Жамцарано перечень монгольских памятников, составленный по велению последнего ургинского амбана⁵. Так как В. Л. Котвич задумал свою экспедицию как поездку по следам древних культур Монголии, находка Ц. Жамцарано явилась очень кстати.

Экспедиция тронулась в путь летом 1912 г. и, конечно, в ее составе находился и Ц. Жамцарано. Он принял в ней самое активное участие. В шутку можно сказать, что он служил в экспедиции «живым дроном»: если по какой-то причине сам В. Л. Котвич не мог куда-то попасть, он посылал туда Ц. Жамцарано, и тот — ни по своей внешности, ни по языку не отличимый от местных монголов — быстро выполнял любое задание. Именно таким способом В. Л. Котвич приобрел описание интерьеров святынь Эрдени Дзу, закрытых для европейцев⁶.

Добавим, что во время описываемой экспедиции Ц. Жамцарано проводил также собственные исследования. На некоторых снимках мы видим его за записью текстов из уст разных монгольских информаторов. Однако опубликовал ли он их — неизвестно. Вскоре после 1912 г. он бросается в омут общественной деятельности: издает в Монголии газету, занимает важные посты в местном правительстве, председательствует в Бурнацкоме. Его общение с В. Л. Котвичем пре-

---

¹ После окончания учебы (1896) В. Л. Котвич начал службу в качестве чиновника министерства финансов и продолжал ее вплоть до 1917 г. Научную деятельность в университете ему суждено было начать лишь четыре года спустя (1900).

² В 1907–1908 гг. Ц. Жамцарано был лектором монгольского языка в Санкт-Петербургском университете. О контактах В. Л. Котвича с Ц. Жамцарано, см. напр. [4].

³ Свидетельство этому письма в Фонде В. Л. Котвича в Архиве науки ПАН и ПАУ (К III-19, № 243, С. 76–86) и Научной библиотеке ПАУ и ПАН (4602, Т. 2). Некоторые нашлись в монографии Котвича [2]. Надо все-таки упомянуть о том, что сообщенные там шифры писем неправильны.

⁴ Собственно говоря, никто о таком приглашении и не хлопотал. В. Л. Котвича в Монголию пригласили власти страны, в знак благодарности за помощь в переговорах с русским правительством, см. [5, с. 21–130].

⁵ Амбань — маньчжурский наместник. Поездка В. Л. Котвича состоялась через год после его изгнания и провозглашения Монголией независимости. См. «Document based on the AMBAN's LIST» [5, с. 283–290].

⁶ См. «Description of the Three {dzū} and the {Lavran} in the Erdene dzuu Monastery by Ts. Jamtsarano» [5, с. 333–362].

кращается на некоторое время¹. Оно возобновится только к тридцатым годам, когда В. Л. Котвич будет уже в Польше².

Иного рода отношения сложились у В. Л. Котвича и Элбэг-Доржи Ринчино (1888–1938)³. Ринчино тоже учился в Санкт-Петербургском университете, был на восемь лет младше Ц. Жамцарано. В области востоковедения, а точнее — в области монголоведения, являлся скорее любителем, он изучал право⁴.

Как выглядела его встреча с В. Л. Котвичем, тогда уже доцентом, доподлинно не знаем. Можно предполагать, что Э.-Д. Ринчино просто явился к нему, рассказал о своем увлечении бурятской культурой, и В. Л. Котвич, видя его рвение, решил ему в чем-то помочь. Не исключено, что это он подал ему мысль заняться записью бурятских фольклорных текстов. И такие тексты Э.-Д. Ринчино действительно собрал и издал, снова, может быть, с помощью В. Л. Котвича⁵. В. Л. Котвич по меньшей мере проверил тексты Э.-Д. Ринчино — черновик этой работы находится в его архиве⁶. Если учесть, что упомянутый труд был первой публикацией Э.-Д. Ринчино, роль, которую сыграл в его жизни В. Л. Котвич, окажется немаловажной. Это В. Л. Котвич посвятил его в тайны научной работы⁷. И вот вопрос: получил ли он что-то взамен? Как еще увидим, может оказаться, что да, но все-таки «долг» Э.-Д. Ринчино считать погашенным сложно⁸.

Итак, пора перейти к третьему пункту намеченного плана — «Равноправное партнёрство». Здесь следовало бы упомянуть всех, с кем В. Л. Котвич когда-либо совещался, вел переписку, обменивался мыслями. Но их немало... Я упомяну лишь о двоих: Базаре Барадиевиче Барадийне и Гарме Данцарановиче Санжееве.

Базар Барадиевич Барадийн (1878–1937) был, возможно, тем бурятским ученым, чьи связи с В. Л. Котвичем были самые близкие и тесные. Он был лишь на шесть лет младше В. Л. Котвича, был выпускником того же факультета и девять лет подряд его коллегой по кафедре. Стоит ли удивляться, что две из пяти своих работ о бурятах В. Л. Котвич написал вместе с ним. О тесных связях ученых свидетельствует также библиотека В. Л. Котвича, содержащая почти все работы Б. Б. Барадийна. Судя по инскриптам, они были подарены автором⁹.

---

¹ Судя по польским архивам, после 1913 г. переписка двух ученых как будто обрывается. Можно не сомневаться, что свою роль сыграла в этом Первая мировая война (1914), а затем революция (1917).

² В. Л. Котвич переехал в Польшу в 1924 г.

³ У монголов — Ринчингийн Элбэгдорж.

⁴ Учебы не окончил. Уже в двадцатые годы окончил так называемый Институт Красной профессуры.

⁵ Опубликовано в 1911 г. во втором выпуске «Сборника монголо-бурятской народной поэзии» под псевдонимом Аламжи-Мэргэн.

⁶ Фонд В. Л. Котвича в Краковском архиве науки ПАН и ПАУ, К-III-19, № 258.

⁷ Я не отрицаю, что Э.-Д. Ринчино общался и с другими монголоведами, но считаю, что самым важным для него было знакомство с В. Л. Котвичем. Хотя бы по той причине, что в то время тот заведовал кафедрой монголоведения.

⁸ Особенно если окажется, что В. Л. Котвич был причастен к предпринятой Э. Д. Ринчино реформе письма вагиндры (см. статью А. Барей-Стажинской).

⁹ Совсем недавно среди книг В. Л. Котвича был найден листок тибетского ксилографа, носящий пометку «Барадийн».

Что касается Гармы Данцарановича Санжеева (1902–1982), то он был слишком молод, чтобы лично познакомиться с В. Л. Котвичем. Когда он приехал в Ленинград, В. Л. Котвич был уже на пути в Польшу, где его ждала кафедра в университете во Львове. Но у них был общий знакомый, Борис Яковлевич Владимирцов, для В. Л. Котвича — ученик, а для Г. Д. Санжеева — учитель. Таким образом, Г. Д. Санжеев являлся как будто «академическим внуком» В. Л. Котвича. И тот, как подобает, оставался ему «дедушкой», посылал ему письма и книги. Большинство писем датируется 1939–1941 гг., когда район Вильно, где жил В. Л. Котвич, попал под советскую оккупацию¹.

Судя по письмам Г. Д. Санжеева, В. Л. Котвич охотно поддерживал переписку. Он как раз окончил свою работу «*Studia nad językami altajskimi*»² и был рад обсудить поднимаемые в ней вопросы.

Таким образом, подтверждается то, что В. Л. Котвич был связан с научным миром Бурятии. Всякий контакт обогащает обе стороны. А если это так, то ни В. Л. Котвич не был «должником» Ц. Жамцарано, ни Э.-Д. Ринчино — В. Л. Котвича, все принесли друг другу пользу. Иногда это был просто стимул к работе, а иногда совет, информация, конкретная помощь. Э.-Д. Ринчино, который нам кажется «должником» В. Л. Котвича, мог сослужить ему службу как информатор³.

Литература

1. Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. СПб.: Тип. Имп. АН, 1905; Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Пг.: Типо-Лит. А. Ф. Маркова, 1915; Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.: [I-III] // Изв. Российской АН. Пг., 1919–1921. № 12-15, С. 791–822, 1071–1092, 1199–1214.
2. Котвич В. Из эпистолярного наследия / под ред. Ч. Дашдаваа, Ц. Цолмон, Д. Наранжаргал, Ц. Цогзолмаа. Улаанбаатар: Бемби сан, 2011.
3. Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам / ред. Н. А. Баскаков; пер. с польск. А. И. Толкачева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
4. Полянская О. Н. Сотрудничество В. Л. Котвича и Ц. Ж. Жамцарано в изучении монгольских народов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 77–87.
5. In the Heart of Mongolia. 100th Anniversary of W. Kotwicz's Expedition to Mongolia in 1912 (Studies and Selected Source Materials) / Jerzy Tulisow, Osamu Inoue, Agata Bareja-Starzyńska, Ewa Dziurzyńska eds. Polska Akademia Umiejętności. Cracow, 2012. С. 21–130.

---

¹ Письма в Библиотеке ПАУ, No. 4600/1, 4603/3.

² Рус. пер.: [5]

³ Среди многих публикации, составляющих библиографию В. Л. Котвича, обращает внимание труд *Le dialecte tongous de Bargouzine. Matériaux recueillis par D. Rinčino*. Wilno, 1932. Странно, что Э. Д. Ринчино не проявлял интереса к тунгусам и их диалектам. Тем временем В. Л. Котвич, будучи не только монголоведом, но и широкомасштабным алтаистом, уделял им много внимания. И я почти уверен, что эти материалы были собраны именно по его просьбе. Хотя он сам об этом не пишет...

УДК 94(517)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-26-32

НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ МОНГОЛОВЕДА ВЛАДИСЛАВА КОТВИЧА С БУРЯТСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

© **Агата Барея-Стажиньска**

доктор гуманитарных наук,

Варшавский университет

Польша, г. Варшава

E-mail: agata.bareja@ee.pw.edu.pl

Профессор В. Л. Котвич в качестве наставника направлял молодых ученых для полевых исследований в регионы, населенные монголами, бурятами и калмыками. Среди учеников В. Л. Котвича были в дальнейшем известные бурятские ученые и общественные деятели: Ц. Жамцарано, Б. Барадийн, Э.-Д. Ринчино, Б. Вампилон. Известно, что ученые, изучающие определенный этнос и их культуру, часто сочувствуют представителям изучаемых народов и даже участвуют в различных мероприятиях, становясь «ангажированными исследователями» (Engl. „engaged scholar”). В этом отношении контакты Владислава Котвича с бурятами можно разделить на два основных этапа: Октябрьская революция 1917 г. и период после нее.

Ключевые слова: монголоведение; В. Л. Котвич; монгольские народы; А. Доржиев; Ц. Жамцарано.

SCIENTIFIC CONTACTS OF PROFESSOR WLADISLAW KOTWICZ WITH BURYAT RESEARCHERS

Agatha Bareya-Stazhynska

Doctor of Humanities,

Warsaw University

Warsaw, Poland

E-mail: agata.bareja@ee.pw.edu.pl

The article is a continuation of the speech of Jerzy Tulisov, who briefly presented information on the contacts of Wladislaw Kotwicz (1872–1944) with Buryat scientists. The article based on the materials of the Science Archive of Polish Academy of Sciences and Polish Academy of Skills (Krakow) reveals the mentor's role of Professor W. L. Kotwicz, who sent young scientists for field research to the regions, populated by Mongols, Buryats and Kalmyks. Well-known Buryat scientists and public figures Ts. Zhamtsarano, B. Baradiyin, E.-D. Rinchino, B. Vampilon Among were W. L. Kotwicz's students. It is known that scientists studying a particular ethnic group and its culture often sympathize with the representatives of the peoples studied and even participate in various activities, becoming "engaged scholars". In this regard, Wladislaw Kotwicz's contacts with the Buryats can be divided into two main stages: the October Revolution of 1917 and the period after it.

Keywords: Mongolian studies; W. L. Kotwicz; the Mongolian peoples; A. Dorzhiev; Ts. Zhamtsarano.

Профессор Владислав Котвич, как и большинство ученых-монголистов, имел многочисленные контакты с представителями монгольского мира. Сохранились

протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии [1, с. XXXI; 2; 3; 15], свидетельствующие о том, что В. Котвич ходатайствовал о выплате пособий для командированных на Восток Ц. Жамцарано, Б. Барадийна, Э.-Д. Ринчино, В. А. Михайлова, Б. Е. Петри и Б. Вампилуна, в том числе на территорию современной Бурятии, или для обработки собранных там материалов [1, XXXI–XLVIII]. Благодаря лекциям по монгольскому языку в университете Санкт-Петербурга, а также по калмыцкому и маньчжурскому языкам и литературе он встречался со студентами бурятского происхождения [2; 3; 4]. Даже если они не были слушателями курсов по востоковедению, они поддерживали связь с профессором Котвичем, например Элбэг-Доржи Ринчино. Некоторые из них получали поддержку профессора в своих проектах. Об интересе к изучению и преподаванию бурятского языка свидетельствует сохранившееся наследие профессора Котвича — его фонд в архиве науки Польской академии наук и Польской академии умений: объявление о выступлении Жамцарано в 1907 г. или монгольские программы в университете Санкт-Петербурга, в которые включалось изучение монгольских диалектов, в том числе и бурятского¹. Кроме того, работа Владислава Котвича в министерстве финансов также приводила к контактам с бурятами и способствовала деятельности, связанной с регионами проживания бурят.

В конце XIX и в начале XX в. буряты не только стали одной из наиболее образованных народностей царской России, но и все больше осознавали свою этническую самобытность. Одним из важнейших его элементов был бурятский язык и письменность. На протяжении веков буряты, как и монголы Внешней (Халхи) и Внутренней Монголии, использовали классическую монгольскую письменность. Она не передавала фонетику ни одного из монгольских диалектов, поэтому служила общей платформой, объединяющим элементом всех монголов. Следует отметить, что буряты не были однородной группой (лингвистической, по причине диалектальных различий; конфессиональной: буддизм, шаманизм, православие и т. д.), поэтому внутренние разделения оказали влияние на концепции записи языка. Кроме монгольской письменности в 1905 г. появляется «новый алфавит», названный «письмом Вагиндра»² — от монашеского имени его создателя, бурятского буддийского деятеля Агвана Доржиева³ (1854–1938).

Стоит отметить многолетнее знакомство Владислава Котвича с Агваном Доржиевым [4]. Агван Доржиев был известной фигурой — посланник тибетского Далай-ламы царю России, посредник в российско-тибетских дипломатических отношениях и, более того, человек, обвиняемый в шпионаже против Великобритании. Он получил образование в Тибете и титул хамбо-ламы. Агван Доржиев верил в возможность тибетско-российского союза и поддержки монголам со сто-

---

¹ Архив науки ПАН и ПАУ. Ф. В. Л. Котвича. К III-19. № 147.

² На санскрите *вагиндра* относится к первой части религиозного имени Агвана Доржиева — Агван, Тиб. Ngag dbang. Буквально означает «Господь речи», а также является эпитетом бодхисаттвы Манджушри, эманацией мудрости. Свою биографию в Монголии Агван Доржиев также подписал именем Вагиндра, см. [4].

³ Отметим, что в Википедии (https://en.wikipedia.org/wiki/Vagindra_script) указана ошибочная таблица знаков алфавита, например знаки для *и* и *п*.

роны России. Он побывал в Западной Европе (Франция, Италия, Германия, Великобритания), а также во многих азиатских странах (Монголия, Индия, Китай, Япония, Цейлон). Автобиографии, написанные на монгольском и тибетском языках, показывают только самые важные факты о жизни бурятского священнослужителя и политика. Письма Агвана Доржиева к Котвичу, хранящиеся в Архиве науки ПАН и ПАУ в Кракове, свидетельствуют об их большой близости, хотя они показывают лишь фрагменты, наверное, более богатой переписки.

Неизвестно, когда произошло знакомство Владислава Котвича и Агвана Доржиева, который приехал в Санкт-Петербург в 1898 г. с намерением создать буддийский храм. Благодаря знакомству с князем Ухтомским, любителем Востока, бурятский лама вскоре был представлен царю, что облегчило его дальнейшие контакты с русскими политиками и иными влиятельными кругами. Он также встретил ученых-востоковедов, которые часто сочувствовали идеям буддизма. С 1905 г. он поселился в Петербурге¹.

Возвращаясь к вопросу о бурятском алфавите, следует отметить, что, по сравнению с классическим монгольским алфавитом, было введено много диакритических знаков, которые устраняют полифонию и учитывают реальное произношение (например, длинные гласные). Кроме того, были исключены три разных варианта записи одного и того же звука в зависимости от его положения в слове, что облегчало изучение букв. Также были введены знаки, позволяющие записывать русские слова, в том числе, например, смягчение, что было важно в контексте русских заимствований в бурятских диалектах, а также двуязычной ситуации бурят. В своем исследовании Д. Кара указывает на Цыбена Жамцарано как на человека, поддерживающего Агвана Доржиева в создании новой письменности [6]: в рукописи Жамцарано о новом алфавите, датированной 31 октября 1905 г. (рукопись хранится в Санкт-Петербурге в фонде Жамцарано) есть запись: «мы [Агван Дорджеев и я] создали...» [7]. Легко заметить, что в вагиндре используются приемы, известные из «ясного письма» ойратского Зая Пандиты, которое использовалось западными монголами, включая калмыков. В 1915 г. в Петербурге благодаря работам Л. Нармаева и Номто Очирова под руководством Владислава Котвича была создана улучшенная версия этого (ойратского) алфавита [8]. Тем не менее нет никаких свидетельств возможного вклада Владислава Котвича в создание вагиндры. Можно предположить, что знающие профессора Агван Доржиев и Цыбен Жамцарано могли консультироваться с ним по некоторым вопросам. В вышеупомянутых автобиографиях Агвана Доржиева нет упоминания о создании алфавита.

Алфавит вагиндра был распространен в публикациях издательства «Наран», основанного Агваном Доржиевым. В редакционном совете числились Цыбен Жамцарано, Б. Д. Очиров, Андрей Д. Руднев и Владислав Л. Котвич. Об участии Котвича в этом проекте свидетельствуют документы из Архива науки ПАН и ПАУ

---

¹ Санкт-Петербургский дацан / The Saint-Petersburg datsan. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 9.

в Кракове¹ и несколько публикаций издательства «Наран» в его коллекции, сохранившейся до наших дней в Варшавском университете. Известно, что Ринчино и Амагаев, учитель из деревни Бохан [12]², стали участвовать в распространении алфавита вагиндры после 1908 г. Ринчино под псевдонимом Аламжи Мэргэн опубликовал в 1911 г. образцы народной поэзии бурят³.

Через несколько лет Агван Доржиев перестал работать над распространением алфавита. Возможно, причиной были затруднения в его массовом распространении (за основу был выбран не конкретный диалект, а довольно произвольная комбинация диалектов), получении средств на публикации, строительство храма самим автором, а также разногласия между самими бурятами, является ли созданное новое письмо подходящим средством коммуникации. В то же время началось использование кириллицы и латинского алфавита. Некоторые исследователи также указывают на возможное участие Российского государства в предотвращении распространения алфавита [5]⁴.

Что касается контактов Агвана Доржиева и Владислава Котвича, то стоит упомянуть, что именно лама попросил Котвича⁵ помочь монгольской секретной дипломатической миссии, когда она появилась в России в 1911 г., чтобы поддержать идею освобождения Монголии от маньчжурского правления. По-видимому, Владислав Котвич знал о важности этой миссии, потому что он немедленно отреагировал и оказал помощь монгольским посланникам в качестве переводчика делегации, а также организовал необходимые встречи благодаря своим связям со времен работы в министерстве финансов. Если он отреагировал на короткую записку хамбо-ламы, это означает, что их контакты были достаточно близкими, а подробного объяснения этого вопроса не требовалось.

Деятельность Владислава Котвича на благо монголов в России, в том числе в первую очередь бурят и калмыков, видна на примере строительства буддийского храма в Санкт-Петербурге в Старой Деревне на ул. Благовещенская, 15. Проект хотя первоначально был принят царем в 1900 г. и окончательно одобрен в 1909 г., не вызвал симпатий некоторых россиян, вызвал много споров и даже угроз со стороны

---

¹ Фонд В. Л. Котвича, К III-19, № 160: Протоколы издательства «Наран» с 1907 г., рядом с Владиславом Котвичем указываются имена Ц. Жамцарано, Б. Д. Очирова и А. Д. Руднева, а также список публикаций издательства «Наран» в алфавите Вагиндры. Бато-Далай Очиров (1875–1913) бурятский общественный и полит. деятель, один из основателей О-ва просвещения бурят (1909), пред. съезда рус. крестьян и бурят в Чите (1911) [9]. Скончался в 1913 г. Его смерть тоже могла повлиять на прекращение распространения алфавита.

² Копию этой публикации можно найти в Библиотеке монголистики и тибетологии факультета востоковедения Варшавского университета.

³ Аламжи Мэргэн во втором выпуске «Сборника монголо-бурятской народной поэзии» в 1911 г.

⁴ Интересно, что после 1910 г., когда Жамцарано был отправлен в Монголию, деятельность по продвижению письма вагиндры практически прекратилась [5, с. 84, сноски 20].

⁵ Фонд В. Л. Котвича, К III-19, № 241, письмо 13.08.1911 Агвана Доржиева Котвичу.

консервативных православных кругов¹. Некоторые востоковеды с протибетскими либеральными взглядами и симпатиями решительно поддерживали строительство. Котвич также хорошо понимал духовную потребность буддистов, в основном бурят и калмыков, иметь собственный храм в столице. Он был членом комитета по строительству храма² и активно поддерживал необходимую работу.

Деятельность Котвича в этой области подтверждается перепиской с Агваном Доржиевым с 1912 г. и фотографиями, хранящимися в наследии В. Котвича в Архиве науки в Кракове. Как и в случае других писем, есть краткое сообщение по важным вопросам, таким как получение адекватной финансовой поддержки для продолжения строительства храма³. В архиве представлены фотографии, на которых показаны этапы строительства здания и обустройства его интерьера⁴. Первые религиозные церемонии состоялись 21 февраля 1913 г. по случаю 300-летия Дома Романовых [14, с. 69], а торжественное открытие состоялось в 1915 г.

Известно также участие Владислава Котвича с 1914 г. в качестве члена комитета Забайкальских бурят (КЗБ), в том числе в деятельности (вместе с Ф. И. Щербацким, А. Рудневым и Талько-Гринцевичем) Комитета по надзору за учреждением петроградского бурятского лазарета для раненых и больных солдат № 245⁵, действующего с 1915 г.

После революции 1917 г. положение ученых и их бурятских друзей немного изменилось. Владислав Котвич продолжал работать в реорганизованном университете, а с осени 1920 г. он возглавил Петроградский институт восточных языков, где продолжил преподавать монгольский язык, а также другие дисциплины по монголоведению. Он больше не работал в министерстве финансов, с 1918 г. он был доцентом, занимал научную должность и, очевидно, пользовался доверием новых властей, которые дали ему руководящую должность.

Он по-прежнему проявлял живой интерес к судьбе бурят, о чем также свидетельствуют сохранившиеся в Архиве науки в Кракове материалы о создании Автономной Республики Бурят-Монголия и небольшие фрагменты прессы⁶. В 1922 г. Бурятский комитет по вопросам бурятской культуры обратился к Владиславу Котвичу, ректору Института живых восточных языков, с просьбой о помощи, особенно по вопросам создания учебников и книгопечатания⁷.

---

¹ Он цитируется Агваном Дорджеевым в его автобиографии на монгольском языке, см.: Цендин А. Д. (изд.) Занимательные заметки, 2003, оригинал текста ff. 10a-10b.

² Члены комитета: В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург, князь Е. Е. Ухтомский, В. Котвич, А. Д. Руднев, Ф. И. Щербацкой, врач тибетско-монгольской медицины П. Бадмаев, П. Козлов, Д. Клеменц, калмыцкие князья Дугаровы, Тюмени, отец и сын Тундутовы, архитектор Г. Б. Барановский, инженер Н. М. Березовский, художники Н. К. Рерих и В. Шнайдер.

³ Фонд В. Л. Котвича, К III-19, №, j.a. 241. См. [13].

⁴ Там же, фотографии № 14626, 14633, 14634.

⁵ Там же, № 160.

⁶ Проект Бурятской Автономии. Архив Науки ПАН и ПАУ, Фонд В. Л. Котвича, К III-19, № 160. Газетные вырезки о бурятах, в том числе «К вопросу об образовании Автономной Бурятской Республики», № 67.

⁷ Фонд В. Л. Котвича, К III-19, №. 160.

Наступали трудные времена. Некоторые из знакомых и сотрудников Котвича погибли во время Первой мировой войны или после революции; счастливые времена частых встреч Владислава Котвича с бурятским ламой Агваном Доржиевым и калмыцким адвокатом и фольклористом Номто Очировым в доме калмыцкого князя Тундутова сохранились только в памяти их близких¹. Номто Очирова арестовывали несколько раз. Князь полковник Данзан Тундутов был арестован и казнен в 1923 г. Опасность также зависла над Агваном Доржиевым, который был внезапно арестован² по возвращении из Калмыкии [13, с. 49]. Из автобиографии мы знаем, что он подкупил охранника и отправил сообщение о своем положении Владиславу Котвичу. Последний, в свою очередь, активизировал окружение друзей-востоковедов, во главе которых стояли Ольденбург, Щербацкой и Владимирцов, и на этот раз им удалось убедить власти в невинности Агвана Доржиева, прежде всего в его недостаточном участии во внутриполитической деятельности и в решении исключительно тибетских вопросов и буддийских учений.

Владислав Котвич, несмотря на растущий научный авторитет в Советской России — в 1923 г. он получил звание профессора, а в 1924 г. избран корреспондентом Академии наук СССР, — решил репатриироваться в Польшу, где он занял кафедру Дальнего Востока в Университете Яна Казимира во Львове. В Польше бурятская среда была немногочисленной. Владислав Котвич, вероятно, имел контакты с врачом Владимиром Бадмаевым, хотя нет никаких документов о том, насколько близки были их контакты³.

Из-за отдаленности и политической ситуации контакты Владислава Котвича с бурятами в Советской России ослабли. Его бывшие студенты и знакомые выполняли важные функции в бурятской и советской власти, особенно в области науки: Барадин, первый председатель Бурятского монгольского научного комитета, работал в Институте востоковедения Российской академии наук в Ленинграде, где также работал Цыбен Жамцарано. Агван Доржиев занимался реформацией буддизма, чтобы позволить этой религии выжить в СССР. К сожалению, сталинские чистки ударили их со всей силой: в 1937 г. Агвана Дорджеева и Цыбена Жамцарано обвинили в управлении международным заговором, а их друзей, таких как Барадин, — в участии в этой деятельности. Они были приговорены к высшей мере наказания или умерли в 1937–1938 гг.; Жамцарано умер в заключении в 1942 г. Точно так же, несмотря на участие в коммунистическом движении как в Бурятии, так и в Монголии, Ринчино обвинили в панмонголизме в 1938 г. Можно предположить, что новости о трагической судьбе его бурятских друзей явились сильным ударом для профессора Котвича. Вскоре разразилась Вторая мировая война, и его собственное положение стало сложным. Однако он избежал рас-

---

¹ А также в памяти других современников, которые дожили до настоящего времени. О тесных контактах Номто Очирова, Агвана Доржиева и Владислава Котвича рассказала мне племянница Н. Очирова Нина Санджариковна Уланова 2 декабря 2018 г.

² В автобиографии дата ареста не указана [14, с. 80].

³ В записной книжке В. Котвича записан адрес доктора Владимира Бадмаева в Варшаве. Фонд В. Л. Котвича. К III-19. № 234.

правы с польскими профессорами во Львове в июле 1941 г. и оказался в своем имени в Черном Бору на оккупированной Литвой территории. Он умер в 1944 г.

Подводя итог, можно констатировать, что, несмотря скудность бурятской тематики в интеллектуальном наследии профессора, бурятские связи сопровождают всю его деятельность — научную, социальную и чисто человеческую. Называемый некоторыми поляками (Талько-Гринцевич) одиночкой, Котвич, очевидно, хорошо ладил с монголами, особенно с бурятскими друзьями. Цыбен Жамцарано, Агван Доржиев или Базар Барадин принадлежали к группе его близких соратников и корреспондентов.

Литература

1. Bibliografia Władysława Kotwicza / ред. М. Kotwiczówna. Rocznik Orientalistyczny 1953. Т. 16. С. XXXI.
2. Полянская О. Н. Сотрудничество В. Л. Котвича и Ц. Ж. Жамцарано в изучении монгольских народов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 25, № 3. С. 140–147.
3. Полянская О. Н. Научное монголоведение в России на рубеже XIX–XX вв. В. Л. Котвич (1872–1944) // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX в. 2016. Кн. 7, ч. 1. С. 267–278.
4. Агван Доржиев. Занимательные заметки вокруг света (автобиография) / пер. и ред. А. Д. Цендина. М.: Восточная литература, РАН, 2003. Оригинал к. 15а33.
5. Dugarova-Montgomery Y.-Kh., Montgomery R. The Buriat Alphabet of Agvan Dorzhiev // Mongolia in the Twentieth Century: Landlocked Cosmopolitan / ed. Stephen Kotkin and Bruce A. Elleman, Armonck. New York: Sharpe, 1999. P. 79–98;
6. Stanisław Godziński. Pisma używane przez Mongołów dawniej i współcześnie // Przegląd Orientalistyczny. 1971. 2(78). С. 141–152.
7. Ėndonzhamt̆s̆yn Zhanchiv and Gonchigiin Gantogtokh (Sharaid). Vagindra usgiin dursga-luud [Monuments in Vagindra script]. Corpus scriptorum VIII. Ulaanbaatar: Udam Soël, 2010.
8. Otgonbayar Chuluunbaatar. *Einführung in die mongolischen Schriften*, Einführungen in fremde Schriften, Buske. Hamburg, 2008. S. 55.
9. Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, 1972. С. 167. Цит. по: Dugarova-Montgomery Y.-Kh., Montgomery R., 1999. С. 84.
10. Калмыцкий букварь / сост. Л. Нармаев и Н. Очиров при участии Вл. Котвича. Пг.: Типо-лит. Б. Авидона, 1915.
11. Тумунов Ж. Т., Очиров Б.-Д. Энциклопедия Забайкалья [Электронный ресурс]. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3725> (дата обращения: 10.04.2019); Андреев В. Очиров Бато-Далай (деятели) [Электронный ресурс]. URL: <http://soyol.ru/personas/figures/708> (дата обращения: 10.04.2019).
12. Новый монголо-бурятский алфавит / сост. Н. Амагаев и Аламжи Мэргэн. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1910.
13. Bareja-Starzyńska A. Dalai Lama's Representative Agvan Dorjiev and Altaist Professor Władysław Kotwicz: letters of 1912 // *Trails of the Tibetan Tradition. Papers for Elliot Sperling / Roberto Vitali* (ed.), Amnye Machen Institute. Dharamsala, 2014, С. 47–62.
14. Андреев А. Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2012. С. 80.
15. Полянская О. Н. Professor Wladyslaw L. Kotwicz and the Russian Committee of Central and East Asia Research = Профессор Владислав Котвич и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Rocznik Orientalistyczny. 2014. Т. LXVII, zeszyt 1. С. 196–202.

УДК 94(093)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-33-41

**ДОКУМЕНТЫ СЕМЬИ ВЛАДИСЛАВА ЛЮДВИГОВИЧА КОТВИЧА (1842–1944)
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ФИЛИАЛЕ АРХИВА РАН**

© **Бондарь Лариса Дмитриевна**

кандидат исторических наук, ученый секретарь,
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 1
E-mail: L007@list.ru

© **Матюк Марцин**

преподаватель,
Группа краковских экономических школ № 1
Польша, Краков
E-mail: maciuk.marcin@wp.pl

В личном фонде российско-польского монголоведа Владислава Людвиговича Котвича (1842–1944) в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится дело, в котором собраны разнообразные биографические документы фондообразователя, большая часть которых касается его семьи. Документы охватывают период времени с 1836 по 1923 г., в них содержатся сведения об именах и годах рождения (иногда также смерти) четырех поколений ближайших родственников В. Л. Котвича: деда Матеуша Котвича, бабушки Доминики Котвич (Овчарской), отца Людвиг Ксаверия Алоизия Станислава Котвича, матери Агафии Мартиновны Котвич (Войшвилло), братьев — Петра Людвиговича (сохранились сведения об образовании и профессиональной фармацевтической деятельности П. Л. Котвича), а также его жены — Геновефы (Женевьевы) Рокуйзо, и Станислава Людвиговича Котвича, сестры Болеславы Вильгельмины Котвич, супруги Екатерины Петровны Котвич (Корсак), отца супруги Петра Корсака, матери супруги Эмилии Фомичны Корсак (Виллямович), дочери Марии Владиславовны Котвич. Неидентифицированными осталось несколько личностей, официальные биографические документы которых сохранились среди бумаг В. Л. Котвича. Документы сообщают также адреса семьи в Вильне и Витебске.

Ключевые слова: В. Л. Котвич, документы семьи; родители; братья и сестры; семья; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

PAPERS OF THE FAMILY OF WLADYSLAW L. KOTWICZ (1842–1944) IN ST. PETERSBURG
BRANCH OF THE RAS ARCHIVE

Larisa D. Bondar

Cand. Sci. (History), Scientific Secretary,
St. Petersburg Branch of the RAS Archive,
1 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: L007@list.ru

Maciuk Marcin

Lecturer,
Group of Economic Schools No. 1 in Krakow,
Krakow, Poland
E-mail: maciuk.marcin@wp.pl

In the personal papers of the Russian-Polish Mongolia researcher Wladyslaw Ludwigoich Kotwicz (1842–1944) in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, is stored a variety of biographical documents of W. L. Kotwicz, most of which are papers of his family. The documents cover the period from 1836 to 1923 and their content (together with the information from the scientific academic archive in Krakow) reveals to us the names and years of birth (in some cases — of death) of four generations of the closest relatives of W. L. Kotwicz: grandfather Mateusz Kotwicz, grandmother Dominika Kotwicz (Owczarska), father Ludwik Ksawery Aloizy Stanislaw Kotwicz, mother Agata Martinovna Kotwicz (Wojszwillo), brothers — Petr Ludwigoich (there is also information about the education and professional pharmaceutical activities of P. L. Kotwicz, as well as his wife — Genowefa Rokujzo) and Stanislaw Ludwigoich Kotwicz, sister Boleslawa Wilgemina Kotwicz, wife Ekaterina Petrovna Kotwicz (Korsak), wife's father Petr Korsak, wife's mother Emilia Fomichna Korska (Willamowicz), daughter Maria Wladyslawovna Kotwicz. We have also the addresses of the family in Wilno and Vitebsk.

Keywords: V. L. Kotwicz; family documents; parents; brothers and sisters; family; St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Российско-польскому монголоведу, жизнь и деятельность которого связана с Россией, Литвой и Польшей, Владиславу Людвиговичу Котвичу (*Władysław Kotwicz*; 1872–1944) посвящен целый ряд публикаций, освещающих все стороны его научной биографии. Нам хорошо известна история его «научной семьи»: учителя — монголоведа О. М. Ковалевского и учеников (Б. Я. Владимирцов [6], С. А. Козин; М. Левицкий — из поляков; Ц. Д. Номинханов — из калмыков; Б. Ринчэн — из монголов) [2, с. 142; 3, с. 108; 4; 5; 7, с. 126–127; 9]. Однако, несмотря на то, что опубликованы обзоры фонда В. Л. Котвича, поступившего в 1947–1950 гг. в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН)¹ из Караимского историко-этнографического музея Вильнюса, Ленинградского института востоковедения АН СССР и лично от востоковеда И. Ю. Крачковского [1; 2]², материалам о его семье, сохранившимся среди личных бумаг ученого, специального внимания не уделялось. Также документы хранятся в СПбФ АРАН и большая их часть включена в архивное дело «Биографические материалы»³. В основном это метрические, а также нотариальные документы по действиям с недвижимостью.

Имена родителей В. Л. Котвича содержит метрическая выписка о его крещении 20 апреля 1872 г. в Оссовском⁴ римско-католическом приходе⁵. Кроме точ-

---

¹ Другая значительная часть архивного наследия В. Л. Котвича находится в Научном архиве Польской академии наук и Польской академии знаний в Кракове (НА ПАН и ПАЗ) [Archiwum Nauki PAN i PAU (AN PAN i PAU). *Władysław Kotwicz*. K III–19], в ней также имеются документы семьи.

² Эпистолярные документы представлены также в публикации А. Барей-Стажинской [8].

³ СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20

⁴ Деревня Осовье (польск. *Ossowo*), названная так по реке Осовка (польск. *Osówka*) в Виленской губернии (19 верст от Лиды и 71 верста от Вильны), в настоящее время территория Республики Беларусь, Гродненская область.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 55; на обороте имеется черновик заявления В. Л. Котвича о зачислении на восточный факультет Петербургского университета, в котором, в частности, сообщается об окончании им Второй Виленской гимназии (1890 г.).

ной даты рождения Владислава Людвиговича — 20 марта 1872 г. — мы узнаем имя его матери — Агата (Агафья), урожденная Войшвилло. Значительно позднее ее имя еще раз упоминается в документе, выписанном 27 ноября 1923 г., когда В. Л. Котвич переезжал с семьей в Польшу, а его матери — Агафии¹ Мартиновне Котвич, которой на тот момент исполнился 81 год, был выдан витебской милицией вид на жительство в РСФСР до 27 мая 1923 г.² Еще один документ этого времени — официальное письмо (на польском языке) от 4 декабря 1924 г. от польского отдела по вопросам репатриации в Минске, касающееся разрешения на вывоз в Польшу вещей Агаты Котвич (*Agaty Kotwiczowej*)³. Документы, содержащие информацию о прибытии в Польшу А. М. Котвич, и ее переписка с сыном хранятся в Научном архиве Польской академии наук и Польской академии знаний. А. М. Котвич умерла в 1932 г. и была похоронена в семейной усыпальнице в Вильне⁴.

С семьей матери В. Л. Котвича связан еще один документ. Это завещание, составленное 7 июня 1914 г. Аделей Мартыновной Янушевской, урожденной Войшвилло, проживавшей в Вильно на ул. Татарской, д. 3. Очевидно, это родственница матери В. Л. Котвича, очень вероятно — сестра. В завещании Адели Янушевской упомянуты две ее незамужние сестры — Елена и Антонина Мартыновны Войшвилло, а также брат — Чеслав Мартынович⁵.

Имя отца В. Л. Котвича Людвиг (Людвик) Ксаверий Алоизий Станислав Котвич — помимо метрики на это указывают также официальные документы, в частности, приписные свидетельства о воинской повинности, где отчество Владислава Котвича звучит как «Людвиков Ксаверьев Алоизиев Станиславов»⁶. Дополнительные сведения об отце (и еще одном поколении предков) В. Л. Котвича дает выписка из метрических записей 1836 г. оранского римско-католического прихода⁷. Людвик Ксаверий Алоизий Станислав (*Ludwik Ksawery Aloizy Stanisław*) родился 16 июня 1836 г. в дворянской семье, его отец (дед В. Л. Котвича) носил имя Матеуш (*Mateusz*), а мать (бабушка В. Л. Котвича) — Доминика, урожденная Овчарская (*Dominika Owczarska*). Из метрической выписки о смерти известна

---

¹ В документах разных лет ее имя написано тремя разными способами: Агата, Агафья, Агафия.

² СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 62.

³ Очевидно, приложением к этому письму (письмо ссылается на два приложения) является перечень дозволенных к вывозу вещей на польском языке, находящийся в другом месте дела [Л. 115–115 об.].

⁴ AN PAN i PAU. Władysław Kotwicz. K III–19. Fot. 10722.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 200–201.

⁶ Там же. Л. 58

⁷ Там же. Л. 80

также дата кончины Л. К. А. С. Котвича — 20 января 1887 г.¹ Он был похоронен в Вильне, на кладбище Россы².

Этот же документ сообщает, что ушедший из жизни глава семейства оставил вдову и четырех детей: сыновей Владислава, Станислава и Петра, а также дочь Болеславу Вильгельмину³. О сестре в документах СПбФ АРАН официальных сведений не сохранилось. О братьях имеется дополнительная информация.

Второй в семье сын Станислав родился, как сообщает метрическая выписка из того же Олавского прихода, 15 февраля 1874 г. (некоторые данные его биографии получаем из других бумаг). В мае 1892 г. он был допущен в Вильне к экзамену на звание аптекарского ученика⁴; в призывном свидетельстве, выданном в Вильне 24 августа 1893 г., указано, что этот экзамен он выдержал, а для исполнения воинской повинности был зачислен ратником ополчения второго разряда (свидетельства 1893 и 1896 гг.)⁵. Также он упоминается как свидетель на свадьбе старшего брата — В. Л. Котвича.

О самом младшем брате — Петре — в документах СПбФ АРАН сохранилось больше сведений. Дату его рождения содержит приписное свидетельство, выданное 18 февраля 1896 г. в Вильне. Петр Котвич родился 29 апреля 1877 г.; документ о его образовании содержит только одну отметку — «грамотен»⁶. Однако о начале его профессиональной деятельности, смежной со специальностью брата Станислава, сохранилась более подробная информация, благодаря документу, озаглавленному «Кондуитный список о фармацевтической деятельности П. Л. Котвича» и составленному 2 мая 1906 г. в Санкт-Петербурге⁷. До 1906 г. Петр Котвич был учеником в Пинской аптеке вдовы Косянской (6 августа 1898 — 6 апреля 1899)⁸, в Горезкой вольной аптеке провизора Паздзерского (16 мая 1899 — 1 марта 1901), в Друскенинской аптеке (5 марта 1901 — 1 сентября 1901), в Ораниенбаумской аптеке (5 декабря — 30 декабря 1901). Получив в Казанском университете степень аптекарского помощника (27 июня 1902), он работал в Самарской вольной аптеке М. Позерид (2 ноября 1902 — 7 августа 1903), а затем — в нескольких аптеках Петербурга: в Петропавловской аптеке (12 августа 1903 — 12 января 1904), в аптеке Раабе (12 января 1904 — 21 июня 1905), в Аничковой аптеке (1 ноября 1905 — 28 апреля 1906); всего получил практики аптекарским

---

¹ В этом документе указан его возраст на день смерти — 52 года, в то время как в соответствии с упоминавшейся выше метрической записью о крещении [Л. 80] на тот момент ему должно было быть 50 лет.

² СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 82; в 1911 г. В. Л. Котвич выкупил на этом кладбище еще один участок [Л. 89], сам он также похоронен в Вильнюсе, где провел последние годы своей жизни [З, с. 113]

³ СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 82.

⁴ Там же. Л. 83.

⁵ Там же. Л. 85; 95

⁶ Там же. Л. 86.

⁷ Там же. Л. 93–94.

⁸ Документ содержит упоминание о том, что сведения о первом месте службы были получены «по свидетельству Орловской гимназии» [СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 93 об.]. Является ли это указанием на место получения образования — неясно.

помощником, как гласит документ, 3 года и 21 день. В 1906 г. Петр Котвич подал прошение в МГУ о зачислении его в слушатели¹, а 23 июля 1908 г. ему было выписано свидетельство о том, что в 1906/07 и 1907/08 уч. гг. П. Л. Котвич «состоял в Императорском Московском университете слушателем фармацевтического курса лекций и может подвергнуться экзамену на степень провизора»². Последние сведения относятся к 1910 г., когда Петр Котвич подал прошение (его содержание не известно) в Экспедицию заготовления государственных бумаг и был приглашен туда 12 апреля 1910³. Документы краковского архива сохранили сведения о том, что Петр женился на Геневефе (Женевьеве) Рокуйзо (*Genowefa Rokujzo*); в браке у них родился сын, умерший через несколько месяцев⁴. Ниже будет упомянут еще один документ СПбФ АРАН, связанный с именем младшего брата В. Л. Котвича.

8 июня 1896 г. состоялось бракосочетание В. Л. Котвича в приходском римско-католическом костеле св. Варвары города Витебска⁵. В метрической выписке указано имя супруги — Екатерина Корсак, на момент брака ей было 22 года. Ее родителей звали Петр и Эмилия, урожденная Вилямович⁶. Из краковских документов узнаем, что Екатерина Петровна Котвич (Корсак) умерла от туберкулеза 2 июля 1902 г. в возрасте 28 лет⁷.

Имя отца супруги В. Л. Котвича в документах СПбФ АРАН больше не упоминается, а имя матери фигурирует в нотариальных выписках об операциях с недвижимостью в Витебске, откуда становится известно ее отчество — Фомична, а также витебские адреса Корсаков.

Первый документ такого рода датирован 2 июля 1899 г.: согласно нотариальной выписке Екатерина Петровна Котвич продала Эмилии Фомичне Корсак недвижимое имущество, доставшееся ей, как сообщает нотариальное свидетельство, ранее от самой же Э. Ф. Корсак, т. е. от матери. Это имущество — участок в Первой части Витебска по Кривой улице, выходящей на Ново-Офицерскую улицу, граничащий с 1-й Ветреной улицей, площадью в 1040 квадратных сажени с деревянным домом, фруктовым садом и ягодными кустами⁸. 1 сентября 1913 г.

---

¹ СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 96.

² Там же. Л. 99; сохранились две квитанции об оплате университетских лекций в первом полугодии 1908 г., обе на сумму 37 р. [Л. 97; 98].

³ Там же. Л. 106.

⁴ AN PAN i PAU. Władysław Kotwicz. K III–19.

⁵ Как сообщает документ, В. Л. Котвич, которому на момент свадьбы исполнилось 24 года, был в то время прихожанином петербургского храма св. Екатерины [СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 86]. В августе 1885 г. (после окончания Петербургского университета) он еще проживал в Вильне на ул. Костромской в доме Левковича [СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 60].

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 86.

⁷ AN PAN i PAU. Władysław Kotwicz. K III–19. J. 248.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 112–113; 156–157.

Э. Ф. Корсак отдала этот участок в аренду на 1,5 года некоей Варваре Герасимовне Воропай¹.

Сама Э. Ф. Корсак, согласно сведениям нотариальных бумаг, проживала в Витебске в гостинице Кумпера, а 16 июня 1908 г. она приобрела у некоего коллежского секретаря Михаила Федоровича Беловина участок в Третьей части Витебска на Второй Ново-Монастырской улице площадью в 442 квадратных сажени с деревянным одноэтажным домом, с флигелем, «со всевозможными постройками и молодым фруктовым садом» за 4 400 р.²

В семье Владислава Людвиговича и Екатерины Петровны Котвичей родилась дочь Мария. Дату ее рождения находим в метрической выписке краковского архива — это 13 апреля 1897 г.³ С этой датой согласуются сведения из двух бумаг, связанных с отъездом семьи В. Л. Котвича в Польшу: на 25 августа 1922 г. Марии было 25 лет⁴, на 9 июля 1923 г. — 26 лет⁵. Имя Марии Владиславовны Котвич появляется в документах многими годами раньше: выписка из нотариальной книги города Витебска сообщает о том, что 28 августа 1908 г. дворянка Эмилия Фомична Корсак завещала все свое движимое и недвижимое имущество внучке — дворянке Марии Владиславовне Котвич (которой на то время было только 11 лет), а в случае ее смерти — Владиславу Людвиговичу Котвичу⁶.

Имена бабушки и внучки упоминаются в еще одном сохранившемся документе — небольшом письме на польском языке без даты, адресованном Петру Котвичу (начинается с обращения «*Drogi nasz Piotrusiu*») и состоящем из двух частей: первая — за подписью Эмилии Корсак, вторая — за подписью Марии Котвич⁷. При скудности информативного содержания и скромности объема (все-го три десятка коротких строк) это послание является красноречивым свидетельством теплоты отношений между семьями Котвичей — Корсаков. В первых строчках Эмилия Корсак, благодаря Петра за послание и выражая тревогу по поводу его здоровья, сообщает, что только что получила письмо от Болюни (*od*

---

¹ СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 110–110 об.; этот участок сохранялся за семьей вплоть до отъезда В. Л. Котвича с супругой и дочерью Марией в Польшу. 13 сентября 1923 г. уже Мария Владиславовна Котвич подписывает документ о передаче этого участка (адрес указан как «Кривая ул., 1/12») в аренду на 2 года представителю той же семьи Воропаев — Василию Илларионовичу Воропай [Л. 133–134].

² СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 102–103; среди бумаг В. Л. Котвича сохранился план участка с домом в двух экземплярах (аналогичные планы тушью на кальке и в цветном исполнении). Площадь участка примерно сопоставима с описанием: на плане нанесен дом в 32 квадратных сажени и маленький флигель в 5 квадратных сажени, сад и огород, отмечены улицы — 1-я Линия и Инженерная [Л. 109 — калька; 111 — цветной].

³ AN PAN i PAU. Władysław Kotwicz. K III–19. J. 252.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 61; справка о регистрации семьи В. Л. Котвича на «23[-й] эшелон в Польшу».

⁵ Там же. Л. 63; удостоверение Петроградского губисполкома о принятии Марией Владиславовной Котвич 9 июля 1923 г. польского гражданства и необходимости покинуть пределы РСФСР до 9 января 1924 г.

⁶ Там же. Л. 101–101 об.

⁷ Там же. Л. 107–108.

Boluni), или Боли (*Bola*), как она называет ее дальше. Очевидно, речь идет о сестре братьев Котвичей, имя которой (Болеслава Вильгельмина) было названо в упоминавшемся выше документе 1887 г.¹ «*Naiżyczliwsza do ciebie Emilia*» («Крайне благожелательная к тебе Эмилия») — такова подпись первой части письма. Далее следует десяток строк племянницы Марии к своему дяде, начинающихся обращением: «*Uściskam mocno mojego stryjciu*» («Крепко обнимаю моего дядюшку»). Сожалея, что дяди нет сейчас с ними, Мария добавляет: «Я бы сейчас сорвала самое лучшее яблоко для моего дядюшки. Такие они вкусные. Одна только беда, что с ночи исчезают». И вновь теплая подпись — «*Najprzywizańska Mania*» («Крайне привязанная Маня»).

Вместе с тем это письмо, несмотря на его краткость, содержит информацию о семье Котвичей, отсутствующую в других документах рассматриваемого архивного дела. Эмилия Корсак сообщает в письме о том, что Болеслава ждет пани Касперу, которая должна быть проездом в Вильне (очевидно, Болеслава на тот момент проживала в Вильне). И продолжает: «Мы тоже ждем твою жену, чтобы ее обнять». Очевидно, именно об этой пани Каспере идет речь в одной метрической выписке, сохранившейся среди бумаг В. Л. Котвича и сообщающей о родившейся 6 февраля 1877 г. в семье дворян Рукуйжо (отец — Михал, мать — Альдона урожденная Ляндсберг) девочке, которая получила имя Каспера-Антонина². Из содержания письма складывается впечатление, что Каспера и есть супруга П. Л. Котвича, в то время как краковский документ, о котором шла речь выше, называет другое имя. Является ли впечатление, полученное от текста письма, ложным или у П. Л. Котвича было два брака — на основе имеющихся в двух архивах документов сказать нельзя.

Однако ряд личностей, документы которых хранятся в рассматриваемом архивном деле, остается неидентифицированным, а их родственные или иные отношения с фондообразователем, В. Л. Котвичем не установлены, хоть и должны подразумеваться. Имеется метрическая выписка о крещении младенца, родившегося 25 августа 1846 г. в Лиде, по имени Людвик, родителями которого были Героним и Петронеля Котвицкие (*Heronim i Petronela z Jagiełłow Kotwicki*)³. Еще одно неидентифицированное имя — Константин Лапаревич, чей похвальный лист «за благонравие, прилежание и успехи», выданный ему, тогда ученику первого класса, 29 июня 1853 г. Витебским уездным училищем, также сохранился среди бумаг В. Л. Котвича⁴.

Неясно, какое отношение к В. Л. Котвичу имела дворянская семья Шляков, которой принадлежит целый ряд документов по вопросам приобретения и наследования недвижимости в Вильне. Упоминаемые в документах члены этой семьи: Христиан Христианович Шляк (умер не позднее 1891 г.), его дочь Доминика Христиановна Муржыновская (*Dominika Myrżnowska*), урожденная Шляк, и его сын — провизор (в других документах — купец) Иосиф (Осип) Христианович

---

¹ СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 82.

² Там же. Л. 87–87 об.

³ Там же. Л. 90–90 об.

⁴ Там же. Л. 79.

Шляк (умер 23 декабря 1894 г.), жена И. Х. Шляка Станислава Антоновна Шляк (умерла 10 июня 1912 г.) и их дочери Янина Иосифовна Рымкевич, урожденная Шляк, Мария Иосифовна Купец, урожденная Шляк, и сын Станислав-Северин¹. О Станиславе Иосифовиче (Осиповиче) Шляке известно, что в 1909 г. он окончил медицинский факультет МГУ и получил степень лекаря², а затем работал врачом в Вильне (сведения на 1912 г.)³; о его сестрах знаем, что на 1905 г. Янина была несовершеннолетней, а Мария — малолетней⁴, на 1912 г. обе были замужем: муж Янины — дворянин Андрей Доминикович-Аугустович Рымкевич, муж Марии — Бронислав Эдуардович Купец⁵. Возможно, в каком-то родстве состоят с семьей Шляков упомянутые в метрической выписке о крещении в осунском римско-католическом костеле родившейся 16 июня 1890 г. Антонели мещане Викентий и Магдалена, урожденная Дановская, Шпаковские — родители девочки⁶.

Так, отдельные документальные указания, а также сам факт хранения документов многочисленных родственников является красноречивым свидетельством внимательного отношения к семье именитого российско-польского ученого. Уже поэтому семья представителей дворянских родов Котвичей — Корсаков заслуживает исторической памяти.

Литература

1. Крутикова М. В. Котвич Владислав Людвигович / Архив РАН // Обзорение архивных материалов / под ред. Г. А. Князева, Г. П. Блока, Т. И. Лысенко. М.; Л., 1959. Т. 4, вып. 16. С. 277–278.
2. Полянская О. Н. Личные фонды монголоведов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН) // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 1. С. 139–143.
3. Полянская О. Н. Монголоведные исследования В. Л. Котвича (1872–1944). К 140-летию со дня рождения // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 7. С. 108–114.
4. Полянская О. Н. Научные направления в российском монголоведении (начало XX века) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 7. С. 66–70.
5. Полянская О. Н. Научное монголоведение в России на рубеже XIX–XX веков. В. Л. Котвич (1872–1944) // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века. 2016. Кн. 7. Ч. 1. С. 267–278.
6. Полянская О. Н., Бондарь Л. Д. Владимирцов Борис Яковлевич // Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук : краткий биографический справочник (А–В) / ред. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 172–174.
7. Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX в.: петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ, 1997.

---

¹ СПБФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 20. Л. 119–120, 121–121 об., 124–125, 126, 130, 131, 135, 138–138 об., 143, 144–145, 146–147 об., 152–153 об.

² Там же. Л. 132–132 об.

³ Там же. Л. 152–153 об.

⁴ Там же. Л. 146–147 об.

⁵ Там же. Л. 152–153 об.

⁶ Там же. Л. 92.

8. Dalai Lama's Representative Agvan Dorjiev and Altaist Professor Władysław Kotwicz: Letters of 1912. In the Heart of Mongolia. 100th Anniversary of W. Kotwicz's Expedition to Mongolia in 1912: Studies and Selected Source Materials / red. J. Tulisow, O. Inoue, A. Bareja-Starzyńska, E. Dziurzyńska. Kraków, 2012.

9. Kałużynski S. Władysław Kotwicz na stulecie urodzin // Przegląd Orientalistyczny. Kraków, 1972. S. 103–114.

УДК 930.25

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-42-52

**ИСТОРИЯ ОРИЕНТАЛИСТИКИ ПОЛЬШИ
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

© **Анита Ходковска**

магистр гуманитарных наук,
вице-директор Архива Польской академии наук
Польша, 00-330 Варшава, Новы Свят 72
E-mail: anita.chodkowska@archiwum.pan.pl

В Архиве Польской академии наук (г. Варшава) хранится личное наследие почти 560 ученых и людей культуры, а также документы институтов Польской академии наук и других научных учреждений. Статья основана на документах из личных архивов ориенталистов и других ценителей культуры Востока. Основную идею при отборе материалов отражает цитата из труда одного из ориенталистов: «Монголия — это страна великого прошлого и многообещающего будущего». Ориенталисты и исследователи восточной Азии оставили в Архиве ПАН необыкновенные документы, являющиеся интересной творческой лабораторией для будущих поколений.

Ключевые слова: ориенталистика; история Монголии; путешествия; Внутренняя Азия; наследия; дневники; Восточный институт; Сибирь; поляки.

THE HISTORY OF POLISH ORIENTAL STUDIES IN THE MATERIALS OF THE ARCHIVE
OF POLISH ACADEMY OF SCIENCES

Anita Chodkowska

Master of Humanities, Vice Director
The Archive of Polish Academy of Sciences
72 Nowy Swiat, 00-330 Warsaw, Poland
E-mail: Anita.Chodkowska@archiwum.pan.pl

Documents of orientalist and sources for East Asia's research history in the resources of the Archives of the Polish Academy of Sciences in Warsaw

In the Archives of the Polish Academy of Sciences in Warsaw there are currently being kept nearly 560 legacies of scholars and people of culture and also documentation created by the institutes of the Polish Academy of Sciences and other scientific institutions. The basis of the article are the materials from private archives of orientalist and other enthusiasts of Eastern culture. The message of the selection of materials was a quote from the work of one of them: Mongolia, a country of the great past and a promising future.

Orientalists and researchers of eastern Asia have left unique materials in the Archives of the Polish Academy of Sciences in Warsaw, which are an interesting research workshop for future generations.

Keywords: Oriental; history of Mongolia; travels; Inner Asia; legacies; memoirs; Eastern Institute; Siberia; The Poles.

*В дальние страны замуж я
Отдана*

*За властелина дальних племен
Усун Вана.
Мой дом — палатка, шершавый войлок —
Дома стена.
Кумыс — напиток, мясо — еда
Мои и моего господина.
Я скучаю по родному дому,
В моем сердце рана.
Если б я смогла превратиться в черного
Ауста
И полететь туда, где мое
Село любимое¹.*

Эти простые, но красивые, полные ностальгии стихи, найденные в наследии востоковеда С. Стасяка, отражают атмосферу исследований Дальнего востока. Ученые, предпринимавшие далекие путешествия, руководствовались любопытством и желанием изучать новые территории, возвращались домой из-за тоски, и уже там классифицировали привезенные сувениры, записывали воспоминания, оставляя очередным поколениям свое имущество и записи.

Документация исследований, которая хранится в личных архивах ученых — записки, наблюдения, эскизы, комментарии, сочинения, статьи и доклады, а также дневники, журналы и другие формы записей — со временем стали ценным дополнением архивных материалов официального характера, а следовательно, самостоятельными историческими источниками.

В Архиве Польской академии наук в Варшаве хранится сегодня наследие 560 ученых, путешественников и людей культуры², а также 108 фондов, созданных учреждениями Польской академии наук, и 45 — коллективами других научных и культурных учреждений. Общий объем материалов составляет 3 400 м, причем в Варшаве находится свыше 2 600 м, а в Познани и Катовицах, где имеются отделения Архива — 740 м дел и документов.

При подготовке статьи были изучены материалы из 20 частных архивов востоковедов — Яна Рейхмана, Анания Зайончковского, Витольда Яблонского и Стефана Стасяка, историков — Людвика Базылёва и Александра Гейштора, географов — Болеслава Ольшевича, Владислава Дешки, а также путешественников, политиков, горных инженеров и многих интересующихся культурой Востока. Сосредоточим наше внимание на источниках, представленных в Архиве ПАН в Варшаве [3].

Материалы Яна Рейхмана³ — востоковеда, тюрколога, а также историка и этнографа — очень ценны по двум причинам: этот выдающийся ученый, полиглот

---

¹ Архив Польской академии наук в Варшаве (АПАН). Ф III-197. Материалы С. Стасяка (1884–1962).

² По состоянию на конец февраля 2019 г., информация относится лишь к частным архивам, находящимся в Варшаве.

³ АПАН. Ф. III-168. Материалы Я. Рейхмана (1910–1975).

был автором более чем 1 000 работ, среди которых 357 посвящено востоковедению; в его личном архиве также содержались фрагментарные материалы другого исследователя Азии — Станислава Корвин-Павловского (1889–1975).

Ян Рейхман занимался историей востоковедения в Польше, исследовал судьбы польских путешественников, отправившихся на восток, отношения между Польшей и Кавказом, Уралом и другими восточными территориями. В Архиве хранятся рукописи 15 его научных работ и более чем 700 статей и докладов. Большая их часть посвящена активности поляков в странах Востока. Сочинения дополнены записями, выписками, фотографиями и газетными вырезками. Вырезки собирались под лозунгом: «Монголия — страна с великим прошлым и перспективным будущим»¹.

В личном архиве Рейхмана находятся также документы, свидетельствующие о его активной профессиональной и общественной деятельности. Рейхман работал в Институте востоковедения Варшавского университета и Восточном отделении Польской академии наук, одновременно был активным членом Польского востоковедческого общества, а также Общества урало-алтайских исследований (*Societas Uralo-Altaica*). Участвовал в многочисленных востоковедческих конгрессах и конференциях, материалы которых также сохранились в его наследии. Он был редактором книг „*Bibliografia Polskich Prac Orientalistycznych 1944–1945*” [Библиография польских востоковедческих работ], „*Szkice z dziejów orientalistyki polskiej*” [Очерки из истории польского востоковедения] и журналов „*Przegląd Orientalistyczny*” [Востоковедческий обзор], „*Rocznik Orientalistyczny*” [Востоковедческий журнал].

Как было упомянуто выше, вместе с материалами Яна Рейхмана были переданы документы Станислава Корвин-Павловского — математика, чиновника Управления контроля. С. Корвин-Павловский был соучредителем и директором Восточного института, созданного в 1926 г. Образование института связано с учреждением в 1919 г. Польского восточного общества, главной задачей которого изначально была помощь при налаживании торговых отношений, координация польской экспансии на Восток, распространение культуры и языков, а также организация репатриации поляков после войны. Похожие цели были и у созданного позже Польско-азиатского общества, в рамках которого действовали члены бывшего Русского географического общества: Кароль Богданович и Владислав Массальский; а также Юзеф Тарковский — министр польского МИД, представитель Польши в Японии и Китае; Болеслав Ольшевич — секретарь Польского географического общества. После учреждения Восточного института он стал единственной организацией в Польше, которая обеспечивала связь с Востоком как в торговле, так и в области культурного сотрудничества. В фонде Корвин-Павловского находятся документы о деятельности Польского восточного общества, Польско-азиатского общества и Восточного института, а также востоковедческого кружка молодежи².

---

¹ АПАН. Ф. III-168. Д. 92.

² Там же. Д. 225-228, 230, 231.

В определенном смысле дополнением к этим материалам является фонд Варшавского научного общества (ВНО)¹, в котором размещены документы Востоковедческого отделения, основанного при Институте антропологических наук ВНО в 1923 г. под руководством антрополога, профессора Казимежа Столыхво. Отделение пыталось развивать научную и научно-популярную деятельность, так в материалах есть приглашение Богдана Рихтера на доклад «*Chińczycy-Japończycy-Koreańczycy (wschód a Zachód. Jedność kultury dalekiego wschodu, jej cechy zasadnicze. Rasa mongolska. Chińczycy — język, charakter, pochodzenie, Japończycy — kultura, język, pochodzenie, Koreańczycy ich rola na dalekim wschodzie)*» (Китайцы — Японцы — Корейцы (Восток и Запад. Единство культуры Дальнего Востока, ее основные признаки. Монгольская раса. Китайцы — характер, происхождение; Японцы — культура, язык, происхождение; Корейцы, их роль на Дальнем Востоке)².

Среди материалов караима Анания Зайончковского³ — тюрколога, преподавателя турецкого языка — встречаются работы и записи, посвященные турецкому языку и литературе. Как и наследие Я. Рейхмана, материалы А. Зайончковского содержат документы о его деятельности в востоковедческих учреждениях и обществах, таких как Восточный институт Варшавского университета, Польское востоковедческое общество, Комитет по востоковедению ПАН, а также о членстве в международных обществах *Societas Uralo-Altaica* и *Permanent International Altaistic Conference*, участии в польских и международных конгрессах по востоковедению [3]. Несмотря на то, что специализация Зайончковского — тюркология, он писал рецензии и по другим научным работам, касающимся Восточной Азии, поэтому в его материалах находится документация по деятельности монголоведа Станислава Калужинского и его работа «*Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache*»⁴.

Научные интересы Витольда Яблонского⁵ касались синологии. Он изучал этот предмет в 1924–1927 гг. в Париже и Сорбонне. После нескольких лет пребывания в Китае В. Яблонский вернулся в Варшаву и преподавал в Восточном институте. После войны он управлял Восточным институтом Варшавского университета и помогал польской дипломатической службе налаживать польско-китайские отношения. Его наследие включает сочинения, статьи, доклады по истории, культуре, языку Китая и литературные переводы. В 1932 г. вместе с двумя коллегами В. Яблонский добрался из Пекина в Сычуань, существенную часть пути пройдя пешком. Тогда он собрал много этнографических материалов, над которыми потом работал на родине. Яблонский был рецензентом магистерской работы А. Зайончковского — эта документация сохранилась, также как и тезисы доклада

---

¹ АПАН. Ф. I-2. Материалы Варшавского научного общества (1907–1953).

² Там же. Д. 31. Л. 39.

³ АПАН. Ф. III-215. Материалы А. Зайончковского (1903–1970).

⁴ Там же. Д. 68.

⁵ АПАН. Ф. III-223. Материалы А. Яблонского (1901–1957).

«Системы родства турецких, монгольских и тунгусско-маньчжурских народов», подготовленного коллективом под руководством Мариана Левицкого¹.

Стефан Стасяк², стихи которого приведены в начале статьи, изучал философию и психологию в Вене и Париже. В круг его интересов входили история искусства и востоковедения. Во время Первой мировой войны он оказался в Петербурге, где под руководством индолога Федора Ипполитовича Щербатского он осуществлял сбор тибетских и индийских текстов по буддистской логике. Хранимое в архиве наследие лишь в небольшой степени отражает обширную область интересов Стасяка и представлено фрагментами статей, поэзией и переводами с английского, русского и санскрита. Их дополняют выписки из литературы, записи, исследовательские идеи и вырезки. Частично сохранились также документы, касающиеся его работы на семинаре по индийской филологии и культуре Львовского университета, многочисленные личные материалы и переписка.

Переписка ученых заслуживает особого внимания. Все востоковеды, о которых шла речь, обменивались письмами, обсуждали важнейшие научные события, сотрудничали и встречались на научных конференциях. В их личных архивах находится также переписка с востоковедами, наследия которых хранятся сейчас в других научных центрах, такими как С. Тадеуш Ковальский, Владислав Котвич и Мариан Левицкий. Письма отражают обмен мыслями ученых о текущих исследовательских проектах, а также их личные отношения [1; 2].

Профессор Ян Янув³ не был востоковедом, он получил специальность языковеда-слависта во Львове и Фрайбурге. Во время Первой мировой войны служил рядовым 9-го полка пехоты австрийской армии в Стрие. 1 ноября 1914 г. раненый попал в российский плен. Несколько следующих лет Я. Янув провел в лагерях в Асшабаде, Золотой Орде, Хылкове и Ташкенте. В 1918 г. он начал работу в только что созданном Ташкентском университете, сначала в качестве доцента языковедения, а затем профессора. С 1920 г. преподавал также в местном Востоковедческом институте, выполняя некоторое время обязанности проректора. После возвращения в Польшу он состоял в Польском востоковедческом обществе, секретарем которого был в 1922–1925 гг. В его материалах сохранились тексты докладов, в том числе «*Наблюдение над частицами в славянских языках. Ч. I*», написанные для студентов Ташкентского университета, и научная работа 1940-х гг. «*Słownictwo orientalne T. H. Szewczenki*» [Востоковедческая лексика Т. Г. Шевченко].

В архиве ПАН находится также наследие историков и географов, изучавших историю и культуру Востока. В богатых материалах Людвиг Базылёва⁴, автора более чем 300 больших научных работ, представлены рукописи работ и статей, посвященных истории России и истории Монголии. Историческая подготовка и лингвистические способности, позволяющие выучить языки — греческий, латынь, санскрит, венгерский, сербохорватский или монгольский, позволили уче-

---

¹ АПАН. Ф. III-223. Д. 174. Материалы А. Яблонского (1901–1957).

² АПАН. Ф. III-197.

³ АПАН. Ф. III-373. Материалы Я. Янува (1888–1952).

⁴ АПАН. Ф. III-296. Материалы Л. Базылёва (1915–1985).

ному не только читать научные статьи без перевода, но и свободно пользоваться архивными источниками. Наследие Людвига Базылёва включает рукописи работы «Historia Mongolii» от 1979 г.¹, записки и выписки из литературы², которой он пользовался при ее написании. Во введении к этому труду Л. Базылёв писал: «Для автора истории Монголии [...] основой и предметом исследований [...] является как настоящее, так и прошлое, тянувшееся вглубь общей истории. Прошлое монгольского народа — долгое, яркое, экзотическое и чрезвычайно интересное; оно полно славных страниц истории, на которых отражена прежде всего любовь к свободе...»³. В работе, описывающей историю Монголии с доисторических времен до 1970-х гг. XX в., отдельные главы посвящены культуре, окружающей среде и населению страны. Базылёв признал значимую роль Императорского Русского географического общества, основанного в 1845 г., в более подробном исследовании Монголии. Он также заметил, что «существенную роль в деятельности российских научных экспедиций сыграли поляки, сосланные после Январского восстания: Бенедикт Дыбовски, Виктор Годлевски, Александр Чекановски и Ян Черски»⁴. Большинство экспедиций охватывало только Сибирь. Работы Базылёва представлены более чем 500 страницами рукописей, вспомогательными материалами, прежде всего богатыми выписками из мировой литературы. Он очень тщательно собирал информацию из русских, немецких и английских научных статей, а также другой литературы, обычно из путевых очерков, особенно тех, которые были написаны авторами, путешествовавшими по Монголии. В выписках и записках он размещал небольшие комментарии, например, о книге С. Р. Боудена «The Modern History of Mongolia»: «тяжелая, очень тяжелая, не очень грамотная, полная политики, в которой все теряется»⁵, или о статье Бертольда Шпулера «Die Mongolen in Iran...»: «типичная немецкая работа — Ordnung без души»⁶. В его наследии хранится также текст доклада «Значимость исследования новейшей истории Монголии для современных международных отношений»⁷, подготовленного к Конгрессу монголоведов в 1975 г., а также ксерокопии двух учебников по монгольскому языку⁸.

Интересным дополнением научной статьи Базылёва является неопубликованная работа Болеслава Виляновского⁹, специалиста по конкордантному праву. Интересы Виляновского были направлены на популяризацию истории азиатских стран, недооцениваемых, по его мнению, Европой. Имеющийся в Архиве исторический роман «Przebudzenie Azji» состоит почти из 200 страниц, около 40 автор

---

¹ Опубликовано в 1981 г., переиздана в 1985 г. АПАН. Ф. III-296. Д. 28–29.

² АПАН. Ф. III-296. Д. 99-100.

³ Там же. Д. 28. Historia Mongolii rozdziały I-XVI. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 28. Л. 194.

⁵ Там же. Д. 100, л.186. Статья опубликована в Лондоне в 1968 г.

⁶ Там же. Д. 101. Статья опубликована в Берлине в 1968 г.

⁷ Там же. Д. 61.

⁸ Там же. Д. 277. John G. Hangin Basic Course in Mongolian, 1968; Д. 281. Hans-Peter Vietze Lehrbuch der Mongolischen Sprache, 1969.

⁹ АПАН. Ф. 48. Материалы Б. Виляновского (1885–1952).

посвящает монголам. В романе представлена история Монголии с I в. нашей эры — времени завоеваний Чингисхана, правления его наследников, создания Кыпчакского ханства, до 1502 г., когда Золотая Орда прекратила свое существование. Во введении Виляновский пишет: «У Азии два совершенно разных лица. Там были древние великолепные цивилизации, но Азия была также долгие века местом обитания диких племен, которые очень беспокоили цивилизованный мир¹.

Архив ПАН также содержит богатые материалы географа Болеслава Ольшевича², автора многочисленных статей и докладов, касающихся географических открытий и вклада поляков в мировую науку. Один из докладов был подготовлен совместно с Яном Рейхманом — племянником Б. Ольшевича и содержал слова: «Везде, куда сегодня направится поляк, он найдет следы предыдущих польских поколений»³. Доклад был зачитан на собрании Подкомиссии польской диаспоры ПАН в 1960 г., а затем опубликован. Работа «Wkład Polski do Nauki światowej» [Польский вклад в мировую науку] также была зачитана на собрании, а затем опубликована в материалах Общества связи с польской диаспорой⁴. В статье «Udział Polaków w rozwoju geografii» [Участие поляков в развитии географии] Б. Ольшевич подчеркивал роль донесений самых ранних путешественников: «Самый первый польский путешественник по дальним неизвестным странам появился уже в XIII веке. Это был Венедикт Поляк, который в качестве переводчика сопровождал другого францисканца — Иоанна из Пьян дель Карпине — в его дипломатической миссии от Папы Римского Иннокентия IV к тогдашнему властелину монголов Куяку, внуку Чингисхана [...] В польской литературе он играет выдающуюся роль как автор первого описания путешествия [...] это донесение очень ценно, поскольку некоторыми деталями дополняет описание странствий и приключений, размещенное в обширной работе Иоанна из Пьян дель Карпине «Historia Mongalorum»⁵. Хотя Б. Ольшевич занимался главным образом картографией, многие работы он посвятил также путешественникам и географическим открытиям.

Важно упомянуть также об архиве Владислава Дешки⁶ и о его небольших работах по картографии Сибири и культуре поляков⁷. Дополнением этого архива являются материалы других профессоров географии: наследие Станислава Лещицкого⁸ и Юзефа Бабича⁹, занимавшегося историей географических открытий в Сибири. Однако эти архивы еще не приведены в порядок.

---

¹ АПАН. Ф. 48. Д. 1. Л. 3.

² АПАН. Ф. III-184. Материалы Б. Ольшевича (1893–1972).

³ Там же. Д. 79. Л. 41. O zobrazowanie działalności Polaków na szerokim świecie.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 32. Л. 2–3.

⁶ АПАН. Ф. III-27. Материалы В. Дешки (1892–1941).

⁷ Там же. Д. 3, 4, 24.

⁸ АПАН. Ф. III-409. Материалы С. Лещицкого (1907–1996).

⁹ АПАН. Ф. III-371. Материалы Ю. Бабича (1926–2005).

В архиве ПАН хранится небольшое упорядоченное наследие таких географов и исследователей, как Леон Барщевский¹, Кароль Бохданович², Бенедикт Дыбовский³, Фердинанд Каро⁴ и Адам Шыманьский⁵. Они вели исследования в Сибири и Центральной Азии, находясь там не всегда по собственному выбору, но несмотря на это занимались научной работой с огромным увлечением. Это наследие дополняют личные архивы Габриеля Бженка⁶ и биографа Бенедикта Дыбовского. Их материалы до сих пор не систематизированы, однако содержат много интересных сведений об исследователях Сибири и Азии.

Кроме научных работ, посвященных Азии, в Архиве ПАН хранятся также воспоминания людей, путешествовавших по Азии и оставивших описание увиденного. Один из них политик Юзеф Тарговский⁷, который должен был обеспечить поддержку и помощь полякам, бежавшим из Сибири или ранее прибывшим на Дальний Восток, и их репатриацию. Он был соорганизатором объединений поляков в Харбине, Владивостоке и Хабаровске, а в 1919–1921 гг. стал первым официальным представителем Польши в Японии и одновременно в Китае. Его воспоминания были опубликованы в журнале «Moja misja na Dalekim Wschodzie 1920–1921» [Моя миссия на Дальнем Востоке 1920–1921]. Очень подробные материалы о пребывании в Китае и Японии он дополнил описанием охоты, организованной специально для него в Монголии дипломатами из Харбина: «Я провел несколько дней в Монголии [...] Мы отправились вечером, и на второй день утром наш вагон отцепили на этой станции [Ян-Тунь-Тунь] и перевели на боковой путь. Нас уже ждали двухколесные телеги с большими колесами с несколькими спицами, запряженные небольшими, сильными монгольскими лошадьми. [...] мы шли по степи, иногда появлялись призраки водоемов или озер, которые расплывались, вызывая впечатление миража. Вечером мы дошли [...] до какого-то бедного села, состоящего из нескольких хат. Китайские солдаты выбрали самую большую из них, выгнали живущих там монголов к соседям и начали наводить порядок и разжигать огонь в сенях единственной комнаты [...]. Сейчас переходный период между зимой и летом, это означает, что морозы прекратились, ночи еще прохладны, но днем солнце уже сильно греет. Впрочем, здесь не бывает ни весны, ни осени. Комната выглядит как большая теплица старого типа. Вокруг расположен канал вдоль трех стен, очаг был в маленьких сенях. Над этим каналом находился так называемый канг, то есть широкая скамья, на которой можно сидеть или прилечь⁸». Охоту признали удачной, Ю. Тарговский описал так свои впечатления о визите в Монголию: «Эта часть Монголии — странная, хорошая земля, покрытая травой как степь, но

---

¹ АПАН. Ф. III-131. Материалы Л. Барщевского (1849–1910).

² АПАН. Ф. III-4. Материалы К. Бохдановича (1864–1947).

³ АПАН. Ф. III-327. Материалы В. Дыбовского (1833–930).

⁴ АПАН. Ф. 28. Материалы Ф. Каро (1845–927).

⁵ АПАН. Ф. III-24. Материалы А. Шыманьского (1852–1916).

⁶ АПАН. Ф. III-382. Материалы Г. Бженка (1908–2002).

⁷ АПАН. Ф. 45. Материалы Ю. Тарговского (1883–1952).

⁸ Там же. Л. 85.

неиспользуемая и почти необитаемая»¹. В своих воспоминаниях Тарговский отмечает также историческое влияние Монголии на Китай. Заинтересовавшись обычаем бинтования ног китайским женщинам, он пытался добраться до его источников, и тогда услышал: «мне рассказывали, что в древние времена монголы, у которых рождалась девочка, бросали ее на съедение свиньям, чтобы таким образом разбудить мужество своих солдат, и отправлялись в Китай или соседнюю Маньчжурию, чтобы брать в ясырь женщин. До того, как построили великую стену для защиты от захватчиков, они начали бинтовать ноги женщинам, чтобы те не могли много ходить и сопровождать захватчиков»².

Свое самое впечатлительное путешествие жизни описал геолог и горный инженер Владзимеж Держановский³. После обучения в вузе он проходил стажировку в шахте «Сатурн» в г. Челябинск под руководством профессора Хенрика Чечотта, который в 1911 г. предложил ему участвовать в экспедиции на Алтай в поисках золота. В. Держановский писал: «Алтай в 1911 г. был еще мало исследован, геологических карт почти не было. Были только географические карты с обозначенными на них золотыми рудниками. [...] Я получил приказ исследовать территорию на юге от села Кокпекты, расположенного в 200 км от Усть-Каменогорска Семипалатинского округа»⁴. Это было не первое путешествие Держановского по России. Он учился в Петербурге, посетил Тифлис, некоторое время вынужденно пребывал на Колыме, однако город золотоискателей произвел на него наибольшее впечатление: «[В Усть-Каменогорске] магазины были универсальны, похожи на настоящие универмаги, особое место занимали в них зарубежные вина, сигары, ювелирные изделия и любые аксессуары для дам, хотя казалось, что женщин в рудниках почти не было. Дороги этого города были немощные, дома — одноэтажные, обычно глинобитные. Расстояние до ближайшей железнодорожной станции в Омске — около 1 000 километров»⁵. В работе «Рокојowy podbój Mongolii» [Мирное завоевание Монголии] он описал «разведочный поход в Монголию для установления связей с местными вождями, приблизительного исследования территории в поисках золотоносных руд и понимания дальнейших перспектив...»⁶, осуществленный в 1913 г. также под руководством профессора Чечотта. «Скоро 17 групп золотоискателей отправилось разными путями в Монголию. Каждой группой руководили геологи [...] профессор предупредил всех, что не стоит рассчитывать на то, что они найдут золото в Монголии, чтобы не расстраивались. То, что мы привезем из Монголии в виде аккуратных геологических карт, будет представлять собой существенную научную ценность»⁷. Группа профессора Чечотта, в которую входил Держановский, поставила себе цель исследовать озеро «Горный Канас», о

---

¹ АПАН. Ф. 45. Материалы Ю. Тарговского (1883–1952).

² АПАН. Ф. 45. Л. 199.

³ АПАН. Материалы В. Держановского (1880–1958). Л. 23.

⁴ АПАН. Ф. 23. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ АПАН. Ф. 23. Л. 28.

котором местные рассказывали невероятные вещи: «До этого озера никогда не добрался [...] никакой охотник, потому что боги стерегут путь на большую гору, они заградили доступ к озеру огромными скалами»¹. Вспоминая в 1957 г. поход вдоль реки, Держановский даже много лет спустя не мог забыть, то впечатление, которое она на него произвела. Он писал: «река Канас на протяжении около 200 км стихия, скачущая со скалы на скалу, вся в водной пыли, с вечной шапкой даже не туч, а тумана и этой водной пыли, которая даже маленький ветер превращает в проливной дождь. На реке вой больших струй воды, падающих камней и ломающихся на берегах и сальных островах старинных деревьев. Полное бездорожье. [...] Не могу здесь не удивляться еще раз жене профессора Ханне Чечотт, которой по выносливости равны были только монголы и киргизы. Быть две недели в совершенно промокшем нижнем белье и не иметь возможности за все это время нигде высохнуть»². Наконец, путешественники добрались до плоскогорья и исследовали высоту, на которой находится озеро, и его глубину. Тогда они впервые за две недели увидели солнце и небо. Много лет спустя этот поход был признан самым большим исследовательским подвигом профессора Чечотта³.

Очевидно, что при отборе документов, связанных со странами Восточной Азии, не стоит ограничиваться только наследием востоковедов. Интересные материалы можно найти не только в трудах ученых, профессионально занимающихся языками и культурой Востока, но и в архивах политиков, историков или географов. В 1937 г. в правление шахты по добыче железной руды в Ченстохове на имя Станислава Конткевича⁴ пришло письмо от топографа Кручека из восточной Анатолии. Он описывал в нем месторождения марганцевых руд в Турции и СССР⁵, уговаривая Конткевича начать сотрудничество. В самом большом частном архиве ПАН, принадлежащем историку Александру Гейштору⁶, были найдены неописанные фотографии территории России.

В Архиве ПАН находятся также материалы, переданные Востоковедческим институтом ПАН⁷, который продолжает деятельность Востоковедческого института Варшавского университета. Вскоре после окончания Второй мировой войны, в 1951 г., в Институте была составлена и выслана всем научным и культурным учреждениям в Польше «Анкета относительно рукописей и востоковедческих архивных материалов». Собранные данные позволили составить каталог этих ценных материалов со всей Польши. Анкеты и фрагменты работ были переданы архиву вместе с материалами Востоковедческого института ПАН.

---

¹ АПАН. Ф. 23. Л. 29.

² Там же. Л. 30.

³ Czczot H. Wybór pism. Warsaw, 1957. С. 11.

⁴ АПАН. Ф. III-46. Материалы С. Конткевич (1883–1951).

⁵ АПАН. Ф. 85. Л. 144–145.

⁶ АПАН. Ф. III-352. Материалы А. Гейштора (1916–1999).

⁷ АПАН. Ф. II-36. Материалы востоковедческого института.

Изобилие архивных материалов в наследии ученых свидетельствуют о том, что у архивистов и историков еще много работы, и они постоянно будут делать новые открытия.

Литература

1. Полянская О. Н. Российско-польское научное сотрудничество в области монголо-ведения в начале XX века. В. Л. Котвич (1872–1944) // Вестник архивиста. 2012. дек. URL: <http://www.vestarchive.ru/lica/2083>
2. Полянская О. Н. Professor Wladyslaw L. Kotwicz and the Russian Committee of Central and East Asia Research = Профессор Владислав Котвич и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Rocznik Orientalistyczny. 2014. Т. LXVII, zeszyt 1. С. 196–202.
3. Полянская О. Н. Научное сотрудничество российских и польских востоковедов в первой половине XX века (по материалам архива Польской академии наук) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). 2015. Кн. 4. С. 308–316.

УДК 94(438+517)
DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-53-65

ПОЛЬСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

© **Иоанна Арванити**

доктор гуманитарных наук
хранитель Архива Польской академии наук (г. Варшава)
Новы Свят 72, 00-330, Варшава, Польша
E-mail: joanna.arvaniti@wp.pl

В статье представлены достижения польских исследователей истории монгольских народов начиная с XIII в. (Бенедикт Поляк), в том числе успехи политических ссыльных XIX–XX вв. (Ю. Ковалевский, А. Чекановский, В. Серошевский), а также добровольцев, которые уезжали в Сибирь или на Дальний Восток работать, и путешественников (К. Гроховский, Л. Ячевский, Ю. Талько-Гринцевич) и заканчивая современным периодом (В. Дыновский, Л. Смырский). Многоотраслевые исследования поляков в Монголии касались географии, геологии, антропологии, языка, литературы, этнографии, истории, материальной культуры и религии монгольских народов.

Ключевые слова: Монголия; поляки; исследования; открытия; путешественники.

POLISH RESEARCHERS OF THE MONGOLIAN PEOPLES

Joanna Arvaniti

Doctor of Humanities, Archivist,
The Archive of Polish Academy of Sciences
72 Nowy Swiat, 00-330 Warsaw, Russia
E-mail: joanna.arvaniti@wp.pl

This paper describes accomplishments of Polish researchers of Mongolia throughout the ages, starting at XIII century (Benedict Polak), through incredible achievements of political exiles of XIX/XX centuries (J. Kowalewski, A. Czekanowski, W. Sieroszewski), as well as scholars who voluntarily "looking for work, adventure or realizing passions they couldn't otherwise fulfill in enslaved homeland" moved to Siberia or Far East (K. Grochowski, L. Jaczewski, J. Talko-Hryniewicz), all the way to modern times (W. Dynowski, Ł. Smyrski). The Poles conducted multi-family research in Mongolia, including geology, geography, anthropology, language, literature, ethnography, history, material culture and religion.

Keywords: Mongolia; Poles; research; discovery; traveler.

Территория Монголии в пять раз превышает территорию Польши. Монголия — это страна пастбищ, страна великих гор (Монгольский Алтай, Гобийский Алтай, Хангай), огромных пустынь (Гоби) и широких лугов.

Первым поляком, добравшимся до Монголии, был францисканец Венедикт (около 1200–1251 гг.). Принято считать, что европейцем, который впервые в XIII в. открыл Азию и достиг Китая, являлся венецианский купец Марко Поло (1254–1324). Однако именно благодаря путешествию Венедикта Поляка и посланца папы римского Иннокентия IV Джованни Плано Карпини (1182–1252)

удалось познать культуру, религию и обычаи Монгольской империи, а также сделать ценные географические открытия.

Информация о том, что Венедикт Поляк якобы происходил из Вроцлава или региона Великопольски, не подтверждена документально. Неизвестно, получил ли он имя Венедикт при крещении или же при вступлении в орден и принятии священства (1236). Не исключено, что он был назван в честь святого Венедикта — польского отшельника XI в. Вероятно, В. Поляк был рыцарем. Бегло говорил на польском, латинском, старорусском и монгольском языках. Он был беден, все свое имущество раздавал нищим. Джованни Плано Карпини, или Иоанн из Пьяндель Карпине, был одним из первых учеников и товарищей Франциска Ассизского и провинциалом ордена францисканцев в Польше, где провел много лет, он хорошо говорил по-польски, некоторые историки даже приписывали ему польское происхождение. Венедикт Поляк был его гидом, секретарем, переводчиком и экспертом по языку и обычаям русинов. Целью их поездки являлось установление мирных политических контактов с Монголией, остановка монгольских нашествий, проникновения христианства в Азию и привлечение монголов к борьбе с исламом. В политическом и религиозном плане путешествие потерпело фиаско, поскольку новый правитель Монголии Гуюк, внук Чингисхана, востребовал, чтобы папа римский и европейские монархи приехали к нему лично, и не желал вести переговоры через посредников.

За более чем два года (16 апреля 1245 г. — 18 ноября 1247 г.) путники прошли около 20 тысяч километров. Им пришлось пробираться через бесконечные степи, высокие горы, пустыни, реки, причем в экстремальных погодных условиях (морозные, снежные зимы и жаркие лета). Францисканцы наслаждались прекрасной природой, чудесными пейзажами и восхищались местными жителями. Все это они подробно записали, благодаря чему после возвращения издали несколько научных публикаций («*Historia Mongołów, zwanych inaczej Tatarami*», «*Podróż brata Jana de Piano Carpino i Benedykta Polaka 1246 roku*»). Венедикт описал свое путешествие в труде «*De Itinere Fratrum Minorum ad Tartaros*» [Отчет]. Это был первый европейский научный трактат о культуре и языках стран Дальнего Востока. Он содержал много монгольских слов и их перевод на латынь. В своем труде автор цитировал письмо Гуюка римскому папе, а также приводил сведения, связанные с Польшей. Они касались хода битвы под Легницей и судьбы князя Генриха II Набожного. «Отчет» был впервые опубликован только в 1839 г. в Париже. В 1986 г. он был переведен на польский адвокатом Анджеем Ихельсоном и опубликован в «*Календаре святого Антония*». О Венедикте в своих хрониках не упомянули, однако ни его братья-францисканцы, ни даже польский летописец Ян Длугош. История его путешествия сохранилась только в иностранных источниках, и поэтому к его имени прикрепилось прозвище «Поляк» (Benedictus Polonus).

Посланцы папы восхищались воинственностью и организованностью монгольской армии. Они описывали ее так: «Надевают парчу и шелк, соболиные и горностаевые шубы. Доспехи у них красивы, превосходны, сделаны из буйволово́й кожи. Их оружие — мечи и палицы, но прежде всего — луки. Они сами —

превосходные воины и могут сделать больше, чем другие, потому что при необходимости они могут даже месяц не есть, а их лошади идут вперед, удовлетворяясь лишь травой. Нет в мире армии более стойкой к труду, армии более воинственной и дешевой. У них отличная военная организованность, справедливость проста и быстра. За убийство нет прощения. За неповиновение, грабеж — смерть. Его режут мечом надвое или бьют палкой, если украл что-нибудь небольшое»¹.

Отчеты участников путешествия развеяли многие предубеждения и неясности, касающиеся монголов. Люди убедились, что татары — народ жестокий, но руководствующийся высокими моральными принципами: они честны, соблюдают семейную чистоту и религиозную толерантность, защищают жизнь женщин и детей побежденных врагов, уважают послов. У них однако опасная цель — завоевать всю землю, оставленная монголам в завещании Чингисханом. Венедикт Поляк положил начало истории польско-монгольских отношений и истории польских научных путешествий. Вроцлав и Варшава почтили его, назвав его именем улицы, и на церкви святого Викентия во Вроцлаве повесили посвященную ему мемориальную доску.

Несколько веков никто из поляков не занимался исследованиями Монголии. Однако многие польские летописцы, а потом историки писали в своих сочинениях о монголах, например, Викентий Кадлубек (1150–1223) и историк Ян Длугош (1415–1480).

С XVII в. отношения поляков с Монголией и Китаем были опосредованы Великим княжеством Московским. Важно упомянуть о Яне Кшиштофе Бялобоцком, который, преследуемый иезуитами, покинул Польшу и, переехав в Москву, был в составе русского посольства в Китае Федора Алексеевича Головина (1650–1706) — политика, дипломата и графа, влиятельного сотрудника и советника Петра I. Иннокентий Кульчицкий (1680–1731) — православный епископ, миссионер, один из Собора Сибирских святых — был священником очередного русского посольства, отправившегося в Пекин. До Пекина не добрался польский ученый граф Ян Потоцкий (1761–1815), который в качестве руководителя группы исследователей сопровождал российскую дипломатическую миссию Ю. А. Головкина в Китай. Миссия достигла только столицы Монголии — Урги, поскольку Головкин не хотел подчиниться требованиям китайского дипломатического этикета. В 1806 г. Потоцкий издал свой «*Memoriał o wyprawie do Chin*» [Журнал о странствии в Китай]. Его польский перевод под названием «*Podróże*» [Путешествия] вышел в Варшаве в 1959 г. Путешествие Яна Потоцкого описал известный польский востоковед и языковед, специализирующийся главным образом на монгольских языках, Владислав Котвич (1872–1944) в книге «*Jan hrabia Potocki i jego podróż do Chin*» [Граф Ян Потоцкий и его путешествие в Китай] (Вильнюс, 1935). До Китая добрался в 1820 г. Юзеф Войцеховский, который 19 лет был врачом при императорском дворе. Двор поручил поставить ему памятник в благодарность за излечение одного из князей. Участником дипломатической и рели-

---

¹ URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Benedykt_Polak (дата обращения: 15.03.2019).

гиозной миссии в Пекин в 1830–1831 гг. был также Юзеф Кобылэцки, офицер императорской армии.

Самым выдающимся польским исследователем Монголии, которого считают создателем научных основ мирового монголоведения, являлся Юзеф (Осип) Щепан Ковалевский (1801–1878) — языковед, востоковед, филомат. Он родился в Бжостовице Великой в Гродненском уезде в бедной семье священника-униата Михала, имел двух братьев — известного педагога Юлиана и Теодозия. В 1816 г. окончил Губернскую гимназию в Свислочи. С 1817 г. изучал классическую филологию на факультете литературы и свободного искусства Виленского университета. В 1819 г. был принят в Педагогический институт в качестве кандидата на должность преподавателя. В 1820 г., после окончания Виленского университета со степенью кандидата философии, преподавал латинский и польский языки в виленской гимназии. В 1822 г. впервые опубликовал свою работу в газете «Виленский Дневник», которая называлась «*Сообщение о жизни и сочинениях Лонгина*». Являлся членом Общества филоматов и филаретов, председателем Лазурного союза. Дружил с Адамом Мицкевичем, Томашем Заном и Яном Чечотом. В 1823 г. был арестован за свою деятельность в Обществе филаретов, а в 1824 г. сослан в Казань с предписанием изучать восточные языки — арабский, персидский и татарский. В Казани стал директором гимназии и управляющим средними школами Казанской губернии.

В 1827 г. российская власть приняла решение расширить область востоковедения в Казани и с этой целью учредить специальный институт при университете. В 1828 г. Ковалевского отправили на четырехлетний курс обучения в Иркутск, для того чтобы он ознакомился с языком, грамматикой, обычаями и религией Монголии. Вот фрагмент инструкции, которую в 1830 г. получил Ковалевский от куратора Университета в Казани Алексея Семеновича Мусина-Пушкина: «Начальство ожидает, что Вы будете хорошим и тщательным учителем, но ученый мир желает также увидеть в Вас достойного и глубоко думающего исследователя языка, истории и древности малоизвестного еще монгольского народа, владеющего в прошлом просторными странами Азии и Европы. Главной целью считая изучение монгольского языка, прошу Вас обратить также внимание на языки соседних народов, связанных с монголами религией и одним правлением, то есть языки маньчжурский, тунгусский и китайский. [...] Во время путешествия среди бурятов присмотритесь, пожалуйста, к их обычаям, особенно их ламайской вере, попытайтесь получить сведения о ее начале, распространении и сегодняшнем состоянии, о степенях и власти духовных лиц, об их обрядах и священных книгах» [3, с. 44]. В Иркутске Ковалевский получил начальное обучение по монгольскому языку под руководством местного пограничного губернского переводчика Александра Игумнова (1761–1834) и быстро овладел языком. В 1828–1833 гг. путешествовал по Сибири, Монголии и Китаю [12]. Он писал: «Приходилось пробираться по степям, лесам непроходимым, по бездорожью, карабкаться по отвесным скалам, чтобы отыскать кочевья и в закопченных юртах искать людей, знакомиться с ламами, вместе с ними ездить на богослужения, по святыням и монастырям, всюду пытаюсь извлечь что-либо полезное для себя, раздобывать и пе-

реписывать древние манускрипты, корпеть над ними день и ночь; и тем временем с бритой головой, завернутому в монгольский халат, мне приходилось обойтись мисочкой чая, так называемого *кирпичного*, куском баранины жареной над костром, без хлеба и соли. [...] Сколько месяцев мне приходилось спать на замерзшей земле, засыпанной снегом, между верблюдами или оленями! Возможно ли на этом куске бумаги перечислить все мои приключения, как грустные, так и веселые?» [3, с. 62]. Во время описываемого ученым продолжающегося год путешествия он «хорошо узнал жизнь бурятов, их обычаи, религию и, прежде всего, язык. Стоит особенно подчеркнуть, что [...] он пытался узнать не только литературный общемонгольский язык, но также особенности многочисленных бурятских диалектов, материалы для будущего монгольского языка он накапливал как из книг, так и из живой речи. Его интересовал также бурятский фольклор, особенно старинные легенды. Не пропускал также археологических памятников и пытался соединить их с известными ему письменными источниками по истории Средней Азии» [3, с. 62]. Занимался языковедением, литературой, историей и этнографией монгольских народов. Высоко ценил и уважал бурятов. Он писал: «Живу здесь между бурятами, всегда готовыми помочь в моих научных трудах. С ними читаю, разговариваю, свободное время провожу в близлежащих кочевьях, храмах, участвуя в службе или дружеском пире. Везде встречаюсь с такой же вежливостью взамен за вежливость» [3, с. 100]. Большой заслугой Ковалевского было, например, учреждение в собственном доме «мастерской», в которой волонтеры переписывали под его руководством на бумаге, купленной по его просьбе Казанским университетом, обширные монгольские и тибетские светские и духовные книги. Условия работы Ковалевского зимой были очень тяжелы. Он пишет например: «Снаружи буря не утихла: сильные ветры несут кучу снега вдоль степи к горному хребту, растянутому над Селенгой [!]. Мои окошки, заклеенные наподобие китайских, едва не выпадут, и я, сидя здесь у печки, замерзшими чернилами пишу Тебе несколько слов» [3, с. 105].

В 1833 г. Ковалевский стал профессором-адъюнктом первой в Европе кафедры монгольской филологии в Казанском университете. В 1834 г. он получил звание профессора экстраординарного, а в 1837 г. — профессора ординарного Казанского университета. Трижды избирался деканом филологического факультета на четырехлетний срок. В 1855–1860 гг. был ректором Казанского университета.

О нем говорили, что он очень желанный холостяк. 20 июня 1836 г. он писал другу из Общества филوماتов, поэту и архивисту Онуфру Петрашкевичу: «Поверишь ли ты, что я, сидя в своем кабинете, получил уже около шести предложений жениться? Стоит смеяться, и я посмеялся вдоволь. Вот видишь как, и здесь холостяки, даже закоренелые, ценятся. А в нашей стране что?». Вскоре он женился на Анне Соколовне, русской, возможно татарского происхождения, возможно дочери ректора или возможно, как следует из замечания самого Ковалевского, дочери скромного церковного работника Андрея. У них родилось три сына и дочь. Осип Ковалевский не занимался детьми, их воспитывала мать согласно русским традициям. Дети Ковалевского были православные и считали себя русскими, хотя сын Павел неплохо говорил по-польски. Один из сыновей

Ковалевского умер в детстве (в 1847 г.), старший сын, Николай (1840 г. р.), увлекавшийся историей, стал выдающимся врачом, профессором, ректором Казанского университета. Младший сын Павел (1843 г. р.) был художником-баталистом, профессором Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге, получил Золотую медаль академии за большую картину «Первый день сражения под Лейпцигом» [11]. О дочери Марии (1848 г. р.) историк-востоковед Василий Васильевич Григорьев (1816–1881) писал: «Мария Осиповна такая милейшая девушка, что я на старости лет влюбился в нее» [3, с. 121]. Он восхищался всей семьей Ковалевского: «Какой Вы счастливый человек, почтеннейший Осип Михайлович. Старший сын Ваш... начал свою научную карьеру так блистательно, как редко кому удается, [...] Анна Андреевна — барыня такая умная, ласковая и любезная, что днем с огнем такой поискать» [3, с. 121].

В 1862 г. О. Ковалевский возглавил кафедру Всеобщей истории, заняв должность декана историко-филологического факультета в Главной школе в Варшаве, а затем в Императорском Варшавском университете, в котором активно работал до конца своей жизни. Умер в Варшаве, был похоронен на кладбище Повонзки. Ковалевский являлся членом Императорской академии наук в Петербурге, *Société Asiatique* в Париже, Общества истории и древностей российских в Москве, Виленской археологической комиссии.

Он писал по-польски, по-русски и по-французски в «Еженедельнике Петербургском» и «Казанском Вестнике». Его наследие включает более чем 72 печатных сочинения и 19 неизданных. Ковалевский собрал также значительную коллекцию монгольских рукописей, печатных работ и этнографических материалов, большую часть которых передал Казанскому университету и Виленскому университету. Его коллекция, которая хранилась в Варшаве, сгорела во время Январского восстания в 1863 г. при разгроме дворца Замоиских и покушении на губернатора Берга.

Важнейшими публикациями Ковалевского являются «*Gramatyka języka mongolskiego*» (Казань, 1835), «*Монгольская хрестоматия*» (Казань, 1836–1837), «*Dictionnaire mongol-russe-français*» в 3-х томах (Казань, 1844–1849), который до сих пор является основой для изучения монгольского языка и считается лучшим монгольско-русско-французским словарем, в 1933 г. этот словарь был издан в Пекине. В Центральном архиве Татарской Республики в Казани хранятся некоторые рукописи неизвестных сочинений Юзефа Ковалевского, например, трехтомная «*История Монголов*» и «*Введение в историю Монголов*». Они содержат кроме научных материалов, собранных во время пребывания среди малоизвестных тогда монгольских племен кочевников, подробное донесение о путешествии Ковалевского по Монголии через пустыню Гоби за несколько десятков лет до похода Пржевальского в эту страну.

Российская империя каждый год ссылала в Сибирь многих польских патриотов, повстанцев, политических деятелей, подстрекателей. Ссылные иногда делали неудачные попытки сбежать из этой далекой тюрьмы без решеток. Так как южная Сибирь граничит с Монголией, многие из них выбирали путь к свободе именно через эту страну.

Среди польских ссыльных было несколько позднейших исследователей Сибири и Монголии, обычно членов российских научных экспедиций. Одним из них является Александр Лаврентьевич Чекановский (1833–1876) — геолог, палеонтолог, географ, картограф, путешественник. Он учился в гимназии в Киеве, на медицинском факультете Императорского университета Святого Владимира и на факультете минералогии Дерптского университета. В 1857 г. разработал и систематизировал коллекцию Императорского университета Святого Владимира в Киеве. В 1863 г. был сослан на каторгу за участие в польском Январском восстании. Он пребывал в Сивакове над Ингодой, в Дарасуне над Турой и в селе Падун над Ангарой. В 1866–1867 гг. собирал природные коллекции, вел метеорологические и геологические исследования, и одновременно физически работал у сибирских крестьян. В 1869–1871 гг. вел геологические исследования в южной части иркутской губернии, вместе с Дыбовским, Годлевским и Вроньским участвовал в экспедиции на вершины Саян на границе с Монголией и провел исследования северной части озера Хубсугул в Монголии. Хубсугул, называемый также маленьким Байкалом (в прошлом на польском использовалось также название Косогол) — пресноводное тектоническое озеро в северной части Монголии, расположенное недалеко от границы с Россией. Это второе по величине и одновременно самое глубокое озеро в Монголии. Хубсугул — шестнадцатый по величине пресный водоем в мире, содержит почти 70% монгольских и 2% мировых ресурсов пресной воды. Руководителем похода в 1871 г. был Кароль Нойманн, он обратился к властям с просьбой о разрешении на выезд в исследовательских целях ссыльных Дыбовского, Годлевского, Чекановского и Вроньского. Дыбовский был не очень доволен тем, что путешествие было подготовлено поспешно и, следовательно, неаккуратно. При попытке подъема на вершину Мунку-Сардык путешественников застал буран. Это происшествие Марьян Кароль Дубецкий (1838–1926), историк, пожизненно сосланный после Январского восстания в Иркутск, описывает таким образом: «Посетив берега озера Косогол, пройдя главные кочевья дархатов и их соседей урянхайцев, получив любезную аудиенцию у властелина этих засаянских стран, поход поднимался на Мунку-Сардык. Это высшая вершина Саяна [...]. Никто раньше туда не добрался, никто не измерил высоты этой самой высокой башни Саяна. Чекановски с товарищами решил первым измерить высоту пика Мунку-Сардыка. Поход брел по ледникам и добрался до возвышенностей, до сих пор неизвестных европейским географам. [...] Нойманн не успевал за нашими земляками. Притом туманы, лед, облака, которые невозможно пройти, свисавшие на таинственных вершинах вечного снега, не позволили добраться до цели. Чекановски предпринимал попытки, поднялся выше других, но не пробрался через тайну занавеса, обернувшего Мунку-Сардык. Вопрос, имеет ли Мунку-Сардык, несомненно самый высокий пик Серебряных вершин, высоту 1 300 стоп или нет, остался до сих пор неразрешенным, и, возможно, еще многие годы будем ждать ответа» [9, с. 164–165]. С этой экспедицией связано событие, таким образом описанное Бенедиктом Дыбовским: «Проводник, любимец Чекановского, сопровождавший нас во время экспедиции для исследования озера Косогол и горы Мунку-Сардыка, расположенных на территории урян-

хайцев и дархатов, за пределами российского государства, желая удовлетворить аккуратную чистоту Чекановского даже в путешествии, вместо того, чтобы вытереть подолом своей одежды деревянную миску, называемую агай, как делал это после длинного мучительного похода по степи, подавая нам кислое молоко, придумал очистить ее собственным языком перед тем, как налил молока для Чекановского. Он подумал, что таким образом достигнет цели совершенной чистоты, достойной лица, которое он так уважал. Однако, к огорчению Гаврилы (так звали проводника), Чекановски, несмотря на жажду, поданной ему агаи не принял. Гаврило потом жаловался нам в Култукте: “Правда, Александр Лаврентьевич лицо из благородной семьи, но мой язык не хуже” [...] Вежливость Чекановского, какая-то аристократическая изысканность, которая его характеризовала, была причиной, что все сибиряки считали его существом выше, чем обыкновенные люди, и человеком более знаменитым, чем остальные поляки» [9, с. 165–166]. Описываемый поход не завершился успехом, но можно смело сказать, что Александр Чекановский проявил самое большое мужество, силу и смелость. Если бы погодные условия были лучше, вероятно, ему бы удалось довести свое дело до конца и провести замеры и исследования. Чекановский умер, покончив с собой в Петербурге. Существует также теория, что он невольно принял слишком большую дозу лекарств.

Чекановский открыл залежи каменного угля и графита, а также обнаружил многочисленные следы присутствия фауны и флоры палеозойского и мезозойского периодов, сформировал огромную природоведческую коллекцию. В 1874 г. он подготовил монографию о геологическом строении изучаемых районов, сопроводив ее геологической картой. Его имя носят горный хребт в Якутии, который тянется между устьями рек Лена и Оленёк до моря Лаптевых, а также посёлок под Братском на Ангаре, 23 окаменелости ископаемых флоры и фауны, 5 видов современной флоры, а также по меньшей мере 2 вида рыб. В 1870 г. Чекановский был удостоен золотой медали Императорского Русского географического общества.

Монголию исследовали также поляки на службе Российской империи. Так, геолог, горный инженер, географ, геофизик, пионер в области геотермических исследований в России, путешественник, польский деятель Леонард Ячевский (1858–1916) являлся членом российской саянской экспедиции, целью которой было исследовать Саяны и проложить через них дорогу в Монголию. Он обследовал Восточный Саян также на монгольской стороне, включая бассейн большого озера Хубсугул, способствуя изучению географии этой части Монголии. Ячевский открыл несколько ледников в массиве высочайшей вершины Мунку-Сардыка (3491 м) на монгольско-русской границе. Он исследовал также геологическую структуру и высоту Саян, выяснил характер и время появления вулканической активности на этой территории, вел метеорологические наблюдения, собирал геологические и ботанические коллекции, разработал карту маршрута экспедиции с обозначенной водной сетью и астрономическими точками. Отчет о проведенных исследованиях поместил в «Известиях Русского географического общества» (1888. Т. 19. Вып. 1). В 1889 г. ученый занялся исследованиями вечной

мерзлоты: «Ячевски исследовал вопрос вечной мерзлоты уже в первые годы своей работы в Восточной Сибири. Экспедиция в Монголию к озеру Косогол и в горы Мунку-Сардыка убедила его в существовании этого явления не только на территории тундры и тайги, но также в горных районах Сибири. На основании своих исследований он создал до сих пор актуальную карту вечной мерзлоты в Азии [...] Ячевски первым обратил внимание на то, что проблема вечной мерзлоты выглядит иначе на низинах и в высоких горах, на южных и северных склонах» [9, с. 213].

В 1891–1892 гг. Ячевский руководил строительством центральносибирского участка Транссибирской магистрали, а также занимался геолого-географическими исследованиями Енисейских гор и разведкой месторождений золота в Енисейском золотомосном округе. В 1896 г. основал научную станцию в горах хребта Хамар-Дабан вдоль берегов Байкала. С 1898 по 1908 г. руководил коллективом, занимающимся разведкой золотых месторождений в Сибири. Говорили о нем, что «в каждом из этих направлений он всегда шел собственным путем, лишь изредка используя пути, проторенные его предшественниками» (А. Стопович, Г. Малавкин). В 1899–1903 гг. преподавал в Высшем горном училище в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). С 1905 г. преподавал в Николаевской военно-инженерной академии. Участвовал в составлении двух больших геологических карт Сибири. Также составил карту системы рек Центральной Сибири. Написал 89 научных работ. Был женат на Елене Бирон, у них родились сын Тадеуш и дочь Мария. В 1898 г. за научные достижения Императорское Русское географическое общество удостоило его серебряной медали Пржевальского. Умер в Петрограде, а его символическая могила находится на кладбище Повонзки в Варшаве.

Другим исследователем Монголии был Казимеж Гроховский (1873–1937), инженер, геолог, путешественник, педагог, публицист, археолог, этнограф, лингвист, польский общественный и культурный деятель. В 1906 г. уехал на Дальний Восток. В 1908–1920 гг. провел около 30 научных экспедиций в качестве участника и руководителя. Путешествовал по Сахалину, Восточной Сибири, Туве, Уссурийскому краю, Якутии, Аляске, Монголии и Маньчжурии. В 1914 г. стал директором монгольского отдела крупной российской золотодобывающей компании и поселился на территории Внутренней Монголии (ныне Маньчжурии). В 1915 г. Гроховский отказался от работы в компании и приобрел от монгольского правительства концессию на добычу полезных ископаемых в районе реки Халхин-Гол, где вскоре открыл рудник и завод по переработке соли и соды. В 1916 г. получил от монгольского князя Барги горнодобывающую концессию на территорию в 40 000 км². В 1917 г. Гроховского пригласили принять участие в шведской геологической экспедиции в западную Монголию и Урянхайский край под руководством профессора Якоба Седерхольма, финансируемой Шведской королевской академией наук. С 1920 г. он жил в Харбине — польском городе в Китае, где работал учителем, потом он стал директором польской Гимназии имени Генрика Сенкевича и редактором нескольких польских газет, издаваемых в Маньчжурии: «Biuletyn Polskiej Izby Handlowej» [Бюллетень Польской торговой палаты],

«Tygodnik Polski» [Польский еженедельник], «Listy Harbińskie» [Харбинские письма] и их продолжение «Daleki Wschód» [Дальний восток]. В школе преподавал природоведение, географию и историю Польши. Изучал китайский, японский и английский языки, а также экономику, историю и географию Дальнего востока. Гроховский предлагал провести реформу польской школьной системы в Харбине, чтобы выпускники после окончания обучения могли применить свое образование на дальневосточном рынке. Он также хотел, чтобы как в гимназии, так и в лицее было два факультета: восточно-торговый для тех учеников, которые хотели остаться в Харбине, и гуманитарный — для планировавших вернуться в Польшу. Гроховский вел также интенсивные археологические исследования в Маньчжурии, исследуя руины древних корейских городов-государств Пуё (Фуэй) и Бохай (Пархэ). Донесения об исследованиях публиковал в научных журналах Харбина и научно-популярных периодических изданиях в Польше. Он открыл богатые месторождения золота на берегах нижнего Амура, вдоль берегов Охотского моря и на Шантарских островах в Охотском море, а также месторождения нефти и других полезных ископаемых. Одновременно он проводил археологические и этнографические исследования местных народов (якутов, тунгусов, гольдов), записывал их легенды и рассказы, изучал речь, составлял словари, разрабатывал тунгусскую грамматику. Казимеж Гроховский занимался также археологическими исследованиями и стал известен благодаря открытию в 1916 г. в разветвлении рек Гэньхэ и Дербул руин дворца, который был признан первым местонахождением внука Чингисхана (XIII в.). Коллекции инженера Гроховского положили начало нынешнему Государственному музею Монголии, он был не только его учредителем, но и также крупнейшим спонсором. Ученый передал музею богатую коллекцию экспонатов, собранных во время его многочисленных научных экспедиций, среди которых древние китайские монеты и предметы, изготовленные тунгусскими племенами. Другим интересным экспонатом был меч воина китайских партизанских отрядов из сообщества «Великие мечи», подаренный одним из членов его сообщества Владиславом Пельцом. Эдвард Кайданьски, дипломат, выдающийся синолог, журналист и автор известных научных и научно-популярных работ, романов, в книге «*Fort Grochowski*» [Форт Гроховски] вспоминает: «С инженером Гроховским я познакомился в 1933 г., когда я был учеником Польской гимназии имени Генрика Сенкевича в Харбине. Он тогда был учителем природоведения и географии. Я запомнил его как чуть сутулого человека старше меня в сверкающих золотых очках, с глобусом в руке и рулонами каких-то планов и карт подмышкой. Он передвигался между залом по географии и природоведению, где хранил свои сокровища, и залами гимназии всегда с группой учеников постарше, с увлечением обсуждающих затронутые им на уроках темы [2, с. 56].

Казимеж Гроховский пытался разными способами доносить и распространять знания о странах Дальнего Востока среди проживающих в Харбине поляков. Он был также соучредителем и многолетним председателем Польского востоковедческого общества, Общества по исследованиям Маньчжурии, а также Гимна-

зического общества географов и природоведов. Умер в Харбине, где остановился по пути на Филиппины.

Ниже приведен фрагмент дневника Казимежа Гроховского, в котором описано путешествие автора в Монголию в январе 1914 г.: «Дальше, то есть выше, путь становится хуже, на каждом шагу вода! Лед ломается и лыжи оседают на 30 см в воде. В некоторых местах олени не могут вытянуть лыжи из снега. Мы прокладываем им путь пешком, бредя в снегу до глубины 80 и даже 100 см. Лошадь Клима нервничает и не хочет идти через обледенения. [...] Солнце заходит, начинаются сумерки. Олени теряют силы и еле могут двигаться вперед. Все меньше надежды добраться к людям» [4, с. 216].

Необходимо также упомянуть о Юлиане Талько-Гринцевиче (1850–1936) — этнографе, антропологе, медике, которого называли «врачом для нищих», причем это прозвище Юлиан считал самым «достойным». Когда Гринцевич в 1890 г. потерял свое имущество в Звенигороде [7, с. 193], он решил с женой Кристиной, урожденной Шабуневич, уехать в Сибирь и занять там должность врача, которая позволит ему одновременно зарабатывать деньги и вести научные исследования. Цель путешествия находилась в котловине на границе с Монголией. В воспоминаниях Юлиана Талько-Гринцевича читаем: «Мы все ближе к концу нашего путешествия. В жаркий день на небе собрались тучи, гремело, сверкали молнии и шел проливной дождь, когда мы доезжали до Кяхты, последней станции, отдаленной от Троицкосавска на 24 версты. Это село над рекой Селенгой, принадлежащее к городу [...]. Уставшие от продолжавшейся весь день жары, мы думали только о том, чтобы добраться до Троицкосавска. Но темная ночь и непрерывная буря с проливным дождем помешали нам. Пришлось ночевать на станции» [7, с. 239–240]. В 1892 г. Талько-Гринцевич занял должность окружного врача в Троицкосавске. В 1899 г., рискуя жизнью, поехал с женой в столицу Монголии Ургу, где разразилась распространяемая дикими собаками эпидемия чумы. Кроме врачебной деятельности (кстати, он написал много научных работ по медицине, например «*Zarys lecznictwa ludowego na Rusi Południowej*», 1893; «*K вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье*», 1903) и ведения археологических раскопок — он открыл в Сибири более пятиста курганов, результаты своей работы он представил в сочинениях, изданных уже в 90-е гг. XIX в. («*Przedhistoryczne cmentarzysko na Sudży*», 1898), Талько-Гринцевич исследовал антропологические признаки бурят, халхов, тунгусов, татар, китайцев и чувашей, что описал в работах «*Ludy Azji Środkowej*» (1902) или «*Materiały do etnologii i antropologii ludów Azji Środkowej*» (1910), и монголов, однако печать книги «*Materiały do antropologii Mongolii i Zabajkala*» была приостановлена из-за начала войны в 1939 г. В ноябре 1892 г. Юлиан Талько-Гринцевич был избран членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В 1894 г. он стал организатором Троицкосавского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, а также музея, содержащего более десятка объектов культуры народов Дальнего Востока, исторические и природоведческие коллекции Забайкалья и Монголии (каждый год музей посещало свыше трех тысяч человек), библиотеки (количество

научных работ, подаренных Санкт-Петербургской академией наук, Императорским Русским географическим обществом и 60 другими обществами и научными учреждениями как российскими, так и зарубежными, превышало шесть тысяч). Талько-Гринцевич успешно управлял этими учреждениями: организовывал ежемесячные собрания исполнительного комитета отделения, научные совещания членов, научно-природоведческие экскурсии, писал протоколы заседаний Общества и отчеты о деятельности, редактировал издания, которые печатались сначала в Троицкосавске и Иркутске, а потом в Москве и Санкт-Петербурге, и их посылал членам Русского географического общества и учреждениям, переписывался с учеными, устраивал концерты и лекции с целью получения финансирования. В 1898 г. Талько-Гринцевич получил премию Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. В 1904 г. был удостоен золотой медали Императорского Русского географического общества. В 1908 г. вернулся в Краков и начал работу в Ягеллонском Университете. Юлиан Талько-Гринцевич говорил: «Я приехал в Сибирь шестнадцать лет тому назад не столько ради хлеба, сколько ради работы. Как человек чужой для этих мест, я не знал, каков будет мне оказан прием, будет ли понят мой труд [...]. Но я всегда помнил, что там я только гость и принадлежу совсем другому обществу. Меня понимали и не видели в этом преступления с моей стороны» [8, с. 90]. Талько-Гринцевич умер в Кракове, был похоронен на Раковицком кладбище.

Известный писатель Вацлав Серошевский (1858–1945) в 1902 г. посетил Монголию, что отразилось потом на его литературном творчестве. Вацлав Серошевский — этнограф, географ, литератор — в 1878 г. за конспиративную деятельность был приговорен к восьмилетнему поселению в Верхоянске. В 1883 г. за безуспешную попытку побега был пожизненно сослан в Среднеколымск. «Тюрьмы Сибири — писал Серошевский в воспоминаниях, — как католические кафедры в средневековой Франции, это крупнейшие здания поселков, и даже городов. Их тут называют «тюремный замок» [6, с. 295]. В 1887 г. ему разрешили переселиться в Намский улус. Серошевский издал монографию «*Якуты. Опыт этнографического исследования*» (1896) [12 lat w kraju Jakutów, 1900], за которую получил золотую медаль Императорского Русского географического общества. В 1900 г. за предположительное участие в манифестации по поводу открытия памятника Адаму Мицкевичу в Варшаве был повторно арестован и заключен в тюрьму на варшавском Павяке, а затем в X павильоне Варшавской цитадели. Ему поручили вернуться в Иркутск. После выкупа и ходатайства Императорского Русского географического общества наказание было смягчено и Серошевскому разрешили поехать в Японию. В 1903 г. он отправился вместе с Брониславом Пилсудским через Сибирь и Монголию на Хоккайдо для исследования айнов. Он путешествовал по Китаю, Монголии, Японии и Корее. Результатом этих путешествий, как и предыдущих опытов и наблюдений, стали новые сочинения.

Серошевский открыл залежи железной руды в Колымском и Верхоянском округах, а также собрал богатую ботаническую коллекцию. В 1914 г. приехал в Краков, чтобы исполнить свой воинский долг. В 1918 г. вошел в состав Временного (польского) правительства как министр пропаганды. В межвоенный период

много путешествовал за границей. Умер в Пясечне под Варшавой в 1949 г., его похоронили на кладбище Повонзки в Варшаве. Был женат на Стефании (в девичестве Мянговской), имел трех сыновей — Владислава, Станислава и Казимежа. Вацлав Серошевский возглавлял Союз польских писателей и Польскую академию литературы, был членом Варшавского научного общества.

Исследования Монголии велись поляками и после второй мировой войны. На основании соглашения, заключенного академиями наук Польши и Монголии в 1965–1980 гг., коллектив польских этнологов из Варшавы вел систематические научные этнографические исследования в центральной и западной Монголии. В результате были собраны уникальные данные об общественной и экономической жизни и устройстве Монголии, обычаях народов, ведущих кочевой образ жизни. Коллективом этнологов руководил рожденный в Харбине сын строителя Китайско-Восточной железной дороги профессор Витольд Дыновский (1903–1986). На основании этих исследований были написаны многочисленные публикации, докторские и диссертационные работы сотрудников Польской академии наук и Варшавского университета.

Литература

1. Кайданьски Э. *Dziennik syberyjskich podróży Kazimierza Grochowskiego*. Люблин, 1986.
2. Кайданьски Э. *Polacy na Dalekim Wschodzie*. Варшава, 2014.
3. Котвич В. *Józef Kowalewski, orientalista (1801–1878)*. Вроцлав, 1948.
4. Палкевич Я., Кшиштоф П. *Benedykt Polak, pierwszy polski podróżnik*. Вроцлав, 2015.
5. Полянская О. Н. *Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского* // *Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk*. 2009. S. 111–123.
6. Серошевский В. *Pamiętniki — wspomnienia, dzieła*, т. XVI. Краков, 1959.
7. Талько-Гринцевич Ю. *Z przeżytych dni (1850–1908)*. Варшава, 1930.
8. Талько-Гринцевич Ю. *Wspomnienia z lat ostatnich (1908–1932)*. Варшава, 1932.
9. Вуйчик З. *Aleksander Czekanowski. Szkice o ludziach, nauce i przygodzie na Syberii*. Люблин, 1982.
10. Полянская О. Н. Деятельность поляков — членов Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского географического общества по изучению монгольских народов // *Wrocławskie Studia Wschodnie*. 2018. № 22. S. 179–194.
11. Полянская О. Н. Дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского 1828–1833 гг. «Дневник занятий за 1832 г.» — источник по истории народов Внутренней Азии. Улан-Удэ, 2012. 156 с.
12. Полянская О. Н. Монголоведение в России первой половины XIX в.: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ, 2019. 321 с.

УДК 94(438+517)
DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-66-71

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛЬСКОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

© **Хеубшман Ариадна Сергеевна**

кандидат исторических наук, документовед,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: a.heubschman@gmail.com

© **Кузьмин Юрий Васильевич**

доктор исторических наук, профессор,
Байкальский государственный университет
Россия, 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: KuzminUV@yandex.ru

Монголоведные исследования в Польше имеют долгие традиции, польские специалисты и сегодня вносят большой вклад в развитие мировой монголоведной науки. Секция народов Центральной Азии восточного факультета Варшавского университета, Институт археологии и этнологии Польской академии наук, Университет им. Адама Мицкевича в Познани являются основными научными центрами, в которых проводится работа по изучению Монголии, Бурятии, Внутренней Монголии. Исследования ведутся по направлениям: источниковедение, лингвистика, история, историография, этнология.

Ключевые слова: монголоведение; Польша; филология; история; этнология; исследования.

MODERN MONGOLIAN STUDIES IN POLAND

Ariadna S. Heubschman

Cand. Sci. (History), document specialist,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: a.heubschman@gmail.com

Yuriy V. Kuzmin

Dr. Sci. (History), Prof.,
Baikal State University,
11 Lenina St., 664003 Irkutsk, Russia
E-mail: kuzminuv@yandex.ru

Mongolian studies in Poland have a long tradition. Today Polish researchers contribute to the development of Mongolian studies in the world. The Departments of Turkish Studies and Inner Asian Peoples of Oriental Studies Faculty in Warsaw University, Institute of Archeology and Ethnology of the Polish Academy of Science, Adam Mickiewicz University in Poznan are the main research centers where Mongolia, Buryatia, Inner Mongolia are studied. The research field includes source studies, linguistics, history, historiography, ethnology of Mongolian region.

Keywords: Mongolian studies; Poland; philology; history; ethnology; research.

Значимость влияния монгольского мира в средневековый период на многие процессы развития евразийских стран побуждала мировое научное сообщество изучать историю и культуру монголов. Среди западноевропейских исследователей-ориенталистов значительный вклад в развитие монголоведной историографии внесли польские ученые.

Польское монголоведение имеет отдельную историю, своих выдающихся ученых, деятельность которых повлияла на развитие как российской науки, так и мировой. Польские монголоеды-филологи и этнографы-монголоеды проводят параллельные, независимые друг от друга исследования. Некоторые специалисты имеют российское происхождение, но публикуют труды на польском, русском, английском языках, представляют польские учебные заведения и научные центры.

Научными центрами монголоведения в Польше являются Варшавский университет и Университет им. Адама Мицкевича в Познани. В Варшавском университете монголоведные исследования ведутся в секции народов Центральной Азии, на факультете прикладных социальных наук, в отделении неевропейской этнологии и глобалистики исторического факультета, на кафедре социальной антропологии.

Секция народов Центральной Азии Варшавского университета продолжила традиции своих основателей. Исследования не ограничивались только монгольскими языками, но охватывали алтайские, тюркские, маньчжурский и тибетский языки. После Второй мировой войны основной востоковедный центр в Польше сместился из Львовского университета в Варшавский. В Варшавском университете Институт востоковедения был основан в 1932 г. Первая кафедра монгольского языка во Львовском университете, образованная В. Л. Котвичем, продолжила свое существование после войны как секция народов Центральной Азии в Варшавском университете. М. Левицкому, С. Калужиньскому и другим представителям этого научного центра удалось вывести достижения по исследованию монгольских языков на мировой уровень.

После 1989 г. секция народов Центральной Азии Варшавского университета, несмотря на новые политические условия, смогла сохранить традиции монголоведных исследований, заложенные О. М. Ковалевским и В. Л. Котвичем. В настоящее время секция представлена такими исследователями, как А. Баря-Стажиньская, С. Годзиньский, Е. Тулисов, Бямбаа Рагчой, Я. Рогала и другими. Ими были проведены филологические исследования монгольских языков, переведены на польский язык монгольские письменные источники, изданы работы по истории, религии, историографии Монголии, а также учебник современного монгольского языка. Все специалисты прошли стажировку в Монголии, владеют монгольским языком, проводят полевые исследования в регионе, участвуют в международных монголоведных конференциях и семинарах; ученые активно сотрудничают и ведут совместные проекты с зарубежными специалистами и научными центрами Европы, Азии и США. До 2003 г. профессор С. Годзиньский исполнял функции руководителя отдела народов Центральной Азии. Сегодня

кафедру тюркологии и народов Центральной Азии возглавляет Агата Барея-Стажиньская.

Среди крупных работ и проектов за 2014–2019 гг. можно выделить исследования архива Владислава Котвича в Краковском государственном архиве и публикацию статей о его экспедиции в Эрдени Цзу в 1912 г. [7]; учебник современного монгольского языка [32]; статьи о планировке города в социалистический период, восприятии города в монгольском хип-хопе, а также монография о влиянии горного дела на монгольскую культуру [33] и др.

Этнологические исследования польских ученых занимают ведущее место в польском востоковедении и монголоведении. Этнологи, которые приняли участие в экспедициях Витольда Дыновского, продолжили и углубили свои исследования в Монголии. Монголоведные исследования получили развитие в университете им. Адама Мицкевича в Познани.

Институт этнологии и культурной антропологии Варшавского университета одним из первых в Польше начал этнографические исследования Монголии. В. Дыновский стал инициатором проведения этнографических исследований за пределами Польши. Договор о научном сотрудничестве между Монгольской и Польской академиями наук способствовал тому, что в 1963 г. состоялась первая польская этнографическая экспедиция в Монголию. Исследования проводились регулярно, вплоть до 1978 г., их участниками были в последующем ведущие польские этнологи и монголоеды: С. Шинкевич, Л. Мруз, Я. Олендзкий, И. Кабиньская, С. Соколевич, Е. Василевский. Это были первые и одни из самых важных комплексных исследований за пределами Европы, проводившихся польскими учеными. Именно в Монголии польские этнологи разработали стандарты ведения этнографических полевых исследований, интерпретации общественных институтов и культурных явлений, значительно отличавшихся от собственной польской народной культуры. Участники экспедиций в Монголию Л. Смырский, Т. Раковский, Е. Новицкая, З. Шмыт, К. Голик, Б. Ястшембский и др. впоследствии составили элиту польской этнологии, которая до 1990-х гг. смогла сдвинуть центр тяжести этнологических интересов с этнографии в сторону сравнительных и этнических исследований [22].

Отличительной чертой современного польского монголоведения является активное участие в исследованиях этнических монголов и россиян, проживающих в Польше и представляющих польские научные центры, среди них Оюунгэрэл Тангад, Зоя Морохоева, Иван Пешков, Вероника Беляева и Аюр Жанаев.

В настоящее время среди перспектив развития польского монголоведения можно выделить дальнейшее изучение архивных материалов в фонде В. Л. Котвич, исследование социально-политических процессов в современной Монголии, вопросов глобализации в современном монгольском мире, миграционных процессов внутри Монголии и за ее пределами, истории и образовательной политики Внутренней Монголии. Выводы исследований преимущественно основаны на личных наблюдениях авторов, сделанных в непосредственной близости и/или при непосредственном участии исследователей в тех или иных событиях, что придает им особую ценность.

Литература

1. Жанаев А. (Не)переводимость концепта в культурно-цивилизационном аспекте (на материале бурятских концептуальных ориентиров). *Миры литературного перевода*. Москва. С. 495–499.
2. Морохоева З. Молчащая интеллигенция и русификация культурных образцов в Центральной Азии // J. Kieniewicz red., *Inteligencja, imperium i cywilizacje w XI i XX wieku*. Warszawa, 2008.
3. Пешков И. Следы российской Маньчжурии в приграничных городах России и Китая // *EURASIA. STATUM ET LEGEM*. 2014. № 1. С. 44–58.
4. Пешков И. Право быть «символом леса» вместо «права на лес»: границы юридической дееспособности «традиционных сообществ» на примере опыта седентаризации эвенков-оленьеводов Внутренней Монголии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. Т. 17, № 5(76). С.192–212.
5. Пешков И. Борьба за историю в культурном пространстве приграничного города: Приаргунск в тени «Советского Забайкалья и «Русского Трехречья» / ред. Л. В. Курас // *Приграничный урбанизм: имперская и постимперская практики*. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2014. С. 89–109.
6. Шмыт З. Модерн номадс // *Антропологические очерки современных бурятских миграций в России*. Иркутск, 2014. 107 с.
7. Bareja-Starzyńska A., Tulisow J. The Impact of Prof. W. Kotwicz Private Archive in Cracow: the Missing Link between Mongolian and Russian Sources // *Cultural Heritage of the Mongols: Manuscript and Archival Collections in St. Petersburg and Ulaanbaatar / Mongolian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences*. Ulaanbaatar; St. Petersburg, 2014. P. 15–29.
8. Bareja-Starzyńska A. Professor W. Kotwicz as an Advisor to Mongolian People's Government. Plans not Fulfilled // *A Window onto the Other. Contributions on the Study of the Mongolian, Turkic and Manchu-Tungusic Peoples, Languages and Cultures Dedicated to Jerzy Tulisow on the Occasion of His Seventieth Birthday / Agata Bareja-Starzyńska, Jan Rogala and Filip Majkowski (red.)*. Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa, Wydział Orientalistyczny Uniwersytetu Warszawskiego, 2014. P. 52–64.
9. Bareja-Starzyńska A. Dalai Lama's Representative Agvan Dorjiev and Altaist Professor Władysław Kotwicz: letters of 1912 // *Trails of the Tibetan Tradition. Papers for Elliot Sperling / Roberto Vitali (red.)*. Dharamsala: Amnye Machen Institute, 2014. P. 47–62.
10. Bareja-Starzyńska A. Badacze dziedzictwa Mongolii — Józef Kowalewski i Władysław Kotwicz // *Orientalistyka. Rozważania o nauce*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2014. P. 17–29.
11. Bareja-Starzyńska A. *Altaica Et Tibetica: Anniversary Volume Dedicated to Stanisław Godziński on His Seventieth Birthday*. Warszawa: Elipsa, 2010. 283 p.
12. Belyaeva V. Szamani i lamowie w sercu Sajanów. Współczesny system wierzeniowy Buriatów Doliny Tunkijskiej. Wrocław; Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2009. 296 s.
13. Golik K. Reversing the Trends? Remarks on Recent Changes in Mongolian Education in Peoples' Republic of China / red. Agata Bareja-Starzyńska. Warszawa, 2019.
14. Golik K. Mongołowie północnych Chin wobec ekspansji japońskiej // *Azja-Pacyfik*. 2016. № 19. S. 10–15.
15. Golik K. Facing the Decline of Minority Languages: The new Patterns of Education of Mongols and Manchus // *Rocznik Orientalistyczny*. 2014. T. LXVII. Z. 1. S. 20–24.
16. Kabzińska-Stawarz I. V Światowy Kongres Mongolistów, Ulan-Bator, 14-20 września 1987 // *Etnografia Polska*. 1989. T. XXXIII. S. 241–246.
17. Morochojewa Z. Пограничья Евро-Азии // *Artes Liberales*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2013. 383 p.

18. Morochojewa Z. The Problem of the National Renaissance of the Buryat and Civil Society in Anthropology & Archaeology of Eurasia. Washington, D.C., 1998. V. 37. No.3.
19. Wielka Syberia Małych Narodów / Nowicka E. (red). Kraków, 2000. 200 s.
20. Nowicka E. Wyszynski R. Lamowie i sekretarze. Warszawa: Wydział Filozofii i Socjologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1996. 172 c.
21. Nowicka-Rusek E., Głowacka-Grajper M., Połec W., Szamani i nauczyciele. Przemiany kultury Buriatów zachodnich. Warszawa, 2013. 238 c.
22. Nowicka E. Korzenie Attargany sięgają głęboko. Buriaci we współczesnym świecie. Kraków, 2016. 350 s.
23. Nowicka E., Zhanaev A. Life on the Borderland: Buryats in Russia, Mongolia and China. *Ethnologia Polonia*. 2016. V. 37. P. 121–130.
24. Nowicka E., Zhanaev A. The Image of Genghis Khan in the Modern Buryat National Integration // *Polish Sociological Review*. №3 (187). P. 381–394.
25. Oyungerel T. Nieuchwytna, relatywna wszechobecność — o kategoriach moralności w kulturze mongolskiej // *Etnografia Polska*. 2016. T.60. S. 129–147.
26. Oyungerel T. Cultural Aspects of Democratization in Mongolia. The Ethical Perspective // *Ethnologia Polona*. 2016/2017. V. 37. P. 133–144.
27. Oyungerel T. Scheda po Czyngis Chanie. Demokracja po mongolsku, 2013. 254 s.
28. Oyungerel T. Орон нутгийн хөгжлийн цар хүрээ. Ховд аймгийн Булган сумын Торгуудуудын дунд явуулсан нийгэм соёлын антропологийн судалгаанаас [Lokalne formy rozwoju. Z badań antropologicznych wśród Toguutów Bułgan somonu Chovd ajmaku] // *Studia Ethnologica* / red. G. Tserenkhand. 2015. C. 150–157.
29. Oyungerel T. Zapaśnik prezydentem? O kategoriach myślenia wyborców mongolskich // *Polityka państw azjatyckich. Wyzwania i dylematy* / Joanna Marszałek-Kawa, Karolina Julia Helnarska red. Toruń, 2015. P. 305–327.
30. Peshkov I. The Communal Apartment under “Special Surveillance”: The Legacy of the Soviet Gulag in Multiethnic Criminal Subcultures in Eastern Siberian Prison Camps, *Laboratorium*, 1. 2014. P. 80–100.
31. Peshkov I. In the Shadow of “Frontier Disloyalty” at Russia — China — Mongolia Border Zone // *History and Anthropology*. 2017. № 28. P. 429–444
32. Rogala J. Podręcznik do nauki współczesnego języka mongolskiego. Warszawa, 2015. 524 s.
33. Szczap P. Wizerunek Chińczyków w mongolskim utworze hip-hopowym „Chudžaa” // *Orientaliści kognitywne*. 2018. S. 74–95.
34. Szczap P. Preliminary Observations on Ulaanbaatar City Place Names as a Part of Mongolian Urban Heritage // *Mongoliin Soyol Uurlag Sudlal / Mongol Ulsyn Soyol Uurlagiin Ikh Sarguuli*. Ulaanbaatar, 2018. T. XXVIII.
35. Szmyt Z. Dziedzictwo na antypodach postsocjalistycznego świata // *Dziedzictwo Kulturowe Wsi*. 2018. T. 1. S. 23–47.
36. Szmyt Z. *Buriaty v Moskve* // *Bajkal*. 2015. No 6. S. 138–144.
37. Szynkiewicz S. Rodzina pasterska w Mongolii. Wrocław: Ossolineum, 1981. 256 s.
38. Tulisow J. (red.), O. Inoue, A. Bareja-Starzyńska, E. Dziurzyńska. In the Heart of Mongolia // 100th Anniversary of W. Kotwicz’s Expedition to Mongolia in 1912. Studies and selected Source Materials. Cracow: Polska Akademia Umiejętności, 2012. 413 s.
39. Pasterze reniferów mongolskiej tajgi / Wasilewski J. (red.). Warszawa: Wydawnictwo DiG i IEiAK UW, 2008. 274 s.
40. Waslilewski J. O mongolskich naruszeniach pogrzebowych, grach i baranich kościach. Studium symboliki trudnej // *Etnografia Polska*. 2015. V. 59. P. 65–86.

41. Waslilewski J. Global Initiative, Local Problems — an Ethnographic Perspective // International Symposium on "Belt and Road" Initiative for Think Tank Network for "16+3" (14–18.10.2018). Harbin, 2018.
42. Waslilewski J. Mongolian wedding games and meaningful sheep bones // Joint ESCAS-CESS Conference / University of Central Asia (AUCA) in Bishkek // 15th Biennial Conference of the European Society for Central Asian Studies (ESCAS), and the Sixth Regional Conference of the Central Eurasian Studies Society (CESS) (29.06–2.07.2017). Bishkek, 2017.
43. Zhanaev A. Symbol and World Relation: The Study of Some Cultural Contexts of Buryat Language Use // Etnografia Polska LIX. V. 1–2. P. 195–204.

УДК 94(438)(092):930.25(476)
DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-72-76

**НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ
К БИОГРАФИИ МОНГОЛОВЕДА О. М. КОВАЛЕВСКОГО (1800/1801–1878)
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА
БЕЛАРУСИ В Г. ГРОДНО)**

© **Румак Галина Владимировна**
учитель белорусского языка и литературы,
E-mail: galina-givica@mail.ru

© **Курчицкий Владислав Владимирович**
ученик 9-го класса,
E-mail: vladkurchytsky@gmail.com

ГУО «Олекшицкая средняя школа
Белорусь, 231784, аг. Олекшицы, ул. Центральная, 20

Монголовец Осип Михайлович Ковалевский вырос на Гродненщине в семье униатского священника. До настоящего времени место рождения монголоведа О. М. Ковалевского является предметом дискуссий из-за разрозненности документов униатского периода. В 2015 г. в Массолянской и Олекшицкой церквях Берестовицкого района были найдены многочисленные документы, свидетельствующие о служении в Олекшицкой церкви династии Ковалевских на протяжении всего XIX в. Ее основателем был Михаил Ковалевский 1765 г. р. Так возникла гипотеза о рождении О. М. Ковалевского в Олекшицах, хотя в документах не было обнаружено сведений о его братьях Теодоре и Юлиане, а единственным сыном Михаила Ковалевского из Олекшиц был Антоний 1801 г. р., что подтолкнуло к продолжению поисков в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно. В итоге были найдены документы, свидетельствующие о том, что в Олекшицах и Левково одновременно служило два Михаила Ковалевских. Однако сыновей Теодора и Юлиана в 1795 г. имел лишь Левковский настоятель Ковалевский Михаил Юзефович. Удалось уточнить состав родной семьи О. М. Ковалевского и имя его матери. Однако гипотеза не подтвердилась: родиной О. М. Ковалевского является Левково.

Ключевые слова: Ковалевский; Михаил; место рождения; Левково; Олекшицы; священник; архив; церковь; семья.

NEW DOCUMENTS TO THE BIOGRAPHY OF MONGOLOGIST O. M. KOVALEVSKY
(1800/1801–1878) (BASED ON THE MATERIALS OF THE NATIONAL HISTORICAL
ARCHIVE OF BELARUS IN GRODNO)

Galina V. Rumak
Teacher of Belarusian Language and Literature
E-mail: galina-givica@mail.ru

Vladislav V. Kurchitskiy
9th Grade Student
E-mail: vladkurchytsky@gmail.com

Oleckshytsy Secondary School
20 Tsentralnaya St., Oleckshytsy, 231784, Belarus

An orientalist Osip Kowalewski grown up in Grodno region at the family of an uniate priest. A place of birth of O. M. Kowalewski is a subject of discussions. Find out the place of birth was impossible because of the differences in documents of an uniate period. During studying of the history Massolyany and Oleckshytsy churches in Berestovitsa District in 2015 were found a lot of documents that point out the ministry of the Kowalewski dynasty in the Oleckshytsy church during the whole 19th century. The founder of it was Mikhail Kowalewski 1765 year of birth. That's why we made a hypothesis about the birth of O. M. Kowalewski in Oleckshytsy, even though we didn't find any information about his brothers Theodore and Juliane, and the only son of Mikhail from Oleckshytsy was named Antoniу 1801 year of birth that made us to continue the searches in National historical archive of Belarus in Grodno. As a result, we were found documents pointing out that two Mikhail Kowalewski were in ministry in Oleckshytsy and in Lewkowo at the same time. But only priest in Lewkowo Kowalewski Mikhail, the son of Yusef, had two sons Theodore and Juliane. We managed to clarify the squad of the Kowalewski family and the name of his Mother. The hypothesis isn't confirmed because the motherland of O. M. Kowalewski is Lewkowo.

Keywords: Kowalewski, Mikhail, place, birth, Lewkowo, Oleckshytsy, priest, archive, church, family.

До настоящего времени место рождения монголоведа О. М. Ковалевского является предметом дискуссий. В результате изучения церковных архивов появилась гипотеза о рождении ученого в д. Олекшицы Берестовицкого района, опровергнутая после неудачных поисков документов в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно. Найденные документы за 1795 г. позволяют с полным основанием утверждать, что родиной О. М. Ковалевского является Левково.

Широко известно, что востоковед Осип Михайлович Ковалевский (1800/1801–1878) родился на Гродненщине в семье униатского священника Михаила Ковалевского, имел братьев по имени Юлиан и Теодор. Место же рождения ученого-монголоведа до сих пор наверняка неизвестно ввиду разрозненности документов, которые в период перехода в православие (1837 г.) массово уничтожались, а сохранённые ранее в униатских консисториях были разобщены по белорусским, литовским, польским и российским архивам. В качестве малой родины ученого в разных источниках называется Левково, Большая Берестовица, Олекшицы, Гродно.

Проведение данного исследования стало возможным после выхода книги Д. Лисейчикова “Святар у беларускім соцыуме: прасапаграфія ўніяцкага духавенства”, в которой был упомянут 21 церковнослужитель по фамилии Ковалевский, 6 из них представляли Гродненщину. Двое (Ковалевский Михаил и Ковалевский Антоний) служили в Олекшицах, еще двое — в Левково (Ковалевский Гераним — 20.06.1712–26.12.1729 и Ковалевский Иосиф (Юзеф) — 14.04.1738–13.03.1784 гг. Среди них имя Михаил носил только один — настоятель Олекшицкой церкви Берестовицкого благочиния.

Полученные сведения позволили прийти к выводу, что Большая Берестовица не могла быть малой родиной востоковеда О. М. Ковалевского. Большая Берестовица также никогда не являлась местом проживания и служения Ковалевских (на время рождения О. М. Ковалевского здесь служил Томаш Воцилович, а с 25 февраля 1837 г. служение продолжил его сын Николай) [1, с. 174].

Сохранившиеся ведомости Олекшицкой церкви за 1843 г. подтверждают, что настоятелем прихода был Михаил Антониевич Ковалевский, коадьютором — Антоний Ковалевский. Кроме того, документы соседней с Олекшицами Массолянской церкви свидетельствуют о том, что при отсутствии массолянского священника его обязанности выполняли с 10 августа 1835 г. по 20 декабря 1844 г. настоятель Олекшицкой церкви Михаил Ковалевский, с 6 мая 1837 г. — Антоний Михайлович Ковалевский, в июне 1875 г. и с 10 января по 29 мая 1899 г. — Лев Ковалевский. На основе этих документов появилась версия о том, что Олекшицы могли быть местом рождения Осипа Михайловича Ковалевского. Однако некоторые вопросы оставались без ответов: почему нигде в его письмах не упоминаются Олекшицы, почему у Олекшицкого Михаила сын Антоний, если братьев Осипа Михайловича звали Юлиан и Теодор? К тому же, Антоний Михайлович и Осип Михайлович по старому стилю родились в 1801 г., что маловероятно для родных братьев.

В Левковской же церкви, если верить просопографии, династия Ковалевских оборвалась на Иосифе (Юзефе) в 1784 г. [1, с. 270–271]. Однако в ходе изучения истории церквей оказалось, что автор книги на основании схожести названий ошибочно объединил сведения по двум церквям Гродненского повета — Левковской и Левшовской (ныне это название утрачено, а церковь находится в д. Горбачи Берестовицкого района).

Найти ответы на поставленные вопросы помогли документы Национального исторического архива в г. Гродно.

В ревизских сказках шляхты за 1795 г. находим «Письмо пресвитерской фамилии повету Гродненского парафии Яловскай деревни Левкова парафиальной церкви с перечислением при той церкви людей». В документе названы настоятель Ёзеф Геранима, сын Ковалевский (81 г.); пресвитер Михаил, сын Ёзефа, коадьютор (34 г.); его жена Агата (30 л.); сыновья Теофил (7 л.), Теодор (5 л.), Юлиан (3 г.); дочери Констанция (11 л.), Текля (10 л.), Изабелла (1 г.)¹.

В ходе дальнейшего изучения ревизских сказок находим подтверждение полученным сведениям. В ревизских сказках церковнослужителей за 11 сентября 1811 г. при Левковской церкви значатся «Михаил, Ёзефа сын, Ковалевский², а также шпитальный Иван, Герасимов сын, Ковалевский (59 л.)»³. В списке жителей Гродненского уезда за 1833 г. под № 2827 числится «Левковского прихода священник греко-униатского исповедания Леон Михайлов, сын Ковалевский, от роду ему 29 лет. Доказательств на шляхетство не предоставил. Женат на дворянке Саломее Базылевичовой. Его сыновья — Атаназий (7 л.), Фаустин (2 г.), дочь —

---

¹ НИАБ в г. Гродно. Ф. 24. Оп. 7. Д. 9. Л. 44.

² Там же. Д. 27. Л. 152 об.

³ Там же. Д. 27. Л. 153.

Зофия (3 г.). Родился в плербании Левковской, происходит из священнического звания, поступил на священника по распоряжению Жировицкой Консистории и определен на пробоца Левковской церкви 1831 г. марта 14 числа на собственной земле, крестьян не имеется»¹.

В итоге удалось восстановить список Левковской династии священников Ковалевских:

1) Гераним (около 1680 г. р. — умер около 1738 г.) — священник Левковской церкви Гродненского уезда с 20 июня 1712 г. по 26 января 1729 г.;

2) Иосиф Геранимович (около 1714 г. р. — умер около 1785 г.) — 14 апреля 1738 г. был рукоположен и назначен на религиозную службу в церковь — д. Левкова Гродненского уезда. В письмах Деканских визитов в церкви Бельского деканата от 13 марта 1784 г. Иосиф характеризовался как «человек трезвый, уважаемый, в приходских обязанностях тщательный». Он служил в период с 14 апреля 1738 г. по 13 марта 1784 г.;

3) Михаил Иосифович (1761 г. р. — умер 1831 г.);

4) Леон Михайлович (1802 г. р. — ?) — священник Левковской церкви с 14.03.1831 г.

Итак, проведенный анализ архивных источников позволил нам прийти к следующим выводам.

1. В церкви д. Левково Гродненского повета (в настоящее время деревня Левково-Старе в Хайнувском повете Подляского воеводства Польши) в XVIII–XIX вв. служили представители рода Ковалевских. Очевидно, архивы Левковской церкви не сохранились, что и привело к возникновению версии о происхождении О. М. Ковалевского из Большой Берестовицы.

2. Одновременно в Гродненском повете служило два Михаила Ковалевских: в Олекшицах — Михаил Антониевич 1765 г. р. и в Левково — Михаил Юзефович 1761 г. р. Думается, они не только хорошо знали друг друга, но и были родственниками. Однако сыновья Михаила — Юлиан и Теодор проживали в Левково. Это значит, что родина ученого-востоковеда Осипа Михайловича Ковалевского, белоруса по происхождению (об этом свидетельствует конфессиональная принадлежность его предков), — д. Левково, которая сегодня находится на территории Польши.

3. Установлен состав родной семьи О. М. Ковалевского, уточнен возраст членов его семьи на 1795 г.:

- отец Михаил Иосифович (1761–1831 гг.);
- мать Агата (1765 г. р.);
- сестра Констанция (1784 г.р.);
- сестра Текля (1785 г.р.);
- брат Теофил (1788 г. р.);
- брат Теодор (1790 г. р.);
- брат Юлиан (1792 г. р.);
- сестра Изабелла (1794 г. р.).

---

¹ НИАБ в г. Гродно. Ф. 92. Оп. 1. Д. 258. Л. 348 об.

Позже появится младший брат Леон 1802 г. р., который продолжил традицию церковного служения Ковалевских в Левковской церкви. Думается, что это еще неполный состав, поскольку отсутствуют некоторые сведения.

В период с 1795 по 1799 г. у Михаила Юзефовича и Агаты еще могли родиться дети. Таким образом, гипотеза о рождении О. М. Ковалевского в д. Олекшицы Берестовицкого района Гродненской области не подтвердилась. Местом рождения монголоведа О. М. Ковалевского считается Левково-Старе, с 1945 г. находящееся в Хайнувском повете Подляского воеводства Польши.

Литература

1. Лісейчыкаў Д. У. Святар у беларускім соцыуме: прасапаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. / Дзяніс Лісейчыкаў. Мінск: Беларусь, 2015. 719 с.

УДК 94(438):930.25(512.145)
DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-77-87

**РУКОПИСНЫЙ ДНЕВНИК «DZIENNIK ZATRUDNIEN» И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О НАСЛЕДИИ О. М. КОВАЛЕВСКОГО ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН¹**

© Валеев Рамиль Миргасимович

доктор исторических наук, профессор кафедры
алтаистики и китаеведения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: valeev200655@mail.ru

© Валеева Роза Закариевна

кандидат педагогических наук, доцент,
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
Россия, 420111, г. Казань, ул. Московская, 42
E-mail: rozazv@mail.ru

© Мартынов Дмитрий Евгеньевич

доктор исторических наук, профессор кафедры
алтаистики и китаеведения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

© Сахавова Лилия Минибаевна

научный сотрудник,
Институт татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан
Россия, 420111, г. Казань, ул. Пушкина, 56
E-mail: sahawowa.lili@yandex.ru

Жизнь, научная биография, рукописное и эпистолярное наследие монголоведа и ректора Казанского университета О. М. Ковалевского включают три основных периода — казанский (1824–1862), этап научных путешествий по Сибири, Монголии и Китаю (1828–1833), варшавский (1862–1878). Известное и неопубликованное рукописное наследие О. М. Ковалевского связано с первыми двумя периодами его монголоведной деятельности. Например, только в Государственном архиве Республики Татарстан хранится более 200 дел, относящихся к педагогической, научной и общественной деятельности, в том числе рукописные материалы казанского периода жизни.

В статье рассматривается вопрос изучения научного наследия монголоведа Осипа (Юзефа) Михайловича Ковалевского (1801–1878), чье имя связано со становлением научной школы монголоведения в России и Европе. Его разнообразное и богатейшее наследие привлекает внимание все большего числа ученых, возрастает количество

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, 17-01-00209/17-ОГОН. «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

публикаций, как в России, так и за рубежом — в Польше и Монголии, в которых раскрывается его многогранная деятельность не только как филолога, но и как историка и этнографа. Внимание уделено значимому рукописному дневнику О. М. Ковалевского «Dziennik zatrudnien» из фондов Государственного архива Республики Татарстан и некоторым другим интересным архивным материалам.

Ключевые слова: монголоведение; О. М. Ковалевский; монгольские народы; монгольский язык; этнография; историография; история науки.

THE HANDWRITTEN DICTIONARY 'DZIENNIK ZATRUDNIEN' AND MATERIALS
ABOUT O. M. KOVALEVSKY'S HERITAGE FROM THE STATE ARCHIVE
OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Ramil M. Valeev

Dr. Sci. (History), Prof. of Altaic and Chinese Studies Department,
Institute of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University
18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia
E-mail: valeev200655@mail.ru

Roza Z. Valeeva

Cand. Sci. (Education), A/Prof.,
Timiryasov Kazan Innovative University
42 Moskovskaya St., Kazan 420111, Russia
E-mail: rozazv@mail.ru

Dmitriy E. Martynov

Dr. Sci. (History), Prof. of Altaic and Chinese Studies Department,
Institute of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University
18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Liliya M. Sakhavova

Researcher,
Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies,
Tatarstan Academy of Sciences
56 Pushkina St., Kazan 420111, Russia
E-mail: sahawowa.lili@yandex.ru

The life, academic biography, the handwritten and epistolary heritage of Mongolian studies scholar and Rector of Kazan University O. M. Kovalevsky include three main periods — the Kazan period (1824–1862), the period of his academic travels around Siberia, Mongolia and China (1828–1833), and the Warsaw period (1862–1878). The known and unpublished handwritten heritage of O. M. Kovalevsky comes from the first two periods of his life and works. For example, the State Archive of the Republic of Tatarstan alone stores over 200 files related to O.M. Kovalevsky's educational, scholarly and social work, including the manuscripts from the Kazan period of his life.

The article is devoted to the research of the academic heritage of Mongolian studies scholar Osip (Józef) Mikhailovich Kovalevsky (1801–1878), whose name is associated with the establishment of the scholarly traditions of Mongolian studies in Russia and Europe. The rich and various legacy of the scholar attracts the attention of an increasing number of

researchers. The amount of publications on him is growing both in Russia and abroad — in Poland and Mongolia. And these publications cover his multi-faceted work not only as a philologist but also as a historian and ethnographer. Special attention is given to O. M. Kovalevsky's important handwritten diary 'Dziennik zatrudnien' from the funds of the State Archive of the Republic of Tatarstan and to some other interesting archival materials. *Keywords:* Russia; Mongolia; Mongolian studies; O. M. Kovalevsky; Mongolian peoples; Mongolian language; ethnography; historiography; history of science.

Биография и научное наследие востоковедов России и Европы — традиционно важное исследовательское направление в отечественной востоковедной литературе и историографии. Российское востоковедное образование, наука и мысль о Востоке XIX–XX вв. представлены известными и забытыми именами и трудами ориенталистов, накоплены значительные историко-научные результаты. Изучение биографии и ориентального наследия отечественных ученых и практиков-востоковедов связано с долговременной традицией, идущей от исследований российских историков и филологов первой половины XIX в. новое.

Для российской востоковедной научной биографической литературы характерны следующие направления: изучение жизни и творчества востоковедов-ученых и практиков; биография и наследие ученых рассматриваются в широком контексте историко-культурных эпох; обстоятельно используются опубликованные и неопубликованные источники; издаются неизвестные труды, переиздаются их ранее опубликованные работы и т. д. Анализ преподавательской и исследовательской деятельности ученых-востоковедов позволяет осветить сложный и противоречивый путь развития востоковедения в России.

Выдающимся представителем российской и польской востоковедной школы, заложившим основы монголоведения в России и Европе, является Осип (Юзеф) Михайлович Ковалевский (1801–1878), труды его до сегодняшнего дня не утратили своей актуальности, а роль самого ученого в востоковедной науке трудно переоценить. «Монголоведение благодаря О. М. Ковалевскому стало одним из ведущих направлений мировой ориенталистики. О. М. Ковалевский убедительно показал, что монголоведение — это комплекс важнейших и сложных вопросов истории и культуры народов Востока» [17, с. 104]. Диапазон его исследований был широк и включал язык, литературу, этнографию, историю, материальную культуру, религию. Это позволило ученому приступить к комплексному исследованию монголоязычных народов Центральной Азии. Велика его роль в распространении различных объективных знаний о монгольской культуре и цивилизации, формировании университетского монголоведческого образования и научных кадров монголоязычных народов, равноправия этносов и народов Запада и Востока.

В начале своей университетской деятельности, в 1834 г., заведующий кафедрой монгольской словесности О. М. Ковалевский писал попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину (1795–1862): «Казанский университет... имеет ныне в своей библиотеке богатое собрание монгольских, маньчжурских, тибетских и китайских книг, отчасти способствующих изучению языков, отчасти объясняющих степень образованности народов Восточной Азии. Столь драго-

ценное, с невероятным трудом сделанное приобретение должно быть предметом не одного только любопытства, но и ученых исследований. Укажу здесь на монгольские сочинения... в коих сокрыты сведения, весьма немногим еще доступные по причине незнания языков, сведения, могущие раскрыть нам веру, философию и историю приверженцев буддизма в Древней Индии, Китае, Тибете и Монголии»¹.

Осип Михайлович Ковалевский прошел большой и сложный жизненный путь от студента Виленского университета, который он окончил в 1821 г. со степенью кандидата философских наук, до крупного ученого-востоковеда, профессора, а затем ректора Казанского университета (1855–1862). С 1833 г. на протяжении более двадцати лет, до перевода Восточного факультета в Санкт-Петербургский университет (1854), он возглавлял первую в России и Европе кафедру монгольской словесности. Свою научную карьеру ученый завершил в должности декана и профессора Варшавского университета.

Становление О. М. Ковалевского как крупного ученого-монголоведа, педагога и просветителя происходило в Казани под влиянием прогрессивной профессуры, и в первую очередь ректора университета Н. И. Лобачевского (1792–1856), крупного ученого и талантливого организатора, который сумел превратить Казанский университет в одно из лучших учебных заведений России.

Одной из первых масштабных научных экспедиций из стен Казанского университета в Центральную Азию была командировка Осипа Михайловича Ковалевского и Александра Васильевича Попова в Восточную Сибирь с целью изучения монгольских языков и сбора монгольских и тибетских рукописей и ксилографов. В Забайкалье казанские востоковеды пробыли с 1828 до начала 1833 г. О. М. Ковалевский сделал все возможное для глубокого изучения монгольских языков: ему удалось дважды побывать в Монголии, а в 1830 г. совершить поездку с XI Российской духовной миссией в Китай и вернуться в Россию в составе X духовной миссии. По возвращении в Казань О. М. Ковалевский стал готовиться к открытию кафедры монгольского языка в Казанском университете, которое произошло 25 июля 1833 г.

Экстраординарный профессор О. М. Ковалевский в своей «Записке об учреждении кафедры монгольского языка при Казанском университете» сформировал исследовательскую и гуманистическую парадигму основ отечественного университетского монголоведения: «Таким образом Казанский университет... вошел в сношение с монгольскими племенами и, действуя на развитие умственных сил сего народа, стремится проложить путь к ученым исследованиям истории, древности, религии и литературы Средней Азии, открыть новые источники учености для любознательной Европы»².

В период деятельности О. М. Ковалевского в Казанском университете были созданы фундаментальные труды по языкознанию и культуре Монголии и монгольских народов: «Монгольско-русско-французский словарь» (первый том сло-

---

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 4198. Л. 1–2 об.

² Записка об учреждении кафедры монгольского языка при Казанском университете, составленная экстраординарным профессором Ковалевским. Казань, Б.г.

варя в типографии Казанского университета вышел в 1844 г., второй — в 1846 г., третий — в 1849 г.), «Краткая грамматика монгольского книжного языка», «Монгольская хрестоматия», «Буддийская космология»¹. Эти его труды легли в основу российского и европейского научного монголоведения. О. М. Ковалевский настойчиво выступал против бытовавшего в то время в научных кругах противопоставления истории Европы и Азии, обвинения народов Востока в неподвижности, застойности, «в природной лени» и «диком варварстве». Цели и задачи всестороннего и глубокого изучения стран Востока, в том числе Монголии и монголоязычных народов Российской империи, важность объективного подхода в изучении их истории и культуры ученый излагал в своих отчетах, письмах, предисловиях к научным трудам. Во всех своих работах он утверждал, что каждый народ вносит свою лепту в единый процесс развития истории и культуры человечества, что «в Азии, как в Европе, нет утомительного однообразия и неподвижности народной» [3, с. 33]. О. М. Ковалевский был уверен, что история народов Востока до сих пор таит в себе много неизвестного и требуется кропотливая, долгая и целенаправленная работа по устранению лагун в общей картине представлений о Востоке в целом и Центральной Азии в частности [3, с. 30–31].

Современный образ О. М. Ковалевского олицетворяется с формированием и развитием комплексной историко-научной и культурной традиции монголоведения в России и Европе XIX — нач. XX в., связанного с особым вниманием к письменным источникам и тексту, введением в научный оборот объективных сведений и материалов, его языковедческой, литературоведческой и текстологической деятельности и в целом авторским проникновением в историю и культуру монголоязычных народов.

Гуманистическое кредо О. М. Ковалевского заключается в следующих словах: «Но, чтобы поддержать сношения с Азией, чтобы внедриться в ее дух; обнять все ее частности и представить в связи с историей рода человеческого, необходимо знание азиатских языков как предположенной цели, как самая лучшая гимнастика для развития наших собственных способностей. По мере трудности и отдаления от европейских языков азиатские грамматики приобретают более весу и приносят очевидную для нас пользу. Они служат ключом, за которым сокрыты все сокровища восточной учености» [3, с. 34].

Дневниковое и эпистолярное наследие монголоведа Осипа Ковалевского хранится в архивных центрах России, Литвы и Польши. Основная часть разнообразных материалов, отражающих многогранную деятельность ученого, находится в фондах российских архивов, таких как Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ), Институт восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, отдел рукописей и редких книг библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки

---

¹ Монгольско-русско-французский словарь, 1844–1849; Краткая грамматика монгольского книжного языка, 1835; Монгольская хрестоматия, 1836–1837; Буддийская космология, изложенная Осипом Ковалевским. Казань, 1837.

им. Н. И. Лобачевского (ОРРК НБ) Казанского федерального университета, Государственный архив Республики Бурятия и др.¹

В истории российского востоковедения заметна исследовательская преемственность в изучении рукописного наследия отечественных востоковедов, в том числе представителей казанской школы ориенталистов. Это также заметно в отношении наследия О. М. Ковалевского, представленного в архивных центрах России и Европы [2, с. 62–67; 4, с. 61–64; 7, с. 139–155; 15, с. 217–235; 16, с. 469–494; 19, с. 137–140].

Огромный научный и просветительский интерес представляют дальнейший поиск, изучение и публикация рукописных дневников О. М. Ковалевского, которые он вел во время своего путешествия из России в Китай и обратно в 1830–1831 гг. в составе XI и X Российских православных духовных миссий. Во время своего пятилетнего пребывания в Сибири, Бурятии, Монголии и Китае (1828–1832), куда он был послан императорским Казанским университетом как стажер для изучения языка и культуры монголоязычных народов, О. М. Ковалевский собрал уникальную коллекцию книг и рукописей на монгольском, тибетском, китайском и маньчжурском языках, а также большой этнографический материал о народах Центральной Азии.

Его дневники являются ценным документом по истории, культуре Монголии и Китая первой половины XIX в., а также остаются важным материалом для отечественных и зарубежных этнографов, лингвистов и культурологов, изучающих народы Центральной и Восточной Азии [8; 12; 14; 20]. В целом рукописные дневники О. М. Ковалевского представляют собой яркий памятник истории отечественного монголоведения и китаеведения XIX в., вобравший в себя замечательные традиции и позитивный опыт предшественников — отечественных дипломатов, торговцев, путешественников, исследователей более раннего периода.

В 2006 г. при поддержке Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова совместно с доктором филологических наук И. В. Кульганек нам удалось изучить и опубликовать часть дневника периода научного путешествия в Сибири, Монголии и Пекине, представленного в рукописном дневнике О. М. Ковалевского, озаглавленном по-польски: *Dziennik zatrudnien. 1830–1831* («Дневник занятий»). В настоящее время он хранится в Государственном архиве Республики Татарстан (ф. 10, оп. 5, д. 843а) в переплете формата 20,5 x 16,5 см, где описание непосредственно путешествия из Пекина в Кяхту занимает со 133-й по 225-ю страницу.

Этот уникальный автограф ученого написан на польском, русском, французском, английском, немецком и старомонгольском языках, объемом 161 л., в нем объединен разнородный материал, среди которого, кроме путевых заметок по маршруту Пекин — Кяхта, имеются записи периода пребывания ученого в Пекине до 6 июня 1831 г., дневниковые наброски, сделанные им с сентября 1831 г. вплоть до января 1832 г., то есть по возвращении в Забайкалье.

---

¹ Монголовед О. М. Ковалевский: Биография и наследие (1801–1878). Казань, 2004.

В рукописи излагаются его собственные научные теории, догадки, соображения по поводу различных филологических проблем монголоведения и тибетологии, например: о «монгольских письменах» (л. 140–142 об.); о буддийском сочинении «Мани Гамбу» (л. 143); представлены выписки из журнала «Северная пчела» за 1832 г. о кяхтинской торговле, из европейских сочинений по Китаю (л. 157–158 об.); заметки о самих путешественниках (л. 144–148); приведены тексты песен, записанных им во владениях Цэцэн-хана 10 августа 1831 г. и в халхаских владениях Ноин-хутухту 5 августа 1831 г. (л. 155–155 об.), и другие интересные сведения об истории, языке, этнографии, религии, быте монгольских народов.

В дневнике «Dziennik zatrudnien. 1830–1831» о начале обратного пути он писал так: «Около полудня Миссия, при стечении многочисленного народа, двинулась с места в приличном порядке по большим улицам чрез восточные городские ворота Ань-динь-мынь в северной стене столицы...».

Последний день путешествия миссии О. М. Ковалевский отметил такими словами: «Поутру пограничный начальник с отрядом казаков, с атаманами бурятских полков, знатнейшими ламами, чиновниками, кяхтинским купечеством, сверх сего около 30 вооруженных монголов со стороны дзаргучия, прибыли в наш стан. Торжественная сия встреча весьма трогательна после долговременной разлуки с родною землею».

В рукописном дневнике о путешествии из Пекина в Кяхту (из фонда ГАРТ), как и в дневнике о путешествии из Кяхты в Пекин из Государственной национальной библиотеки в Санкт-Петербурге в собрании отдельных поступлений (ф. 100, оп. 2, № 612), представлены самые разнообразные географические, административные, политические, социальные, хозяйственные и историко-культурные сведения о Китае и Монголии. Этот дневник представляет собой записную книжку в сером переплете (формат 13 x 22 см), исписанную мелким почерком. На полях ее большое количество вставок. Дневник содержит 76 листов. На первом листе документа имеется название: «Дневник, веденный во время путешествия с XI Миссией в Китай 9 окт. — 11 дек. 1830 г. Описание виденных мест и китайских обычаев». Этот рукописный дневник охватывает только часть пути православной миссии, а именно с того момента, когда она, покинув Ургу, направилась на юг, то есть период путевого маршрута по Монголии и до Пекина с 9 октября по 11 декабря 1831 г.

Между тем в фондах Государственного архива Республики Татарстан (ф. 92) содержатся важные сведения по истории XI Российской духовной миссии в Пекине, участником которой, как известно, был О. М. Ковалевский. Здесь же мы встречаем сведения о связях О. М. Ковалевского с английскими миссионерами в Сибири. Данный фонд содержит материалы ученого о его работе над словарями, грамматикой и хрестоматией, сведения о бурятах, судьба которых была связана с Казанским университетом и гимназией, а также о его деятельности во главе кафедры монгольского языка Казанского университета с 1833 г. Разнообразные материалы, характеризующие многоплановую деятельность Казанского университета в период с 1805 по 1918 г., представлены в фонде 977 — «Совет универси-

тата». В этом фонде находятся дела, дополняющие сведения о командировке О. М. Ковалевского и А. В. Попова в Восточную Сибирь. Переписка содержит оригинальную информацию о монгольских народах, особенно интересно и многогранно в них представлены забайкальские буряты. Из писем мы узнаем имена общественных и религиозных деятелей из бурят, сибирской интеллигенции, которые оказывали всяческое содействие Осипу Ковалевскому и Александру Попову в изучении монгольского языка, в собирании восточных рукописей, а также монгольского фольклора.

Особый интерес представляют документы, свидетельствующие об открытии кафедры монгольского языка и о начале преподавания монгольского языка студентам Казанского университета (Ф. 977. Оп. истфак.) В фонде 10 ГАРТ — «Казанская духовная академия» представлен богатый материал о научно-педагогической деятельности монголоведов, ученых-бурят, учеников О. М. Ковалевского — Алексея Александровича Бобровникова (1821/22–1865) и Галсана Гомбоева (1822–1863), а также об их сотрудничестве с О. М. Ковалевским.

Для сравнения следует отметить, что в отделе рукописей и редких книг библиотеки Санкт-Петербургского университета находится еще одна часть архива О. М. Ковалевского, состоящая из двух папок. Это письма к О. М. Ковалевскому российских и зарубежных востоковедов, друзей, знакомых, а также различные служебные материалы, относящиеся к его деятельности на посту директора Второй Казанской гимназии; благодарственные письма, деловые письма, характеризующие О. М. Ковалевского как педагога. Это письма о пересылке, переписке литературы, высылке образцов тибетских шрифтов, письмо-благодарность от 18 Селенгинских бурятских родов. О. М. Ковалевский продолжал поддерживать связи с представителями бурятского народа — с бурятским тайшой, корреспондентом Вольного экономического общества Тугулдуром Тобоевым, с историком-краеведом Михаилом Зензиновым (1805–1873), его племянником Игорем Юренским, с сибирским поэтом Дмитрием Давыдовым (1811–1888), а также протоиереем, «миссионером у (бурят) хоринцев» Константином Стуковым, сделавшим немало в изучении и преподавании живого разговорного монгольского языка, со знатоком монгольского языка Александром Васильевичем Игумновым (1761–1834) и многими другими, — все эти документы находятся в научной библиотеке Санкт-Петербургского университета, ряд из них был введен в научный оборот [9; 10; 11 и др.].

Перспективными представляются дальнейшее сравнительное изучение и публикация известных сохранившихся в Санкт-Петербурге, Казани и Вильнюсе текстов дневников О. М. Ковалевского, которые он вел в период научной командировки в 1828–1833 гг. в Восточной Сибири, Забайкалье, Монголии и Китае.

Особый историко-научный и историко-архивоведческий интерес представляют текст «Дневника занятий за 1832 г.», который хранится в рукописном фонде научной библиотеки Вильнюсского университета, и различные рукописи и ксилографы на русском, монгольском, тибетском и других языках, в том числе более

30 рукописей на старомонгольском письменном языке¹ [1, с. 301–338; 19, с. 137–140]. К сожалению, данное рукописное наследие О. М. Ковалевского полностью комплексно не изучено и не введено в научный оборот.

Оригинальной базой для изучения жизнедеятельности и наследия О. М. Ковалевского являются письма ученого. В частности, переписка О. М. Ковалевского с представителями бурятского народа была введена в научный оборот известным монголоведом Н. П. Шастиной [18, с. 210–221]. Они позволили узнать много интересного и поучительного в биографии и наследии этого выдающегося ученого, мыслителя и человека.

Поиск, систематизация и публикация писем отечественных востоковедов, в частности российского и польского монголоведа О. М. Ковалевского (1801–1878), связаны с исследовательской и просветительской традицией, идущей от первых публикаций XIX в. до современности. Исследования, посвященные эпистолярному наследию О. М. Ковалевского, составляют одну из замечательных страниц истории отечественного и европейского монголоведения XIX–XX вв.

Именно эпистолярное и в целом рукописное наследие отечественных востоковедов позволяют осмыслить их биографии в историческом, социально-политическом и нравственно-психологическом аспектах. Перспективными остаются направления и итоги совместной комплексной исследовательской работы — поиска, изучения и издания эпистолярного наследия выдающихся основоположников российского востоковедения, в том числе О. М. Ковалевского, из фондов российских и европейских архивных центров. Эти бесценные материалы, имеющие большое значение для социальной и повседневной истории российского и европейского востоковедения, исполнения нравственного долга перед предшественниками, привлекут внимание специалистов и широкой читательской аудитории.

Для отечественной востоковедной традиции исследования эпистолярного наследия ученых и практиков характерны следующие направления: активное привлечение данного жанра для изучения жизни и творчества востоковедов и монголоведов; переписка ученых позволяет осмыслить их наследие в общественном и личностном контексте историко-культурных эпох и периодов, в окружении и диалоге современников — друзей и коллег; традиционные житейские биографии востоковедов и их научное творчество дополняются личностно-психологической атмосферой; осуществляются поиск, систематизация и публикация переписки востоковедов и т. д.

На современном этапе письма О. М. Ковалевского выявлены в основных архивных и культурных центрах Казани, Москвы, Санкт-Петербурга и др. Это фонды Государственного архива Республики Татарстан, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) и др. Представляется важным дальнейшее расширение списка научных и культурных центров в России и Европе.

---

¹ Библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F11 — Фонд О. Ковалевского. F11. J. Kowalewski.

На рубеже 2020–2021 гг. исполняется 220 лет со дня рождения О. М. Ковалевского (польск. Józef Szczepan Kowalewski — Юзеф Щепан Ковалевски (28 декабря 1800 / 9 января 1801 — 26 октября / 7 ноября 1878).

В связи с этой юбилейной датой в летописи истории Казанского федерального университета и истории российской и европейской монголистики завершается исследовательская работа по изданию монографии «Биография и наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов)», подготовленной коллективом ученых Казани, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ (отв. и науч. редакторы Р. М. Валеев и И. В. Кульганек, В. Ю. Жуков (СПбГАСУ), О. Н. Полянская (БГУ) и Д. Е. Мартынов (КФУ). Публикация планируется в издательстве «Петербургское востоковедение» в 2020 г.

Литература

1. Alexeev K., Yachontov K. The J. Kowalewski's collection of Chinese, Manchu, Mongolian and Tibetan books in Vilnius // Петербургское востоковедение: Альманах. СПб., 1992. Вып. 1. С. 301–338.
2. Отзыв О. М. Ковалевского о В. П. Васильеве / подгот. к изд., предисл. и коммент. В. Ю. Жукова, И. В. Кульганек // MONGOLICA-XIX: сб. науч. ст. по монголоведению, посвящен ведущим российским монголоведам, юбилярам 2017 года М. И. Гольману, В. В. Грайворонскому и К. Н. Яцковской. СПб., 2017. С. 62–67.
3. Ковалевский О. М. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Казанского университета, в 8-й день августа 1837 г. ординарным профессором Осипом Ковалевским. Казань, 1837. С. 10.
4. Любимов А. О неизданных рукописях Иакинфа Бичурина и проф. О. М. Ковалевского, хранящихся в библиотеке Казанской духовной академии // Записки восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1908. Т. XVIII. Вып. I. С. 60–64.
5. Монгольская хрестоматия, изданная императорского Казанского университета экстраординарным профессором Осипом Ковалевским. Казань, 1836–1837. Т. 1–2. 243 с.
6. Монгольско-русско-французский словарь, удостоенный С.Петербургской академией полной премией Демидова, составленный профессором О. Ковалевским: в 3 т. Казань, 1844–1849. Т. I. 594 с.
7. Петров А. А. Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном Архиве АТССР и библиотеке Казанского университета // Библиография Востока. 1936. Вып. 10. С. 139–155.
8. Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (I половина XIX века). Улан-Удэ, 2001. 140 с.
9. Полянская О. Н. Письма О.М. Ковалевскому из Сибири // Вестник Международного Центра Азиатских исследований: материалы междунар. науч. конф. «Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность» (23–25 октября 2002 г.). М.; Иркутск, 2002. № 10. Кн. 2. С. 70–78.
10. Полянская О. Н. Сибирская интеллигенция I-й половины XIX века в дневниках и переписке востоковеда О. М. Ковалевского // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: материалы междунар. науч. конф. (26–27 июня 2003 г.). М.; Улан-Удэ, 2003. Ч. 3. С. 186–192.
11. Полянская О. Н. Экспедиция О. М. Ковалевского и А. В. Попова в Забайкалье. О вкладе бурятской интеллигенции в становление научной школы монголоведения в

России в XIX веке // Чингисхан и судьбы народов Евразии — 2: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2007. С. 207–216.

12. Полянская О. Н. Дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского 1828–1833 гг. «Дневник занятий за 1832 г.» — источник по истории народов Внутренней Азии. Улан-Удэ, 2012. 156 с.

13. Полянская О. Н. Монголоведение в России I половине XIX в.: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ, 2019. 321 с.

14. Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского. 1830–1831 гг. / подгот. к изд., предисл., глоссарий, коммент. и указатели Р. М. Валеев, И. В. Кульганек. Казань, 2006. 104 с.

15. Таранович В. П. К вопросу о литературных материалах по востоковедению, хранящихся в учреждениях города Казани / предисл. и публикация Т. А. Пан // Труды Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН. Вып. I. М., 2011. С. 217–235.

16. Хохлов А. Н. Письма востоковеда В.П.Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому (40-е гг. XIX в.) // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов / колл. авторов. М.: ИВ РАН, 2013. 576 с.

17. Шамов Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983. 113 с.

18. Шастина Н. П. Из переписки О. М. Ковалевского с бурятскими друзьями // Советское востоковедение. 1965. Вып. 16. С. 151–182.

19. Чимитдоржиев Ш. Б. Фонд О. М. Ковалевского в библиотеке Вильнюсского университета // Народы Азии и Африки. 1990. № 2. С. 137–140.

20. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833 гг.) / подгот. к изд., предисл., комментарии и указатели О. Н. Полянской. Улан-Удэ, 2008. 228 с.

УДК 94(47).084.6

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-88-96

СИНОЛОГ В. П. ВАСИЛЬЕВ — СТАЖЕР РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ¹

© **Дацышен Владимир Григорьевич**

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета,
Россия, 660041, Красноярск, пр-т Свободный, 82а
Красноярский государственный педагогический университет
Россия, 660049 Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89
E-mail: dazishen@mail.ru

В статье рассматривается пекинский этап научной биографии китаеведа В. П. Васильева в первой половине XX в. Десятилетний период стажировки в составе Российской духовной миссии стал тяжелым испытанием для молодого ученого. Несмотря на это, накопленный багаж знаний и огромные объемы собранного в китайской столице материала стали фундаментом успешной полувековой работы лидера российского китаеведения.

Ключевые слова: русское китаеведение; Российская духовная миссия в Пекине; В. П. Васильев.

SYNOLOGIST V. P. VASILIEV — THE PARTICIPATOR OF RUSSIAN ORTHODOX ECCLESIASTICAL MISSION IN BEIJING

Vladimir G. Datsyshen

Dr. Sci. (History), Prof.,
Head of General History Department, Siberian Federal University
82a Svobodny Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia
Krasnoyarsk State Pedagogical University
89 Ady Lebedevoy St., Krasnoyarsk 660049, Russia
E-mail: dazishen@mail.ru

The article discusses the Beijing period in the academic biography of the sinologist V. P. Vasiliev in the first half of the 20th century. The ten-year internship as part of the Russian Orthodox Ecclesiastical Mission was a difficult test for the young scientist. Despite this, the accumulated knowledge and vast amount of material collected in the Chinese capital became the foundation for the successful half-century work of the leader of Russian China Studies.

Keywords: Russian Sinology; Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Beijing; V. P. Vasiliev.

Василий Павлович Васильев стал классиком российского востоковедения. В середине XIX в. он возглавил российское университетское китаеведение и был единственным русским китаистом-академиком. Известный петербургский кита-

---

¹ Проект РФФИ № 17-01-00209/17-ОГОН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

ист Г. Я. Смолин отмечал: «Василий Павлович — автор первой в отечественной китаистике докторской диссертации (защищена в 1864 г.), он был первым в России университетским профессором синологии (с 1851 г.), а затем (в 1886 г.) стал и первым академиком-китаеведом» [12, с. 329]. Автор обобщающей работы «История культуры Китая» М. Е. Кравцова справедливо утверждает: «Возникновение отечественной китаеведческой школы связано с именем академика Василия Павловича Васильева (1818–1900 гг.)» [3, с. 26].

Научная биография В. П. Васильева отразила переходный период в истории российского китаеведения. Если до середины XIX в. развитием этого научного направления занимались воспитанники Российской духовной миссии в Пекине, то в последующий период исследования в области китаеведения проводились преимущественно университетами. В. П. Васильев являлся воспитанником Казанского университета и основателем Петербургского университетского китаеведения, но в его научной биографии был десятилетний период обучения в Пекине в составе духовной миссии. Так, первый русский китаевед-профессор объединил две русских китаеведческих школы, традиции. Пекинский период был важным, если не основным в становлении В. П. Васильева как синолога.

Руководство Казанского университета в 1838 г. приняло решение «об отправлении в Пекин с будущей Духовною Миссиею трех воспитанников Казанского Университета, и именно кандидатура Васильева, для изучения языков Тибетского и Санскритского; Навроцкаго, для языков Монгольского, Манджурскаго и Тюркестанскаго, и Рушко, для языка Китайскаго, с тем, чтобы они по возвращении могли быть преподавателями тех языков в Университете»¹. Возникшая было проблема, когда министр иностранных дел разрешил отправить в Пекин лишь одного выпускника университета, не стала непреодолимым препятствием, так как именно В. П. Васильев был выбран для стажировки в Пекине.

В «Наставлении отправляющемуся в Пекин Г. Васильеву» говорилось: «1. Казанский университет, отправляя своего воспитанника, Г. Васильева, в Пекин... имеет ввиду со временем приобрести в нем отличного преподавателя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии...»². Современные исследователи пишут: «О. М. Ковалевским для него была составлена пространная программа научных занятий, ставившая перед молодым человеком широкий круг проблем, касающихся различных областей знания» [5, с. 87; 6, с. 132]. Согласно этой программе, главной целью будущего ученого являлось изучение тибетского языка и культуры Тибета. Кроме того, в «инструкции» говорилось «еще не все китайские летописи были рассмотрены ориенталистами, а тибетские и монгольские еще скрываются во мраке монастырей или коптеют в юртах номадических племен и ждут опытного европейского взора» [5, с. 87–88]. Особое место в наставлении для В. П. Васильева отводилось изучению китайского языка и китайской литературы.

В. П. Васильев был прикомандирован к XII Миссии. Перед этой миссией были поставлены важные научные и политические задачи, первоначально даже рас-

---

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 11.

² Там же. Л. 24.

сма­тривался вариант назна­чения главой миссии светского чиновника Минис­тер­ства иностранных дел. Но в конечном итоге всех устроила предложенная гене­рал-губернатором М. М. Сперанским кандидатура отца Поликарпа (Тугаринова), уже имевшего опыт службы в предыдущей миссии.

В подготовленной в начале XX в. в Пекине «Краткой истории Русской право­славной миссии в Китае» говорилось: «С 1838 г. Министерство начало деятельно при­готовлять все нужное к отправке Двенадцатой миссии. Вновь пересмотрены штаты, сделаны значительные прибавки в содержании: на лекарство для китай­ских пациентов, на учителей тибетского языка, на покупку книг... на годовое со­держание Миссии 17 750 р. Кроме того, в 1842 г. ассигновано на постройку би­блиотеки в Пекине 13 500 р. Между тем о. Поликарп вторично поступил (в январе 1838 г.) в Духовную академию, где и нашел своих сотрудников — иеромонаха Иннокентия Немирова, Гурия Карпова, иеродиакона Палладия, студента Иосифа Гошкевича, Владимира Горского и Ивана Захарова. Гошкевич рекомендовал сво­его приятеля художника Корсалина... Сверх этих членов были приглашены двое посторонних: лекарь Александр Алексеевич Татаринов и прикомандированный к Миссии магистр Казанского университета Василий Павлович Васильев...» [1, с. 82–83].

Члены новой миссии, за исключением стажера В. П. Васильева, сначала были собраны в Петербурге для изучения языков. Учителями китайского и маньчжур­ского языков для них Азиатский департамент назначил о. Иакинфа (Бичурина) и С. Липовцова. В декабре ученики выдержали в присутствии ректора университе­та и других официальных лиц экзамены. В январе 1840 г. члены новой миссии собрались в Казани, где завершалось формирование миссии и где их ждал В. П. Васильев. В полном составе миссия (всего десять человек) выехала из Каза­ни на восток. В. П. Васильев писал об этом: «Наступил 1840-й год, и я отправлен был... в Китай. Заботливый университет не забыл щедро снабдить меня сред­ствами. Мне давалось на издержки по 700 р. сер. в год, из которых половину позволялось мне употреблять на плату учителям, а половину на приобретение книг» [10, с. 77].

Синологическая подготовка членов новой миссии качественно изменила ее состав. И. И. Серебренников в своем библиографическом очерке «Синологиче­ская деятельность Русской духовной миссии в Пекине» отмечал: «В противопо­ложность 11-й, из рядов следующей, двенадцатой, Миссии (1841–1850) вышло много выдающихся синологов. Это были иеромонахи: Гурий Карпов, Палладий Кафаров; студенты: И. Гошкевич, В. Горский, И. И. Захаров, лекарь А. А. Татари­нов. К миссии был прикомандирован... В. П. Васильев» [11, с. 38]. О своем пути через Сибирь В. П. Васильев писал попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину: «Честь имею донести Вашему Превосходительству, что по выезде моем 20-го января из Казани я вместе с прочими членами Мис­сии прибыл в Троицкосавск 2-го марта. Этот продолжительный путь доставил мне случай по возможности приобрести расположение начальника Миссии и сблизиться с моими будущими товарищами» [13, с. 471].

В. П. Васильев смог познакомиться с востоковедением в столице Восточной Сибири: «В Иркутск мы приехали 21 февраля и провели тут девять суток. Этим временем воспользовался я, [чтобы] осмотреть собрание монгольских и маньчжурских книг, хранящихся в библиотеках гимназии и семинарии, познакомиться с учителем монгольского языка [А. М. Орловым] в последней...» [13, с. 472; 8, с. 117–127]. О своем прибытии в Кяхту В. П. Васильев писал М. Н. Мусину-Пушкину: «я вместе с прочими членами Миссии прибыл в Троицкосавск 2-го марта... По прибытии в Троицкосавск я встретил обильную практику для разговорного монгольского языка в знакомстве с бурятами, которые беспрестанно ко мне приходят. Одного ламу пригласил я себе в учителя тибетского языка. Здешний учитель китайского языка г-н Крымский начал уже преподавание нам языка китайского» [13, с. 471–473].

Весной 1840 г. русский караван доставил членов XII Миссии к месту службы. В «Краткой истории Русской православной миссии в Китае» говорилось: «В. П. Васильев вместе с о. Гурием и о. Палладием поселился на северном дворе для удобства сношения с ламами соседнего тангутского капища, чтобы заниматься изучением монгольского и тибетского языков» [1, с. 82–83]. Составители цитируемой работы «тангутским капищем» назвали, очевидно, самый большой буддийский монастырь Пекина Юнхэгун, расположенный рядом с Северным подворьем Пекинской миссии.

В первом письме из Пекина, датированном 7 июня 1840 г., В. П. Васильев писал, как тяжело он пережил все трудности, связанные с прибытием в Китай. Он обращался своему учителю О. М. Ковалевскому: «К счастью, со мной уже совершился перелом; я бросил все жалобы, оставил всякий ропот на судьбу и на людей; решился покориться необходимости и теперь спокойно соображаю с обстоятельствами. Я понял свое положение и достиг этого тотчас, как только увидел себя принужденным отказаться от своих обширных желаний, признаться, что мои мечты слишком высоки для того, чтоб другие им не мешали, и, следовательно, неудобноисполнимы, что они противны какому-то порядку и лицам, которые составили другие планы и имеют надо мной всю власть. Что нужды в том, что теперь я вполне сделался рабом, когда одно желание свободы стоило мне стольких забот и страданий, за которые я расплатился расстройством здоровья и даже упадком умственных сил. Теперь я ремесленник или невольник науки и, узнавши свое значение, очень хорошо понимаю и роль, которую мне необходимо разыгрывать; я исполнил все, что мог в этом звании... Моя настоящая жизнь начнется только с отъездом старой [духовной] миссии; тогда я буду стараться сблизиться со всеми, меня окружающими...» [13, с. 475].

В. П. Васильев не был членом миссии, но, как писали исследователи, магистра Казанского университета «прикомандировали в полное послушание архимандриту» [6, с. 50]. В литературе существуют противоречивые оценки личности о. Поликарпа (Тугаринова). Исследователи уже давно отмечали: «Никому из Архимандритов Азиатский департамент не давал такого доверия и власти, а Поликарп все еще боялся, что у него ее отнимут, и на всяком шагу ее отыскивал. Будучи умным и нельзя сказать, что необразованным, человеком, не имея ни тени

монашеского ханжества, он тем не менее был несносен по своему взбалмошному, раздражительному характеру...» [6, с. 50]. В своем письме к О. М. Ковалевскому весной 1841 г. В. П. Васильев писал: «Вам, вероятно, будет интереснее услышать от меня о моих занятиях, ученых приобретениях, чем о низких обидах, которых, к несчастью, я не имею сил забыть. Скажу мимоходом, что учителей нанимаю не я, а о. Архимандрит. Он распоряжается [денежными] суммами... мои донесения теперь должны адресоваться... на имя начальника миссии, который будет делать на них свои замечания» [13, с. 117–127].

В начале XX в. исследователи, ссылаясь на письма В. П. Васильева, писали о противостоянии между архимандритом Поликарпом и монахом Гурием, указывая: «жертвой раздоров сделался, кажется, Корсалин, которого подучили Гурий и Гошкевич жаловаться, что его отравили Васильев в сообществе с Захаровым и Татаринов; из этого вышла, Бог знает, какая смута... кончилось тем, что выслали Корсалина из миссии...» [6, с. 50]. Николай [Адоратский] отмечал: «По отъезде прежней Миссии из Пекина жизнь нового состава Миссии потекла в обычных занятиях — главным образом языками, согласно намеченному ранее в министерстве плану. Архимандрит Поликарп... почти все время тратил на сношение с трибуналом, собиравание сведений о Китае, выборку из газет известий по политическим вопросам... Кроме того, им тщательно выполнялись всевозможные поручения Азиатского департамента и достигнуто многое в деле урегулирования сношений с Китаем. Посылка пакетов в Россию вместо прежних двух раз учащена до шести раз в год...» [1, с. 85].

В первое время В. П. Васильев встретился с большими трудностями. Об этом говорится и в его письмах. В 1841 г. он писал: «Отправляясь в Пекин, я мечтал, что со средствами, какие мне были предоставлены от Университета, я встречу тут неистощимый источник науки и от меня потребуются только охота ею заниматься. Признаюсь, охота ещё не исчезла, но пищи очень, очень мало, или почти совсем нет. Мне было прислали кое-какого учителя тибетского языка, да и он перестал ко мне ездить... он едва мог переводить легкую прозу. Теперь я занимаюсь один и, впрочем, думаю, что лексиконы для меня полезнее, чем прежний учитель...» [13, с. 478]. Ровно через три года, В. П. Васильев обращался к своему учителю в Казани: «Вся моя жизнь в Пекине есть только мертвая пустыня... Но, слава Богу, мало-помалу я начинаю привыкать к своему положению, хотя и не совсем мирюсь с ним... Я не успел еще сосредоточить свое внимание на каком-нибудь исключительном предмете. Не встречая ничего преимущественно интересного, я без разбора переходил от одного к другому, мешая трудные занятия китайским с более доступным мне тибетским языком, но не могу похвалиться, чтоб изучил хоть один из них обстоятельно. И как могло быть иначе, когда у меня нет до сих пор тибетского учителя, и когда простой солдат толкует мне живописный, удивительный язык...» [13, с. 480; 8, с. 117–127]. Отраженные в письмах из Пекина настроения и эмоции В. П. Васильева типичны для членов Российской духовной миссии, то же можно прочитать в письмах и воспоминаниях учеников предыдущих миссий в Пекине.

Несмотря на трудности, В. П. Васильев активно работал. Исследователь Т. В. Кузнецова пишет: «Благодаря отличной подготовке в монгольском и тибетском языках, а также солидному запасу сведений по буддизму, полученному при подготовке магистерской диссертации, В. П. Васильев в толковании текстов и понимании философских проблем заметно превосходил своих коллег по миссии, причем не только новичков, но и своего начальника архимандрита Поликарпа (П. А. Тугаринова), имевшего большой опыт в переводе буддийских сочинений с китайского языка» [5, с. 88]. При этом В. П. Васильев старался не выделяться среди членов миссии, и его карьерный рост, как и награды, ничем не превосходили таковых его «сослуживцев». В 1846 г. он, как и Татаринов, Гошкевич, Горский, Захаров, получил Орден Св. Станислава 3-й степени. В конце 1847 г. В. П. Васильев вместе с Татариновым и Гошкевичем были представлены к чину коллежского асессора.

Современные исследователи пишут: «В Пекине Васильев безвыездно прожил десять лет. За это время он изучил санскрит, китайский, тибетский и маньчжурский языки. Эти десять лет, проведенные в тяжелых трудах, были самыми сложными в жизни Васильева» [2, с. 133]. Действительно, на протяжении всего периода проживания в Пекине В. П. Васильева не оставляло желание быстрее вернуться на родину. Он, ссылаясь на болезненное состояние, ходатайствовал о досрочном возвращении в Россию, чем навлек гнев своих руководителей и учителей [9, с. 134–135].

За время стажировки в Пекине В. П. Васильев занимался не только изучением языков, но и исследовательской работой, в частности, переводил китайские произведения. В одном из писем в 1848 г. он сообщает О. М. Ковалевскому: «Я начал приводить в порядок свои выписки... но не смею наперед обещать Вам ни одного труда. Только известие, что г-н Жульен переводит “Сю-юй-цзи” заставило меня несколько призадуматься. Перевод составлен мной уже более трех лет тому назад, но мысль состязаться с уже прославившимся ориенталистом меня пугает» [13, с. 483]. В следующем письме он писал: «Могу лишь похвалиться тем, что чувствую в себе достаточно знаний, чтобы перевести легкие статьи с тибетского и китайского, а сколько еще теперь вертится в моей голове названий статей, которые были бы, может быть, не без интереса в переводе. Но, по несчастью, вот уж три года, как я копчу над одной дьявольской работой, которой еще не вижу конца и с окончанием которой еще, возможно, скажут, к чему она? Я думал, что убью немного времени сверх того, которое, признаться, не было слишком деятельно, но прошел год и работа медленно подвинулась вперед — отказаться от нее не было возможности, чтоб не пропало понапрасну время, которое было уже потрачено. Поверите ли, что когда я сижу только за одной терминологией, которую, как я думал, мог в силах объяснить, мне часто кажется, как будто тибетские и китайские книги кричат мне с упреком: зачем я им предпочёл скучный том!» [13, с. 486].

Исследователи отмечают, что в Пекине В. П. Васильев выполнял задачи приобретения книг для российских библиотек: «желая воспользоваться командировкой В. П. Васильева, Академия наук решила назначить его своим агентом-

корреспондентом как для приобретения книг на тибетском и монгольском языках, так и для исполнения других поручений по научной части. 5 ноября 1839 г. вскоре после того, как министерство народного просвещения сообщило о своем согласии с этим решением Академии наук, в Казань была отправлена инструкция, составленная Я. И. Шмидтом, а также каталог тибетских и монгольских сочинений, имеющихся в библиотеке академии, который должен был служить руководством при покупке книг в китайской столице [5, с. 87–88]. Но выполнить задание по приобретению книг было не просто. В. П. Васильев в своих письмах из Пекина писал: «Даже теперь нельзя отыскать те многие из тех книг, которые нам известны и Вами уже приобретены... На получение от китайского правительства Ганчжура и Данчжура нет никакой надежды... Теперь я мало-помалу закуплю китайский Ганчжур и Данчжур, который из какого-то дома распродан по частям, в разных лавках. Я уже успел набрать почти полтора тома...» [13, с. 478–481].

В. П. Васильев успешно справился с поставленными задачами. Он приобрел в Пекине огромные собрания книг на разных языках. Уже в 1848 г. он писал из Пекина: «Особенно из китайских книг у меня большая коллекция, и все важнейшие исторические сочинения, между которыми 100 томов (не книжек) занимают истории всех династий, мною закуплены. Я не упустил даже прозаических и поэтических китайских сочинений. Фоевские книги, т. е. китайский Ганчжур и Данчжур, тоже почти все 200 томов (китайский том равняется почти двум тибетским)... Маньчжурские книги собраны почти все, сколько их есть в печати и в рукописях» [13, с. 483].

По своей работе в этой части В. П. Васильев отмечал: «я мог сделать значительную экономию для университета, так что мною приобретено было книг почти на 5 000 р. сер. ... с вывозом всех купленных мною книг, в 1851 г. библиотека нашего университета не только сравнилась со всеми своими соперницами, но может быть превзошла их полнотой... Цель, которую я имел ввиду при приобретении книг, была та, чтобы сделать нашу библиотеку как можно полнее и снабдить ее материалами во всех родах литературы... в других библиотеках очень мало произведений китайских поэтов; нет собраний мелких статей изящной прозы; всего находится только по несколько романов и драм; даже отдел классической литературы не вполне снабжен произведениями китайских ученых; даосизм также почти исключен из других собраний... Я не мог почтеть себя вправе исключить все это из своей библиотеки...» [10, с. 77–78]. В. П. Васильев покупал в Пекине книги не только на китайском и маньчжурском языках. Петербургский востоковед В. Л. Успенский пишет: «Во время своего десятилетнего пребывания в Пекине В. П. Васильев стремился приобрести там такие монгольские книги, которые не смог найти его учитель О. М. Ковалевский. Поэтому подавляющее большинство собранных им книг — как рукописей, так и ксилографов, уникальны или представляют большую редкость... главным успехом Васильева было приобретение части личной библиотеки маньчжурского принца Юньли» [10, с. 140]. Что касается тибетских книг, то сам В. П. Васильев в 1848 г. сообщает в письме из Пекина: «По части тибетских книг я не совсем счастлив, даже потому, что известно по каталогам. Но что

же мне делать; я заказывал купцам привезти из Лхассы большую коллекцию и возлагал на это все надежды, а они явились в нынешний год с байкой, свечами, но без книг. Впрочем, и теперь у меня уже больше книг, напечатанных в Амдо, Лхассе и Монголии, чем в пекинских типографиях, в которых в последнее время напечатана одна только “Пагма гатанг” на тибетском языке. Между прочим, есть и знаменитая синяя тетрадь “Дептер-нбоньбо”, но увы! Это только огромный перечень лам по разным школам в Тибете, для чего есть и другие источники (из нее-то помещен Вами в хрестоматию и отрывок о Ежо-Адише). Вообще же тибетских книг по части буддизма, истории его в Тибете весьма немало, только получения светских сочинений никак не могу добиться» [13, с. 483].

XII Российская духовная миссия не оставила значительного следа в истории собственно православной миссионерской деятельности. И. Коростовец писал: «При арх. Поликарпе не делалось особых попыток к умножению во что бы то ни стало числа христиан, чем и объясняется скромная цифра православной паствы (59 человек), переданной следующей миссии» [4, с. 72]. Русские священнослужители со своими китайскими помощниками лишь обеспечивали духовные потребности албазинской общины. Члены XII Миссии большого успеха добились при решении политических задач. В частности, миссионеры подготовили подписание Кульджинского договора 1851 г. Огромная нагрузка на русских миссионеров легла в связи с начавшейся на юге Первой опиумной войной.

В эти годы также продолжался процесс реформирования самой миссии. Так, «В 1844 г. началась официальная переписка о сокращении срока службы русских миссионеров в Китае. Дело велось с переменным успехом до 1846 г., когда и закончилось. Срок сокращен до пяти лет, хотя этим Двенадцатая миссия не воспользовалась» [1, с. 86]. В 1845 г. сам о. Поликарп просил Азиатский департамент освободить его с должности и отпустить в Россию, но МИД настояло на оставлении начальника миссии на своем посту. XII Российская духовная миссия выехала на родину летом 1850 г. Для подготовки следующей XIII миссии в 1847 г. из Пекина в Петербург был отозван лишь о. Палладий (Кафаров). В сентябре 1849 г. в Пекин на смену XII Миссии прибыл новый состав Российской духовной миссии во главе с земляком и «сослуживцем» В. П. Васильева архимандритом Палладием (Кафаровым). В конце 1850 г. стажер Пекинской миссии вернулся в Казань и сразу же приступил к работе в стенах родного университета. Полученная им в китайской столице китаеведческая подготовка позволила молодому ученому сразу же возглавить российское университетское китаеведение.

Пекинский этап становления В. П. Васильева как сиолога был важнейшим в его научной карьере. Редактор журнала «Китайский Благовестник» Д. П. Пантелеев писал: «В архиве Академии наук находится “дело” № 77 с надписью “О Пекинской миссии и о путешествии кандидата Васильева”». Из него мало можно вынести впечатлений о действительном размахе работ В. П., начатых им в Пекине, и обилии вывезенных оттуда материалов. Они были громадны...» [7, с. 36].

Десятилетняя стажировка в Пекине позволила В. П. Васильеву полвека быть лидером российского китаеведения. Накопленный багаж знаний, огромные объемы собранного в китайской столице материала легли в основу его учебных и

научных публикаций. Показательно, но за последующие полвека В. П. Васильев больше не посещал Китая, если не считать поездки в приграничный район Синьцзяна, да и та была обусловлена семейными делами.

Литература

1. Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае / сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 264 с.
2. Воробьева-Десятовская М. И. Академик В. П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) // Письменные памятники Востока. 2012. № 1. С. 133.
3. Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб.: Лань, 1999. 416 с.
4. Коростовец И. Русская духовная миссия в Пекине // Русский архив. 1893. № 9. С. 316.
5. Кузнецова Т. В. Предпосылки и пути проникновения русской книги в Китай (XVII-XIX вв.) // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. Хабаровск, 2000. № 3(8).
6. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине / под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1905. Вып. I. С. 50.
7. Пантелеев Д. П. Материалы по истории Российской духовной миссии в Китае. Академик В. П. Васильев (1818–1900): к 120-летию со дня рождения «гениального исследователя» Дальнего Востока (окончание) // Китайский благовестник. 1938. № 10 (октябрь). С. 36.
8. Полянская О. Н. Письма В. П. Васильева профессору О. М. Ковалевскому // Вестник Бурятского государственного университета. 2000. Сер. 4. История. Вып. 3. С. 117–127.
9. Полянская О. Н. Переписка востоковедов О.М. Ковалевского и В.П. Васильева как источник по истории монголоведения // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 7. С. 130–136.
10. Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / под ред. В. Л. Успенского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 176 с.
11. Серебrenников И. И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине // Китайский Благовестник. 1941. № 4 (апрель). С. 26–40.
12. Смолин Г. Я. Академик В. П. Васильев как исследователь источниковедения истории Китая // Восток — Запад — Россия. Исторические и культурологические исследования: к 70-летию академика В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 329–359.
13. Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому (40-е гг. XIX в.) // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов. М., 2013. С. 469–492.

УДК 94(517.3 + 510)
DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-97-101

**ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ И КИТАЕВЕДЕНИЯ XIX В.:
ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА О. М. КОВАЛЕВСКОГО И В. П. ВАСИЛЬЕВА
ИЗ МОНГОЛИИ И КИТАЯ¹**

© Мартынов Дмитрий Евгеньевич

доктор исторических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

© Валеев Рамиль Миргасимович

доктор исторических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: valeev200655@mail.ru

© Жуков Вадим Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 2-я Красноармейская, 4
E-mail: gratis2002@inbox.ru

© Кульганек Ирина Владимировна

доктор филологических наук, зав. сектором Центральной Азии,
Институт восточных рукописей РАН
Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18а
E-mail: kulgan@inbox.ru

Исследование посвящено вновь вводимым в научный оборот рукописям известных российских востоковедов — О. М. Ковалевского и В. П. Васильева. Ковалевский, будучи антиковедом по образованию, в силу политических обстоятельств оказался командированным в 1828–1832 гг. в Бурятию и Монголию. В 1831 г. ему представился шанс посетить Пекин, где он пробыл 7 месяцев. Ковалевский являлся научным руководителем В. П. Васильева, который прожил в Пекине 10 лет в 1840–1850 гг., уже получив в Казани степень магистра восточной словесности. Неопубликованные материалы дневников и официальной переписки обоих исследователей из Государственного архива Республики Татарстан постепенно вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: монголоведение; китаеведение; Российская империя; Цинская империя; О. М. Ковалевский; В. П. Васильев.

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ №17-01-00209/17-ОГОН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

A GLIMPSE OF MONGOLAN AND CHINESE STUDIES IN THE RUSSIAN EMPIRE
OF THE XIXth CENTURY: MONGOLIA AND CHINA DIARIES AND LETTERS
BY O. M. KOVALEVSKY AND V. P. VASILIEV

Dmitry E. Martynov

Dr. Sci. (History), Prof.,
Kazan (Volga region) Federal University
18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Ramil M. Valeev

Dr. Sci. (History), Prof.,
Kazan (Volga region) Federal University
18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia
E-mail: valeev200655@mail.ru

Vadim Yu. Zhukov

Cand. Sci. (History), A/Prof.,
St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
4 2nd Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg 190005, Russia
E-mail: gratis2002@inbox.ru

Irina V. Kulganek

Dr. Sci. (Philology), Head of Central Asia Sector,
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
18a Dvortsovaya Emb., 191186 St. Petersburg, Russia
E-mail: kulgan@inbox.ru

Our study is devoted to the manuscripts by two famous Russian Empire orientalists newly introduced into scientific circulation. These are O.M. Kowalewsky and V.P. Vasiliev. Kowalewsky, being a classic philologist by education, due to political circumstances turned out in 1828–1832 to Buryatia and Mongolia. On the way, in 1831 he had the chance to visit Peking, where he spent 7 months. Kowalewsky was the supervisor of studies for V. P. Vasiliev, who lived in Beijing for 10 years from 1840 to 1850, has already received a master's degree in oriental literature in Kazan. Unpublished materials from diaries and official correspondence by both researchers from the State Archives of the Republic of Tatarstan are gradually being put into scientific circulation.

Keywords: Mongolian studies, Chinese studies, Russian Empire, Qing Empire, O. M. Kowalewsky, V. P. Vasiliev.

Осип Михайлович Ковалевский (1800/1801–1878) не являлся китаеведом по обстоятельствам своей научной биографии и жизненным интересам [1, с. 106–113]. В силу ряда обстоятельств своей биографии он непосредственно столкнулся с жизнью Цинской державы в последние ее относительно благополучные годы. В 1830 г. Ковалевский был прикреплен к конвою XI духовной миссии в должности письмоводителя караванного пристава «для усовершенствования в монгольском языке» [5, с. 6]. Находясь в Иркутске, О. М. Ковалевский познакомился с о. Иакинфом — самым известным русским китаеведом, от которого получил некоторые

консультации и сведения по жизни Монголии и Кореи [1, с. 154]. После пересечения пустыни Гоби миссия прибыла в Пекин, где Ковалевский провел 7 месяцев — до июня 1831 г. Письма и отчеты Ковалевского из Пекина регулярно доставлялись в Казань и Петербург, часть материалов была напечатана с дозволения попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина в «Российских академических ведомостях». Критика цинского правительства, наблюдения за коррупцией, ксенофобией и отношением китайцев и маньчжуров к монголам вызвали нежелательные ассоциации с российской действительностью [6, с. 6].

В текстах дневников О. М. Ковалевского содержатся ссылки на рукописные материалы участников X Миссии, а именно причетников А. И. Сосницкого (впоследствии лектора китайского языка в Казанском университете и надзирателя гимназии) и Н. И. Вознесенского. Оба этих документа сохранились в Государственном архиве Республики Татарстан [2], причем объемная рукопись Сосницкого на трех языках — русском, китайском и маньчжурском — была опубликована [7].

Дневники 1828–1831 гг. были О. М. Ковалевским обработаны и подготовлены к публикации в шести томах: первые три были посвящены Бурятии и Монголии, четвертый и пятый — поездке в Китай и шестой — истории католической миссии в Пекине [7, с. 15]. К несчастью, в 1864 г. дом Ковалевского в Варшаве во время покушения на наместника Царства Польского Ф. Ф. Берга был разгромлен карателями. Рукописи неопубликованных трудов были утрачены, что в итоге привело к полному отказу О. М. Ковалевского от всех востоковедных штудий [1, с. 127]. Уцелели только три дневника, хранящиеся ныне в Казани, Санкт-Петербурге и Вильнюсе. Они были опубликованы Р. М. Валеевым и И. В. Кульганек в 2006 г. [5], О. Н. Полянской — в 2008 и 2012 гг. [5; 8].

Опубликованные дневники О. М. Ковалевского не являлись частным документом, поскольку велись согласно инструкции, составленной профессорами Казанского университета В. Я. Булыгиным и Ф. М. Эрдманом. Естественно, что тексты отражали как официальную точку зрения, так и собственные воззрения Ковалевского. В этой связи примечательным нам представляется некое несоответствие между теоретическими декларациями Ковалевского-ученого и его личными взглядами, искренность которых не может вызывать никаких сомнений. Важным источником первых является его актовая речь «О знакомстве европейцев с Азией», произнесенная 8 августа 1837 г. [3]. В этой речи ученый изложил, по сути, цели и задачи комплексного изучения стран Востока, особо касаясь методологии написания истории азиатских стран.

Пекинский период жизни и деятельности В. П. Васильева (1840–1850) по ряду причин остается одним из наиболее слабо изученных в его научной биографии. Между тем именно на пекинское десятилетие пришлось его становление как выдающегося востоковеда-универсала, в первую очередь специалиста по буддологии и широчайшему спектру китаеведческих дисциплин, знатока таких несхожих языков, как китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского, санскрита. Фонды Государственного архива РТ отчасти способны восполнить этот недостаток. Основной массив материалов по пекинской командировке В. П. Ва-

ильева (в составе XII духовной миссии) содержится в двух делах. Во-первых, «О командировании и пребывании магистра Васильева В. П. в Китае с Пекинской духовной миссией»¹ и, во-вторых, «Об отправлении студентов Казанского университета Васильева, Навроцкого и Рушко в Пекин для изучения китайского, монгольского и маньчжурского языков»². Оба дела содержат многообразные документы, сгруппированные в хронологической последовательности.

Основной целью командирования В. П. Васильева в Пекин было «усовершенствование его в тибетском и санскритском языке», поскольку попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин (1795–1862) принял решение об открытии на Восточном разряде (1-м отделении философского факультета) кафедры тибетской словесности, в дополнение к имеющимся монгольской и китайско-маньчжурской. К тому времени магистр Васильев в совершенстве владел монгольским языком и определенно имел представление о китайском, и деятельно занялся изучением основ тибетского литературного языка. Для этих целей О. М. Ковалевский связался с библиотекой Императорской академии наук и выписал для своего ученика грамматику и словарь Чома де Кёреши (1784–1842), опубликованные в Калькутте в 1834 г., а также немецкие грамматики и словари санскрита — все эти книги были новейшими для того времени, изданными в 1830-е гг. В список включили и тибетскую грамматику Я. И. Шмидта, только что вышедшую в свет.

О. М. Ковалевский составил «наставление» студенту Духовной миссии Васильеву. Вообще, набор документов, отражающих подготовку командировки В. П. Васильева, позволяет в известной степени характеризовать метод академических экспедиций. В «наставлении» много места занимают не только требования и пожелания к изучению разговорной и литературной форм разных восточных языков, но и вопросы истории и этнографии.

Подход В. П. Васильева к возложенной на него задаче был чрезвычайно последовательным и фундаментальным. После возвращения в Казань в 1850 г. В. П. Васильев составил роспись приобретенных в Пекине печатных и рукописных сочинений, заглавия которых не раскрыты, дана лишь классификация («буддийские», «даосские», «по части земледелия» и т. д.) с разбивкой по языкам: «Книги на китайском языке», «на маньчжурском», «на маньчжурском с китайским», «на нескольких языках» и пр. Количество их указано по «главам», то есть имелись в виду китайские книжки-бэни, из которых составлялись объёмные сочинения. Больше всего оказывалось исторических сочинений на китайском языке — 445 «глав», далее — географических (272) и буддийских на том же языке (236 глав). Отдельно упоминались иллюстрированные издания (16 глав). Религиозных сочинений на тибетском языке было заявлено 304 главы. Все перечисленное было оценено в сумму 3 994 390 медных чохов. В отчете историко-филологического факультета упоминались и научные успехи командированного. Им были подготовлены фундаментальный тибето-санскритский словарь буддийской лексики,

---

¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283.

² НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814.

переводы материалов для истории буддизма в Индии и Тибете, а также в Монголии и в Китае.

Сохранившиеся в Казани архивные материалы, при всей их разнородности, интересны как хронологически представленное целостное собрание документов, в котором могут причудливо смешиваться купленные у частных лиц подарки для пекинских чиновников и труды по поиску редких буддийских сутр на тибетском языке. Учитывая слабую изученность пекинского десятилетия в биографии В. П. Васильева, в том числе научной биографии, предыстория так и не реализованной кафедры тибетского языка может быть органично встроена в историю российского востоковедения.

Литература

1. Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / Р. М. Валеев [и др.]. Казань: Алма-Лит, 2004. 288 с.
2. Вознесенский Н. И. Замечания о Китае: 1828 г. // Гос. архив Респ. Татарстан (ГАРТ). Ф. 10. Оп. 5. Д. 832. 198 л.
3. Ковалевский О. М. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета, в 8-й день августа 1837 г. ординарным профессором Осипом Ковалевским // Лексина Ю. А. Актовые речи в Казанском Императорском университете. Казань: Изд. Казан. ун-та, 2014. С. 170–185.
4. Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность: докл. и сообщ. междунар. науч. конф. 21–24 июня 2001 г. / отв. ред. Р. М. Валеев, М. З. Закиев. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 232 с.
5. Полянская О. Н. Дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833 гг.). «Дневник занятий за 1832 г.» — источник по истории народов Внутренней Азии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 156 с.
6. Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского. 1830–1831 гг. / подг. к изданию, пред., глоссарий, ком. и указатели Р. М. Валеев, И. В. Кульганек; отв. ред. А. Д. Цендина; Ин-т экономики, управления и права. Казань: Таглимат, 2006. 104 с.
7. Сосницкий А. И. Перевод китайских царских указов и различных очерков из быта китайцев. Рукопись Сосницкого Александра Исааковича, практиканта китайского языка в Казанском университете, 1828–1830 // Архив российской китаистики / сост. А. И. Кобзев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. Т. III. С. 367–512.
8. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833) / подг. к изд., предисл., коммент. и указатели О. Н. Полянской. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 228 с.

УДК 94(517.3)(092)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-102-114

**МОНГОЛОВЕД АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ ПОЗДНЕЕВ:
ПО СТРАНИЦАМ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ**

© **Еланцева Ольга Павловна**

доктор исторических наук, профессор,

Дальневосточный федеральный университет

Россия, 690922, Приморский край, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

В статье рассматривается неисследованный в российской историографии вопрос эпистолярного наследия монголоведа Алексея Матвеевича Позднеева по материалам его писем П. А. Дмитриевскому, И. В. Помяловскому и Н. И. Гродекову. Большая часть используемых в статье исторических источников впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: А. М. Позднеев; эпистолярное наследие; Восточный институт во Владивостоке; история российского востоковедения.

MONGOLIST ALEKSEY MATVEEVICH POZDNEEV:
THE PAGES OF THE EPISTOLARY HERITAGE

Olga P. Elantseva

Dr. Sci., Prof.

Far Eastern Federal University

10 Ayax, Russky Island, Vladivostok 690922, Russia

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

The article examines the question of the epistolary heritage of the specialist in Mongolian studies Aleksey Matveevich Pozdneev, unexplored in Russian historiography, based on the materials of his letters to P. A. Dmitrevsky, I. V. Pomyalovsky and N. I. Grodekov. The vast majority of the historical sources used in the article are first introduced into scientific circulation.

Keywords: A. M. Pozdneev, epistolary heritage, Oriental Studies Institute in Vladivostok, history of Russian oriental studies.

*Посвящается 120-летию
востоковедческого образования
на российском Дальнем Востоке*

В настоящее время в исследовательском поле российских авторов нередко встречается имя Алексея Матвеевича Позднеева — востоковеда, монголоведа, доктора монгольской и калмыцкой словесности, профессора Санкт-Петербургского университета, одного из организаторов и первого директора Восточного института во Владивостоке. В работах Т. В. Ермаковой, О. Н. Полянкой, Н. П. Шастиной и других [7; 8; 10; 14] раскрывается научный вклад А. М. Позднеева. А. С. Дыбовский, О. Н. Полянская, Е. В. Сартикова, А. Н. Хохлов [3; 9; 12; 13] анализируют деятельность А. М. Позднеева в области образования:

создание школы практического востоковедения, в частности, монголоведения, содействие развитию школьной системы Калмыкии. В. Е. Войтов, С. В. Джунджусов, С. С. Сабрукова обращают внимание на богатые исторические источники по монголоведению, собранные А. М. Позднеевым в ходе экспедиций и командировок, и их современное значение [1; 2; 11]. Вместе с тем следует признать, что авторы в меньшей степени касаются личности исследователя.

Цель данной статьи — очертить, уточнить образ Алексея Матвеевича Позднеева, то, каким он предстает, по его сохранившимся письмам. Из всего корпуса таких документов, рассредоточенных по библиотекам и архивохранилищам нашей страны [частично автор уже писал об этом, см. 4; 5; 6], в фокус нашего внимания попали лишь написанные в период с 1886 г. по 1902 г.

Адресатами А. М. Позднеева стали его коллега по Императорскому Санкт-Петербургскому университету Иван Васильевич Помяловский — филолог-классик, археолог, заслуженный профессор, декан историко-филологического факультета; Павел Андреевич Дмитриевский, ровесник А. М. Позднеева, лишь на год раньше окончивший Санкт-Петербургский университет по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду с отличными успехами и определившийся на службу во внешнеполитическое ведомство. Сохранившиеся письма Позднеева к Дмитриевскому относятся к тому времени, когда последний возглавил вновь созданное российское консульство в Ханькоу, позже он был назначен консулом в Тяньцзине (1889 г.). Еще одним адресатом являлся Николай Иванович Гродеков — Приамурский генерал-губернатор (1898–1902 гг.). Его «начальствование» краем хронологически почти совпадает со временем, когда А. М. Позднеев был директором Восточного института (1899–1903 гг.). Переписка А. М. Позднеева с Н. И. Гродековым частично введена в научный оборот А. Н. Хохловым [13].

Рассматривая атрибуцию писем, следует подчеркнуть, что они написаны А. М. Позднеевым либо из Санкт-Петербурга в Китай (П. А. Дмитриевскому), либо из Владивостока в Санкт-Петербург (И. В. Помяловскому), либо в канцелярию Приамурского генерал-губернатора (Н. И. Гродекову). Каждое письмо имеет свое оформление и включает не только имя и отчество, но и эпитеты. К Дмитриевскому Позднеев обращался со словами «добрый друг», «милый друг»; к Помяловскому — «высокопочтимый и дорогой мой», к Гродекову всегда неизменно — «милостивый государь».

Завершаются письма тоже по-разному: письма Дмитриевскому словами «С любовью пребываю Вашим всегдашним и преданным почитателем», «Пишите почаще искренне Вас уважающему и любящему» и др.; Помяловскому — «Примите мою сердечную любовь и дружественные пожелания всяких благ от Господа. Душою преданный Вам»; Гродекову — «С совершенным почтением и глубочайшею преданностью имею честь пребывать Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою», «С чувством беспредельного уважения и преданности имею честь пребывать всегда и всем сердцем Вашему Высокопревосходительству преданным слугою».

Как обращения к адресатам, так и заключительные слова писем и их содержание подчеркивают, что для Алексея Матвеевича это были весьма уважаемые,

но очень разные люди, к каждому из которых он умел найти свой подход, свои слова, имел вполне определенный круг обсуждаемых вопросов.

Попытаемся выяснить, о чем писал А. М. Позднеев своему «доброму другу» Павлу Алексеевичу Дмитревскому. Алексей Матвеевич, а порой и Ольга Константиновна¹, ставили его в известность о выполнении поручений: о получении заработной платы и переводе части денег в Вологду, а части — на текущий счет в банке; о выписке нужных ему периодических изданий и т. д.² [8, 9].

Позднеевы поздравляют семью адресата с рождением детей. При этом Алексей Матвеевич высказывает пожелание, чтобы появившийся на свет сын «был здоров и мощен, кричал бы во всю ивановскую глотку и напоминал бы постоянно ему, родителю, о спокойствии и тишине в чистом житии ангельском», а далее с сожалением добавляет: «Мы с женой именно в таком пребываем до сего времени и, кажется, останемся до конца дней»³.

В другом письме Алексей Матвеевич посылал ребятишкам Дмитревского «свои любезные подзатыльнички, пока жена не соберется купить им игрушек»⁴. Совсем немного он сообщает о досуге: на квартире Позднеевых гости собирались по вторникам «подчас с пением и хохотом, у других — более церемонно»⁵.

Понимая, что выпускника восточного факультета интересовали дела в almaty, А. М. Позднеев сообщал основные новости: ректором Санкт-Петербургского университета назначен М. И. Владиславлев⁶, «человек с определенными, твердыми убеждениями»; по мысли Позднеева, «с ним можно держаться и выработать себе определенную систему для действий»⁷.

Еще одной новостью было то, что факультет восточных языков принял решение, в соответствии с которым «он не может иметь профессоров китайской словесности из лиц, не побывавших в Китае»⁸. Для А. М. Позднеева это являлось принципиально важным, достаточно обратиться к написанному им ранее: «Ива-

---

¹ Ольга Константиновна Позднеева, в девичестве Голстунская, — жена А. М. Позднеева. В архивах сохранилась просьба от 1 июня 1881 г. доцента Санкт-Петербургского университета А. М. Позднеева к ректору вуза о разрешении вступить в брак с дочерью заслуженного экстраординарного профессора, действительного статского советника Константина Федоровича Голстунского, девицей Ольгой Константиновной Голстунской [ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 8192. Л. 16]. Разрешение было получено, и 3 июня 1881 г. в одной из петербургских церквей состоялось венчание молодых людей.

² АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 12, 12-об., 19; Д. 177. Л. 5, 7-об.

³ По всей видимости, именно это обстоятельство и послужило причиной создания А. М. Позднеевым второй семьи, в которой народится пятеро детей; АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 2

⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 18-об.

⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 15, 15-об.

⁶ Владиславлев Михаил Иванович (1840–1890) — философ, профессор, ректор Императорского Санкт-Петербургского университета (1887–1890). На докладной записке Министра народного просвещения о кончине М. И. Владиславлева Император Александр III написал «Очень сожалею».

⁷ АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 20-об.

⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 3-об.

новский¹, — сообщал он Павлу Андреевичу, — защитил магистерскую диссертацию «Об инородцах Юго-Западного Китая»... Диссертация, как увидите, такое г...о, что и стыдно на свет божий показать... Не ездил в Китай, диссертацию писал в С[анкт]-Петербурге, не зная материала»; работа «не представляет ни одного самостоятельного слова»². Алексей Матвеевич уверен, что исследования должны выполняться людьми, знающими Азиатский Восток не только и не столько по книгам, сколько по результатам личного знакомства.

В контексте поднимаемого вопроса обратимся еще к одному интересному эпистолярному свидетельству А. М. Позднеева — обоснованию им своей очередной командировки в Монголию.

«Всякий профессор, — утверждал Алексей Матвеевич, — а преподаватель... восточных языков в особенности, необходимо осознает, как важно для него вторичное посещение страны, изучению и преподаванию языка, истории и быта которой он посвятил себя. Путешествие, предпринимаемое первоначально, с целью приготовления к преподаванию, всегда оставляет по себе пробелы, которые чувствуются и осознаются лишь во время самого преподавания, так как последнее всегда выдвигает ряд вопросов, которые невольно могут быть упущены исследователем при первоначальном посещении им страны и которые не могут быть предусмотрены даже самыми обширными и глубоко поучительными инструкциями» [Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга — далее³.

Доказывая необходимость личного знакомства со страной изучаемого языка, А. М. Позднеев приводит любопытное сопоставление: «Профессор всякой другой науки ищет ответов на ... вопросы в общении со своими учеными-коллегами, в посещении их учреждений и конгрессов; преподаватель восточных языков, особенно языков Дальнего Востока, языков, знание и научная разработка которых составляет интерес и задачу России, таких *коллег у себя не имеет*, от того *он не может не рваться в самую страну... ему дорог здесь каждый лишний шаг, каждая новая личность, надпись, книга и пр.*» [здесь и далее выделено нами — О. Е.]⁴. Именно так монголовед старался организовывать свои научные исследования.

П. А. Дмитриевский прекрасно знал китайский язык и Китай. Вот почему Позднеев советует Павлу Андреевичу: «Пишите-ка теперь диссертацию, приезжайте к нам, защищайте и будете профессором»⁵.

А. М. Позднеев информирует своего адресата «о ходатайстве введения в круг факультетского преподавания трех новых предметов: индустанской, японской и корейской» и при этом сокрушается: «Кто их будет преподавать?». Сообщая о

---

¹ Ивановский Алексей Осипович (1863–1903) — синолог, преподаватель Петербургского университета. В 1887 г. защитил магистерскую диссертацию, а в 1889 г. — докторскую. В 1889–1891 гг. был командирован в Китай.

² АВ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 176. Л. 2, 21-об.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 8192. Л. 105–105-об

⁴ Там же. Л. 105-об

⁵ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 21-об.

новом наборе студентов в Императорский Санкт-Петербургский университет, он констатирует: «... теперь мало людей, желающих именно учиться»¹.

Позднеевы — то Ольга Константиновна, то сам Алексей Матвеевич — признают, что «работы масса», «все [время] был занят», «все четыре месяца [с сентября по декабрь 1887 г.] не находил ни одной минуты свободной». Это подтверждает письмо от 26 марта 1892 г.: «Наконец-то мы можем исполнить наше обещание и посылаем Вам наши карточки. Вышли мы оба очень хорошо. Простите, что *заставили Вас ждать пять лет, но никак не могли сняться, все дела да дела*»².

Чем же был занят Алексей Матвеевич, сосредоточивший, по оценке декана В. П. Васильева³, «всю учебную деятельность только в университете»?⁴. Прежде всего он продвигался по службе, что требовало серьезных научных изысканий и освоения поручаемых к чтению учебных дисциплин. Достаточно отметить, что благодаря неустанному труду А. М. Позднеева по сбору (в ходе экспедиций, например, в монгольские степи и командировок в библиотеки Берлина, Вены, Парижа), систематизации и критическому рассмотрению памятников письменности монголов в Императорском Санкт-Петербургском университете впервые был открыт курс истории монгольской литературы.

Сохранившие письменные свидетельства говорят о том, что А. М. Позднеев очень внимательно следил за новинками литературы, старался по этому поводу обменяться мнениями с коллегами. Вот и в письме Дмитревскому содержатся такие слова: «... Поздравляю Вас с выходом в свет китайского словаря архимандрита Палладия и И.С. Попова⁵. Как он Вам понравился, — задает вопрос Алексей Матвеевич и тут же высказывает свою критическую позицию. — Ведь правда, какой громадный труд, сколько в нем материалов, и как плохо издан! Никакого порядка! Не говорю уже о том, что можно было дать другой порядок иероглифам, например на стр. 5, ...6; ну что стоило упорядочить это и поставить вместе — ведь это могло бы навести на какую-нибудь мысль о происхождении письменности; но не говорю об этом, даже в рассмотрении значения иероглифов, расстановке фраз тоже путаница. Стоит глагол, рядом — название цветка, рядом — буддийский термин, рядом — чиновничья должность, потом опять название дерева и т. д. и т. д. Чтобы найти нужное выражение придется прочитать 20, 30, иногда 40 не нужных. Хоть бы алфавитного порядка держался бы»⁶.

---

¹ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 20-об.

² АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 177. Л. 1, 1-об.

³ Васильев Василий Павлович (1818–1900) — российский ученый-синолог, буддолог, санскритолог, декан Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1878–1893).

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д.8192. Л. 50

⁵ Имеется в виду «Китайско-русский словарь», составленный бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым (Пекин: Типография Тун-Вэн-Гуань, 1888. Т.1. 628 с.; Т. 2. 664 с.).

⁶ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 18.

8 декабря 1886 г. Алексей Матвеевич с радостью обращался к Дмитревскому: «Поздравь меня, милый друг. С 5-го декабря я утвержден ординарным профессором»¹. Двумя годами ранее доцент, надворный советник А. М. Позднеев в соответствии с приказом министра народного просвещения получил должность экстраординарного профессора по кафедре монгольской словесности².

Активная педагогическая деятельность А. М. Позднеева в университете велась параллельно с выполнением множества поручений. Когда в университете решили отпраздновать юбилей «нашего старца» — Василия Павловича Васильева, Позднееву поручили составлять тексты поздравительных адресов. В связи с этим он отмечал в письме в Китай: «Конечно, все это приходилось делать мне, ибо кому это писать, кроме меня. Содержание адресов Вы прочтете в газетах “Новое время” и “Новости”». К тому же, А. М. Позднеев должен был подготовить и произнести речь, «обозревающую состояние восточного языкознания в период начала деятельности Василия Павловича и заслуги его на этом поприще». Попутно Позднеев решал и организационные вопросы. Так, в указанном письме содержится просьба к П. А. Дмитревскому прислать телеграмму на имя ректора университета по поводу юбилея В. П. Васильева³.

На рубеже 1880–1890-х гг. в Главном штабе возникла потребность следить за китайскими газетами и представители штаба обратились за помощью в Санкт-Петербургский университет, но «не нашлось никому читать их, кроме меня», — делится произошедшим А. М. Позднеев и задает риторический вопрос: «Какой же я знаток китайского языка? Вы, голубчик, вполне поймете мое положение. Ведь иная вещь написать из китайских газет статью в “Новое время”... и иная вещь работать для правительства [здесь и далее подчеркнуто автором письма], когда оно просит от тебя сведений, когда оно хочет знать, знать правду, чтобы правильно действовать. Тут ведь совесть говорит. И сию я теперь над китайскими газетами, *работаю честно*»; «трудности представляет мне терминология: названия чинов, орудий, разного рода пуль, частей пароходов и т. д.»⁴.

Позднееву часто поручали работу по подготовке проектов. Так, в послании в Китай от 15 июня 1889 г. читаем: «... Доселе сидел и писал проект о реформе калмыцких школ; между делом составлял положения относительно преобразования государственных экзаменов окончивших курс в университете в полукурсовые испытания; теперь пишу записку [К. П.] Победоносцеву⁵ о постановке миссионерского дела среди буддистов.

Как видите, все выполняю поручения по части проектов ... Работа все этакая живая, волнующая, люблю такую работу!». И здесь же признание: «Утомлен за год порядком, впору и отдохнуть»; за такой работой «не заметить..., как разби-

---

¹ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 15, 15-об.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 8192. Л. 40.

³ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л.13, 19-об.

⁴ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д.176. Л. 2-об.

⁵ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — правовед, обер-прокурор Святейшего синода (1880–1905).

ваются нервы и делаешься раздражительным и несносным. Все это будет конечно исправлено после каникул, а до времени — скверно...»¹.

В ноябрьском письме за этот же год Алексей Матвеевич сообщает П. А. Дмитревскому, что до летних каникул в университете был занят работами Министерства государственных имуществ², которое решило преобразовать калмыцкие училища Астраханской губернии. На летних каникулах оно командировало туда А. М. Позднеева.

Вернувшись в Санкт-Петербург, Алексей Матвеевич узнал, что утвержден членом Государственной экзаменационной комиссии. Делянов³ не только утвердил, но еще подчеркнул мое имя, написав: «С поручением ему делопроизводства»⁴.

С откомандированием А. О. Ивановского в Китай остались в столичном университете без преподавателя часы по маньчжурскому языку. В. П. Васильев, «ссылаясь на старость», отказался их вести и посчитал возможным возложить преподавание на Алексея Матвеевича, а это четыре еженедельные лекции. «Итого, — резюмировал А. М. Позднеев, — с началом учебного года у меня оказалось: ежедневно по две лекции в Университете, участие во всех экзаменах, делопроизводство в Государственной комиссии, секретарство на факультете и работа в Министерстве государственных имуществ.

Конечно, — рассуждал он, — комиссии наши не велики, всего 9 человек экзаменующихся; но их ведь экзамен длится часа два, да невольно перед и после экзамена проболтаешься несколько минут в Университете, на проходку туда и обратно — час, смотришь часов четырех и нет. А на другой день лекции. К ним нужно подготовиться и употребить на это уже самое меньшее 2 ½ часа.

Скажите, — экзамены не каждый день; правда, но на следующий день вместо экзаменов нужно просидеть за составлением экзаменационных протоколов; на третий — вместо экзаменационных нужно написать протоколы факультетские, на четвертый и на пятый — произвести по этим протоколам [дополнения] и т. д. и т. д.»⁵.

Если факультетское делопроизводство шло «зауроченной тропой», то совершенно иным было делопроизводство в Государственной экзаменационной комиссии. По мнению А. М. Позднеева, это «дело новое и на каждом шагу не предусмотрено то одно, то другое. Представьте, например, что студент держит экзамен, а его в выписное присутствие тянут. Как быть? Прежде об отсрочке воинской повинности студентам, державшим экзамены, ходатайствовал Университет, теперь Университет выдает в мае своим студентам выпускные свидетельства и знать их больше не хочет. Хлопотать, значит, нужно комиссии. И приходится лететь к Попечителю [Петербургского учебного округа], к Министру [народного

---

¹ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 177. Л. 10–10-об.

² Министерство государственных имуществ заведовало государственными землями и иным государственным имуществом Российской империи.

³ Делянов Иван Давыдович (1818–1897) — государственный деятель Российской империи, министр народного просвещения (1882–1897)

⁴ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 17

⁵ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л.17,17-об.

просвещения], искать разрешений, ибо воинское присутствие ведь не терпит. И так на каждом шагу»¹.

А. М. Позднеев для убедительности приводит показательный случай. «Записался к нам один еврей. Сдал два экзамена, а полиция гонит его из Петербурга, ибо как еврей имеет право жить в Петербурге для получения образования, а окончил его — уходи в Каменец — жидовское царство. Опять вопрос о возможности продлевать [время] евреям для сдачи экзаменов»².

Алексей Матвеевич заключает: «Все мелочи, формальности, — но ужасные, убийственные, такие, что бросай все и исполняй их, потому что одного тащат забривать голову, другого сдают в вагон и выпроваживают. Так таки 2 ½ месяца и скакал как на угольях из одной стороны в другую»³.

С окончанием экзаменов нагрузка у А. М. Позднеева стала полегче: «осталась подготовка к лекциям да к еженедельным заседаниям в Министерстве Государственных имуществ. Смотрю, — замечает он, — Остен-Сакен⁴ задумал издавать дневник путешествия Палладия по Монголии и привозят его ко мне для просмотра и дополнений. Сами знаете, что это за работа... Начал заниматься этим, — из Археологического общества пишут, что в IV выпуске надо поместить издаваемые мною калмыцкие сказки; напечатал один лист этого текста, — смотрю, в сентябре в книжке “Journal of the China Branch” появился снимок маньчжурской и монгольской надписи на корейском памятнике, а маленькое сообщение о нем Общество заключает уведомлением о своей надежде, что “какие-нибудь знатоки маньчжурского языка снабдят общество переводом этой надписи”.

Подумаешь, как же не сделать этого русскому? Как же не сделать этого мне, тем больше, мне ведь поручено ведение маньчжурского дела в университете? Просидел три дня за этим: переписал, перевел, составил примечания, приготовил к печати. Теперь вот уже четыре дня болею, не выхожу из комнаты и взяться ни за что не могу: простудился сильно. Ну да об этом толковать не стоит»⁵.

Таким образом, эпистолярное наследие 1886–1892 гг. свидетельствует о деятельной, во многом безотказной натуре Алексея Матвеевича Позднеева, его высокой работоспособности и ответственности.

Письма 1900–1902 гг. показывают А. М. Позднеева, не по своей воле взявшего на свои плечи реализацию важнейшей и сложнейшей государственной задачи — организации первого высшего учебного заведения во Владивостоке. Известно, что по первоначальным планам от решения создать вуз во Владивостоке до его открытия должно было пройти несколько лет, подобно тому, как это произошло с Императорским Томским университетом. Там этот отрезок времени составил почти 10 лет. Алексею Матвеевичу Позднееву удалось сделать все за

---

¹ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д.176. Л. 17-об.

² АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 17-об.

³ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176.Л. 17-об.

⁴ Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1793–1881) — военачальник, член Государственного совета, участник походов против Наполеона, Кавказской и Крымской войн.

⁵ АВ ИВР РАН. Ф.14. Оп. 2. Д. 176. Л. 17-об., 18

несколько месяцев 1899 г., и еще три года ушло на постановку всего цикла работ от набора студентов до их выпуска. Но какой ценой?

Обратимся к письму, адресованному «высокочитимому и дорогому» Ивану Васильевичу Помяловскому. Оно датировано 31 октября 1900 г. и начинается с извинений за долгое молчание. А. М. Позднеев объясняет: «за перо не мог взяться, и это главным образом потому что хотелось поделиться всем, случившимся со мною, а оно оказалось почти невозможным за обилием событий и материала для письма.

По прибытии во Владивосток я в первый раз в жизни столкнулся здесь с нашими коммерческими дельцами и культуртрегерами¹. Это была самая тяжелая для меня пора...»². Морально-психологический шок от увиденного и пережитого привел к тому, что «... много было проведено и бессонных ночей, и терзавших своими мерзостями душу дней, — а поседел и состарился я в каких-нибудь два месяца так, как, вероятно, не успел бы сделать этого в П[етер]бурге и в два года. Теперь все это понемногу приходит в норму: пиявки сами собою отпадают, и хоть не ахти какой бальзам врачует укушенное место, однако все льется на него животворная влага. Так-то вот»³.

По словам автора письма, его измучила и еще продолжает мучить собственно хозяйственная часть Восточного института; вопросы учебно-воспитательной деятельности решались тоже нелегко, но успешнее: вуз «последовательно переходил от небытия к неустройству, проживал на бивуаках и засим постепенно упорядочивал свою жизнь и деятельность»⁴.

Первый номер «Известий Восточного института»⁵, приложенный к письму И. В. Помяловскому, давал возможность «познакомиться... с тем, что было предпринято, чтобы провести новоучрежденное учебное заведение к наиболее совершенному достижению поставленной ему задачи».

Во Владивостоке А. М. Позднеев оказался один на один с проблемами Восточного института: «все приходится делать самому, не имея возможности с кем-либо обдумать свои предположения и посоветоваться... Я вновь один, — один, поймите это! Слова сказать не с кем и в этом основная тяжесть положения»⁶. Молодые профессора, только начинавшие трудовой путь в институте, были заняты разработкой учебных программ, планов, подготовкой лекционных материалов и не могли оказать существенной помощи директору своими советами еще и в силу своей неопытности.

---

¹ Культуртрегер (нем. Kulturtrager) — империалист-колонизатор, порабащивающий отсталые народы под прикрытием насаждения культуры.

² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки — далее ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1132. Л. 14

³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1132. Л. 14-об.

⁴ Там же.

⁵ «Известия Восточного института» издавались с 1900 по 1920 г., издание возобновлено в 1994 г.

⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1132. Л. 15.

Позднеева волнует и другой вопрос. Обращаясь с ним к И. В. Помяловскому, он пишет: «Вы глубоко обязали бы меня, если бы сообщили мне, забыли ли обо мне совершенно [в Санкт-Петербурге], или еще хуже, не поносят ли мое имя яко зло, — угодить ведь Министерству не особенно легко. Уповаю на то, что забыли, хотя теперь вот с появлением первого тома [«Известий Восточного института»] вспомнят опять невольно»¹.

Пребывание во Владивостоке было отмечено почти десятком обстоятельных писем А. М. Позднеева Приамурскому генерал-губернатору Н. И. Гродекову. Из всех таких исторических свидетельств обратимся лишь к одному, последнему, датированному 9 октября 1902 г. Директор Восточного института узнал, что Н. И. Гродеков, «единственный свидетель и компетентный судья» всей его деятельности во Владивостоке, получил новое назначение. «Позволю себе, — обращался он к генерал-губернатору, — в последний раз в границах Приморской области доложить Вашему Высокопревосходительству о многочисленных текущих событиях институтской жизни и вместе изложить свою покорнейшую просьбу»².

Директор сообщал о посещении вуза Сергеем Юльевичем Витте³. Обходя здание, Витте спросил Позднеева, успел ли тот здесь привыкнуть, и получил ответ о трудности продолжать службу во Владивостоке, что объяснялось тяжестью условий здешней жизни из-за малонаселенности и некультурности края. «Действительно, — делился Алексей Матвеевич с Н. И. Гродековым, — кого винить в моих терзаниях о том, что ремонт крыши не производился, что пароход, доставляющий железо, потерпел аварию и прибытия новых заказов пришлось ожидать целые три месяца?

Кого винить в последствиях, которыми сопровождалась эта неисправность крыши? Кого винить в том, что открывшийся учебный год я начал без эконома, которому министерство долго не высылало прогонов⁴, и в результате эконом мой, назначенный в июле, прибыл лишь 2-го октября, а между тем из-за этого мне пришлось самому думать даже о кормлении студентов⁵.

Кого винить в том, что профессор исторических наук [Н. В.] Кюнер⁶ и преподаватель [Г. Ц.] Цыбиков⁷ не назначены еще и доселе, а потому *лекции их приходится читать мне, имея 28 недельных часов в аудиториях*? Нельзя же, в самом деле, бросить дело!

---

¹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1132. Л. 15-об.

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея, далее ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 4. Л. 195.

³ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — российский государственный деятель, министр финансов (1892–1903).

⁴ Прогон — в Российской империи плата за проезд на почтовых лошадях и по железным дорогам офицеров и чиновников.

⁵ Имеются в виду студенты, проживавшие в интернате при Восточном институте.

⁶ Кюнер Николай Васильевич (1877–1955) — в 1900 г. окончил Петербургский университет, с 1902 г. — профессор Восточного института во Владивостоке.

⁷ Цыбиков Гомбожаб Цэбекович (1873–1930) — в 1899 г. окончил Петербургский университет, с 1902 г. преподавал в Восточном институте во Владивостоке.

Кого винить в том, что дней пять тому типография «Восточного Вестника» уведомила меня, что она прекращает свое дело, а потому нам приходится переносить издание своих «Известий» в другую, отыскивать ее, а главное — перемещать массу наших восточных шрифтов? Это будет страшный труд!».

Служба во Владивостоке стала буквально угнетать Позднеева. Он признавался: «за один месяц я уже настолько издергался, что, по собственному сознанию, даже в настоящую пору мало пригоден для дела»¹. Он решил просить Приамурского генерал-губернатора об освобождении от службы при Восточном институте. *«Я не искал этого места, — читаем в письме А. М. Позднеева, — и принял его по предложению незабвенного для меня Николая Павловича Боголепова² в сознании, что Институт нужен России и что его необходимо устроить и сделать этого было некому. Я положил свои силы для пользы правительства и родины и теперь прошу об одном: пощадите, не сокращайте мою жизнь!*

Я прошу освободить меня из любви к самому Институту, ибо здесь, по местным условиям, необходима самая напряженная деятельность бодрых, не знающих усталости, самоотверженных сил».

Позднеев задает вопрос и сам же на него отвечает: «Что значит обосновать во Владивостоке высшее учебное заведение, когда для этого не дано ровно ничего, помимо четырех покрытых стен здания, представляющего собою сарай без окон, дверей и даже лестниц...»³

Именно в таком виде нашел я Восточный институт три года тому назад. Теперь у меня четыре курса с 13-ю отделениями, аудитории снабжены всем необходимым, равно размещены по возможности и институтские учреждения, но смею сказать, что не только внешняя, а даже и внутренняя жизнь Института созданы мною, Институтский устав указал этому учреждению быть первым в России учебным заведением, преследующим практические цели в изучении Востока, однако пособий для себя у нас не было совершенно, не говоря о том, что такие языки, как корейский или японский никогда не преподавались в России, даже такие предметы, как история или география Дальнего Востока, политическая организация восточных государств, их право, учение об их промышленности и торговле — все это было для нас совершенной новизной»⁴. В приведенном кратком содержании письма отмечены очень весомые результаты деятельности Алексея Матвеевича Позднеева и всего коллектива профессоров и преподавателей Восточного института, проделанной в течение 1899–1902 гг.

Таким образом, эпистолярное наследие А. М. Позднеева, послужившее основой данного материала, охватывает время с 1886 по 1902 г. В начале Алексей Матвеевич — молодой 35-летний преподаватель, доцент, ставший вскоре профессором Санкт-Петербургского университета, а позже — 50-летний, умудренный опытом директор Восточного института во Владивостоке.

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 4. Л. 195.

² Боголепов Николай Павлович (1846–1901) — правовед-цивилист, министр народного просвещения (1898–1901).

³ ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 4. Л. 196.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 4. Л. 196–197.

Из писем нашего героя в Китай П. А. Дмитревскому хорошо прослеживается пройденная им на факультете восточных языков столичного университета нелегкая школа профессионального становления, активное накопление навыков администрирования в части решения актуальных вопросов учебно-научного процесса и общественных дел в вузе, составления государственно важных документальных текстов.

Эпистолярное наследие А. М. Позднеева подчеркивает статусный и широкий круг его делового общения. Алексея Матвеевича знали и ценили за профессиональные качества министр народного просвещения И. Д. Делянов, оберпрокурор Святейшего синода П. К. Победоносцев и другие государственные деятели, к нему обращались за научными консультациями и советами, просили предоставить результаты исследований для опубликования.

В рассмотренном эпистолярном наследии А. М. Позднеев предстает как большой труженик, проявлявший личную инициативу и настойчивость в проведении научных исследований по монголоведению; человек, бравший на себя ту сложную и ответственную работу, от которой порой отказывались коллеги по Императорскому университету.

Вполне закономерно, что когда встал вопрос об организации во Владивостоке высшего востоковедческого учебного заведения и его директоре, — выбор, с согласия российского императора Николая II, пришелся на Алексея Матвеевича Позднеева.

Из писем профессору И. В. Помяловскому и генерал-губернатору Н. И. Гродекову становится очевидно, что Алексей Матвеевич Позднеев бесконечно много сделал для нормального функционирования первого вуза на российском Дальнем Востоке. Наши современники по праву называют его основателем Восточного института во Владивостоке.

Литература

1. Войтов В. Е., Тихменёва-Позднеева Н. А. Алексей Матвеевич Позднеев и его восточная коллекция / Гос. музей Востока. Самара: Агни, 2001. 107 с., [36] л. цв. ил.: ил., портр.
2. Джунджужов С. В. Отчет А. М. Позднеева как исторический источник о конфессиональной жизни калмыков-буддистов Уральского казачьего войска // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие: материалы II Междунар. науч. конф. / Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук. Элиста, 2016. С. 20–21.
3. Дыбовский А. С. Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) и практическое востоковедение в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 4–2. С. 83–105.
4. Еланцева О. П. Дмитрий Матвеевич Позднеев — директор Восточного института // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: сб. ст. и библиография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 146–161.
5. Еланцева О. П. «Совершенно новое учреждение и неизведанное дело»: к истории становления Восточного института во Владивостоке // Гуманитарный вектор. 2012. № 2. С. 132–142.
6. Еланцева О. П., Толстокулаков И. А. «...Желая наивозможно лучше поставить дело изучения японского языка»: к вопросу о первой командировке Е. Г. Спальвина в Японию

(1899–1900) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15, вып. 1. С. 200–206.

7. Ермакова Т. В. Вклад монголоведа А. М. Позднеева в исследование буддийской культуры // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, № 1. С. 41–52.

8. Ермакова Т. В. Деятельность А. М. Позднеева в буддийских регионах Российской империи (по материалам архива востоковедов ИВР РАН) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. 2013. С. 327–330.

9. Полянская О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Учёные записки ЗабГУ. Сер.: Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2016. Т. 11, № 6. С. 143–148.

10. Полянская О. Н. Жизнь, судьба и научное наследие монголоведов России после 1917 г.: А. М. Позднеев (1851–1920) // Тармахановские чтения: российская революция 1917 г.: материалы всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию Российской революции 1917 г. и 95-летию проф., исследователя индустриальных процессов послеоктябрьской Сибири Е. Е. Тармаханова. 2017. С. 124–133.

11. Сабрукова С. С. Образцы буддийских грамот из коллекции архивных материалов А. М. Позднеева // Письменные памятники Востока. 2013. № 1(18). С. 236–241.

12. Сартикова Е. В. Роль А. М. Позднеева в развитии системы образования Калмыкии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2–1(8). С. 158–160.

13. Хохлов А. Н. А. М. Позднеев — основатель Восточного института во Владивостоке // Известия Восточного института. 1994. № 1. С. 37–47.

14. Шастина Н. П. А. М. Позднеев // MONGOLICA-VI: посвящается 150-летию со дня рождения А. М. Позднеева. СПб., 2003. С. 7–18.

УДК 947.084.24 (517.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-115-125

**ТРАДИЦИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ В РОССИИ:
О. М. КОВАЛЕВСКИЙ, В. П. ВАСИЛЬЕВ, А. М. ПОЗДНЕЕВ¹**

© Полянская Оксана Николаевна

кандидат исторических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: PolGrab@mail.ru

Статья посвящена основным направлениям научного монголоведения в России, в развитии которых прослеживается преемственность методов изучения, исследования и подготовки новых кадров востоковедов в российских университетах. Преемственность и сложившиеся с начала XIX в. традиции в изучении исторического и культурного наследия монгольских народов свидетельствуют об единой, целостной научной школе монголоведения России, в которой в силу исторической обусловленности в разное время ведущую роль играл какой-либо из центров: в первой половине XIX в. — Казань, во второй — Санкт-Петербург, на рубеже XIX–XX вв. — Восточный институт во Владивостоке. Среди многочисленных значимых фигур российского востоковедения О. М. Ковалевский, В. П. Васильев, А. М. Позднеев занимают особое место, их деятельность связана с вышеназванными востоковедными центрами, они не только оставили богатое научное наследие, но и были организаторами востоковедного образования в России, стояли у истоков науки о Востоке, определив перспективные направления развития востоковедения. Они являются основателями российского востоковедения, определившими значимые этапы в развитии науки о Востоке. основополагающий начальный этап развития монголоведения проходил в стенах Казанского университета, где О. М. Ковалевский сформулировал основные задачи и приоритетные направления монголоведческих исследований. В. П. Васильев под руководством О. М. Ковалевского изучил в совершенстве монгольский язык, сделал переводы сочинений по философии с монгольского, тем самым продолжив начатое учителем изучение философии буддизма. Полагаясь на опыт и традиции своей альма матер, В. П. Васильев развивал востоковедное образование в Санкт-Петербургском университете, являясь долгое время деканом восточного факультета (открытого в 1855 г.). В свою очередь, ученик В. П. Васильева А. М. Позднеев продолжает экспедиционную деятельность по изучению традиций и быта монгольских народов, приоритетным направлением которой остается значимость буддизма для монголов. Кроме того, он развивает идею О. М. Ковалевского и В. П. Васильева о специализации выпускников-востоковедов, т. е. утверждает значимость практического востоковедения. А. М. Позднеев воплощает эту идею в создании Восточного института во Владивостоке, главная задача которого заключается в подготовке востоковедов-практиков, не только знающих

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев») и Бурятского государственного университета (проект № 19-11-0502 «Научное наследие монголоведов России (вторая половина XIX — начало XX вв.)»).

язык, но и способных погрузиться в какую-либо сферу жизни восточного государства: правовую, экономическую, политическую, историю или географию.

Ключевые слова: научная школа монголоведения в России; история монголов; О. М. Ковалевский; В. П. Васильев; А. М. Позднеев; Казанский университет; Санкт-Петербургский университет; Восточный институт во Владивостоке.

TRADITIONS AND CONTINUITY IN DEVELOPMENT OF THE SCHOOL
OF MONOLIAN STUDIES IN RUSSIA:

O. M. KOVALEVSKIY, V. P. VASILYEV, A. M. POZDNEEV

Oksana N. Polyanskaya

Cand. Sci. (History), A/Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: polgrab@mail.ru

The article is devoted to the mainstream of Mongolian studies in Russia, which is characterized by the continuity of research methods, and philosophy of training Orientalists at Russian universities. Continuity and traditions in the investigation of historical and cultural heritage of the Mongolic peoples that had been developed since the beginning of the 19th century point to the fact that there was a holistic scientific school of Mongolian studies in Russia, within which due to historical conditionality at varying times one of the centers played the leading role: in the first half of the 19th century it was Kazan, in the second half — St. Petersburg, at the turn of the 19th–20th centuries — Oriental Institute in Vladivostok. Among the many significant figures of Russian Oriental studies O. M. Kovalevsky, V. P. Vasilyev, and A. M. Pozdneev occupy a special place, their activity was associated with the above Oriental centers of the 19th–20th centuries, they not only left a rich scientific heritage, but also were the organizers of Oriental education in Russia, and fathers of Oriental science, who identified the promising areas for development of Oriental studies and did a lot to solve the defined scientific problems. They are the pillars of Russian Oriental studies, whose activity determined the significant stages in development of Oriental science. Fundamental initial stage of Mongolian studies development took place in Kazan University, where O. M. Kovalevsky defined the main tasks and priority areas of this science. V. P. Vasiliev under the supervision of O. M. Kovalevsky perfectly studied the Mongolian language, made translations of Mongolian works on philosophy; thereby he continued the study of Buddhist philosophy begun by his teacher. In reliance on the experience and traditions of his alma mater, V. P. Vasiliev developed Oriental education at St. Petersburg University, for many years he was a dean of Oriental Faculty (opened in 1855) of St. Petersburg University. In turn, V. P. Vasilyev's student A. M. Pozdneev continued expeditionary activities aimed at the study of the Mongolic peoples' traditions and life; the importance of Buddhism for the Mongols remain a priority. In addition, he developed O. M. Kovalevsky and V. P. Vasiliev's idea about the specialization of Orientalists, i.e. affirmed the importance of practical oriental studies. A. M. Pozdneev embodied their idea in establishment of Oriental Institute in Vladivostok, which main task is training of Orientalists-practitioners, who should not only have language skills, but also could indulge in any sphere of life of the Eastern countries: legal, economic, political, historical or geographical.

Keywords: the school of Mongolian studies in Russia; the history of the Mongols; O. M. Kovalevsky, V. P. Vasilyev; A. M. Pozdneev; Kazan University; St. Petersburg University; Oriental Institute in Vladivostok.

Систематическое изучение языка, истории, культуры монгольских народов началось с открытия первой в Европе кафедры монгольского языка в Казанском университете (1833) и связано с именем Осипа Михайловича Ковалевского, возглавившего эту кафедру. О. М. Ковалевскому вместе с Александром Васильевич Поповым по возвращении из научной командировки (1828–1833), во время которой они изучили монгольский язык, познакомились с бытом, духовной культурой монгольских народов, предстояло создать учебные пособия, словари, программы для студентов Казанского университета и продолжить научные исследования по монголоведению. Особое внимание О. М. Ковалевский уделял обучению монгольскому языку, главной составляющей этого процесса должно было стать общение с носителем языка. С этой целью он приглашал «надзирателя» — воспитателя для студентов. Одним из первых воспитателей стал Галсан Никитуев, затем его сменил Галсан Гомбоев, в дальнейшем известный ученый-монголовед. Г. Никитуев, и Г. Гомбоев — забайкальские буряты, приехавшие в Казань по приглашению руководства университета и инициативе О. М. Ковалевского, который установил дружественные связи с представителями сибирской интеллигенции, буддийским духовенством края. Учениками монголоведа из бурят стали Доржи Банзаров и Алексей Бобровников, труды которых были высоко оценены современниками и отмечены государственными наградами. Особое место среди учеников О. М. Ковалевского принадлежит академику Василию Павловичу Васильеву, создавшему фундаментальные труды по востоковедению, преимущественно по синологии. Китаеведение стало для В. П. Васильева главным направлением деятельности после его командировки в составе Российской духовной миссии в Пекин (1840–1850), однако начинал он свою работу на поприще монголоведения. Одной из важных форм подготовки кадров востоковедов, оказавшейся наиболее эффективной из всех, являлись командировки в страны Востока, их инициатором стал ректор Казанского университета Н. И. Лобачевский. Долгие годы такие командировки были обязательными для востоковедов, оставленных при университетах «для подготовки к профессорскому званию». В результате поездок к забайкальским бурятам, а также в Монголию и Китай (1828–1833) О. М. Ковалевский получил хорошую школу для своего становления как монголоведа. Осознавая это, он впоследствии настаивал на командировании В. П. Васильева в Пекин на 10 лет в составе Российской миссии с целью изучения восточных языков (китайского, маньчжурского, тибетского, санскрита), буддизма, приобретения рукописей и книг для библиотеки университета. Студенты восточного факультета Санкт-Петербургского университета, следуя этой традиции, также отправлялись зарубеж или на восточные окраины России для «совершенствования языка». Как правило, эти командировки становились для них отправной базой дальнейших исследований. Авторитетный ученый-монголовед, организатор востоковедческого образования в России Алексей Матвеевич Позднеев свою первую командировку в Монголию совершил будучи студентом Санкт-

Петербургского университета. Профессор, заведующий кафедрой монгольской словесности К. Ф. Голстунский¹ добился для него разрешения принять участие в экспедиции 1876–1878 гг. Императорского русского географического общества под руководством Г. Н. Потанина [13, с. 149]. А. М. Позднеев привез из командировки богатую коллекцию книг, составившую в последствие «позднеевский фонд» библиотеки восточного факультета. Научные командировки способствовали не только становлению будущих ученых-монголоведов, но и обогащали библиотеки университетов ценными книгами на восточных языках, ксилографами. Путешественники также привозили интересные предметы быта и религиозного культа восточных народов. Традиционно ученые из командировок возвращались с переписанными или приобретенными на средства университета и даже личными или подаренными книгами. Перемена Пекинской духовной миссии в 1830 г. дала возможность О. М. Ковалевскому посетить Китай и обогатить университетскую библиотеку многими весьма редкими сочинениями на китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском языках, всего им было привезено 189 наименований в 1 433 книгах и 48 рукописях [8, с. 260–262]. Напутствуя В. П. Васильева на поездку в Китай, Осип Михайлович должное внимание в своем «Наставлении»² уделил приобретению книг, Васильев должен был пополнить библиотеку университета сочинениями, которых еще не было в ее фондах [15, с. 132]. В дальнейшей переписке вновь возвращаясь к этому вопросу, О. М. Ковалевский уточнял: «... Нужным почитаю присовокупить, что... необходимо постараться приобрести важные книги тибетские и монгольские, изданные вне Пекина, при разных монастырях; не упускать из виду санскритских буддийских книг, равно и книг, печатанных и рукописных, принадлежащих жителям Туркестана, Джунгарии» [15, с. 133–134]. В итоге за годы, проведенные в Китае, В. Васильевым было составлено богатое собрание книг: «... я не упускал случая приобретать все, что только мне кажется годным или что могу отыскать — особенно китайских книг у меня большая коллекция, все важные исторические сочинения, между которыми 100 томов (не книгами) истории всех династий, я не упустил даже прозаических и поэтических китайских сочинений. Китайский Ганжур и Данжур тоже почти все 200 томов (китайский том равен почти двум тибетским). Маньчжурские книги собраны почти все, сколько их есть в печати и в рукописях. По части тибетских книг (светского характера) я не совсем счастлив. Вообще же тибетских книг по части буддизма, его истории в Тибете весьма немало... Из монгольских книг я отыскал еще меньше. После того, что Вы вывезли из Пекина, нечего и отыскивать в здешних лавках... В последнее время я приобрел множество монгольских красивых книг... среди них попались два тома из Данжура на монгольском языке и история желтошапочной школы (ламаизма — О. П.), перевод одного знаменитого тибетского сочинения» [15, с. 134–135]. Таким образом,

---

¹ Голстунский Константин Федорович — выпускник Казанского университета, был переведен в Санкт-Петербург в числе других преподавателей восточного разряда из Казани.

² Ковалевский О. Наставление отправляющемуся в Пекин господину Васильеву // ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 22–28 об.

О. М. Ковалевский, В. П. Васильев и А. М. Позднеев продолжали работу по созданию источниковедческого фонда по изучению монгольских народов.

За годы учебы в Казанском университете В. П. Васильев под руководством О. М. Ковалевского в совершенстве изучил монгольский язык и получил основательные знания по буддийской литературе. Все это позволило ему подготовить выпускную работу — исследование сочинения, входящего в буддийскую каноническую энциклопедию Ганджур, «Дух буддийского сочинения Хутухту Дэгэду Алтан Гэрэлту Судур» («Сутра Золотого блеска»). Так был сделан первый шаг к изучению буддизма. В дальнейшем В. П. Васильев продолжил изучение буддийской философии и в 1839 г. защитил магистерскую диссертацию «Об основаниях буддийской философии» [19, с. 97]. «... Работы Василия Павловича были такие, что если бы тогда же были напечатаны, то изучение буддизма двинулось бы сразу по крайней мере на тридцать лет», — написал впоследствии, вспоминая своего учителя, С. Ф. Ольденбург [12]. Первыми научными исследованиями стали работы В. П. Васильева, посвященные буддийской философии, что не было случайностью. О. М. Ковалевский целенаправленно подводил своего студента к изучению буддийских догм, зная его способности понимать религию на основе монгольских, тибетских и китайских источников. Изучение религиозного мировоззрения народов О. М. Ковалевский считал приоритетным направлением в монголоведении, и сам он одним из первых стал заниматься философией буддизма, а в 1835 г. написал «Буддийскую космологию». Понимание важности изучения религии О. М. Ковалевский передал и своему ученику. В. П. Васильев в предисловии к работе «Религии Востока» [3, с. 1–2] особо подчеркивал: «Ничто не может так познакомить нас с человеком, как его религия... От нее зависят законодательный, политический и общественный строй, она поселяется в сердце, направляет ум. Точно то же самое мы должны сказать и о религиях крайнего востока... Знакомство с этими религиями до сих пор едва-ли выходило из круга лиц, специально изучавших их...» [18, с. 171–176].

Важность изучения буддизма, его влияния на монгольские народы, роли буддийского духовенства развивает в своих трудах А. М. Позднеев: «...буддизм руководит не только всеми деяниями, но и суждениями и намерениями монголов...». В 1887 г. он издал свой фундаментальный труд «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями его, последнего, к народу», в основу которого легли материалы, собранные монголоведом во время первой командировки в Монголию в 1876-1878 гг. Ученый рассматривает жизнь и деятельность буддийских монастырей с точки зрения внутренней организации, религиозной обрядности. С учетом того, что духовенство определяло всю жизнь монголов, можно считать, что А. М. Позднеев сделал срез духовной и материальной культуры монгольских народов, существенно дополнив картину быта буддийских монастырей, написанную О. М. Ковалевским в начале XIX в. [11, 1829, ч. 26, кн. 7, с. 230–245].

Каждого из монголоведов интересовал вопрос о распространении ламства, росте его численности. В. П. Васильев вслед за О. М. Ковалевским, который в начале 30-х гг. XIX в. опубликовал свои наблюдения и ответы на поставленный в

«Казанском Вестнике» вопрос [11, 1829, ч. 26, кн. 7, с. 230–245], расширил представления об этом с учетом прошедшего времени. «Уже после заключения Кяхтинского трактата в 1727 г. Саввою Владиславовичем Рагузинским к бурятам перешли из Монголии 12 лам, и они начали дело обращения инородцев под русским владычеством. Ламы сначала действовали кроткими мерами: они учили калек, людей, считавшихся неспособными у кочевого народа, и, разумеется, было достаточно небольшой грамотности, которая развивает язык, делает краснобаем всякого в среде невежественной толпы, чтобы показать, что буддийская религия способна творить чудеса, сделать из никуда негодных людей — людей достойных» [18, с. 171–176]. Именно это, по мнению востоковеда, являлось одной из главных причин быстрого распространения буддизма. Религия давала знание, появлялись грамотные люди среди кочевников, пусть, даже они имели физические ограничения, что ущемляло их при кочевом образе жизни. В таких условиях физическая сила была приоритетной, тяжелые условия кочевой жизни диктовали и жесткие правила, возможность выполнения которых давала право на жизнь. Еще одной причиной стремительного распространения буддизма была последовательная, дальновидная политика лам. «Утвердившись, — рассуждал далее В. П. Васильев, — ламы приняли другую политику, приобретения влияния между значительными лицами, они начали преследовать шаманов и их приверженцев — грабили, убивали и даже жгли. И это под русским владычеством, против которого все, между тем, кричат, что оно насильно обращает в христианскую веру...» [18, с. 171–176]. Вернувшись из Китая в 1850 г. уже состоявшимся ученым, подготовившим фундаментальные труды, одним из которых был «Буддизм. Его догматы, история и литература», В. П. Васильев не нашел поддержки в дальнейшем их продвижении. Из трех написанных томов он смог опубликовать только два [5]. Несмотря на значительный объем этого труда, он был все же малой частью материалов по буддизму, его философии, истории зарождения и распространения, «тысячи листов рукописи так и остались неопубликованными, и многие из них погибли». В рукописи сохранился «Комментарий к Махавъютпатти — alias — Буддийский терминологический лексикон», который по замыслу В. П. Васильева должен был дать подробное толкование «9 565 буддийских терминов, собранных в словаре Махавъютпатти» [7, с. 305]. В архиве В. П. Васильева этот словарь сохранился «в двух больших переплетенных томах, из которых первый имеет 1 205 страниц автора, а второй — 922» [7, с. 305]. Здесь также прослеживается влияние его учителя О. М. Ковалевского, который часто сокрушался о том, что западные исследователи неправильно трактуют буддийское учение и в целом неверно понимают буддизм, относя его, порой, к языческим верованиям. В письме к попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину О. М. Ковалевский обращался: «...вспомните только буддизм и разнообразные о нем мнения европейцев... почитают его ровесником и соперником брахманизма, полагая, что оба произошли от одной древнейшей религии индийцев. Некоторые думали, что буддизм состоит в грубейшем суеверии, наносит жесточайший

вред человечеству, проповедует многобожие или идолопоклонничество с пагубными правилами...»¹. С целью создания общей унифицированной базы терминов по истории и философии буддизма О. М. Ковалевский начал работу над составлением терминологического словаря по буддизму. К сожалению, он также не был опубликован, осталась только его рукопись, которая сейчас находится в Редком фонде библиотеки Вильнюсского университета². Пояснения терминов написаны на русском и французском языках. Всего в рукописи 444 листа формата 22 см на 8,8 см.

Как бы печально это не звучало, но традиционным в истории отечественного монголоведения был и трагизм потери научного наследия востоковедов. Востоковедение, как мы не раз в своих публикациях отмечали это, носило государственный характер. Подъем каждого нового этапа в его развитии был связан с приоритетами во внешней политике Российского государства. Научные труды содержат необходимую информацию о народах, странах, которая представляла интерес с точки зрения успешности осуществления дипломатических контактов. Труды же, представлявшие собой продолжение изучения как-либо вопроса, его конкретизации и углубления, оставались в рукописи. На их издание не выделялось средств. В итоге они оставались неизвестными широкому кругу ученых, особенно зарубежных. В силу разных обстоятельств, связанных с историческими событиями или стихийными бедствиями, рукописи погибали, что, несомненно, трагично как для исследователя, так и для российской науки в целом. Были утеряны бесценные рукописи не только В. П. Васильева, но и его учителя О. М. Ковалевского, трагичной оказалась судьба богатой коллекции буддийских статуэток, собранной А. М. Позднеевым [17, с. 98–105], и многих других.

Однако, невзирая на трудности, востоковеды двигались вперед в изучении народов Востока, они понимали, как никто другой, и значимость практической направленности при подготовке студентов. «Кроме того, изучение востока, а следовательно, и его религии, имеет для нас, русских, особенный интерес; оно возбуждается не простым дилетантством в науке, но и существенную для нас потребностью. Фраза “призвание России — просвещать восток” не есть пустое выражение. Мы просвещаем его, расширяясь в нем, и нельзя еще определить границ, где мы остановимся. Нас толкает в Азию неизбежный ход исторических событий, даже против собственной воли» [18, с. 171–176]. Так, В. П. Васильев вслед за организаторами науки о Востоке в России М. Н. Мусиным-Пушкиным, Н. И. Лобачевским, О. М. Ковалевским и другими обозначил практическую направленность развития востоковедения, его непосредственную связь с внешнеполитическими задачами российского государства. Он долгие годы служил Восточному факультету Санкт-Петербургского университета, был деканом факультета (1878–1893) и заведующим кафедрой китайского языка, старался укреплять позиции факультета как центра по подготовке не только исследователей Востока, но практиков, которые бы хорошо знали современную им ситуацию

---

¹ ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4198. Л. 1. Об. 2.

² Редкий фонд библиотеки Вильнюсского университета. Фонд О. М. Ковалевского F11. Д. F11-2.

в восточных странах. «...Восточный факультет скромно продолжал служение на пользу государства, насколько ему позволяли средства, образовывая внутри себя собственных ученых для занятия кафедр; он мало-помалу наполнял и наши дипломатические миссии в Азии: многие консулы, драгоманы, даже резиденты и посланники считаются получившими ученые степени в нашем Университете» [6, с. 8–10]. Однако, Васильев понимал, что для работы в странах зарубежного Востока необходима была специализированная подготовка, для чего предлагал создание «Центрального учебного заведения восточных языков», положения которого он изложил в «Краткой записке об учреждении...»¹. Идея об организации учреждения по подготовке востоковедов-практиков в Петербурге начала постепенно осуществляться только в начале XX в. и была связана с деятельностью А. М. Позднеева. В 1905 г. ему дали поручение открыть «курсы востоковедения» в Петербурге при Обществе востоковедения, а в 1910 г. — провести работу по преобразованию этих курсов в Практическую восточную академию и подготовить проект ее деятельности. В этих учебных заведениях А. М. Позднеев состоял в должности профессора и директора, весь учебный процесс проходил под его непосредственным руководством [16, с. 106–117]. Этому предшествовало открытие Восточного института во Владивостоке, которое было актуализировано событиями на Дальнем Востоке рубежа XIX–XX вв. и начала XX в. А. М. Позднеев сначала в должности директора Восточного института во Владивостоке, а затем в должности чиновника Министерства народного просвещения и директора Практической восточной академии особенно подчеркивал, что в России, которая так тесно связана с Востоком и географическими, и историческими узами, должны быть учебные заведения разных уровней — от школ переводчиков до институтов и университетов, которые бы на высоком профессиональном уровне готовили востоковедов-практиков [16, с. 106–117].

А. М. Позднеев, хорошо зная ситуацию в странах Дальнего Востока, настаивал, что система организации востоковедного образования в России должна быть гибкой, наиболее приспособленной к требованиям реального времени. Поэтому обучение студентов в Восточном институте он выстраивал в соответствии с потребностью государства в специалистах-практиках. Несмотря на все нововведения, связанные с изучением современного Востока, А. М. Позднеев был продолжателем традиций монголоведного образования России [16, с. 106–117]. Он, как и его предшественники, основоположники научного монголоведения в Казани О. М. Ковалевский и А. В. Попов, для блестящего овладения монгольским языком студентами приглашал лекторов — носителей языка, он считал это одной из важных составляющих успешного обучения языку. Преемственность традиций преподавания, заложенных О. М. Ковалевским, наблюдается и в том, что на начальном этапе изучения языка необходимо «занимать постоянно студентов чтением и переводом с комментариями возможно большего числа текстов преимущественно исторического содержания, переходя от более легких, печатных, к труднейшим рукописным»². Восстанавливая традиции в подготовке востокове-

---

¹ Материалы... 1905. Т. 1. С. 66–67.

² Архив ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 151. Л. 45об.

дов, привнося новые методы в обучение, А. М. Позднеев отмечал, «что многое было утрачено восточным факультетом Петербургского университета в преподавании языков¹. «Восточный факультет возводил здание научного востоковедения», писал А. М. Позднеев в 1905 г., анализируя «организацию изучения Востока в русских учебных заведениях», — «не положив под него фундамента» в виде подготовительных двух лет, когда студенты получали бы элементарные знания в языке под руководством преподавателей². В связи с этим А. М. Позднеев по стопам В. П. Васильева предлагал реформировать факультет, чтобы он соответствовал ожиданиям и государства, и «полчищ студентов», жаждущих таких знаний, чтобы стать «достойными деятелями России»³.

История монгольских народов являлась одним из приоритетных направлений в исследовательской работе О. М. Ковалевского, В. П. Васильева и А. М. Позднеева. Синолог В. П. Васильев, как и Н. Я. Бичурин, ввел в научный оборот китайские источники, на основе которых написал монографию, посвященную истории монголов: «История и древности восточной части Средней Азии от X по XIII век с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах» [4]. В работе автор значительное внимание уделял истории киданий и чжурчженей, так как, по его мнению, «история этих двух династий составляет один из важнейших фактов среднеазиатской истории; без них мы не найдем даже причины появления Чингисхана и предводимых им монголов... [5, ч. 3], что стало новаторством в истории монголоведения. Написанием этой работы В. П. Васильев ликвидировал пробел в изложении истории народов Азии в книгах Н. Я. Бичурина «Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» [1] и «История первых четырех ханов из дома Чингисова» [2]. В первой книге Н. Я. Бичурин описывает события до начала X века, во второй — пишет о начальной истории первых монгольских правителей. В написании истории монголов также заметно влияние О. М. Ковалевского, который придавал большое значение изучению разных ее аспектов, начиная с вопросов о происхождении народов [Ковалевский, 1837] и заканчивая влиянием природно-географической среды на их развитие. О. М. Ковалевский является автором обобщающей работы по истории монголов, охватывающей период с XIII по XIX в. которая, к сожалению, не была опубликована. Рукопись «История монголов» [10] состоит из двух частей: «Введение в историю монголов» и непосредственно «История монголов». Первая часть состоит из семнадцати тетрадей и 149 параграфов, которые включают подробный разбор китайских, тюркских, арабских, монгольских, армянских, европейских источников по истории монголов. «Введение в историю монголов» было завершено в 1843 г. Собственно «История монголов» состоит из 227 параграфов, она была завершена О. М. Ковалевским в 1859 г. «История монголов» охватывает период с 1206 г. по XIX в. и делится, в свою очередь, еще на две части: 1206–1368 гг. — «Монголы владеют Средней Азией и Восточной Европой. Династия Монгол» и 1368–1691 гг. — «со времени изгнания монголов из

---

¹ Архив ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 151. Л. 45.

² Там же. Л. 48.

³ Там же. Л. 46об.

Китая (1368) до принятия их в подданство китайскими императорами из маньчжурского дома Цин (1691)». В конце рукописи представлена таблица ханов и князей на 7 листах. В основе созданной О. М. Ковалевским периодизации лежала политическая история, но все же он стремился создать не историю монгольских государств и историю походов монгольских ханов, а историю монголов, которую он делил на четыре периода [14, с. 17, 101–102]: 1) от первых монгольских племен до XIII в.; 2) 1206–1368 гг.; 3) 1368–1691 гг. — судьбоносный период в истории Монголии — окончательный распад империи Чингисхана, раздробление Монголии на улусы, образование новых союзов, «боровшихся между собою», что окончательно «истощило все внутренние ресурсы Монголии»; 4) завоевание Монголии маньчжурами. Господство маньчжурского Китая, по мнению О. М. Ковалевского, привело к усилению дифференциации среди монголов, изолировало страну от иностранных государств, а это имело отрицательное влияние на развитие страны.

«История монголов» О. М. Ковалевского, написанная в середине XIX в., стала первым обобщающим трудом по истории этого народа. Работа была написана на богатой источниковой базе, основу которой составляли прежде всего монгольские и тибетские материалы, чем она выгодно отличалась от сочинений Н. Я. Бичурина, который опирался только на китайские источники. Как известно, в силу исторических связей между Монголией и Китаем нарративные источники малообъективны. Большую ценность представляют собственные наблюдения и материал, собранный О. М. Ковалевским в ходе экспедиционных исследований [14, с. 17, 101–102].

Преемственность и традиции, сложившиеся с начала XIX в. в изучении исторического и культурного наследия монгольских народов свидетельствуют о существовании единой, целостной научной школы монголоведения России, в рамках которой в силу исторической обусловленности в разное время ведущую роль играл какой-либо из центров: в первой половине XIX в. — Казань, во второй — Санкт-Петербург, на рубеже XIX–XX вв. — Восточный институт во Владивостоке.

Литература

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 ч. с картою на трёх больших листах. СПб., 1851. 382 с.
2. Бичурин Н. Я. История первых четырёх ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. 455 с.
3. Васильев В. П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873. С. 1–2.
4. Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X по XIII век, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб., 1857. 235 с.
5. Васильев В. П. Буддизм. Его догматы, история и литература. Ч. I. Общее обозрение. СПб., 1857. 356 с.; Ч. III. История Буддизма в Индии, сочинение Даранаты: пер. с тиб. СПб., 1869. 312 с.
6. Васильев В. П. О преподавании восточных языков в России // Восточное обозрение, 1886. № 7. С. 7–10; № 8. С. 8–10.

7. Горбачева З. И., Петров Н. А., Смыкалов Г. Ф. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Издательство АН СССР, 1956. Сб. 2. С. 232–340.
8. Ковалевский О. М. О приобретениях восточных книг и рукописей для библиотеки Казанского университета // Ученые записки Казанского университета. 1834. Кн. 2. С. 260–262.
9. Ковалевский О. М. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета. Казань, 1837. 15 с.
10. Ковалевский О. М. История монголов: рукопись в 2 т. // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 29.
11. Ковалевский О. М. О Забайкальских бурятах // Казанский Вестник. 1829. Ч. 26. Кн. 7. С. 230–245; 1830. Ч. 28, Кн. 1. С. 66–88; Кн. 2. С. 146–157; Кн. 3. С. 283–301.
12. Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1900. Т. XII. Вып. IV. СПб., 1900.
13. Письма Г. Н. Потанина / сост., комментарий А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1990. Т. 4. 417 с.
14. Полянская О. Н. Вклад профессора О. М. Ковалевского в изучение истории и культуры монголоязычных народов Центральной Азии, I-я половина XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2001. 209 с.
15. Полянская О. Н. Переписка востоковедов О. М. Ковалевского и В. П. Васильева как источник по истории монголоведения // Вестник Бурятского госуниверситета. 2015. Вып. 7. С. 130–136.
16. Полянская О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2016. № 6. С. 106–117.
17. Полянская О. Н. Жизнь, судьба и научное наследие монголоведов России после 1917 г.: А. М. Позднеев (1851–1920) // Тармахановские чтения — I: Российская революция 1917 г.: материалы всерос. науч. конф. (Улан-Удэ, 24–25 октября 2017 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 98–105.
18. Полянская О. Н. История и культура монгольских народов в трудах востоковеда В. П. Васильева (1818–1900) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 4. С. 171–176.
19. Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ, 1994. 106 с.

УДК 94:378.016:811.512.3

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-126-130

**УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ
МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА В ВОСТОЧНОМ ИНСТИТУТЕ
(КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)**

© Трубич Ольга Анатольевна

кандидат исторических наук,
Дальневосточный федеральный университет,
Россия, 692508, г. Уссурийск, ул. Некрасова, 35
E-mail: trubich@mail.ru

История преподавания монгольского языка на Дальнем Востоке имеет глубокие корни и не теряет своей актуальности на современном этапе. В статье рассматриваются учебные программы по монгольскому языку, использовавшиеся в Восточном институте на рубеже XIX–XX вв. Они являлись важной частью учебного процесса при подготовке востоковедов. Автор акцентирует внимание на первых программах профессора-монголоведа А. М. Позднева, отмечая лингвистические особенности, формировавшие навыки будущих профессиональных переводчиков, необходимых на Дальнем Востоке. В статье подчеркивается, что материал учебных программ отражал особенности языка и национальной культуры, историю народа-носителя.

Ключевые слова: Владивосток; Восточный институт; А. М. Позднеев; Г. Ц. Цыбиков; монгольский язык; учебная программа.

THE CURRICULUM AS A BASIS FOR STUDING
MONGOLIAN LANGUAGE IN THE ORIENTAL INSTITUTE
(THE LATE XIXth — THE EARLY XXth CENTURIES)

Olga A. Trubich

Cand. Sci. (History),
Far East Federal University
35 Nekrasova St., Ussuriysk 692508, Russia
E-mail: trubich@mail.ru

The history of teaching Mongolian language in the Far East is long and does not lose its relevance at the present stage. In this article the curriculum of Mongolian language is mentioned, which was taught at the Institute of Oriental Studies at the turn of the XIX — XX centuries. They were an important part of the educational process in the preparation of Orientalists. The author focuses on the first author's programs of Professor and Mongoloid A.M. Pozdneev, and notes linguistic features of forming professional skills of specialists required in the Far East. The article emphasizes that the material of the curriculum reflected the features of the language and national culture, history of the native people.

Keywords: Vladivostok; the Institute of Oriental Studies; A.M. Pozdneev; G. Tsybikov; Mongolian language; curriculum.

История преподавания и изучения монгольского языка на российском Дальнем Востоке берет свое начало на рубеже XIX–XX вв., когда ведущим центром

профессиональной подготовки становится Восточный институт — первое высшее учебное заведение, открытое во Владивостоке 21 октября 1899 г. Целесообразность этого вуза была вызвана внутри- и внешнеполитическими факторами. Последовательное заселение и развитие Приморья и Приамурья, формирование государственной системы управления восточными территориями, расширение торгово-экономических контактов со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, важность укрепления безопасности дальневосточной окраины диктовали необходимость подготовки специалистов, владевших восточными языками и обладающих обширными знаниями в области географии, экономики, политики и законодательства соответствующих стран [6].

Вопрос обучения востоковедов на Дальнем Востоке России имел государственное значение, о чем свидетельствуют протоколы заседаний межведомственной комиссии: вуз должен был заниматься подготовкой «не второстепенных исполнителей, не толмачей и переводчиков, а образованных представителей российского государства для дальнейшего развития дальневосточной окраины»¹.

Лингвистическое обучение в Восточном институте имело практическую направленность, поэтому восточные языки предполагалось изучать в совокупности с диалектологией, образцами разговорной и историко-повествовательной речи, примерами частной переписки и документов дипломатического, административного делопроизводства². Обучение длилось четыре года. Со второго курса начиналась языковая специализация, и студенты распределялись по четырем отделениям: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-маньчжурское и китайско-монгольское. В рамках последнего изучалось монголоведение, которое в институте было связано с именами А. М. Позднеева [7] и Г. Ц. Цыбикова [5, с. 304]. Эти ученые-востоковеды в своей профессиональной деятельности сочетали основательную страноведческую подготовку, освещение широкого круга теоретических интересов и практическую направленность научных занятий [5, с. 301].

Важными образовательными документами для организации учебного процесса в вузе являлись «Обозрения преподавания» (программы), определявшие содержание дисциплин [5, с. 300]. Они показывали, как с учетом конкретных условий, образовательных потребностей профессорско-преподавательский состав Восточного института создавал индивидуальную модель образования.

Так, программы по монгольскому языку, составленные монголоведом А. М. Позднеевым, отражая социокультурный аспект и культурно-историческую обусловленность изучения языка на Дальнем Востоке, формировали лингвистические компетенции [4, с. 37]. «Обозрение преподавания» за 1900–1901 академический год состояло из двух частей. Первая, теоретическая, начиналась с вводного фонетического курса. Студенты постигали звуки, звуко-буквенные соответствия, правила чтения, алфавит, его знаки и буквенные позиции. Пункт «Этимология» рассматривал лексический состав монгольского языка, поскольку

---

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 740. Оп. 44. Д. 57. Л. 28

² РГИА. Ф. 740. Оп. 44. Д. 57. Л. 30.

именно лексика являлась источником исторической информации и средством постижения культуры. Особое внимание уделялось активной части словарного состава, усвоение которой было необходимо для чтения прессы и текстов политико-экономического содержания, а также для устного общения в среде монгольской речи [1, с. 38].

Важное место отводилось грамматике, так как она формировала речевые умения и навыки. В соответствии с особенностям монгольского языка вводились падежные формы: родительный, исходный (движение от предмета), творительный, местный, именительный, винительный, звательный, соединительный. Изучались формы единственного и множественного числа, местоимения и числительные.

Поскольку монгольский язык считается одним из классических агглютинативных языков¹, А. М. Позднеев видел необходимость усвоения агглютинации для образования имен предметных, качественных и относительных. Автор собрал слова, которые обозначил как «особые частицы», они заменяли наречия, союзы, предлоги, а также разделил их на коренные и производные. Овладение языком было невозможно без классификации частей речи, они были объединены в три класса: склоняемые, спрягаемые и неизменяемые. А. М. Позднеев выделял несколько типов склонений, каждый изучался по отдельности.

В монгольском языке глагол предопределял грамматическое функционирование всех остальных частей речи. Для успешного усвоения языка обучающимися А. М. Позднеев разбил глагольные формы на причастия и деепричастия, показал способы их употребления. В соответствии с программой выделялись разделительная, соединительная, слитная, предварительная, конечная, приготовительная, уступительная, условная, продолжительная формы деепричастий, пять залогов — побудительный, страдательный, взаимный, учаственный, учащательный и окончательная форма спряжения. Кроме того, автор добавил спряжение вспомогательных глаголов, полных и недостаточных, и образование посредством их сложных и многосложных форм монгольского спряжения. Таким образом, грамматическое описание глагольных слов по праву можно назвать комплексным в монголоведении того времени.

Пункт «Синтаксис» рассматривал порядок слов в предложениях, сочетание предложений, внутренний состав простого предложения, типы предложений: определительные, членные и составительные [1, с. 39].

Целью второй части программы, практической, являлось формирование коммуникативной компетенции для использования монгольского языка в профессиональной деятельности и межличностном общении. Под руководством иностранных лекторов систематизировалось и углублялось знание монгольского языка, формировались навыки устной и письменной речи. Особое внимание уделялось лингвокультурной составляющей. Так, студенты знакомились с описательным и повествовательным слогом языка. Пониманию особенностей языка и

---

¹ Языки, имеющие строй, при котором доминирующим типом словоизменения является агглютинация («приклеивание») различных формантов (суффиксов или префиксов), причем каждый из них несет только одно значение.

культуры способствовала правильно выбранная литература, например: «Описание Пекина», «Описание Жэ-хэ», «Хождение в Тибет ламы Заяева», «Сказание о пире Чингисхана», «Предание о переходе бурят из Монголии в Россию» и др. Учащиеся читали и перефразировали разговорные тексты по сочинению «Цинь-вэнь-чжи-яо» [1, с. 38].

Начиная с третьего курса на практических занятиях предусматривалось написание и перевод простых писем с русского на монгольский язык, чтение оригинальных исторических произведений на монгольском языке, таких как «Летопись Санан Сэцэна» — основополагающий труд по истории Монголии. Литературный памятник «Алтан тобчи» включал поэтические фрагменты, стихотворения, народные пословицы и т. д. Важную роль в учебном процессе играли и другие иноязычные материалы: буддийские тексты с разъяснением богословской и исторической терминологии, разговорные маньчжурские тексты и т. д. [2, с. 245].

На четвертом курсе изучались исторические тексты, так, на основе официальных докладов, приказов богдыханского правительства студенты изучали язык делопроизводства. Кроме того, в программу были включены конфуцианские и шаманские тексты, китайские романы и монгольские повести. Учащиеся обучались интерпретации и переводу официальных документов административного, гражданского, уголовного делопроизводства монголов [3, с. 34]. Одним из видов деятельности на практических занятиях по-прежнему оставалось написание официальных писем и перевод деловых документов.

Таким образом, учебные программы Восточного института, составленные монголоведом, профессором А. М. Позднеевым, отражают содержание обучения монгольскому языку в Восточном институте. Полнота и последовательность учебного материала дает представление о трудностях и особенностях усвоения этого иностранного языка и подчеркивает значение монголоведения для Дальнего Востока.

Литература

1. Обзорение преподавания по кафедре монгольской словесности для студентов II класса Восточного Института на 1900–1901 академический год, составленное профессором А. М. Позднеевым // Известия Восточного Института. 1900. Т. II, вып. 2. 318 с.
2. Обзорение преподавания по кафедре монгольской словесности Восточного Института на 1901–1902 академический год, составленное профессором А. М. Позднеевым // Известия Восточного института. 1900. Т. II, вып. 4. 365 с.
3. Обзорение преподавания наук в Восточном институте на 1904–1905 гг. // Известия Восточного института. 1904. 491 с.
4. Протоколы заседаний Конференции Восточного института за 1900–1901 академический год // Известия Восточного института. Владивосток, 1900. Т. II, вып. 1. 256 с.
5. Полянская О. Н. Научно-исследовательская деятельность Восточного института (Владивосток): вопросы организации и становления основных направлений деятельности // Монгольский мир: новый век — новые вызовы (Улымжиевские чтения–IV): материалы всерос. науч.-практ. конф. (24–25 июня 2010 г.). Улан-Удэ: Бэлиг, 2011. С. 299–304.

6. Полянская О. Н. Монголоведение в Восточном институте (конец XIX — начало XX в.) // Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке. Владивосток: Изд-во Дальневосточного государственного университета, 2009. С. 261–264.

7. Полянская О. Н. Восточный институт во Владивостоке, его роль в изучении Монголии. Востоковеды Алексей и Дмитрий Позднеевы // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. Кн. 3, ч. 1. С. 308–319.

УДК 94(517):930.25(470)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-131-136

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МОНГОЛИИ В 1920-е гг.
ПО ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ**

© Юсупова Татьяна Ивановна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 5
E-mail: ti-yusupova@mail.ru

В статье рассматриваются архивные материалы, касающиеся деятельности Ученого комитета Монголии в первое десятилетие его существования. Показано, что важное значение для понимания условий функционирования и проблем монгольского научного учреждения в этот период имеют письма его ученого секретаря Ц. Ж. Жамцарано к неперемемному секретарю Академии наук С. Ф. Ольденбургу. Другим значимым источником по истории Ученого комитета является перспективный план его развития, составленный Ц. Ж. Жамцарано в 1924 г. Эти архивные документы позволяют также оценить личный вклад Ц. Ж. Жамцарано в деятельность Ученого комитета в 1920-х гг.

Ключевые слова: архивные источники; Ученый комитет Монголии; Ц. Ж. Жамцарано; письма к С. Ф. Ольденбургу; Программа развития Ученого комитета.

**ACTIVITIES OF THE MONGOLIAN SCIENTIFIC COMMITTEE IN THE 1920s
ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF RUSSIAN ARCHIVES**

Tatyana I. Yusupova

Dr. Sci. (History), Senior Researcher,
Vavilov Institute for Science History and Technology
St. Petersburg branch of Russian Academy of Sciences
5 Universitetskaia Emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: ti-yusupova@mail.ru

The article deals with archival papers concerning the activities of the Mongolian Scientific Committee, its creation and development in the first decade of its existence. The paper shows that letters of the academic secretary of the Scientific Committee Ts.J. Zhamtsarano to the permanent secretary of the Russian Academy of Sciences S.F. Oldenburg are important sources for understanding of problems of the Mongolian scientific institution during this period. Another significant source for the history of the Scientific Committee is a long-term plan of development for the Committee, wrote by Ts.J. Zhamtsarano in 1924. These archival sources also shed new light on evaluate the personal contribution of Ts.J. Zhamtsarano in the activities of the Scientific Committee in the 1920s.

Keywords: Mongolian Scientific Committee, Ts.J. Zhamtsarano, letters to S.F. Oldenburg, long-term plan of development, archival sources

О создании Ученого комитета МНР (далее Учком) — первого монгольского научного учреждения написано уже немало работ, в том числе и автором данной

статьи [5]. В этой публикации мы дополним его историографию кратким обзором документов из Архива Русского географического общества (РГО) и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН), в которых содержится информация о деятельности Ученого комитета в первое десятилетие его существования.

Как известно, *Судар бичгийн хүрээлэн* (Книжная палата или Ученый комитет — устоявшееся название данного учреждения в литературе на русском языке) был создан в ноябре 1921 г. Председателем Ученого комитета стал монгольский ученый гун О. Жамьян (*Онходын Жамъян*, 1864–1930), а ученым секретарем — Ц. Ж. Жамцарано (*Жамсраны Цэвээн*, 1881–1942) — бурят, тогда еще российский поданный, которому принадлежала одна из ведущих ролей в развитии комитета в первое десятилетие его существования.

Ц. Ж. Жамцарано отмечал, что инициировать создание *Судар бичгийн хүрээлэн* ему посоветовал академик С. Ф. Ольденбург (1863–1934), непреременный секретарь РАН, с которым у Цыбена Жамцарановича сложились тесные дружеские отношения еще со времени его учебы в Санкт-Петербургском университете [1, с. 185]. Эта же информация была отражена в подробном документальном исследовании американского монголоведа Р. Рупен [7, р. 204] со ссылкой на публикацию Ц. Ж. Жамцарано. О роли С. Ф. Ольденбурга в инициировании создания *Судар бичгийн хүрээлэн* упоминал также в своих воспоминаниях первый монгольский академик Б. Ринчен (*Бямбын Ринчен*, 1905–1977). Он писал, что монгольское научное учреждение было создано «по предложению неперемного секретаря Академии наук СССР Сергея Федоровича Ольденбурга <...> Джамьян-сайт, учитель Сухэ-Батора, которому показали письмо Ольденбурга профессору Жамцарано, горячо поддержал предложение советского ученого. Вместе с Жамцарано, переводчиком Устава советской академии, Джамьян-сайт разработал устав и программу деятельности будущей *Судар бичгийн хүрээлэн* <...> Профессор Жамцарано стал секретарем этой академии» [3, с. 156].

В Архиве РГО в фонде известного российского путешественника П. К. Козлова (1863–1935) находится документ с названием «Схематическая программа работ Учкома» (на русском языке)¹. Вероятно, это копия той самой программы, о которой упоминает академик Б. Ринчен. Документ переписан, по-видимому, специально для именитого путешественника и датирован 15 февраля 1924 г. За несколько дней до этой даты, 10 февраля 1924 г., состоялось заседание Учкома, на котором Ц. Ж. Жамцарано представил разработанный им план по его развитию.

В преамбуле программы сформулирована главная цель деятельности Учкома — способствовать государственному строительству. В качестве объектов изучения обозначены народ, страна (территория и природные богатства) и народное хозяйство. Кроме работ «чисто исследовательского характера» деятельность Учкома должна была, по мысли Ц. Ж. Жамцарано, направляться также на популяризацию и распространение «научных и практических знаний среди массы населения». С этой целью планировалось создать музей и библиотеку и уделить

---

¹ Архив Русского географического общества (РГО). Ф. 18. Оп. 4. Д. 22.

особое внимание подготовке национальных научных и технических кадров. Необходимым условием «большой продуктивности работ Учкома» Ц. Ж. Жамцарано считал «постоянные сношения» с иностранными учеными, научными, учебными и художественными учреждениями и обмен с ними «научными трудами, материалами и мыслями».

Ц. Ж. Жамцарано на посту ученого секретаря последовательно решал поставленные в программе задачи. При этом он опирался на советы и поддержку С. Ф. Ольденбурга, что подтверждают, в частности, его письма к неперемемному секретарю Академии наук, хранящиеся в СПбФ АРАН. Как отмечал А. М. Решетов, переписка носила исключительно доверительный, искренний и в то же время деловой характер [2, с. 57].

Следует отметить, что самый большой в СПбФ АРАН массив материалов, касающихся взаимодействия российских ученых с Ученым комитетом, находится в фонде Монгольской комиссии АН СССР (Ф. 339) — координатора взаимодействия РАН / АН СССР и Учкома. Однако вопросы деятельности Ученого комитета в 1920-х гг. наиболее полно и разнопланово отражены именно в письмах Ц. Ж. Жамцарано к С. Ф. Ольденбургу. И хотя их всего три (написанное в октябре 1924 г. хранится в фонде Управления делами конференции Академии наук, письма сентября 1926 г. и октября 1928 г. — в фонде С. Ф. Ольденбурга), они содержат большой объем информации по истории Учкома. Ц. Ж. Жамцарано в письмах подробно рассказывал учителю и другу о своей административной и научной работе, об организационном становлении Учкома, проблемах «роста» и обсуждал вопросы, заявленные в программе его развития: изучение страны, создание музея и библиотеки, подготовку национальных кадров. Периодичность хранящихся в академическом архиве писем (одно письмо в два года) позволяет проследить, какие проблемы Учкома и как быстро удавалось решить, какие оставались «переходящими» из года в год, содержание и форму помощи со стороны РАН / АН СССР, особенности формирования исследовательских программ Учкома, а также понять мотивацию действий Ц. Ж. Жамцарано.

Ключевой из обсуждаемых в переписке тем была организация изучения Монголии, ее природных ресурсов, населения и истории. В связи с этим особый интерес представляет письмо от 2 октября 1924 г., в котором Ц. Ж. Жамцарано изложил свой взгляд на характер помощи со стороны РАН и просил С. Ф. Ольденбурга командировать специалистов в различных отраслях знания¹. В тот период Учкому требовались «археолог, он же палеонтолог», который руководил бы работой «не совсем специализированных» монгольских исследователей, а также был бы «экспертом монгольского правительства, обеспокоенного вывозом археологических и палеонтологических находок, сделанных на территории Монголии иностранными экспедициями», и геолог «по части полезных ископаемых» — важной составляющей экономического развития страны.

О пожеланиях Ученого комитета С. Ф. Ольденбург посчитал необходимым сообщить управляющему делами СНК СССР, непосредственному правительствен-

---

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69–72.

ному куратору Академии наук Н. П. Горбунову. Об этом свидетельствует наличие копии этого письма в делах секретариата Совнаркома в Государственном архиве РФ¹. Этот факт позволяет нам предположить, что просьбы Ц. Ж. Жамцарано о помощи со стороны РАН стали для С. Ф. Ольденбурга одним из оснований для инициирования обсуждения изучения Монголии российскими учеными на правительственном уровне. Результатом этого стало создание специальной комиссии при СНК СССР по научному изучению Монголии (Монгольской комиссии), которую возглавил Н. П. Горбунов, а С. Ф. Ольденбург стал его заместителем. С 1927 г. Монгольская комиссия стала академической и до конца 1929 г. ее возглавлял С. Ф. Ольденбург.

В этом же письме был затронут вопрос правового сопровождения деятельности иностранных ученых на территории Монголии. Ц. Ж. Жамцарано сообщил неперемому секретарю РАН, что в Монголии принят закон «Об охране памятников старины», который ограничивает вывоз из страны добытых научных коллекций. Чтобы их вывезти необходимо получить особое разрешение от монгольского правительства. Этот закон позволил Учкому наполнить создаваемый музей естественно-научными и археологическими коллекциями, собранными иностранными исследователями. Первыми из таких коллекций стали палеонтологические находки американской экспедиции Нью-Йоркского музея естественной истории под руководством Р. Ч. Эндрюса и археологические — монголо-тибетской экспедиции П. К. Козлова.

Необходимо отметить, что деятельность российских ученых в Монголии регламентировалась не только этим законом, но и специальными договорами, заключаемыми Учкомом с АН СССР, к выполнению которых они подходили очень ответственно [6, с. 111–125].

Через два года в письме С. Ф. Ольденбургу от 12 сентября 1926 г. Ц. Ж. Жамцарано с удовлетворением отметил: «Все научные экспедиции, посланные Вами в Монголию, или уже оканчивают свои работы или уже окончили и возвращаются, пополнив наш музей целыми группами коллекций. В отношении внимания к нашему учреждению со стороны членов экспедиции мы можем сказать одно: таких только и посылать к нам!»². Ц. Ж. Жамцарано остался доволен и содержанием договора Учкома с Монгольской комиссией Академии наук, в котором были учтены предложения монгольской стороны. Он написал С. Ф. Ольденбургу, что считает такой подход «тем путем, по которому пойдут последующие экспедиции, снаряжаемые Академией наук».

В 1926 г. вновь, как и два года назад, Ц. Ж. Жамцарано просил командировать в Учком геолога-палеонтолога, в котором по-прежнему остро нуждалось монгольское научное учреждение для проведения собственных палеонтологических и геологических работ. О необходимости развития исследований прикладного хозяйственно-экономического характера свидетельствовало также приглашение российских специалистов по почвоведению и геохимии.

---

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 117–119.

² СПБФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 40–41.

Из следующего письма, от 22 октября 1928 г.¹, мы узнаем о планах Учкома по развитию сотрудничества с Академией наук. В связи с этим Ц. Ж. Жамцарано ставил вопрос «о дальнейшем координированном и планомерном изучении Монголии», для чего он считал необходимым разработать долгосрочный план и заключить соответствующий договор. Это предложение получило поддержку Академии наук, и в 1929 г. АН СССР и Ученый комитет МНР заключили Договор о совместных исследованиях в 1930–1934 гг.

В том же письме Ц. Ж. Жамцарано положительно отзываясь о работе российских исследователей в Учкоме: востоковеда М. И. Тубянского (1893–1937, в Учкоме с 1927 по 1936 гг.), географа и музыканта С. А. Кондратьева (1896–1970, в Учкоме с 1926 по 1931 гг.) и тогда начинающего ученого А. Д. Симуква (1902–1942, в Учкоме с 1926 по 1939 г.), который в дальнейшем внес заметный вклад в деятельность Ученого комитета (с 1930 г. Комитета наук).

Ц. Ж. Жамцарано большое внимание уделял созданию монгольского национального музея, пополнению его коллекций. Не менее важное значение он придавал строительству «хорошего каменного здания» для музея и библиотеки. В письме 1928 г. содержится интересная информация о его планах по сбору денег для строительства. В частности, он намеревался, «добыть средства путем пожертвований из-за границы, путем продажи избытков коллекций, путем эксплуатации специальных фильмов и пр.» и по этому поводу предпринял «переписку с Америкой и Европой».

Основные проблемы функционирования Учкома также нашли отражение в письмах его ученого секретаря. Они типичны для подавляющего большинства государственных научно-исследовательских заведений: недостаточное финансирование, нехватка квалифицированных кадров, жесткое администрирование и бюрократизация их работы со стороны директивных органов.

Завершая свое письмо 1928 г., Ц. Ж. Жамцарано заметил, что он специально так подробно описывал деятельность Учкома, чтобы С. Ф. Ольденбург почувствовал, «какую колоссальную работу проделывает Академия наук для Монголии» и как он «дорожит этим и хотел бы, чтоб такие исследования продолжались дальше». Сотрудничество российских и монгольских ученых осуществлялось и дальше, но в 1930-е гг. уже без руководства со стороны Ц. Ж. Жамцарано и С. Ф. Ольденбурга. В 1929 г. в ходе развернувшегося в СССР так называемого академического дела С. Ф. Ольденбург был отстранен от должности постоянного секретаря Академии наук и председателя Монгольской комиссии, а Ц. Ж. Жамцарано в результате прихода к власти в Монголии сторонников радикальных политических преобразований [4] был вынужден уйти из руководства Ученого комитета, а в 1932 г. покинуть Монголию. Между последующими руководителями Учкома (Комитета наук) и Монгольской комиссии таких доверительных отношений не сложилось. С 1929 г. переписка Монгольской комиссии Академии наук и Учкома (Комитета наук) Монголии была выделена в отдельное делопроизводство в рам-

---

¹ СПБФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 42–45

ках деятельности Монгольской комиссии и стала носить официальный, формализованный характер.

В заключение отметим, что «Программа развития Ученого комитета» из Архива РГО и письма Ц. Ж. Жамцарано из СПбФ АРАН являются ценными источниками по истории Ученого комитета Монголии, особенностям его функционирования в 1920-е гг. Они освещают действия его руководства по развитию первого монгольского научного учреждения, установлению взаимодействия с Российской академией наук, отражают значимость контактов с российскими исследователями для проведения широкомасштабного изучения Монголии, а также дают возможность оценить личностный вклад ученых в становление Ученого комитета, разработку его организационных принципов и исследовательских направлений.

Литература

1. Жамцарано Ц. Ж. Жалованная грамота Сецен-хана, данная ламе Лубсан-Байдубу // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932 / отв. ред. И. Ю. Крачковский. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 185–194.
2. Решетов А. М. О переписке Ц. Ж. Жамцарано с С. Ф. Ольденбургом и Б. Я. Владимирцовым // *Orient. Альманах* / гл. ред. Е. А. Хамаганова. СПб.: Утпала, 1998. Вып. 2–3. С. 56–60.
3. Ринчен Б. На Север мы шли за знанием // *Книга Братства*. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 156.
4. Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.
5. Монгольско-российское научное сотрудничество: От Ученого комитета до Академии наук / ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. Улаанбаатар: Адмон, 2012. 182 с.
6. Юсупова Т. И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.
7. Rupen R. *Mongols of the Twentieth Century. Part I*. Bloomington: Indiana University Publications, 1964. 510 p.

УДК 94:39(=517.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-137-140

**КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА ВЯТКИНА — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ
И ФОТОГРАФ: НАЧАЛО ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ**

© **Иванов Дмитрий Владимирович**

кандидат исторических наук, старший хранитель,
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН им. Петра Великого
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
E-mail: dmitivanov@gmail.com

В 1948–1949 гг. К. В. Вяткина работала в Монгольской Народной Республике в составе Историко-этнографической экспедиции, организованной Академией наук СССР совместно с Комитетом наук МНР. По итогам этой экспедиции в 1960 г. была опубликована объемная статья, содержащая богатый и интересный материал по этнографии монголов [Вяткина, 1960, с. 157–271]. В 30–50-е гг. XX в. в Музей антропологии и этнографии от К. В. Вяткиной поступило также большое количество фотографий, сделанных в Бурятии и Монголии. Эти материалы, отражающие процесс советизации, представляют в настоящее время значительный исторический интерес. Данная статья посвящена началу этнографических изысканий Вяткиной. В статье представлены краткие итоги экспедиции 1925 г., а также некоторые детали биографии К. В. Вяткиной, оказавшие влияние на ее становление как ученого.

Ключевые слова: этнография; Монголия; К. В. Вяткина; фотограф; монгольские народы.

**KAPITOLINA V. VYATKINA — RESEARCHER AND PHOTOGRAPHER
OF THE MONGOLIAN PEOPLES: THE BEGINNING OF ETHNOGRAPHIC RESEARCH**

Dmitriy V. Ivanov

Cand. Sci. (History), Senior Archivist,
Peter The Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
3 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034 Russia
E-mail: dmitivanov@gmail.com

During 1948–1949 Kapitolina V. Vyatkina took a part in Historical and Ethnographical expedition, organized by USSR Academy of Sciences and MPR Science Committee. As a result, a volume article was published in 1960. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography also received photographs reflecting the process of Sovietization from Vyatkina. These photographs are currently of significant historical interest. But this article is devoted to the first ethnographic expedition of K.Vyatkina in Mongolia in 1925. Brief results of the expedition, as well as some details of Vyatkina's biography, are introduced to scientific circulation.

Keywords: ethnography; Mongolia; Kapitolina V. Vyatkina; photographer; the Mongolian peoples.

В Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН хранится архив исследователя Капитолины Васильевны Вяткиной, долгое время бывшей секретарем

этого музея. Ее основные этнографические работы написаны по итогам экспедиций в Монголию в конце 1940-х гг., однако мы хотели бы познакомить научную общественность с результатами ее первой этнографической поездки в 1925 г., а также с некоторыми деталями биографии, на наш взгляд, оказавшими важное влияние на ее становление как ученого.

Капитолина Васильевна Вяткина (Юрганова) родилась в 1892 г. в Монголии в Улясутае в семье купца, владельца шерстемойни Василия Ивановича Юрганова. Все ее детство до поступления в гимназию в г. Бийске прошло в Монголии, где она не только выучила монгольский язык, но и близко познакомилась с культурой и традициями этого народа¹. После окончания гимназии поступила на Бестужевские курсы в Петрограде по группе биологических наук. Еще будучи студенткой первого курса начала работать в Академии наук в Зоологическом музее, совершила две самостоятельные командировки: в Монголию в 1912 г. и на Алтай в 1913 г.² Собранная ею до революции естественнонаучная коллекция поступила в Зоологический музей³.

С мая по август 1914 г. училась на курсах французского языка в Париже, но закончить их не смогла⁴. Ее пребывание в Париже, по всей видимости, прервала начавшаяся 28 июля 1914 г. Первая мировая война. В 1918 г., после окончания курсов, К. В. Вяткина выехала в Омск, где с августа 1918 г. служила в санитарном отделе в должности помощника делопроизводителя, а позднее делопроизводителем⁵. Любопытно, что летом 1918 г. Омск контролировало Временное Сибирское правительство (Вологодского). В конце 1922 г. по приглашению академика С. Ф. Ольденбурга переехала в Петроград и поступила на работу в Комиссию по изучению племенного состава при Академии наук СССР⁶. Именно здесь и начались ее первые этнографические изыскания. В 1923–1925 гг. К. В. Вяткина прослушала курс по археологии, антропологии и этнографии при Петроградском (Ленинградском) университете⁷.

Капитолина Васильевна руководила экскурсиями в этнографическом отделе Русского музея⁸. Согласно удостоверению, выданному Академией наук К. В. Вяткиной, ее командировали в «г. Улясутай для изучения расселения племенных групп монголов в связи с работами по составлению детальной карты населения Монголии сроком с 1 июля по 15 ноября 1925 г.»⁹. В действительности ее поездка продолжалась с апреля по ноябрь 1925 г. Необходимо отметить, что у Вяткиной уже был опыт подобной работы. В первой половине 1920-х гг. она подготовила этнографические карты Архангельской губернии (1923 г.), Вятской губернии

---

¹ Архив Музея антропологии и этнографии (АМАЭ) РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 107. Л. 21.

² АМАЭ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 107. Л. 21.

³ Там же. Л. 57.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Там же. Л. 12.

(1923 г.) и Забайкальской области (1924 г.)¹. Маршрут экспедиции проходил через Тункинскую долину, озеро Косогол (Хубсугул), поселок Хатхыг (Хатгал), Мурин гол (Мурэн), Эдер гол (Идер) к Улясутаю, где в это время проживала ее семья. Отец, В. И. Юрганов, служил в отделении Монценкопа № 15, его оклад составлял 80 мексиканских долларов².

Экспедиция побывала в монастыре, который Вяткина называла Лама-гэгэн³, затем, проехав Улан-Батор, вернулась в Россию. За это время К. В. Вяткиной были проработаны следующие вопросы по заданию КИПСа⁴.

1. Расселение бурят и русских в Прикосогольском районе.

Заселение Прикосогольского района оседлыми бурятами, в основном выходцами из Тункинской долины, началось 25 лет назад, а с 1921 г. буряты начали уже массово переходить в монгольское подданство. Хотя, как посчитала Вяткина, к середине 1920-х гг. наметилась обратная тенденция. Русская фактория была основана в 1914 г., а в 1925 г. насчитывала уже 210 человек, основавших Совет колонистов.

2. Заселение караульной линии, прилегающей к Урянхайскому краю: от русской границы и до Убсу-Нура кочевали урянхайцы (Тува) и дербеты; от Убсу-Нура до Тесин-Гола — урянхайцы (Тува), а по верховьям Тесин-Гола и до границы — сойоты (здесь Вяткина, скорее всего, имеет ввиду тувинцев).

3. Заселение части территории, прилегающей к р. Дзапхын (Завхан) между озерами Кара-Нор и Айрик-Нор: по реке Завхан проходила четкая граница территорий сартулов (по правому берегу) и дербетов (по левому).

4. Границы расселения киргизов (казахов) и урянхайцев. По этому вопросу ответы Вяткиной очень расплывчаты. Она отмечает, что киргизы зимой доходят до Баян-Улэгэя (Улгия), среди них до р. Кобдо встречаются урянхайцы.

5. Расселение бурят в Восточной Монголии. Вяткина фиксирует расселение бурят, выходцев из Забайкалья, в долине реки Иро (Еро-Гол), а также вблизи рек Селенга и Онон. Она упоминает также и о небольших поселениях русских колонистов между Алтанбулагом и Улан-Батором.

Нельзя не отметить поэтичность описания ею этой поездки: «За границей! Холодный ветер. Группы одиноких лиственниц. Мелкая зеленая травка. Стада баранов и сарлыков. Вдали на пригорке группами сбегают аилы. Сизый дымок вьется к облакам»⁵.

В экспедиции она дважды наблюдала и фотографировала цам — 8 и 29 июля 1925 г. Причем 29 июля проходило большое торжество в присутствии гэгэна (по всей видимости, VI Зая-Пандиты халхаского), включавшее Майдари и цам. Подавляющее большинство фотографий из личного архива Вяткиной за 1925 г. связано именно с Цзаин-Шаби (Цэцэрлэг): это не только храмы и празднества, но и

---

¹ АМАЭ Ф. 20. Оп. 1. Д. 107. Л. 43.

² Там же. Л. 14.

³ По всей видимости, современный г. Цэцэрлэг.

⁴ Комиссии по изучению племенного состава народов СССР и сопредельных стран Академии наук СССР.

⁵ АМАЭ Ф. 20. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

люди — русские, прожившие в Цзаин-Шаби; также была, например, фотография монгола, подвергнутого телесным наказаниям (был подвешен за руки на трое суток за воровство у лам), на руках которого видны оставшиеся после наказания шрамы.

Кроме выполнения заданий КИПСа Вяткина занималась сбором предметов для этнографического отдела Русского музея (Российского этнографического музея), снабдившего ее семью кусками ткани обменного материала¹.

Результатом экспедиции Капитолины Васильевны стала публикация небольшой статьи «Из поездки в Монголию» в одном из сборников Государственного русского музея [1, с. 82–83] и пополнение фондов этнографического отдела Русского музея коллекцией из 47 предметов. Кроме того, ею были сделаны записи по свадебному обряду, охоте на тарбагана и волка, которые использовались ею в дальнейшей работе.

На наш взгляд, эту поездку К. В. Вяткиной следует рассматривать как своеобразную «пробу пера» в самостоятельной этнографической полевой работе молодой исследовательницы.

Литература

1. Вяткина К. В. Из поездки в Монголию // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Государственного Русского музея. Л., 1926. С. 82–83.

---

¹ АМАЭ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 107. Л. 13.

СОВЕТСКО(РОССИЙСКО)-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

УДК 94:911(47+5)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-141-150

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И МОНГОЛИИ В НАЧАЛЕ XX В.

© **Урангуа Жамсран**

доктор исторических наук, профессор

E-mail: uranguakhereid@gmail.com

© **Оюундалай**

аспирант

E-mail: wuyundalai1980@163.com

Монгольский государственный университет

Монголия, г. Улан-Батор

После поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Российская империя пересмотрела курс дальневосточной политики. Победоносная для Японии война способствовала росту влияния Японии в Монголии, что стало угрожающим для российско-монгольских отношений в области торговли, политики и экономики; затрагивались интересы России и во Внутренней Монголии.

Стремление военного руководства Японии к завоеванию новых земель и недовольство условиями Портсмутского договора создали чрезвычайную напряженность в русско-японских отношениях, в результате чего в 1907 г. между Японией и Россией был подписан договор. По ст. 3 этого секретного договора Япония признавала наличие специальных интересов России во Внешней Монголии и обязывалась «воздерживаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам».

Колонизационная политика цинского двора по отношению к монгольскому населению империи, затрагивающая политико-экономические вопросы, в конечном счете привела к тому, что монгольский вопрос, став делом народным, национальным, затронул каждого монгола. Они искали поддержку извне, а Петербург постепенно начал проявлять не только политический, но и экономический интерес к Внешней Монголии, в итоге монгольские князья обратились к Российской империи за поддержкой в деле отделения от цинского двора.

Ключевые слова: Азия; стратегия; политика; колонизация; запрос.

GEOPOLITICAL INTERESTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN NORTHEAST ASIA AND MONGOLIA IN THE EARLY 20th CENTURY

Urangua Jamsran

Dr. Sci. (History), Prof.,

National University of Mongolia

E-mail: uranguakhereid@gmail.com

Wuyundalai
Research Assistant,
Mongolian State University of Education
E-mail: wuyundalai1980@163.com

Russians refined a new political strategy in North-East Asia, after their defeat in the Russian-Japanese war (1904–1905). During such consideration, the land of Mongols became important places in their new Far East strategy. Their policies for Inner and Outer Mongolia were not identical. The dissimilarities between the policies are to be identified and interpreted in this paper. For Inner Mongolia, there were competing interest of Japan and Russia. As for the Outer Mongolia, the situation was different, on the grounds that there was impending danger of colonization by Sino China and no interest by the Japanese.

In the beginning of the twentieth century, Qing Dynasty became weakened and was partially colonized by the Western civilization. In order to compensate and to recover from war casualties, weak economy and the rebellion of Chinese farmers, Qing dynasty became interested in colonizing non-Chinese territories, aforesaid, Inner and Outer Mongolia. If mass immigration of Chinese farmers were sent to Outer Mongolia by the Qing Dynasty, the gap between Russia and China would be tightened. For that reasoning, Russians actively reinforced policies to Outer Mongolia. As for the Outer Mongolians, a request for aid was needed from the Tsarist Russia, in order to defend against the colonization attempt by the Qing Dynasty.

Keywords: Asia; strategy; policy; colonization; request.

Монголия присоединилась к цинам как совершенно самостоятельное автономное государство, признающее лишь свою вассальную зависимость от цинского богдо-хана, которого князя признали ханом Монголии, коренным, родовым тайцзуном Манчжурии и императором покоренного Китая. Получилась, собственно говоря, политическая уния трех государств: Монголии, Манчжурии и Китая.

Административное устройство каждому государству было дано свое: Китай сохранил свой древний строй, выработанный на бюрократических началах, Манчжурия получила характер военных поселений, образующих полки (знамена), а Монголия сохранила свое устройство: удельные князья правили своими имениями.

Уважение к монгольской народности со стороны цинского двора было настолько велико, что даже тем монгольским племенам, которые вошли в состав империи как покоренные или в силу добровольного принятия полного подданства, все же были даны значительные автономные права.

С течением времени автономные права, предоставленные Монголии и Манчжурии, обратили на себя внимание правительства, и им были предприняты реформы по уничтожению различий в устройстве. Предпринятые правительством меры по ограничению автономных прав Монголии и привели к постановке монгольского вопроса.

В трудах некоторых исследователей Монголии отражены взгляды, что монгольский вопрос возник под влиянием лам и, главным образом, инспирирован далай-ламой. Не отрицая участия ламства в развитии этого вопроса, считаю, что

монгольский вопрос вырос на почве политико-экономических интересов Монголии, затронутых цинами, имеет социально-аграрные мотивы. Предпринятая ломка вековой самобытной культуры, вековых обычаев страны и всего уклада жизни затронула интересы каждого монгола, придавала вопросу обоснованность на почве народного самосознания.

Причины возникновения монгольского вопроса

Цины после захвата всей Монголии, а для этого им понадобилось 120 лет¹, проводили политику изоляции Монголии от внешнего мира. Но эта политика со временем изменилась, а именно: был снят запрет на брак монголов и китайцев, монголам разрешалось изучать китайский язык, были запланированы проведение политики отчуждения монгольских пастбищ для китайских обезземельных крестьян, отказ от политики поддержки ламаизма в Монголии. Причиной тому были изменения, произошедшие в самом Китае.

Результатом подавления выступления ихэтуаней в Китае было закрепление полукOLONиального статуса цинской державы, формально сохранившейся как суверенное государство, однако, в сущности, полностью зависимое от западных держав. На рубеже XIX—XX вв. в окончательном виде сложились сферы влияния западных держав, регионом преимущественного экономического проникновения Англии стал юг Китая, а также провинции среднего течения Янцзы. Сферой влияния Японии становятся провинции нижнего течения Янцзы (главным образом Фуцзянь), Франция стремилась утвердиться в провинциях юга, прилегавших к ее владениям в Индокитае (Юньнань, Гуанси, Гуандун), Германия установила контроль над Шаньдунем, а основные интересы России были сосредоточены в Маньчжурии, где нарастало соперничество с Японией.

Во время войны с Японией (1904–1905 гг.) были отправлены экспедиции, которым удалось завязать сношения с влиятельными князьями, организовать при их содействии отряды из местного населения для охраны нейтральной Монголии и установить бдительный надзор за деятельностью японцев в этой области.

Начальник Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи генерал-лейтенант Чичагов представил на имя начальника пограничной стражи доклад, в котором излагалось современное политическое положение Монголии². Одновременно с работами военно-разведывательного характера чинами Заамурского округа велось изучение края в бытовом, административном и статистическом отношениях, а также наблюдение за настроениями местного населения. Наблюдение это обнаружило существование среди монголов довольно сильного брожения, причиной которого является, прежде всего, колониационная политика цинского правительства.

---

¹ Внутренняя Монголия в 1636 г., Халха-Монголия в 1691 г. добровольно присоединились к цинам, Западная Монголия была завоевана в 1755–1756 гг.

² Памятная Записка Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи ротмистра Баранова. Июля 20 дня. № 90. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 313. С. 134.

Колонизация юго-восточной части Внутренней Монголии китайцами началась давно. Но в связи с «Новой политикой»¹ (с 1901 г.) цинского двора она усиливалась. В ходе этого лучшие земли путем захвата постепенно переходят в руки китайцев-колонистов — внутри Восточной Монголии образовалась целая китайская область с собственной администрацией. Во Внешней Монголии, хотя «новая политика» цинов претворялась в жизнь очень медленно, с опозданием ввиду удаленности, все были очень недовольны колонизацией.

Озлобление против китайцев принимало все более острый характер, проявляясь иногда в виде вооруженного сопротивления. По ходатайству одного из князей Восточной Монголии Удая, поддержанного наместником на Дальнем Востоке, в конце 1904 г. с Высочайшего соизволения из казны была выдана ссуда в 200 000 рублей на 15 лет для предотвращения возможности отчуждения монгольских земель в пользу китайских колонистов.

В монгольское общество все глубже проникала идея сепаратизма — образования независимой Монголии. Но для осуществления этой цели монголам необходима была помощь сильного государства, и вот почему их взоры были устремлены на северного соседа — Россию.

Другим обстоятельством, волнующим монголов и поддерживающим их сепаратистские стремления, являлось опасение за прочность власти цинской династии в Китае.

Вызванное указанными причинами брожение сначала охватило Восточную Монголию, а затем распространилось и на другие ее части. Во Внутренней Монголии пропаганда сепаратизма велась преимущественно духовенством, которое встретило в этом отношении поддержку со стороны высшего иерарха ламаизма — Далай-ламы, который находился полтора года во Внешней Монголии (1904–1906), затем собирался посетить Внутреннюю Монголию. Но цинский двор не дал согласие на его поездку во Внутреннюю Монголию. Борьба внутренних монголов против китайских колонистов велась разрозненно, имела местный характер, не имела единого руководства и четких программ действий, поэтому подавлялась.

К беспокойному состоянию монголов присоединилось обстоятельство, способное внести серьезные осложнения в монгольский вопрос и побудившее Россию к вмешательству. На основании Портсмутского договора Мукденская провинция Маньчжурии отошла в сферу влияния Японии. Между тем часть Восточной Монголии, известная под именем Чжэримского сейма и прилегающая к КВЖД, была подчинена наблюдению Мукденского цзянь-цзюня. Так как японцы хорошо понимали ее значение для сухопутных сообщений с Дальним Востоком, существовала вероятность появления деятельности под покровительством цзянь-цзюня по созданию дальнейших затруднений развития России на Дальнем Востоке. Японцы следили за всеми на этой территории, даже командировали в Ургу двух японских агентов под видом студентов, изучающих местный язык.

---

¹Целью «Новой политики» было стремление приспособиться к изменившимся обстоятельствам, модернизировать экономику страны, аппарат административного управления и колонизация территории с некитайским населением.

Монгольский вопрос, не привлекавший до тех пор внимания, в будущем должен был приобрести первостепенное значение для держав, заинтересованных в упрочении своего положения на Дальнем Востоке. Поэтому с точки зрения интересов России на Дальнем Востоке необходимо было выяснить, какого образа действий ей следует держаться по отношению к Монголии, а именно:

– может ли Россия безучастно отнестись как к обнаружившемуся среди монголов сепаратистскому движению, так и к вероятному превращению Восточной Монголии, а затем и других ее частей в китайскую провинцию, в которой будет хозяйничать Япония,

– может ли Россия, не подвергая опасности свои сообщения с Дальним Востоком, допустить в будущем соседство на протяжении 1000 верст с мирной Монголией или с враждебным Китаем,

– может ли Россия уклониться, если монголы обратятся к ней за помощью и покровительством.

Политика России в Монголии

Победоносная для Японии война способствовала росту влияния Японии и в других областях Монголии, не исключая Халхи. А это представляло политическую и экономическую опасность для России, так как угрожало русской торговле с Монголией.

Министр иностранных дел России писал министру финансов: «Необходимо противодействовать японцам посредством организации Русско-китайского банка». А российский император написал насчет этого: «Весьма серьезный вопрос»¹. После чего Россия начала действовать. Были предприняты следующие меры:

1. Открытие отделения Русско-китайского банка в Монголии для экономического воздействия на наиболее влиятельных монгольских князей путем выдачи денежных ссуд для разные нужды.

Через отделение Русско-китайского банка в Пекине первым получил долгосрочный заем Джеримский князь Удай — 20 000 рублей, Харачинский князь 200 000 рублей (1906 г.), Ма-гун — 50 000 лан и т. д. По договору займа Харачинскому князю русские приобрели возможность периодически посылать своих агентов в его ставку, являющуюся центром деятельности японцев в юго-восточной Монголии, и непосредственно наблюдать за тем, что там происходит. Русские считали, что выдача ссуд монгольским князьям с точки зрения общегосударственных интересов может быть полезна, такой способ помогал обрести влияние и расположение означенных князей, в то же самое время уменьшая задолженность их китайцам и задерживая китайскую колонизацию в Монголии.

2. Установление дружеских отношений с князьями Восточной Монголии и налаживание эффективной работы агентуры. Только при достаточном и удовлетворительном личном составе они были в состоянии действовать в отношении монгольских дел вполне сознательно, не теряя из виду общей цели усилить рус-

---

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 28. Д. 313. Об усилении политической и экономической деятельности России в Монголии. 1904–1907 гг. 248 л.

ское влияние в Монголии и создать таким образом надежную защиту в условиях быстро развивающейся деятельности японцев в Восточной Монголии.

3. Выделение дополнительного финансирования. В консульство Урги было отправлено 50 000 рублей для оживления сношений с монгольскими князьями и особенно с Ургинским хутухтой и окружающими его лицами. Для развертывания агентурной сети в Внутренней Монголии был рекомендован подполковник Хитрово, а сетью руководил российский посланник в Пекине — действительный статский советник Покотилов.

Намерения монголов Внутренней Монголии

Монгольские князья Внутренней Монголии выработали свою программу. Основным положением программы князья считали потребность получить заверение русского правительства в том, что им будет оказана поддержка в борьбе с цинами и китайцами за свои автономные права, на которые они могут рассчитывать, в случае если конфликт примет острый характер. Князья желали:

1. Сформировать военные сомоны по европейскому образцу, а для этого нужны инструкторы и необходимое оружие и боевые припасы. Если Россия согласится, то им необходимы справки: о цене оружия и патронов, о способах доставки его и, по возможности, о срочном снабжении их оружием.

2. Иметь при своих ставках русских дипломатических чиновников, агентов. Учреждение этих должностей поднимет престиж Монголии, заставит Цинскую империю считаться с князьями и их правами. Монголия становится центром политики на Дальнем Востоке, и назначение дипломатических агентов ответит требованиям времени и принесет России безусловную пользу.

3. Организовать летучую почту, телефонную сеть или телеграф для связи ставок князей с линией дороги.

4. Введения специально для Монголии особой монетной единицы, которая бы формой и видом своим отвечала бы установившемуся в Монголии обычаю вести счет на ланы и фыны и, в случае нужды, могла бы разрубаться на drobные части, главное — имела бы особую чеканку, установленную специально для Монголии. Это объединило бы княжества Монголии. В этом деле Монголия рассчитывала на Россию, конкретно на Русско-китайский банк.

5. Проведения мер по борьбе с колонизацией. Монголам были необходимы более легкие условия займа. Русско-китайский банк дал согласие и монголы надеялись, что колонизация может быть устранена. Россия при этом рассчитывала на появление задолженности Монголии перед Россией как на дополнительный мотив для большего воздействия.

6. Развития торговых отношений с Россией, открытия торговых заведений в наиболее важных пунктах Восточной Монголии.

7. Создания по хошунам русско-монгольских школ. Сначала в Харбине или на ст. Фуляэрди.

8. Издания монгольской газеты по типу китайской «Юань-дун-бао» для духовного объединения Монголии и сближения ее с руководящими принципами русской политики¹.

Но дальнейший ход событий не дал им возможности претворить их сразу.

Отношения восточных монголов с царской Россией в связи с секретными соглашениями 1907 и 1910 гг. между Россией и Японией получили иной характер.

В конвенции 1907 г. по общеполитическим вопросам, подписанной 17(30) июля в Петербурге, секретная часть фиксировала раздел Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) на русскую (северную) и японскую (южную) сферы влияния. Япония обязывалась не приобретать железнодорожных и телеграфных концессий в русской зоне, Россия — в японской [1, с. 225].

Соглашение от 21 июня (4 июля) 1910 г., подписанное в Петербурге А. П. Извольским со стороны России и И. Мотоно со стороны Японии, развивало принципы русско-японского общеполитического соглашения 1907 г. В секретной части Россия и Япония обязывались не нарушать «специальных интересов» друг друга в их сферах влияния в Маньчжурии, установленных соглашением 1907 г., не противодействовать дальнейшему укреплению этих интересов, воздерживаться от политической активности в сфере специальных интересов другой стороны, консультироваться о совместных мерах защиты в случае угрозы их интересам в Маньчжурии [1, с. 236].

В результате вышеупомянутых договоров Внутренняя Монголия вошла в зону интереса Японии, а Внешняя Монголия — в область влияния царской России. Так были решены вопросы соперничества России с Японией за Монголию.

Внешняя Монголия

Монголия почти с середины XIX в. входила в сферу российского экономического и политического влияния, являлась объектом договоров и соглашений между Россией и империей Цин: Айгуньского и Тяньцзиньского договоров 1858 г., Пекинского договора 1860 г., Правил сухопутной торговли 1862 г., Санкт-Петербургского договора 1881 г. В Урге в 1861 г. открылось русское консульство. Россия была очень заинтересована в усилении экономического и политического влияния в этом регионе² (2; 4; 5) и тем самым выступила главной точкой опоры в перспективе обретения Монголией отделения от цинского двора [3, с. 18].

Жители Монголии, которые более 200 лет находилась под иностранным контролем, не стали забитым народом и не потеряли боевого духа. В связи с колониальной политикой цинов Монголия превратилась в мятежный край. В разных частях страны вспыхивали выступления против маньчжуров и китайских ростовщиков. Маньчжуры отвечали на это репрессиями и значительным усилением своих гарнизонов [3, с. 23].

Наряду со стихийными выступлениями и волнениями в это время влиятельные деятели монгольской знати и церковной элиты начали объединяться.

---

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 313. Об усилении политической и экономической деятельности России в Монголии. 1904–1907 гг. 248 л.

² Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 32. Оп. 1. Д. 33. Секретные телеграммы и донесения по Маньчжурскому вопросу.

В 1900 г. глава буддийской церкви Монголии Богд Жэбзундамба хутухта VIII отправил в Россию своих посланцев под видом прошения займов от России, основной же целью было узнать мнение русских по вопросу отделения монголов от цинов [4, с. 15].

В августе 1911 г. морской министр России вице-адмирал И. К. Григорович провел несколько совещаний по вопросам политики на Дальнем Востоке, включая Монголию. Особенный интерес представляли планы России относительно дальнейших действий в Монголии, основанные на донесениях и отчетах военно-морских агентов и сотрудников консульских служб, в том числе в Урге.

Из секретного донесения тайного советника Шишмарёва из Урги от 2 мая 1909 г. за № 531 по вопросу о положении во Внешней Монголии:

«Монгольским ханам и князьям, вызванным в Ургу, был предложен на обсуждение и заключение устав Богдо-хана (по поводу “новой политики” манчжуров. — Ж. У.) по следующим вопросам:

1. О представительстве от Монголии на будущем пекинском парламенте.
2. О реформе монгольского управления и об учреждении губернаторства в Урге.
3. О земледелии.
4. О военном устройстве и обучении войск.
5. О необходимости народного образования — всего в 200 пунктах»¹.

Предполагаемая реформа в области военного дела в Халхе, где было принято решение о замене отрядов монгольской пограничной стражи китайскими регулярными войсками, для России представлялась крайне невыгодной, так как в то время у россиян сохранялись дружеские отношения с монгольскими воинами-пограничниками. А во-вторых, отряды китайских войск станут опорными пунктами китайской колонизации приграничной полосы с возникновением густонаселенных военных поселений.

Надо отметить, что китайцы действовали чрезвычайно активно: в шести верстах от Урги недалеко от урочища «Российский дэнж» приступили к постройке казарм на 7–8 тысяч человек, а всеми работами руководили ургинские китайские подрядчики. Китайцы устанавливали телефонную связь между Ургой и Кяхтой.

Донесение коллежского асессора Лавдовского из Урги от 18 июня 1911 г.:

«Усиленные военные приготовления китайцев, наконец, обратили на себя внимание монгольских князей, которые намерены обратиться к правительству с запросом о целях этих приготовлений. В настоящее время мысль о подданстве или покровительстве России весьма распространена среди монголов как низшего сословия, так и князей и духовенства. Если такое случится, то это окажет весьма сильное влияние на направление нашей политики в Монголии. Нет сомнения — наше вмешательство в монгольские дела вызовет осложнения на Дальнем Востоке. Но, с другой стороны, если мы откажем монголам в покровительстве, то потеряем и, вероятно навсегда, то огромное влияние и те симпатии, которыми мы теперь пользуемся в этом крае. И нам придется, быть может, увидеть, как другая держава появится и займёт наше место в Монголии».

---

¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1039. Л. 14–18.

15 июля Лавдовский срочно телеграфировал в консульство: «Совещание князей окончилось. После долгих прений все пришли к заключению, что проводимые китайцами реформы направлены к окончательному порабощению Монголии. Протесты против действий китайцев признали бесполезными», оставалось только покровительство России.

Следующая телеграмма Лавдовского от 16 июля: «Выборные от Халхаских князей и духовенства в составе князя Первой Степени Хандадорджи и помощника Шанзодбы Даламы — чимита со свитой в пять человек тайно выехали сегодня в С. Петербург».

Князья, собравшись в июне 1911 г. в Урге, постановили соединиться под главенством ургинского хутухты и отсоединиться от Китая, но, понимая несоизмеримость сил и свою заведомо проигрышную позицию, они обратились к России.

25 августа 1911 г. в Петербурге состоялось Особое совещание по делам Дальнего Востока. На совещании присутствовали председатель Совета министров П. А. Столыпин, министр финансов В. Н. Коковцов, морской министр вице-адмирал И. К. Григорович, министр торговли и промышленности Тимашев. Участники совещания «обсуждали вопрос о прибытии в Петербург делегации из Монголии с целью просить императора принять Монголию под протекторат России» и приняли итоговую резолюцию, представлявшую определенный интерес¹.

При обсуждении монгольского вопроса участники совещания подчеркивали: делегация из Монголии просит императора принять Монголию под протекторат России. Китайское правительство задумало преобразовать управление Монголией, пользовавшееся значительной автономией и являвшееся скорее вассальным владением царствующей в Китае династии, в частности поставить Халху в одинаковое положение с провинциями Внутреннего Китая.

Китай начал предпринимать шаги в этом направлении и спланировал колонизировать монгольские земли, распространить на Монголию действие Горного устава и связать Халху с Пекином железными дорогами. Далее руководство Китая намеревалось упразднить большую часть буддийских монастырей в этой области, расквартировать в Монголии регулярные китайские войска, а конницу набрать из монголов.

Стоит подчеркнуть, что русское правительство понимало опасность такой политики Китая для самобытного строя Монголии, для ее населения, в протоколе Особого совещания записано: «Принимать на себя деятельную роль в монгольском вопросе и тем самым ослаблять наше влияние в делах Запада весьма нежелательно. Но, с другой стороны, напористая экспансия Китая также невыгодна и тревожна для России, поэтому в наших интересах поддержать монголов» [1, с. 202].

Заключение

С конца XIX — начала XX в. Монголия постоянно находилась в сфере пристальных интересов руководства России — в общем контексте проведения политики на Дальнем Востоке. Чтобы противостоять набиравшим силу Японии и Ки-

---

¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2918.

таю и владеть достоверной информацией об обстановке в Северо-Восточной Азии русский Генеральный штаб направлял в Монголию экспедиции и офицеров. Как показывают архивные материалы, отчеты и рапорты экспедиций офицеров своему руководству в совокупности с донесениями русских атташе из Пекина и донесениями консулов позволяли российскому руководству выстраивать политическую линию на Дальнем Востоке, контролировать обстановку и прогнозировать стратегическую перспективу действий в Монголии.

Когда князья Северной Монголии обратились за помощью к России, было принято решение: «Наиболее отвечающим нашим политическим задачам и обстановке настоящего политического момента было бы, чтобы Императорское Правительство, не выступая активно в монгольском вопросе и не принимая на себя обязательство силой оружия отстаивать задуманное монголами Халхи отложение от Китая, выступило посредником между ними и поддержало дипломатическим путем стремление монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзеренами — императорами Дайцинской династии». Соответственно, посланнику в Пекине было поручено провести в дружеской и благожелательной форме переговоры, а монгольской делегации дано объяснение о невыполнимости в настоящую минуту задуманного монголами полного отсоединения от Китая, но была обещана поддержка в борьбе с китайцами за сохранение самобытного строя Халхи. Обещаны заступничество перед китайцами и защита всех членов делегации, чтобы они не боялись мести китайцев. Для этого предполагалось усилить присутствие в Урге вооруженной группировки войск и охрану консульства двумя сотнями казаков с пулеметами. Эта помощь сыграла немаловажную роль в деле отделения от цинов и провозглашения независимости Внешней Монголии в декабре 1911 г.

Литература

1. Гримм Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. 219, III с.
2. История Монголии. XX век. / гл. ред. Р. Б. Рыбаков; отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с. (Сер. История стран Востока. XX век)
3. Жамсран Л. Начало возрождения Монголии в XX в. Улаанбаатар, 1997. С. 23.
4. Урангуа Ж. Российский фактор в завоевании независимости Монголии (1911–1917 гг.). Улаанбаатар, 2011. С. 15.

УДК 94(47+517.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-151-159

РОССИЙСКИЙ КОНСУЛЬСКИЙ ПОСЕЛОК И ГОРОД УЛАН-БАТОР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© Алтанцэцэг Загдрагчаа

аспирант,

Монгольский государственный университет

Монголия, г. Улан-Батор

E-mail: enkhmunkh0909@gmail.com

Датой основания столицы Монголии считается 1639 г., когда халхаские князья провели собрание в месте под названием Ширээт цагаан нуур, возвысили сына Тушэту хана Гомбодорджи — Занабазара как религиозного лидера монголов под именем Богдо I и основали Орд-Ургу, президентский дворец, посвященный ему. По мере того как площадь земель, принадлежащих Богдо, увеличивалась, увеличивались и размеры хурээ. Однако поселок не стоял на одном месте. Так, в 1778 г. он расположился в районе реки Сельбе, а окончательно утвердился тут в 1855 г. В июне 1861 г. сотрудники российского консульства в Монголии, включая консула К. Н. Бобрыкина, переводчика Я. П. Шишмарева, врача И. Осипова и офицера Рогалева вместе с двадцатью солдатами-казаками прибыли в столицу. Они были размещены в неудобном жилище, где ранее проживал чиновник из Китая. В Хурээ постепенно приезжали другие сотрудники консульства, врачи, офицеры и солдаты, торговцы. Территория рядом с консульством до сих пор называется консульским поселком.

Ключевые слова: Хурээ; Нийслел Хурээ; российский консульский поселок; революционная секретная группа; консульская группа.

RUSSIAN CONSULAR VILLAGE AND ULAN-BATOR CITY: HISTORY AND MODERNITY

Altantsetseg Zagdragchaa

Research Assistant,

Mongolian State University

Mongolia, Ulaanbaatar

The foundational history of the capital city of Mongolia, starts in 1639. When *Khalkha* noblemen held a meeting in the place named Shireet Tsagaan Nuur. They elevated the son of Tushiyetu Khan Gombodorji, Zanabazar, as the religious leader of the Mongols titled Bogd the I, and set up *Ord-Urgoo*, a presidential palace dedicated to him.

As the numbers of disciples of the Bogd increased in number, so did the Khuree expanded in its size. However, they did not stay in one place, they moved to different places more than 20 times. Thus, it was settled down in the area of Selbe in 1778. Since then, it was moved to places nearby. Finally, the Bogd's Khuree was moved back to the valley of Selbe River in 1855 which was the last movement of the capital city.

Later, in June of 1861, the staff of the Russian Consulate to Mongolia including consular Bobrikin.K.H, translator Shishmariev.Ya.P, medical doctor Osipov.I, and officer Pogaliev along with other twenty Kazakh soldiers arrived to the Capital City followed by several

traders. They were stationed in an uncomfortable housing where earlier official from the Qing Court had resided.

Thus, since the time when the first Russian consulate was established in Khuree, other employees of the consulate as medical doctors, officers and soldiers even traders arrived later on. The area nearby the Consulate has been named as the Consular Denj up to the present, where many other activities were carried out there for the first time in the history of Mongolia.

Keywords: Khuree, Niislel Khuree, the Russian Consular Denj, Revolutionary Secret Group, the Consulate Group.

История столицы Монголии города Улан-Батор берет начало в 1639 г., когда во время хурала в местности Ширээт цагаан нуур халхасские нойоны провозгласили сына Тушэтэ-хана Гомбодоржи Занабазара главой буддистов Халхи и инициировали работы по возведению дворцового комплекса. С этого момента возросло число лам и учеников.

Хурээ занимало большую территорию и периодически кочевало, в 1778 г. ставка обосновалась в местности Сэлбэд. Позднее наблюдались кратковременные перекочевки, однако с 1855 г. местность Сэлбэд стала основной точкой и Хурээ стала обретать признаки оседлости: началось интенсивное строительство многочисленных храмов, зданий, ставка обрела черты не только религиозного, но и государственного центра, где развивалась торговля [1, с. 208].

В 1860 г. с подписанием Пекинского договора между Российской империей и Цинским государством были установлены торговые отношения между двумя государствами, что заложило основу организации консульства в Их Хурээ, став началом российско-монгольских дипломатических отношений.

Согласно Пекинскому договору, в Хурээ было основано дипломатическое представительство Российской империи с небольшим штатом сотрудников. Были оглашены постановления о постройке на собственные денежные средства административного здания, должностные лица обязались защищать интересы торговцев внутри своей страны, защищая права человека от опасности и угроз разного характера [2].

В июне 1861 г. в Хурээ прибыли консул К. Н. Бобрыкин, секретарь и переводчик Я. П. Шишмарев, доктор И. Осипов, офицер П. Рогалев и с ними 20 казаков-солдат. Также их сопровождали несколько купцов. Их определили в неудобное помещение, которое ранее занимали маньчжурские чиновники.

Остро встал вопрос о необходимости постройки здания консульства для размещения дипломатических сотрудников. Опираясь на указанный в Пекинском соглашении пункт о вопросе выделения земель под постройку консульства, глава российской делегации Н. П. Игнатьев провел осмотр земель Хурээ и договорился с маньчжурским амбанем о постройке здания консульства на возвышенности Дунд овоо, располагающейся между монастырским комплексом Зуун Хурээ и китайским кварталом Маймаченом, с возможностью выпаса скота по берегу реки Улясутай [2].

Данная статья освещает два исторических этапа. Первый — историю основания и застройки консульского поселка (середина и конец XIX в.), второй — историю революции, историю консульства (XX — начала XXI вв.).

И. М. Майский отмечал: «К восточной стороне Хурээ примыкал русский квартал, площадь которого в три раза превышала площадь Оргоо. Этот квартал был застроен зданиями, построенными на довольно широком промежутке друг от друга. На одной длинной широкой улице располагались различные служебные административные здания русских, переводческая контора, почтовое отделение, русско-монгольская книгопечатня, аптека, торговые школы, а также жилые здания. ...Большинство русских купцов и торговцев проживают преимущественно в Хурээ» [3, с. 94].

В настоящее время эту территорию занимает городской округ Баянзурх, вплоть до восточной улицы дворца Офицеров и южного склона сопки Маахуур толгой. Исследователь С. Идшинноров, опубликовавший множество работ по истории Улан-Батора, писал о консульском поселке и о русских, проживавших вблизи Хурээ, следующее: «Русские стали строить помещения около российского консульства, это послужило неким толчком для обустройства части Их Хурээ. Так, были построены здания русской православной Свято-Троицкой церкви, почтовое отделение, аптеки и другие административные учреждения, предназначенные для подданных Российского государства. Русское население широко расселялось вне консульского поселка, вплоть до западной стороны монастырского комплекса Зуун Хурээ. В этом месте русские основали собственные магазины, склады, хозяйственные постройки и стали селиться на территории Их Хурээ» [4, с. 41].

Консул Шишмарев отмечал, что вопрос о постройке здания консульства, выдале земель и определения мест для выпаса скота был сложным. Перед тем как консульская делегация прибыла в Хурээ, вновь было оговорено, что здание посольства должно быть размером не менее в 30 цзян (комнат). Ввиду того, что

консулы прибывали вместе со своими семьями, а комнаты были небольшими, они были вынуждены селиться все вместе. Ко времени завершения постройки двухэтажного здания консульства площадь постройки оказалась превышенной, и в Пекин приходили сообщения о невыполнении российской стороной условий соглашения. В связи с этим, как отмечал Шишмарев, периодически от маньчжурской администрации проводились проверки с замером земель [2].

В подобных донесениях встречаются интересные факты, например, существовал запрет хоронить умерших людей из русского населения на территории Хурээ. Также существовал запрет на ловлю рыбы и птиц около горы Хан уула и вдоль реки Тола, не разрешалось пристраивать и увеличивать сельскохозяйственные постройки. Таким образом, существовало некое недовольство относительно появления и расселения иностранных представителей на территории Их Хурээ. Если ранее российскому консульству были определены земли для пастбищ в 15 газаров в долине реки Улясутай, то после Буринского соглашения в 1861 г. для этих целей были указаны лишь 12 газаров близ местности Сонгино¹.

Проект двухэтажного здания российского консульства был составлен офицером П. Рогалевым, который сам руководил его строительством. Для строительства здания в августе 1861 г. было выделено 20 000 рублей, на работы — 2 500 рублей, в последующем было добавлено 6 253 рубля, в 1865 г. постройка была завершена и здание введено в эксплуатацию. Это было двухэтажное деревянное помещение с 23 окнами, парадной дверью с козырьком, с двускатной крышей и 24 комнатами. Снаружи здание облицовано кирпичом, на его восточной стороне располагалась церковь.

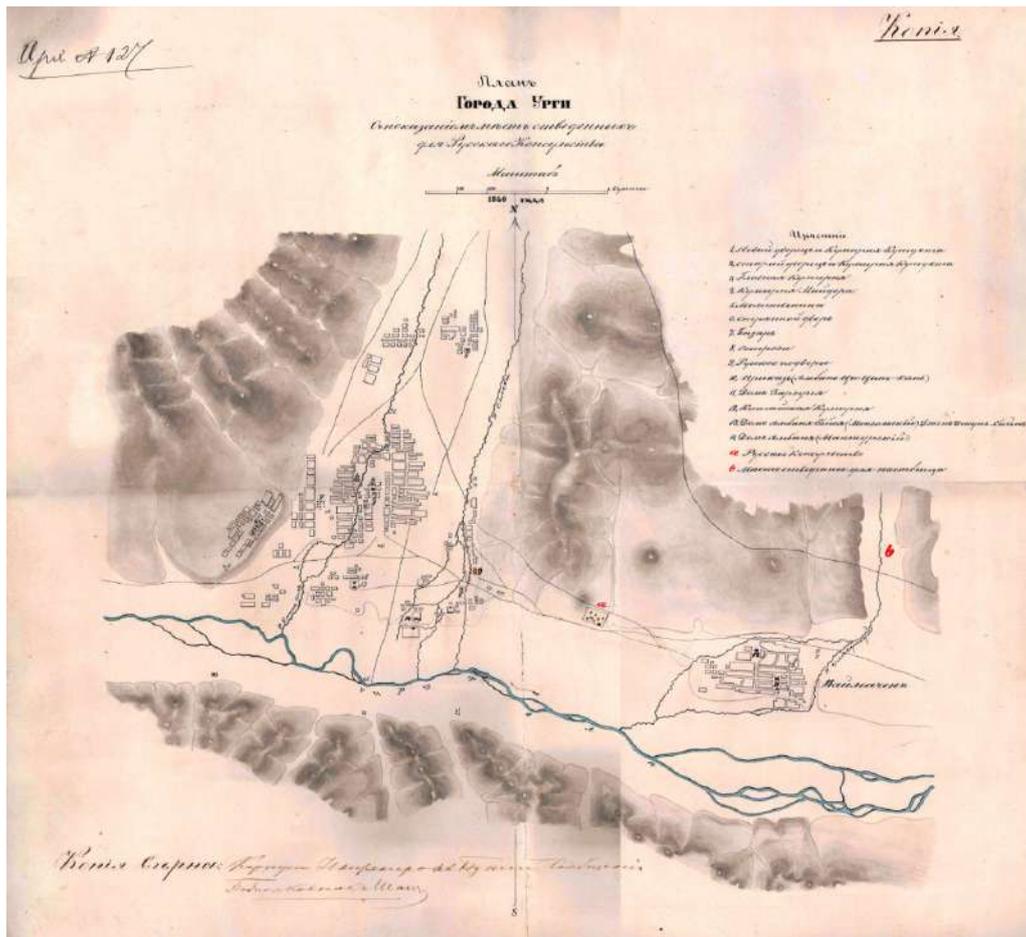
В нем периодически останавливались во время своих экспедиций и путешествий по Монголии российские ученые и исследователи Азии, такие как А. Я. Бичурин, Н. Ю. Рерих, А. П. Позднеев, Т. Н. Потанин. 8 ноября 1918 г. сотни русских людей собрались перед зданием консульства и в поддержку Октябрьской революции написали ноту правительству Советского правительства. Митинг был разогнан только усилиями императорского консула А. А. Орлова с помощью управленческих сил.

Начиная с основания в Их Хурээ консульства Российского государства широкое развитие получила торговля между Китаем и Россией через Монголию. Из Кяхты стали проходить торговые караваны, Хурээ стала крупным торговым пунктом [2]. С началом работы российского консульства получило развитие фотодело — в архивах сохранились многие кадры, запечатлевшие Хурээ. Фотографии в настоящее время хранятся в архиве Иркутска. На них запечатлено место, на котором построено консульское здание [2]. Хорошее качество фотоснимков дает четкое представление, какие здания маньчжурских сановников существовали, как выглядели тюрьмы, места поклонения монголов, китайцев, здания правления Сэцэн хана, административные здания монгольских амбаней, русский квартал, рынки и места торговли, старинные и новые дворцы буддийских сановников [2].

---

¹ Монгол улс. УТА. Х.М-1. Д-1. ХН-4845. 3-р бичиг.

Учитывая, что столица представляла собой торговый центр, в 1860 г. открылась первая русская торговая компания, а затем в короткие сроки открылись и другие фирмы [3, с. 85]. В 1883 г., когда Н. М. Пржевальский был проездом в Оргоо, он насчитал 10 русских предприятий, которые торговали в городах, а уже в 1910 г. Боголепов и Соболев отмечали существование более 20 предприятий, в 1912 г. Болобан указал на наличие 25 довольно крупных предприятий.

29 декабря 1911 г., когда монголы свергли Цинскую империю и официально провозгласили независимость Монголии, Жибзундамба хутагта был назначен богдоханом Монголии как теократического государства. 9 декабря 1912 г. по указу богдо-хана Их Хурээ был провозглашен политическим, экономическим, культурным и религиозным центром и получил название «Нийслэл Хурээ». Получив статус столицы, Хурээ стал стремительно развиваться, что сказалось на увеличении жителей. Большую часть населения Нийслэл Хурээ составляли иностранные граждане, и если ранее в основном китайцы, то теперь русские.

Большинство русских было занято в консульской и торговой сфере. По подсчетам И. М. Майского, в 1919–1920-х гг. в Монголии насчитывалось примерно 5 тысяч русских, из них 3 тысячи проживали в Хурээ. За период 1912–1919 гг. число российских граждан выросло на 1500–5000 [3, с. 85]. Русские, живущие в Монголии, представляли собой различные сословия общества. Помимо торговцев это были русские кузнецы, столяры, портные и представители других профессий, которые трудились на торговых точках.

Среди русского населения одну группу составляли буряты. Буряты, проживавшие в Монголии, делились на две группы. Это были представители административной власти, проходящие службу, также кузнецы, портные, ремесленники, строители, архитекторы, посевики и другие представители различных профессий. Ввиду этнографической и языковой близости буряты, выбравшие оседлый образ жизни в Монголии, активно внедряли элементы русской культуры среди халхасцев. Буряты прилагали усилия для того, чтобы монгольская армия формировалась по европейскому типу, уделяли внимание постройке школ, развитию административных отношений. Недалеко от российского консульства функционировала переводческая школа. Также здесь располагались начальная школа, торговая школа, а летом 1919 г. были начаты работы по постройке нового здания школы. Функционировал постоянный пункт ветеринарного контроля, проводились вакцинации. Также за счет финансирования правительства Оргоо была запущена русско-монгольская типография, в которой издавалась «Монгольская газета».

С 1915 г. российское консульство получило официальный статус и стало именоваться Генеральным консульством. При консульстве в Хурээ работали К. Н. Бобрыкин (1861–1863), Я. П. Шишмарев (1863–1911), В. Ф. Люба (1911–1913), А. Я. Миллер (1913–1916), А. А. Орлов (1916–1919).

Исследованием уровня населения Монголии в начале XX в. занималась доктор Ж. Урангуа. Согласно ее исследованиям, несмотря на прирост численности населения, ламам и буддийским служителям, простому населению, торговцам и ремесленникам было строго запрещено проживать вперемешку. На фоне того правила четко прослеживается состав населения Нийслэл Хурээ. Например, если в районе Зуун Хурээ, располагающемся в центре, близ храма Гандан проживали только монголы, то в западных, восточных кварталах, в городке Майма проживали китайцы, близ консульского поселка на восточной стороне Хурээ в основном селились русские, буряты и европейцы.

Одним из старейших кварталов являлся консульский поселок. Начиная с 1861 г. — со времени основания российского консульства — он стал центром расселения российских подданных. На рубеже XIX–XX вв. с появлением российских фабрик по обработке шерсти в этом месте мыли овечью шерсть. Если в конце XIX в. упоминалось о наличии только одной фабрики по мытью шерсти, то в начале XX века их было уже более 100.

Стоит отметить, что революционные волнения, происходившие в России, оказали значительное влияние и на Монголию. На фоне подобных политических

волнений в Монголии активизировались революционные взгляды, были созданы подпольные кружки, один из первых таких кружков был создан в 1918 г. в консульском поселке. Его организатором был сотрудник российско-монгольской типографии при российской консульской школе, учитель монгольского языка Д. Бодо, в ряды монгольских революционеров вступил большевик, работавший механиком при консульской типографии М. И. Кучеренко. Активное участие в работе подпольных кружков принимал Чойбалсан, который несколько лет проучился в России [5, с. 79].

К группировке Д. Бодо в 1918 г. присоединился его друг Д. Чагдаржав, который создал еще одну революционную группу. Чагдаржав и Бодо заявили об автономии монгольской власти и образовали тайный кружок [6], который объединился с другими организациями, их деятельность была направлена на завоевание национальной независимости Монголии.

До 1921 г. в Нийслэл Хурээ не имелось никаких административных учреждений. Хурээ был организован согласно буддийской системе управления: насчитывалось 30 ламских кварталов, которые относились к ведомству министерства Эрдэнэ Шавза, остальные граждане причислялись к 23 кварталам Тушэтэ ванского, Тушэтэ ханского, Дайчин бэйсы, Засагта хана, Амбан хана, Цэцэн хана, Сайн нойон хана, а маньчжуры и китайцы относились к маньчжурскому министерству.

После того как национальная революция одержала победу, встала острая необходимость учреждения народного правительства. Нийслэл стала приобретать черты политического, экономического и культурного центра. Согласно постановлению делегатов Монгольской народной партии от 13 октября 1923 г. были затронуты вопросы, касающиеся организации административных учреждений, был принят «Временный административный устав города», утвержденный на заседании правительства от 3 декабря 1924 г.¹ Установление подобного устава послужило правовой базой столицы.

До революции жители города официально не регистрировались. Созданная администрация города должна была нести ответственность за координацию городской жизни и улучшение городских условий. Они включали в себя вопросы по созданию городских рабочих советов, профсоюзов, городских комитетов, выборов, рассматривали проблемы по улучшению условий жизни жителей, постройке школ и строительстве культурных объектов и др.

Опираясь на новый устав, представители 23 кварталов Нийслэл выдвинули и избрали 45 человек в качестве делегатов. 9 апреля 1924 г. была открыта сессия Временного комитета на базе министерства внутренних дел, было принято постановление назвать административное городское управление «Административным органом временного комитета Нийслэл» и установлено количество членов — девять человек во главе с Моноогийн Баяром.

В 1924 г. число кварталов было сокращено с 23 до 13, 13-м по счету числился консульский поселок. Для утверждения выборов представителей кварталов бы-

---

¹ Монгол улс, НАГ, Х-1, Д-1, ХН-111.

ли изготовлены административные печати, вырезанные из дерева, было принято 17 правил для их работы¹.

По решению 1-го съезда городских комитетов в 1926 г. количество комитетов было вновь снижено, 13-й и 14-й комитеты объединились в 9-й, туда перешел и консульский поселок. В настоящее время на его территории расположен округ Баянзурх города Улан-Батор, который в народе носит название «Советский», «Русский». Это связано с тем, что здесь долгое время располагались посольства и представительства Российского государства, где функционировали средние школы при посольстве, советские больницы. Также здесь проживали многие специалисты, приезжающие из СССР.

Сейчас в этом квартале располагается русская православная церковь, сохранилось старое здание посольства, здание школы при нем, Улан-Баторский филиал экономического университета им. Г. В. Плеханова, памятник и музей им. Г. К. Жукова.

С 1971 г. посольство СССР располагалось недалеко от площади Д. Сухэ-Батора и здания правительства. Начиная с 1970-х гг. консульский поселок был застроен — с юго-восточной стороны здания Академии наук Монголии, недалеко от них установлен памятник польскому ученому Николаю Копернику, в 1985 г. с восточной стороны Дворца офицеров — памятный постамент самолета «Монгольский арат» в честь эскадрильи Советского Союза.

Постановлением № 420 от 1971 г. здание первого российского консульства было передано под государственную охрану, с 1998 г. администрация района Баянзурх взяла его под защиту. В 1996 г. была проведена его реконструкция без изменения внешнего фасадного вида.

Таким образом, со времени основания первого консульства в Хурээ в столице стали проживать российские консультанты, военные, врачи, медицинские работники и др. Эта местность до сих пор сохраняет название «консульский поселок». Именно с его основанием связано появление новшеств в Хурээ. Например, здание российского консульства представляло собой самое первое двухэтажное здание европейского типа, так же как и другие исторические здания Улан-Батора. В XX в. русское население, которое проживало в непосредственной близости от консульства, занималось не только дипломатическими отношениями, но и вело торговлю, строительство, производство, именно они внесли вклад в культуру, образование, медицину, ветеринарию и оказали большое влияние на развитие Их Хурээ.

Литература

1. Хишигт Н. Нийслэл хотын оршин суугчдын түүхийг цухас өгүүлэхүй // Нийслэл Хурээ 100 жил. Эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлүүдийн эмхтгэл. Эмхтгэсэн: Р.Төрдалай. Улаанбаатар, 2012. 350 н.

---

¹ Монгол улс, НАГ, Х-1, Д-1, ХН-23, баримт-6; Монгол улсын нийслэл Улаанбаатар хотын түүхэнд Ххолбогдох баримтын эмхэтгэл. 1950 он хүртэл. Хоёрдугаар боть. 1924–1930. Ерөнхий / ред. З. Лонжид. Улаанбаатар, 2018.

2. Урангуа Ж., Пунсалдулам Б. Монголд Хаант Оросын консулын газар байгуулах үед хийгдсэн Хүрээний газрын зургийн тухай өгүүлэхүй. Улаанбаатар, 2010. Н. 31.
3. Майский И. М. Монгол орон хувьсгалын босгон дээр. Шинэчлэн боловсруулсан хоёр дахь хэвлэлээс нь орчуулсан Чойнзонгийн Баатар. Улаанбаатар, 2015. Н. 94.
4. Идшинноров С. Улаанбаатар хотын түүхийн хураангуй. Улаанбаатар, 1994. Н. 41.
5. Пүрэв О. Хүн чулууны хонхорын зүүн дэнжийнхэ. (Нийслэлийн өв соёл. эмхэтгэл). Улаанбаатар, 2010. Н. 79.
6. Гантулга Ц., Алтанбагана А., Чагдаржав Д. Ба нууц бүлэг. ACTA HISTORICA. Улаанбаатар, 2011. Н. 20.

УДК 94(=161.1)(517.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-160-169

РОЛЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ МОНГОЛИИ В НАЧАЛЕ XX в.

© **Пунсалдулам Бор**

кандидат исторических наук, профессор,
Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Монголия, г. Улан-Батор
E-mail: borpunsaa@yahoo.com, borpunsaa1@gmail.com

Статья посвящена истории российско-монгольских отношений по становлению земледельческого хозяйства в Монголии в начале XX в. С 1911 г. Монгольское государство значительное внимание уделяло развитию земледелия, освоение пашенных земель государственного фонда являлось приоритетным направлением. Государство обеспечивало аратов орудиями труда, разрабатывало проекты законодательных актов в этой отрасли хозяйства, которые предусматривали возможность заниматься земледелием не только монголам, но и иностранцам. Участие иностранных граждан, особенно русских, было значимо в развитии земледелия Монголии. Они сыграли важную роль во внедрении новых земледельческих орудий труда и новых способов обработки пахотных земель Монголии. В начале XX в. число русских, проживающих в Монголии, значительно возросло. Так, по данным М. Боголепова и М. Соболева, в 1910 г. в Урге проживало 600 русских, в Улиастае и Хобдо – 40–50, А. П. Болобан называет 1 500. Все русские в Монголии арендовали землю, самая большая площадь в 1906 г. была у И. Карнакова и составляла 2 200 сажень в длину и 1 544 сажень в ширину.

Ключевые слова: Монголия в начале XX в.; земледелие; оратство; русские в Монголии.

ROLE OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN MONGOLIA IN THE EARLY 20th CENTURY

Punsaldulam Bor

Ph.D, Prof.,

Institute of History and Archaeology

Mongolian Academy of Sciences

E-mail: borpunsaa1@gmail.com

In the first decade of the 20th century, arable farming of the Buddhist monasteries and the foreigners was dominating over the traditional Mongolian agricultural farming. Beginning from the 1910's, especially since the restoration of the Mongolian independence, the number of Russians who were living in Mongolia increased suddenly. For example, in 1910, 600 Russians were living in Uрга, and 40–50 people were living in Ulyasutai and Kobdo stated M. Bogolepov and M. Sobolev. According to A. P. Boloban, about 1,500 Russians were living in Mongolia. All Russian peasants in Mongolia were renting land and among them certain I. M. Karnakov was renting the largest land. Those who came from Trans-Baikal region rented land in the banners of the Erdene-Wang and Akhai-Gung of the

Tushetu-khan Aimag. In the KhuvsgulUriankhai Banner and in the neighboring Karaul (Border-Guard) territories, there were living more than 170 Russian peasant families.

Keywords: Arable land; farming for eigners; Russians; rent; labor tools.

Историю монголо-российских отношений в сфере вопросов развития земледелия XX в. можно разделить на два этапа: 1. Сотрудничество по вопросам земледелия в первой половине XX в. (1900–1958 гг.); 2. Сотрудничество по освоению целины (1959 г. — конец 1980-х гг.). Первый этап можно разделить на подэтапы: период помощи и участия русских в освоении целины — с 1900 по 1920 г. и период сотрудничества Монголии и Советской России по созданию основ ведения земледелия в государственном масштабе — с 1921 по 1958 г.

В истории развития земледелия Монголии начала XX в. принято выделять такие формы собственности на землю, как: 1) земли монголов, 2) земли иностранцев, 3) земли монастырей, 4) государственные земли начиная с 1911 г. В первом десятилетии XX в. было преобладающим традиционное земледелие монголов. Однако с 1911 г. Монгольское государство стало придерживаться политики развития пашенного фонда государственных земель, в связи с чем и утвердило новое земельное законодательство как для монголов, так и для иностранцев, при этом обеспечив аратов орудиями земледелия. Рассмотрение масштаба участия иностранцев, в том числе русских, в развитии земледелия в Монголии нужно для выяснения развития традиционного земледелия, заключающегося в обновлении орудий труда и изменении обработки пашни.

Монголо-российского сотрудничества в отрасли земледелия начинается со времени создания российского консульства в Урге и разрешения русским торговцам и ремесленникам проживать в Монголии. Российское правительство планировало потратить 19 542 рублей и 40 копеек в 1861 г. на постройку двухэтажного деревянного дома с каменным фундаментом для консула в Урге и на дом для казаков-солдат и работников консульства. Однако вследствие роста цены на чай (один кирпич чая стал стоить 18–19 рублей, до 1861 г. — 14 рублей), поднялись цены и на все другие продукты, в том числе и строительные, поэтому в целом на строительство было израсходовано 28 772 рубля и 80 копеек. Постройка зданий российского консульства в Урге была закончена в 1867 г.¹ [10, л. 198].

По Пекинскому договору, заключенному между Российской империей и Цинской династией в 1860 г., русские имели право заниматься торговлей в Монголии без таможенных пошлин; по Санкт-Петербургскому договору от 1881 г. было дано право создать российское консульство и в Ховде, и в Улиастае, по 13-му параграфу этого переговора работники российского консульства стали иметь право строить частные дома, киоски и другие постройки, также жить с семьей, вести в Монголии оседлый образ жизни. До этого момента русские не могли строить дома на территории Монголии, они жили в селениях, таких как Улаангом, Улиастай, а также вблизи границы.

---

¹ Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 11/2. Ед. хр. 23. Л. 198.

Уже в конце XIX в. Урге работали 10 российских фирм купцов Лушникова, Голикова, Смирнова и других, а в 1910 г. — 224 фирмы российских торговцев, 22 из которых находились в Урге; фирмы Баранова, Басова и Коковина, Васенева, Грязнухина, Зайцева, Игнатьева, Молчановых, Петрова, Разгильднева, Рихенштейна, Серебрякова, Скобевина, Стукена, Тимановича, Урмачеева, Шапова, Шефтеля, Шильпикона, Шишманова, Юшина и фирма «Монголор».

Постоянное проживание русских торговцев в Монголии привело их к занятию земледелием для обеспечения своих потребностей в продуктах от пашни и огорода. Торгово-промышленные села русских в Монголии были расположены вдоль большой торговой дороги и на севере Монголии у рек и родников. Большинство торговцев жили вблизи Хүдэр харуул, в хошуне Эрдэнэ вана, в Хубсугульком крае. Кроме того, в аймаках Засагт хан, Сайн ноён хан, Сэцэн хан, Далай хан и Ховдоском крае, всего 113 сел. Крупные села Карнаковка, Шамара, Бургалтай и Мандала находились в основном на западе и севере Монголии.

В XX в. со времени восстановления независимости Монголии число русских, живущих в вышеуказанных местах, возросло в несколько раз. Например, в 1910 г. в Урге проживало 600 русских, а в Улиастае и Ховдо — 40–50 человек, как отметили в своих работах М. Боголепов и М. Соболев [5]. По А. П. Болобану, в 1912 г. в Монголии жили примерно 1500 русских. И. Майский считал, что число русских в Монголии увеличилось с 1500 до 5000 человек за период 1912–1919 гг., и подчеркнул: «по материалам, собранных мною зимой 1919–1920 гг., постоянных жителей-русских в Урге было 3 000, в Ховдо — 300, в Хатгале — 150, в Улиастае — 100, в Шаве Зая — 100, в Вангийн хүрээ — 60, в Муронгийн хүрээ — 50 и в Хагилцаге — 40. Остальные, более тысячи людей, живут в разных маленьких селах. Русские в Монголии живут более оседло, чем китайцы. Они жили в Монголии семьями много лет, и их дома хранили «русский стиль». В Монголии нет ни одного русского человека, который живет в домах китайского стиля. Они строят дома в русском стиле, стремятся жить комфортно. Наряду с торговлей они имеют целое хозяйство — коровы, а также овцы и верблюды. Кроме того, они арендуют землю, где выращивают овощи, овёс, ячмень и другие культуры. Например, Шпигель живет вблизи озера Хубсгул. У семьи Балашева два жилых дома и большая деревянная юрта для рабочих, кроме того, много сеней и разных строений. Конюшня площадью 200 квадратных сажень, сарай с сеном 6–7 пудов, и он кормит 80–100 коней зимой (вообще у Балашева около 400 лошадей). Берет в аренду землю под сенокос раз в год по 100 рублей. Выращивает ячмень, получает 100 пудов сметаны. В его хозяйстве регулярно работают 50 человек. Балашев — исключение. Есть и другие имения, поменьше, но очень хорошие. Можно вспомнить много предприимчивых людей, таких как В. И. Юрганов в Улаан эрэгэ, А. В. Бурдуков в Хангилцаге, Ю. В. Жуков в Заяын шавь и А. С. Попов в Ховде» [1, с. 108]

Все русские в Монголии арендовали землю, среди них особенно выделяется И. Карнаков, который брал самые большие площади. С 1906 г. под пашню было занято 87 гектаров. А. П. Болобан называет еще одного арендатора — Сахарова, который в 1913 г. жил в Урге, выращивал овес на берегу реки Мандал в хошуне

Баатар вана Тушэтханского аймака. Приезжие с юга Байкала арендовали землю в хошунах Эрдэнэ вана и Ахая гуна Тушэтханского аймака, хошуне Урианхай близ озера Хубсугул и караулах близ урианхайских хошунов, их было более 170 семей.

О численности русских в Монголии, об их селах, их социальной структуре писала Е. М. Даревская: «В начале XX в. русских сел было 300–400, в 1910 г. — 1500, в конце 1916 г. увеличилось до 5000. Из них 2000 были около города Урга, 500 — в монгольской части Кяхты, 250 — в Вангийн хурээ и Заяын шавь, 1000 — в Улиастае, 800 — в Улаангоме, 220 — в Хатгале. Их социальная структура изменялась. Торговцы и его работники заняли большинство из русских жителей. Из 5000 русских людей 4000 были в сфере торговли» [2]. Были некоторые села и у золотых приисков «Монголор», среди них самое большое село Ероо. 23 семьи шимээшиг, которые иммигрировали по реке Цох, стали жить поблизости имения Карнакова, в долине реки Ероо, и образовали сибирское село с русскими заборами и домами, где шумят русские мужчины-крестьяне, женщины, мальчики и девочки [2, с. 142].

Исследователь А. А. Сизова писала, что в 1870 г. в Урге проживало 60 русских, а в 1909 г. их было уже 600. Большинство из них приехали из Сибири (торговцы из Кяхты, Троицкосавска, Верхнеудинска, Иркутска). В первом десятилетии XX в. их число выросло до 1500–3000 [3, с. 151]. Кроме того, Н. Е. Единархова отметила в своей книге, что «основным занятием русских в Монголии в 60–80-е гг. XIX в. была торговля, с конца XIX в. и в начале XX в. — промышленность. Они стали создавать маленькие заводы, где обрабатывали природные богатства и сырье животного происхождения, их интерес к аренде земли увеличивался» [4, с. 163]. В связи с развитием торговли русских в Монголии и оседлым образом жизни появляется потребность в занятии земледелием.

Русские торговцы привозили разные товары, самыми ходовыми были спички, посуда, десерты, мука и ткань. О спросе на зерно, муку и крупу российские исследователи, путешествовавшие по Монголии, писали: «Очень интересно, что сбыт русской муки в Монголии увеличивался в последние годы».

Таблица

Ввоз пшеничной муки в Монголию в пудах [5, с. 289]

Год	По Кош-Агачинской таможне	По Зайсанской таможне	По Усинской таможне	По Кяхтинской таможне
1891	-	87	2130	-
1892	45	78	7970	
1893	74	-	490	
1894	147	36	550	
1895	253	-	1240	
1896	149		965	
1897	124	50	340	
1898	326	68	1135	538
1900	644	119	1235	100

1901	483	4	1926	1385
1902	760	40	1320	300
1903	692	107	1998	150
1904	1173	76	1110	100
1905	1563	83		
1906	3638	305	2901	1500
1907	5505	3323		
1908	4766	4689	5001	
1909	9238	276		530
1910	3570			

Как показывает таблица, количество муки, ввозимое из России, увеличивалось с каждым годом. Самыми популярными товарами, которыми торговали русские в Монголии, были мука и крупа. Монголы очень высоко ценили качество муки из России, любили покупать ее, недовольство вызывали высокая цена и обвес.

Стали ввозить и рожь через Усинскую таможню. Один мешок муки третьего сорта из ржи торговцы продавали за 6 рублей 50 копеек, то есть один пуд стоил 1 рубль и 30 копеек. В Западной Монголии вблизи озера Толбо один пуд муки продавали за 2 рубля. Анализ цен какой-либо фирмы в Западной Монголии показывает, что муку по цене ниже 12 рублей 50 копеек не продавали, то есть один пуд стоил 2 рубля 50 копеек. Муку в кредит — по 4 рубля и свыше, или один фунт муки (454 г) меняли на фунт шерсти. Монголы жаловались, что муку взвешивали неправильно. М. И. Боголепов приводит один очень поучительный пример: американцы стали ввозить в Маньчжурию муку в упаковке по 10 фунтов и сумели вытеснить российскую, так как вес был точным. «Будет разумно, — рекомендовал М. И. Боголепов, — если мукомольные комбинаты в России станут брать пример с американцев» [5, с. 290]. В Монголию ввозили муку из Китая, России и Америки.

Политика российского консульства, направленная на увеличение влияния русских в Монголии и поддержание их торговли, культуры и религии, дала возможность русским жить в Монголии, заниматься земледелием. Их стиль жизни, особенно их знания, культура, умение и навык, связанные с земледелием, конечно, влияли и на жизнь монголов. Например, фирма «Бурдуков и К^о» попробовала внедрить русский плуг на лошадиной тяге среди дэрбэтов, но неуспешно. Монголы посчитали, что будет слишком много хлопот, и отказались использовать такой плуг, но потом земледельцы в местности Сэлэнгэ все же поняли достоинство русской системы обработки почвы, как писал И. Майский [1, с. 264].

Монголо-русское соглашение о дружбе, заключенное в 1912 г., дало российским гражданам, живущим в Монголии, возможность заниматься торговлей без таможенных пошлин, что способствовало заинтересованности русских.

Монгольское правительство утвердило правило, которое имело большое значение для развития земледелия, дало иностранцам возможность арендовать землю, заниматься ее обработкой и сенокосом, и вместе с тем поддерживало занятие монголов земледелием. Прежде всего, в марте 1914 г. по инициативе

Генерального министерства и приказу богдо-хана аймакам и хошунам предоставили средства на покупку зерна, орудий труда и техники для обработки урожая из государственного бюджета. Аймаки и хошуны взяли обязательство организовать посев для государственного снабжения солдат и граждан крупой. Кроме того, в 1914 г. из России были привезены плуги (100 шт.) и бороны (200 шт.) [6, с. 141]. Раздача зерна, плугов и других орудий труда аратам, которые занимались пашней, продолжалась с 1914 по 1917 г., особенно активно с 1916 г. по рекомендации российских консультантов-исследователей С. А. Козина и П. А. Витте, после чего араты согласились заниматься пашней во многих урочищах и каравельных местах. Министерство финансов окончательно решило раздать зерно из государственного фонда весной, осенью распределять урожай следующим образом: треть — в государственный фонд, треть — администрациям хошунов как запасное зерно, треть — на продовольственные нужды хошунов. Такая организация была результатом исследования пяти отрядов под руководством барона П. А. Витте в 1915 г., которые обнаружили, что монголы, занимавшиеся пашней, отдавали большую часть урожая китайским фирмам за использование их орудий труда для пашни, находясь от них в зависимости. И для создания благоприятных условий для обработки земли на основе российских исследований правительство организовало раздачу зерна и необходимых орудий труда в кредит.

Кроме того, поступали разные предложения, связанные с земледелием: обработка земель государственного хурала, увеличение государственного фонда за счет тщательного сбора арендных плат с иностранцев и учиться возделывать пашню у приехавших из Внутренней Монголии. Было решено не только вовлечь монголов в развитие земледелия, но и предоставить иностранцам возможность заниматься пашней и сенокосом, утвердив специальный устав.

В 1913 г. монгольское правительство утвердило устав из двенадцати параграфов по аренде земли для пастбищ и сенокоса для граждан России, Китая и других стран¹. Согласно уставу сначала иностранец подает заявление о месте нахождения и размере выбранного участка земли в министерство иностранных дел и представителю в крае. Администрация проверяет, не будет ли участок затруднять доступ к священному месту или пастбищу, правильно ли указан его размер, после этого выдавала разрешение арендовать его на три года. Лицензию оформляли на трех листах, каждый из которых стоил одну серебряную монету (каждая монета весом 7,2 цэнов), доход от выдачи лицензий поступал в министерство и ведомства этой отрасли. Площадь для сенокоса должна была иметь ширину в один лук (стрелковое оружие) и длину — 360 луков (один лук примерно 80 см), площадь же для пашни измерялась в зернах (одно зерно — 0.09216 гектара). Чиновник из министерства финансов вместе с местной администрацией собирал арендную плату в конце весны и осени, делили всю сумму на десять частей, шесть частей которых шли в министерство, и четыре части отдавали хошуну.

По уставу иностранцу запрещалось перезаключать договор аренды в пользу другого лица, превышать площадь арендованной земли, загрязнять почву, отка-

---

¹ Монголын хууль тогтоомжийн түүхэн эмхтгэл. Хоёрдугаар боть. 1911–1926. V сар. Уланбаатар, 2010. 116 н.

зываются платить аренду, начинать обрабатывать землю раньше выдачи лицензии. Однако иностранцы часто нарушали закон. Китайцы, которые занимались пашней пахали больше земли, чем было определено лицензией, а русские, особенно те, которые жили в караульных местах на запад и восток от Алтанбулага и в местностях Онон, Ерөө и Хүй Мандал, не платили арендную плату честно, часто шли на конфликт, так что приходилось назначать чиновников с двух сторон для примирения согласно земельному уставу [9, с. 50].

В 1913 г. правительство Монголии утвердило устав об аренде земли с пятнадцатью пунктами¹. Согласно уставу земельные участки делились на пашенные и целинные и классифицировались на высшие, средние и низкие по качеству. Берега рек и озер считались высшего качества, урочища в расстояниях от водных источников — среднего, а сухие урочища без воды — низкого. Земля измерялась луком, зерном и процентом при аренде. За каждое зерно земельного участка высшего качества платили в государственный фонд за год три цэна серебра, среднего качества — два цэна и пять пунов серебра, низкого качества — два цэна серебра.

Монгольское правительство постоянно вносило изменения в устав. Если по уставу 1913 г. все земли были классифицированы на участки высшего, среднего и низкого качества, то в устав 1916 г. были введены более детальные критерии. Кроме того, в уставе детально было прописано количество дохода от урожая, чтобы предотвратить обман иностранцев, особенно китайцев, а также сокрытие дохода.

С конца 1916 г. земельные участки для аренды иностранцам под пашню, сенокос, пастбище и постройку дома были распределены на три разряда при аренде, 60 процентов дохода отдавалось государству и 40 процентов хошуну. Таким образом, по уставу, утвержденному правительством Монголии, иностранцам были даны земельные участки.

В данный период русские арендовали землю для пашни и для сенокоса чаще китайцев. Например, бурятскому-гуну Цэрэнпилову было дано четверть урочища из Хиранского караула 5 апреля 1914 г.² Когда в 1918 г. определили всю площадь пашни в хошуне Эрдэнэ вана, в аренде у русских оказалось 47 зерна и 310 аршин земли высшего качества, 96 зерна и 202 аршина земли среднего качества и 18 зерна и 143 аршина земли низкого качества³.

В 1922 г. российский ученый В. Е. Писарев, который работал в Монголии, писал о пашне русских: «Пашня русских не вызвала интерес ни сортом, ни приемом земледелия. Русские приехали сюда в поисках места жительства и они очень

---

¹ Монголын хууль тогтоомжийн түүхэн эмхтгэл. Хоёрдугаар боть. 1911–1926. V сар. Улаанбаатар, 2010. С. 80–81.

² МАХН-ын тогтоол шийдвэр баримт бичгүүд. 1920–1928 он. Улаанбаатар, УХГ. 1981. 130 н.

³ Монгол улс. Түүх Археологийн хүрээлэнгийн гар бичмэлийн фонд. Ф. 2. Д. 1. XII. 420.

тесно связаны с местными и по приемам земледелия и сортом зерна, некоторые овладевали китайской пашней с орошением и накопили надлежащее знание»¹.

Местности с пашнями (аймаки) [8].

Большинство русских использовали урожай с арендованной земли только для своих нужд. Но были люди, например, В. А. Балашев у озера Хубсугул и Карнаков в долине Ероо, нанимавшие рабочих для уборки урожая, мололи муку и имели немалый доход.

Аймак	Пашня монголов						Пашни иностранцев			Все пашни (не-полное)	
	аратов	фонда Богдо-хана	фонда хуугты с печатью	жаса	засаков-аристократов	остальные	монголов	китайцев	русских		других
Ховдоский край	2	0	0	0	0	0	2	1	0	1	3
Далай хана	5	0	0	0	0	0	5	1	0	1	6
Зоригт хана	16	0	0	4	0	0	20	0	0	0	20
Засагт хана	15	0	0	2	0	0	17	0	0	0	17
Сайн ноён хана	8	1	3	1	1	0	14	4	0	4	18
Түшэт хана	79	13	0	43	2	3	140	94	1	95	235
Сэцэн хана	0	0	0	2	0	0	2	0	1	1	3
7 аймаков	125	14	3	52	3	3	200	100	2	102	302

Одним из проектов по развитию земледелия, организованных правительством Монголии, является Ведомство по управлению капиталом Монголии, созданное по инициативе П. А. Витте в 1916 г., которое поддерживало исследования, проведенные в 1915 и 1916 гг.

Монгольское правительство приветствовало инициативу С. А. Козина провести исследования по естествознанию, истории, статистике и экономике, в 1915 г. был подписан договор о проведении исследования. Экспедиция состояла из пяти отрядов: основного зеленого, желтого, синего, красного и коричневого. В состав экспедиции вошли российские специалисты из разных отраслей и чиновники из правительства Монголии. Главой экспедиции и начальником зеленого отряда был назначен естествовед, специалист в области сельского хозяйства, барон П. А. Витте, его помощником — инженер по орошению, естествовед В. И. Лисовский. Из правительства Монголии были писарь из министерства иностранных дел, чиновник второго разряда Даш, чиновник пятого ряда Дамдин, а

¹ Монгол-Оросын шинжлэл ухаан, соёлын харилцаа (Архивын барилтын эмхтгэл. 1921–1960). Улаанбаатар, 2011. Боть 1.

также рыбак, студент Томского технологического института П. Г. Ярных, переводчик Ц. Батуев, рабочий Г. Аносов, И. Белобо, всего 53 человека. Каждый отряд был снабжен необходимыми орудиями труда, средствами и материалами.

Вышеупомянутые отряды экспедиции исследовали возможности использования земли для вспашки, определяя их уровень над уровнем моря, изучали структуру поверхности и климат, сделали выводы о том, что земледелие не может быть главным хозяйством Монголии, а только вспомогательным.

В отчете было отмечено, что поле без орошения должно быть по площади больше, чем орошаемые земли. Пашня без орошения может быть развиваться во многих местах. Однако эти места имеют маленькие площади, хотя они отвечают всем требованиям топографии. Земледелие в таких разбросанных местах будет очень неорганизованным и будет вытеснять скотоводство.

Для сохранения плодородности почвы нужно было сажать такое растение, благодаря которому плодородность почвы восстанавливалась бы после уборки урожая. Таким растением была люцерна серповидная, которая была обнаружена в исследованных местах Монголии. Люцерна серповидная полностью восстанавливает плодородность почвы после трех- и четырехгодичного посева подряд. Кроме того, люцерна очищает поле от сорняков, является самым лучшим кормом и дает урожай два раза в год.

В отчете 1915 г. указывалось, что приемы обработки почвы и посева зерен и орудия труда в Тайланде, Китае и Монголии были устаревшими. Нужно было распространять усовершенствованные плуги и бороны среди земледельцев. Однако работа не могла ограничиваться только этим. К этому нужно было добавить распространение кузнечных и плотницких работ. Если нет кузнеца, то новый плуг земледельца становится ненужным уже после двух недель. Ибо острие даже правильно использованного плуга и режущие части других орудий труда нужно закалять в огне и воде и заменять стальное острие. Для распространения вышеупомянутых приемов и методов и кузнечных и плотничных работ нужны были инструкторы в отрасли скотоводства, и такой инструктор должен иметь знание в двух отраслях.

Кроме этого, ведомство финансовых консультантов во главе с Витте искало главную причину финансовых трудностей, связанных с земледелием: в сельской местности не обращают внимание на соблюдение государственных законов, иностранцы сговариваются с местными администраторами, платят мизерный налог государству, избегая платы за аренду. Иностранцы эксплуатируют пастбище, пахотную землю без арендной платы и добывают минералы на приисках самовольно. Иностранцы, заключив договор и получив определенный участок земли, на самом деле эксплуатируют землю большей площади, чем определено договором, и тем самым вредят государственному фонду. Цены на аренду земли, установленные в 1913 г., были неизменны до 1915 г. Однако за это время курс валюты резко упал. Если в 1912 г. один целков был равен 7 цэнам серебра, то в 1915 г. дошли до нескольких пунов. Однако доходы иностранцев, полученные с пастбищ, пашни и горных работ, постоянно увеличивались. Были и иностранцы, которые получали прибыль за счет охоты и ловли рыбы без налога.

Арендаторы земли под пашню и сенокос эксплуатировали воду рек через каналы, созданные ими без разрешения. Полицейские и государственные силовые организации не участвовали в работе по собиранию денег за аренду [7, с. 35].

Таким образом, хотя русские занимались земледелием только для удовлетворения своих потребностей, их опыт в области земледелия, орудия труда распространялись среди монголов и оказали большое влияние. Кроме того, научно обоснованные выводы исследователей о возможностях развития земледелия в Монголии и определенные советы, данные ими в 1915–1916 гг., влияли надлежущим образом.

Литература

1. Майский И. М. Орчин үеийн Монгол (Автономит Монгол XX зууны гараан дээр). Улаанбаатар, 1993. 320 н.
2. Даревская Е. М. Сибирь ба Монгол. Эрхэлсэн С. Чулуун. Орч. Д. Бадамням. Улаанбаатар, 2011. 420 н.
3. Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: Восточная литература, 2016. 302 с.
4. Единархова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921). Иркутск, 2003. С. 163.
5. Боголепов М. И., Соболев М. Н. Орос, Монголын худалдааны найруулал. Орч. Ч. Баасанжаргал. Улаанбаатар, 2011. 402 н.
6. Урангуа Ж. XX зууны эхэн үеийн Монгол улс. Улаанбаатар, 2010. 210 н.
7. Лонжид З. Монгол улсын санхүүгийн албаны түүх (1911–1921). Улаанбаатар, 2000. 257 с.
8. Пурэв О. Историческая география Монголии. Улан-Батор: Адмон, 2004. Т. 115. 302 с.
9. Улсын хоёрдугаар их хурал. Улсын нэг, хоёр, гуравдугаар бага хурал. Эмхтгэсэн С. Туяа нар. / ред. Ч. Дашдаваа. Улаанбаатар, 2009. 405 н.

УДК 339.5(47+517.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-170-176

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКАЯ ТОРГОВЛЯ: СВОБОДНАЯ ЗОНА КЯХТА-АЛТАНБУЛАГ

© **Баярхишиг Сангажав**

аспирант,

Монгольский государственный университет

Монголия, г. Улан-Батор

Email: bashka1569@gmail.com

В конце XIX в. во Внутренней Кяхте развивались и расширялись китайско-российские торговые отношения, вследствие чего поселение выросло в пограничный пункт, имеющий сегодня важное экономическое значение для Монголии. В 1911–1917 гг. более 50 процентов торгового оборота Монголии с Россией приходилось на него. Через Кяхту проходил знаменитый Чайный путь, обеспечивающий потребности всей Российской империи в чае, который поставлялся в Европу. В этой статье хотим раскрыть значимость для экономики Монголии поселений Кяхта и Алтанбулаг, а также проследить развитие трехсторонних торговых отношений и их регулирования. Помимо этого, постараемся отразить вопрос становления этой свободной торговой зоны Монголии на современном этапе развития страны. В основу статьи вошли документы, хранящиеся в Центральном национальном архиве Монголии, записи ученых и путешественников, а также некоторые источники, воспоминания, научные работы разных лет.

Свою работу мы постарались разбить на три составляющие: кяхтинская торговля, город Алтанбулаг и, в-третьих, свободная торгово-экономическая зона.

В 2017 г. исполнилось 15 лет со дня образования свободной экономической зоны Алтанбулаг, а также 290 лет с начала строительства города Троицкосавск.

Ключевые слова: граница; договор; торговля; таможня; экономика.

RUSSIAN AND MONGOLIAN TRADE: KYAKHTA AND ALTANBULAG FREE ZONE

Bayarkhishig Sangajav

Research Assistant,

National University of Mongolia

Mongolia, Ulaanbaatar

E-mail: bashka1569@gmail.com

In the XIX century in Kyakhta, China and Russia trade have become increasingly important. As trade between two countries increased, the population has rapidly increased in that area. Even today, this border point plays an important role in the Mongolian economy.

Between 1911 and 1917, over 50 percent of Mongolia's trade with Russia was conducted there. The famous Tea road, which supplied tea to the Russian Empire, went through Kyakhta settlement. This report describes the importance of the Khyakhta and Altanbulag settlements for Mongolia, how the trade of the three countries has been regulated, and the free trade zone has emerged. This paper will address questions relating to emergence of free trade zone in contemporary times.

The study used documents of Mongolia's Central Historical Archives, a source of research, documents, notes of trade and travel, and some research papers as the main source of research. This paper is divided into three parts: Kyakhta trade, city Altanbulag and free trade zone. This year is 15th anniversary of Altanbulags free trade zone and 290th anniversary of Troitskosavsk.

Keywords: border; contract; trade; customs; economy.

Становление пограничной зоны торговли

В начале XVIII в. в монгольском городе Их Хурээ (Урга) началось активное развитие китайско-российских торговых отношений, наряду с этим в главном городе Монголии увеличивалось число русских купцов и торговцев. Это способствовало оживлению монгольско-российской торговли. В этой связи маньчжуры и правительство Российской империи признали господство маньчжурской династии Цин в Халхаской Монголии и приняли решение уточнить границы между Россией и Внешней Монголией и потребовали перенести китайско-российскую торговлю из монгольского Хурээ на приграничную территорию. С целью ослабления китайско-российской торговли стали притеснять русских купцов, работающих в Монголии. Для регулирования взаимоотношений с Китаем власти имперской России дважды с 1725 г. отправляли послов и переговорщиков. В августе 1727 г. между правительствами Маньчжурской и Российской империй было заключено соглашение, так называемый Кяхтинский договор, в котором были прописаны вопросы регулирования торговых дел. С этого момента и начинается история города Кяхты как торгово-экономического моста, соединяющего Азию и Европу [1].

Буринский трактат от 1727 г. определил более точные границы двух государств, а по инициативе и под руководством известного российского дипломата Саввы Рагузинского был построен православный Свято-Троицкий монастырь. Таким образом, было положено начало города Троицкосавска, или Внешней Кяхты. Впоследствии это поселение стало крупным торговым узлом сначала между Китаем и Россией, а в последующем между Россией и Монголией. При этом Кяхта находилась на расстоянии трех верст от Троицкосавска. С этого места берет свое начало российская и китайская торговая деятельность [1]. Как следует из записок путешественников и ученых, Внутреннюю Кяхту, которая располагалась на территории Монголии, в основном называли Маймачин, в некоторых источниках и мемуарах она значится как Монгольская Кяхта, или Шивээ Кяхта.

Между российским Троицкосавском, или, как его называли монголы, Дээд Шивээ, и Маймачином, по-монгольски Убур Кяхта (Внутренняя Кяхта), проходила граница между Россией и китайской империей Цин. После выхода Монголии из-под власти маньчжуров граница разделила Россию и независимую Монголию. Расстояние между российской Кяхтой и монгольским Маймачином составляло 100 сажень, или 213 метров [1]. Именно в этой зоне россияне и маньчжуры обменивались товаром без пошлин. Вторым после Маймачина торговым поселением являлся Алтанбулаг. Это место, где сейчас образована свободная торгово-экономическая зона, упоминается еще в «Сокровенном сказании монголов» и других исторических источниках, что придает Алтанбулагу особый статус.

В 1730 г. правительство Цин начало строительство города Маймачин, где трудились строители из китайской провинции Шаньси. В это же время активное развитие получил торговый Чайный путь. Эти обстоятельства можно считать историческим условием для создания и становления трехсторонних торгово-экономических взаимоотношений. Уже к концу XIX в. объем приграничной торговли России через Чайный путь составлял 30 миллионов рублей, этот период называли золотой эпохой кяхтинской торговли [2]. На протяжении двух столетий этот пункт был объектом пристального политического и экономического внимания многих государств. В начале XX в. развитие приграничной кяхтинской торговой зоны определяли более 20 миллионеров. В российской печати тогдашний расцвет торговли на Чайном пути сравнивали с феноменом роста Гонконга.

К 1730 гг. в отстроенном Маймачине наблюдался высокий уровень торговли, предпринимательства и коммерции. К началу XX в. в городе насчитывалось более 100 китайских фирм, которые вели торговую деятельность на границе и увеличивали свое благосостояние [5]. Это такие фирмы, как Да шинху, Тянь-Идэ, Юань-Шаньдэ, Се-Сунчан, Юн-Шенхо и др.

С развитием и ростом кяхтинского Маймачина получила распространение торговля в долг между китайскими торговцами и местным населением. Это дало толчок для развития локального местечкового рынка. Правительство Цинской империи вело политику в сторону ограждения Монголии от внешнего мира. Именно в это нелегкое для Монголии время была открыта Кяхта как торговый узел, преобразовавшись в последующем в центр монголо-российских торговых связей. На тот период город оставался единственным местом для ведения двухсторонних отношений. А для самой Монголии Кяхта продолжала играть важнейшую роль в экономике страны. Контакты между монгольскими и российскими торговцами в Кяхте в это время осуществлялась в трех формах: прямые продажи через контроль правительственных чиновников Маньчжурии, браконьерство и заключение «черных» сделок через китайских торговцев [4]. Маньчжуры запретили монголам торговлю в Кяхте с русскими и пытались разными способами сдерживать монголо-российские торговые отношения посредством юридических препон. Несмотря на такие попытки, приграничная торговля продолжала развиваться, и властям Цинской империи пришлось издать в 1768 г. специальный закон, регулирующий эти отношения в рамках определенных границ [4]. Как отмечает Трусевич, такая торговля занимала одну пятую часть всего товарооборота Кяхты [5]. На 1821 г. в Кяхте работали 24 крупные фирмы и 68 мелких¹.

Товары из России проходили через 4 пограничных пункта в Монголию — Кош-Агач, Зайсан, Усинск, Кяхту. Большинство через Кяхту, например, в 1906 г. через Кяхту было вывезено товаров на 14 863 рублей, Кош-Агач — 4 014 р., Зайсан — 8 055 р., а Усинск — 1 473 р. Из Монголии через Кяхту в 1908 г. было вывезено в Россию пушнины: песец — 15 456 штук, белка — 162 740, волчья шкура — 1 314, сурок — 1 556 500 и 8 других видов пушнины. Но главным партнером в торговле

---

¹ МУУТА. Х.А-1. Д-1. ХН-3717.

в то время был Китай. Это обстоятельство изменилось после провозглашения независимости Внешней Монголии.

Кяхта Монголии

В начале XX в., в 1911 г., Внешняя Монголия объявила о своей независимости. После выхода из состава Цинской империи Кяхта продолжала оставаться крупнейшим приграничным торговым узлом и находилась под пристальным вниманием правительства нового суверенного государства.

Более того, министр по делам города Кяхты, назначенный правительством Монголии, должен был отвечать не только за вопросы, касающиеся кяхтинских горожан, но и общегосударственные: охрана границ, обеспечение правопорядка в городе, регулирование торговых отношений, сбор таможенных налогов, регулирование станционных служб, по которым соединялись граждане на территории Монголии и России, а также выдача путевых листов и многое другое. Традиционные для тогдашней Монголии экономические отношения были интегрированы в рыночные [6] и к 1913 г. определяли картину кяхтинской свободной зоны торговли.

К тому времени торговая деятельность в городе Кяхта уже была стабильной, поэтому российское правительство приняло решение внедрить таможенные пошлины. О том, что подобные нововведения были негативно восприняты кяхтинскими купцами, рассказывает в своих мемуарах дипломат Коростовец, который лично общался с ними: «Из разговора с представителем государственного банка, председателем гильдии купцов Синициным я понял, что кяхтинские купцы недовольны тем фактом, что власти хотят упразднить буферную зону в 50 сажень и создать таможенную службу, которая хочет задуть доходы от торговли на беспошлинной зоне...» [7]. Каждый купец, занимающийся торговлей, был против создания таможни, желая иметь хоть небольшую зону, где можно вести деятельность, не оплачивая налоги и пошлины.

В это время один из пограничных караульных постов хошууна Эрдэн Вана аймака Тушээтхана носил название «город Кяхта» вплоть до народной революции 1921 г. 18 марта 1921 г. после освобождения Кяхты полководец Сухэ-Батор произнес свои знаменитые слова: «С этого времени будем называть это место Алтанбулагом» [8]. На самом деле это имя носил ручеек с хорошей родниковой водой, что протекает в низине горы Бурэгтэй.

Зона свободной торговли

Считается, что в мировой истории понятие о «свободной торговой зоне» появилось в 1950-е гг. Киотская конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур дает следующее определение понятию «свободная зона». Это часть государственной территории, в которой помещенные там товары рассматриваются с точки зрения взимания импортных таможенных пошлин и налогов как находящиеся вне таможенной территории и не подлежащие обычному таможенному контролю. До сих пор эта конвенция является основным ориентиром в этом вопросе¹.

---

¹ Алтанбулаг чөлөөт бүстэй холбоотой хууль, тогтоомжууд. Улаанбаатар, 2010, 5.

Сегодня более 100 стран смогли создать благоприятную правовую и инвестиционную среду посредством открытия более 2500 свободных зон, тем самым способствуя экономическому росту своих стран¹.

Монголии, которая должна была создавать такие абсолютно доселе неизвестные формы, как свободная зона, приходилось проводить работу с нуля, определить направление и тенденции развития, привести в соответствие с этим законодательство, совершенствовать правила и нормы, обзаводиться квалифицированными кадрами. В 1995 г. в Монголии была принята Концепция «О создании свободной экономической зоны». А в 1996 г. парламент Монголии — Великий государственный хурал — утвердил «Концепцию создания свободных зон в Монголии». По сути, это стало первым документом, позволяющим создать свободную торгово-экономическую зону в стране. 22 июня 2002 г. был принят закон «О свободной зоне, правовом статусе свободной торговой зоны Алтанбулаг»².

Свободная экономическая зона «Алтанбулаг» расположена в 335 километрах от столицы Улан-Батор, в 25 километрах от центра аймака Сэлэнгэ города Сүхэ-Батор. С северной стороны граничит с субъектом Российской Федерации — Республикой Бурятия и является северным пограничным пунктом страны. На протяжении многих столетий Алтанбулаг играл важную роль в укреплении и активизации мирового, в том числе российско-монгольско-китайского торгового товарооборота, увеличении снабжения, экспорта и импорта между странами. В современное время эта зона определяет стратегию регионального (зонального) развития Монголии, в связи с этим Монголия работает над тем, чтобы приблизить уровень экономики до мирового и сделать ее более открытой. Создание экономических предпосылок для становления свободной зоны в Монголии дало толчок для привлечения иностранного и внутреннего капитала, расстановки приоритетов в направлении и планировании свободной зоны.

Кроме этого, политика страны ориентирована на отказ от наложения таможенных пошлин на импортируемые товары и экспорт товаров и услуг. Это создает предпосылки для экономии сбережений для иностранных и местных граждан и предприятий. Как мы знаем, за счет таможенных сборов, различных налогов увеличивается стоимость товаров, идущих до конечного потребителя.

Благодаря тому, что товары, ввозимые через свободную зону «Алтанбулаг», минуя всевозможные таможенные расходы, появляется возможность поставлять их по более низкой себестоимости не только в Монголию, но и в другие страны. При этом до конечного потребителя доходят качественные товары и продукция. Снижение налога на 15% является внутренним регулированием свободной зоны. Налоговые льготы являются главным преимуществом привлечения инвесторов в свободную зону. Действующий закон гласит, что налоговые каникулы должны быть включены в закон о правовом статусе каждого региона, а также расширить сферу применения закона о свободных зонах и внести изменения в законодательные реформы, которые распространены в отношении налога в свободных зонах, общих ставок дисконтирования и других возможностей.

---

¹ Алтанбулаг чөлөөт бүстэй холбоотой хууль, тогтоомжууд. Улаанбаатар, 2010, 5.

² Там же.

В целях устранения некоторых нестыковок, недоразумений при реализации закона специалистами Международного агентства развития США был проведен аудит законодательства, касающегося свободных зон. Чтобы ускорить процесс создания такого региона в Монголии, потребовалось внести необходимые изменения и редакции в законодательные документы по опыту других стран. В список законодательных актов, касающихся свободной зоны «Алтанбулаг», можно включить следующие документы: Закон о свободных зонах, правовом статусе свободной экономической зоны «Алтанбулаг» от 22 июня 2002 г., постановления ВГХ № 87 от 12 декабря 1995 г., № 38 от 28 июня 2002 г., № 15 от 9 мая 2003 г., а также постановления Правительства Монголии № 227 2002 г., № 55 2003 г., № 150 2005 г., № 169 2006 г., № 32 2008 г., № 37 2009 г.¹

22 июня 2014 г. состоялось торжественное открытие свободной экономической зоны «Алтанбулаг», во время которого начала работу ярмарка-выставка «Алтанбулаг экспо», в ней приняли участие 37 компаний и организаций, состоялись поставки товаров на общую сумму почти в 350 тысяч долларов США. На выставке «Экспо-2016» в рамках трехстороннего сотрудничества Монголии, Китая и России и создания экономического коридора от Монголии приняли участие 57 компаний, от России — 17, от Китая — 17. Мероприятие собрало более 200 делегатов². Кроме того, зона «Алтанбулаг» находится на пути следования международной автомобильной трассы АН-3, которая должна соединить Азию с Европой. На сегодняшний день уже начаты работы по инвестированию в создание сопутствующей инфраструктуры и инженерных сетей.

Вывод

Исследуя исторические сведения, документы и события монгольской истории, истории государственности, экономики, торговых отношений, сложно найти подобные поселения, такие как Кяхта-Алтанбулаг, которые имеют столь богатую и многовековую историю. Создание пограничного пункта Алтанбулаг привело к учреждению Таможенного комитета (1890, 1912), Азиатского малого банка (1898), почтовой службы, соединившей Россию, Монголию и Китай (1899), строительству кожевенного завода (1910, 1934), завода по производству спирта (1940). Кроме того, здесь же впервые состоялись постановки балета «Лебединое озеро», было создано Временное народное правительство (1921), впервые начал работу детский сад (1921), младшая школа (1922). Пионером кооперативного движения стал партизан Бумцэнд (1930-е гг.).

По данным Всемирного банка, сегодня в более чем 100 странах занято более 2500 свободных зон и 66 миллионов человек, а товаров потреблено на 500 миллиардов долларов³ [18].

Свободная зона «Алтанбулаг» создает благоприятную правовую и инвестиционную среду, способствуя развитию экспорта, импорта, производства, торговли, предоставления услуг, туризма, привлечению инвестиций, транзитным перевозкам, внедрению передовых технологий, содействию торговле, ускорению регио-

---

¹ Засгийн газрын хууль, тогтоомжууд. Улаанбаатар, 2002–2009.

² URL: www.altanbulag.gov.mn (дата обращения: 10.05.2019).

³ Там же.

нального развития. Мы делаем вывод, что самой главной целью является то, что страна пытается довести свое экономическое развитие и рост до мирового уровня и шагать в ногу со временем.

В итоге хотелось бы отметить, что процесс становления свободной экономической зоны был начат 290 лет назад именно с Внутренней Кяхты, или сегодняшнего пограничного пункта Алтанбулаг. Фундаментом тогдашнего Чайного пути являлся торговый пункт Кяхта-Алтанбулаг, который был крупным форпостом экономики Монголии. Исторически это был один из самых мощных доходных пунктов в истории экономики всей страны.

Литература

1. Урангуа Ж. Деятельность монгольского министра Кяхты (1911–1921 гг.) // Труды Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. Т. XXII. С. 87.
2. Урангуа Ж. Монголия в начале XX века (1911–1919). Улан-Батор, 2010. С. 149.
3. Базардорж Д. Соперничество российского и китайского капитала на рынке Монголии начала XX в. Улан-Батор, 2009. С. 55–65.
4. Дашням Г. Кяхтинская торговля в XVIII веке // *Studia historica*. Т. XXI. Fasc. 5.
5. Трусович Х. Посольские и торговые отношения России с Китаем. М., 1882. 168 с.
6. Урангуа Ж. Хиагтын сайдын газрын үйл ажиллагаа (1911–1921). Улаанбаатар, 2010. 46 н.
7. Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Улан-Батор, 2013. С. 395.
8. Эрдэнэбат Да. Алтанбулагцы. Улаанбаатар, 2018. С. 8.

УДК 339.9(571.54+517.3+510)
DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-177-183

СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ С МОНГОЛИЕЙ И КИТАЕМ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

© Башкуева Елена Юрьевна

кандидат исторических наук,
Бурятский научный центр СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8
E-mail: frombear@mail.ru

В статье рассматривается текущее состояние и перспективы гуманитарного сотрудничества Республики Бурятия с Монголией и Китаем в области здравоохранения, высшего образования и культуры. Эмпирическая база исследования: годовые отчеты министерства здравоохранения, министерства образования и науки и министерства культуры республики (за 2013–2017 гг.), материалы экспертных интервью на тему «Состояние и перспективы гуманитарного сотрудничества Республики Бурятия». Предложено наращивать не только количественные, но и качественные показатели гуманитарного сотрудничества.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество; приграничное сотрудничество; здравоохранение; образование; культура; Россия; Бурятия; Монголия; Китай.

MODERN HUMANITARIAN COOPERATION OF THE REPUBLIC OF BURYATIA WITH MONGOLIA AND CHINA: STATUS AND PROSPECTS

Elena Yu. Bashkueva

Cand. Sci. (History),
Buryat Scientific Center SB RAS
8 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
E-mail: frombear@mail.ru

The article discusses the current state and prospects of humanitarian cooperation of the Republic of Buryatia in the field of healthcare, higher education and culture with Mongolia and China. The empirical base of the study: annual reports of the Ministry of Health Care of the Republic of Buryatia, the Ministry of Education and Science of the Republic of Buryatia, the Ministry of Culture of the Republic of Buryatia (2013-2017), materials of expert interviews on the "State and prospects of humanitarian cooperation of the Republic of Buryatia". It was proposed to increase not only quantitative, but also qualitative indicators of humanitarian cooperation.

Keywords: humanitarian cooperation; cross-border cooperation; healthcare; education; culture; Russia; Buryatia; Mongolia; China.

---

¹ Исследование выполнено в рамках НИР по блоку № 3 ОРЭН БНЦ СО РАН «Оценка влияния монгольского коридора на экономическое развитие приграничных регионов России» проекта «Монгольский коридор в условиях евразийского взаимодействия: история и современность» Комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН II.1 (№ 0335-2018-002).

Важнейшим направлением трехстороннего сотрудничества Китая, Монголии и России является расширение гуманитарных обменов и взаимодействия в области здравоохранения, образования и культуры, закрепленное в «Программе создания экономического коридора»¹.

Многочисленными исследованиями зарубежных и отечественных ученых доказана важная роль гуманитарного сотрудничества в активизации интеграционных процессов и приграничного взаимодействия, в том числе в качестве инструмента «мягкой силы» [1, с. 39].

С целью оценки состояния и перспектив гуманитарного сотрудничества Республики Бурятия с Китаем и Монголией в вышеобозначенных областях нами выполнен анализ ведомственных годовых отчетов министерства здравоохранения РБ, министерства образования и науки РБ, министерства культуры РБ за 2013–2017 гг. и проведен ряд экспертных интервью с участием представителей органов исполнительной и законодательной власти Республики Бурятия.

Сотрудничество в сфере здравоохранения. В целом международное сотрудничество РБ в области здравоохранения с Монголией и Китаем представлено следующими основными формами:

- 1) участие в научно-практических мероприятиях;
- 2) реализация образовательных проектов (обучение);
- 3) сотрудничество в области фармацевтики;
- 4) обмен специалистами;
- 5) консультации больных.

Ежегодно руководство и специалисты учреждений здравоохранения Бурятии участвуют в разнообразных научно-практических мероприятиях — конференциях, симпозиумах, круглых столах, семинарах. Приоритетным направлением организации совместных мероприятий является сопредельная Монголия, с которой с ноября 2014 г. установлен безвизовый режим. Министерство здравоохранения Республики Бурятия и ряд крупных учреждений здравоохранения и образования (ГАУЗ «Республиканская клиническая больница им. Н.А. Семашко», ГАУЗ «Республиканский перинатальный центр», ГАУЗ «Кяхтинская центральная районная больница» и т. д.) заключили долгосрочные договоры о сотрудничестве между учреждениями здравоохранения Монголии.

Студенты-медики из Монголии проходят обучение, переподготовку и повышение квалификации в Медицинском институте БГУ и медицинских колледжах Бурятии. В целях укрепления сотрудничества в апреле 2015 г. ГАПОУ «Байкальский базовый медицинский колледж Министерства здравоохранения Республики Бурятия» и Ассоциация медицинских сестер Монголии заключили договор о взаимном сотрудничестве, и в том же году в колледж поступило 45 абитуриентов из Монголии. В свою очередь, студенты и практикующие медики Бурятии имеют возможность проходить стажировки как на базе лечебно-профилактических учреждений Монголии, так и на базе учреждений образования.

---

¹ Программа создания экономического коридора «Китай — Монголия — Россия». [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mongolnow.com/assets/rus-ch-mn.pdf> (дата обращения: 10.02.2019).

Достаточно развито и сотрудничество с фармацевтическими компаниями сопредельного государства, в основном по линии экспортных поставок российских лекарственных средств, изделий медицинского назначения, предметов санитарии, гигиены и ухода за больными.

Специалистами Республиканской клинической больницы им. Н. А. Семашко ежегодно проводятся консультации больных из Монголии. Открыто представительство РКБ им. Н. А. Семашко в г. Улан-Баторе, врачи больницы ежегодно выезжают в сопредельное государство для обмена опытом со своими коллегами и проведения консультаций больных.

Высок спрос на услуги оздоровительного туризма, предоставляемые СКУП «Байкалкурорт» — санатории «Аршан», «Горячинск», в которых ежегодно оздоравливаются и лечатся граждане Монголии. В свою очередь, жители Бурятии проходят курсы лечения в кумысолечебницах и санаториях сопредельного государства.

Медицинский центр «Диамед», который освоил и успешно внедряет современные вспомогательные репродуктивные технологии ЭКО, оказался вполне конкурентоспособен на международном рынке. В экспертном интервью главный врач этого центра отметил, что услугами центра в области вспомогательных репродуктивных технологий активно пользуются граждане Монголии и Автономного района Внутренняя Монголия (КНР), родилось уже свыше десятка здоровых детей.

Сотрудничество в области здравоохранения между Республикой Бурятия с КНР пока только набирает обороты. Так, одним из ключевых направлений сотрудничества является традиционная китайская, монгольская и тибетская медицина, которые успешно развиваются в Бурятии на базе ГАУЗ РКЛРЦ «Центр восточной медицины». Дети из Бурятии, страдающие церебральным параличом, по линии международного проекта «Панда», который объединяет деятельность Российского детского фонда, международной Ассоциации детских фондов и Китайского фонда детей и подростков (ССТФ), получили возможность реабилитации в специализированных клиниках Китая, добившихся больших успехов в лечении данного заболевания.

Анализ основных форм взаимодействия Республики Бурятия с Монголией и Китаем в области здравоохранения показал, что оно обладает потенциалом для дальнейшего развития. Наиболее перспективными направлениями сотрудничества является медицинский и оздоровительный туризм. В Республике Бурятия имеется ряд медицинских организаций, прошедших сертификацию по международным стандартам качества ISO 9001 2015 (ГАУЗ «Республиканская клиническая больница им. Н. А. Семашко», МЦ «Диамед» и др.), оказывающих высокотехнологичную медицинскую помощь и вполне конкурентоспособных на мировом уровне. Кроме того, в Бурятии расположены уникальные бальнеологические курорты «Аршан» и «Горячинск», а также многочисленные минеральные источники, которые могут привлечь монгольских и китайских туристов, для чего целесообразно усилить маркетинговую и информационную деятельность [2, с. 57].

Сотрудничество в сфере высшего образования. Основной целью международной деятельности вузов Бурятии является интеграция учреждений как равноправных партнеров в международное образовательное, научное пространство, обеспечение устойчивых связей с зарубежными партнерами. В силу географической и культурной близости, в целях реализации проектов по созданию экономического коридора приоритетными партнерами вузов Республики Бурятия являются вузы Монголии и Китая. Международное сотрудничество образовательных организаций высшего образования Бурятии с образовательными, научными организациями Монголии и КНР осуществляется в следующих формах:

- 1) участие студентов, аспирантов, преподавателей в программах повышения академической мобильности (языковые стажировки, обучение в зарубежном вузе, выездные практики, курсы повышения квалификации);
- 2) участие в международных конференциях, образовательных выставках и семинарах;
- 3) участие в международных грантах и проведение совместных научных исследований.

Рассмотрим основные показатели академической мобильности вузов РБ и вузов Монголии и КНР (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели академической мобильности вузов Республики Бурятия и вузов Монголии и КНР, чел.

Показатель	2013 г.		2015 г.		2017 г.		2017 г. к 2013 г. в %	
	Монго- лия	Ки- тай	Монго- лия	Ки- тай	Монго- лия	Ки- тай	Монго- лия	Ки- тай
Привлеченные преподаватели, работавшие в вузах РБ	5	14	20	13	29	12	580	85,7
Преподаватели вузов РБ, прошедшие стажировки в иностранных вузах	9	10	6	7	4	8	44,4	80
Иностранные студенты, прошедшие стажировки в вузах РБ	61	61	36	73	8	43	13,1	70,5
Студенты из вузов РБ, прошедшие стажировку в иностранных вузах	62	43	35	62	13	38	20,9	88,3

Источник: Ведомственные данные Министерства образования и науки Республики Бурятия по международному сотрудничеству в области высшего профессионального образования (за 2013–2017 гг.).

По данным таблицы 1, количество работавших и прошедших стажировку в вузах Республики Бурятия преподавателей из сопредельной Монголии в анализируемый период увеличилось почти в 6 раз, а из вузов КНР — сократилось на 14%. Более чем в два раза сократилось количество преподавателей вузов РБ, прошедших стажировки в вузах Монголии. Выявлено существенное сокращение количества монгольских и китайских студентов, прошедших стажировки в вузах РБ.

Отметим, что важную роль в активизации российско-китайского международного взаимодействия на территории РБ играет созданный в 2007 г. на базе БГУ Институт Конфуция. Глобальная сеть Институтов Конфуция — сеть международных культурно-образовательных центров, создаваемых Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) Министерства образования КНР совместно с зарубежными синологическими центрами. Слушатели данного учреждения имеют возможность изучать китайский язык с его носителями, а также пройти языковую стажировку в КНР, которую финансирует китайская сторона. Также на базе Института Конфуция имеется возможность подготовки и сдачи экзаменов на определение уровня китайского языка — HSK, HSKK и др., что позволит в дальнейшем обучаться в университетах КНР.

По данным таблицы 2, за анализируемый период сократилось количество научных мероприятий (конференции, семинары, круглые столы) с участием вузов и академических учреждений Монголии, КНР и увеличилось (в 3 раза) количество совместных научных проектов сотрудников вузов РБ, и вузов с Монголии и КНР (гранты и т. п.).

Таблица 2

Количество совместных научных мероприятий и проектов между вузов Республики Бурятия и вузов академических учреждений Монголии и Китая

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017 г. к 2013 г., в %
Научные мероприятия с участием вузов РБ и вузов, академических учреждений Монголии, КНР	21	16	26	26	18	85,7
Совместные научные проекты сотрудников вузов РБ, Монголии и КНР	3	4	7	10	9	300

Источник: Ведомственные данные Министерства образования и науки Республики Бурятия по международному сотрудничеству в области высшего профессионального образования (за 2013–2017 гг.).

Анализ сотрудничества в области высшего образования между вузами Республики Бурятия и вузами Монголии и Китая показал, что наибольшей активностью в этом направлении отличается БГУ и Восточно-Сибирский университет технологий и управления. Вместе с тем по количеству стажировок, проведенных конференций, реализованных совместных научных проектов Восточно-Сибирский институт культуры и Бурятская государственная сельскохозяйственная академия существенно отстают от двух указанных вузов.

На наш взгляд, вузы Бурятии обладают большим потенциалом в области привлечения иностранных студентов: местная принимающая среда характеризуется толерантностью, имеется высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав и разнообразные программы обучения. Благодаря «мягкой силе» образования можно существенно повысить степень лояльности молодого поколения монгольских и китайских граждан к России и Бурятии и подготовить квалифицированные кадры, которые будут способствовать укреплению межстранового сотрудничества.

Сотрудничество в сфере культуры. В целом сотрудничество Республики Бурятия с Монголией и Китаем в области культуры представлено следующими основными формами:

- 1) проведение культурных мероприятий (концертов, фестивалей, конкурсов, выставок;
- 2) проведение научных и образовательных мероприятий, научно-исследовательских работ в области культуры и искусства (конференции, семинары и т. п.);
- 3) участие студентов и преподавателей вузов, работников культуры и искусства в программах повышения квалификации и сотрудничества (мастер-классы, стажировки, курсы повышения квалификации и т. п.).

Тесные связи с учреждениями культуры и искусства Монголии и Китая, в том числе на условиях подписания совместных договоров о взаимодействии, установили крупные государственные учреждения Республики Бурятия: Бурятский государственный академический театр оперы и балета им. н. а. СССР Г. Ц. Цыдынжапова, Государственный Бурятский академический театр драмы им. Х. Намсараева, АУК РБ «Бурятская государственная филармония», Колледж искусств им. П. И. Чайковского, ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия», ГАУК РБ «Национальная библиотека Республики Бурятия» и др. Вместе с тем недостаточно вовлеченными в процесс социокультурной интеграции Республики Бурятия с Монголией и Китаем являются сельские учреждения культуры и искусства Бурятии и их сотрудники. Экспертами предложено разработать проекты социокультурного взаимодействия на уровне сельских учреждений культуры и искусства с возможной грантовой поддержкой и в рамках государственно-частного партнерства.

Таким образом, анализ гуманитарного сотрудничества Республики Бурятия Монголией и Китаем в области здравоохранения, образования и культуры показал, что за последние годы накоплен положительный опыт межгосударственного взаимодействия в обозначенных сферах. Вместе с тем целесообразно продол-

жить расширение трансграничного сотрудничества в области здравоохранения, образования, культуры, наращивая не только его количественные, но и качественные показатели.

Литература

1. Родионов В. А. Факторы «мягкой силы» во внешней политике России и Монголии // Преподавание истории в школе. 2013. № 5. С. 39–43.
2. Башкуева Е. Ю. Санаторно-курортный сегмент туристского рынка Республики Бурятия: состояние и проблемы // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 1(10). С. 57–61.

УДК 327(47+517.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-184-189

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В 2020–2035 гг. НА ОСНОВЕ ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МОНГОЛИИ**

© **Потапов Леонид Васильевич**

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Бурятский научный центр СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8
E-mail: orei.bnc@mail.ru

© **Жигмытов Баяр Тумурович**

кандидат политических наук, генеральный директор,
Научно-просветительский центр им. Д. Банзарова
Россия, 670033, г. Улан-Удэ, ул. Шумяцкого, 14
E-mail: bayar_jigmytov@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы стратегического планирования и прогнозирования социально-экономического и научно-технологического развития международного сотрудничества Российской Федерации и Монголии как части стратегий социально-экономического и научно-технологического прогресса Российской Федерации, ее полноправного субъекта — Республики Бурятия и суверенной соседней Монголии на 2020–2035 г. Плодотворное, взаимовыгодное российско-бурятско-монгольское сотрудничество во многих сферах экономики и культуры за последние сто лет позволяют нам предложить новое политическое и экономическое решение для постоянного углубления эффективности в международной политике этих государств. История российско-монгольских отношений с вполне понятной советско-монгольской политической риторикой в монголоведении, успешно исследованная профессором, доктором исторических наук Даши Батуевичем Улымжиевым и его учениками, является фундаментальным научным обоснованием для стратегического планирования отношений между Монголией и Россией.

Ключевые слова: Байкальская природная территория; российско-монгольское сотрудничество; зеленая экономика; экономический рост.

**STRATEGIC PLANNING OF RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS IN 2020–2035
BASED ON THE HISTORY OF COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION,
THE BURYAT REPUBLIC AND MONGOLIA**

Leonid V. Potapov

Dr. Sci. (Econ.), Prof., Leading Researcher,
Buryat Scientific Center SB RAS
8 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: orei.bnc@mail.ru

Bayar T. Zhigmytov

Cand. Sci. (Polit.), General Director,
D. Banzarov Scientific and Educational Center

14 Shumyatskogo St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: bayar_jigmytov@mail.ru

The article deals with the issues of strategic planning and forecasting the socio-economic, scientific and technological development of international cooperation between the Russian Federation and Mongolia as part of the strategies for socio-economic and scientific progress of the Russian Federation, the Republic of Buryatia as its full-fledged subject and sovereign neighboring Mongolia for 2020–2035. Fruitful mutually beneficial Russian-Buryat-Mongolian cooperation in the field of economy and culture over the past hundred years allow us to propose a new political and economic solution for the improvement of the international politics in these states. The history of Soviet-Mongolian and further Russian-Mongolian relations, successfully studied by professor, doctor of historical sciences Dashi Batuyevich Ulymzhiev and his students is the scientific substantiation for the strategic planning of relations between Mongolia and Russia.

Keywords: Baikal natural territory; Russian-Mongolian cooperation; green economy; economic growth.

Многолетняя история российско-монгольских отношений с вполне понятной советско-монгольской политической риторикой в монголоведении, успешно исследованная профессором, доктором исторических наук Даши Батуевичем Улымжиевым и его учениками, ныне докторами наук, политическая и экономическая история успешного, плодотворного сотрудничества Российской Федерации и ее субъекта Республики Бурятия с суверенной соседней Монголией являются фундаментальным научным обоснованием для стратегического планирования социально-экономического и научно-технологического прогресса международных экономических и социальных отношений между государствами на 2020–2035 гг., системно коррелируя с действующими законами Российской Федерации и Республики Бурятия.

С 2020 г., при новом редактировании и расширении, углублении международных договоров между Россией, Монголией, Китаем и Индией, необходимо провести политические и научно-технологические дискурсы руководства и научно-технического актива Российской Федерации, Монголии, Китая и Индии — запланировать, спроектировать и построить новую межгосударственную высокоскоростную железную магистраль Москва — Новосибирск — Иркутск — Улан-Удэ — Наушки — Сүхэ-Батор — Улан-Батор — Пекин — Дели, которая позволит работать грузопассажирским поездам с современной скоростью в 500 километров в час, с остановками только на станциях в центрах субъектов России, Монголии, Китая, Индии. Подготовка и принятие, реализация этого важнейшего политического и экономического технологического решения заинтересованными государствами Евразии могут оказать существенное позитивное влияние на стабильное управление экономическим ростом субъектов и регионов всех этих стран.

Современную высокоскоростную железнодорожную трассу (средняя рабочая скорость в 500 километров в час каждого маршрута), ее технику с новыми мостами и тоннелями в горной, лесной и степной местности по этой линии можно согласовать, спроектировать и построить в кратчайшие сроки, учитывая опыт со-

временного стратегически дружественного России Китая, где уже построено инженерами-строителями и железнодорожниками более тысячи километров высокоскоростных железнодорожных трасс с полным комплектом отечественной железнодорожной техники по государственным планам и генеральной стратегии развития Китайского государства, привлекая молодежные и студенческие строительные инженерные отряды из регионов России, Монголии, Китая и Индии. Такой стратегический план позволит в ближайшие годы значительно снизить высокий уровень безработицы, эмиграции среди молодежи Бурятии и Дальнего Востока России и в зарубежных странах-партнерах России.

В стратегической перспективе, в период политического и научно-технологического дискурса, согласования международных проектов и рабочих строительно-монтажных чертежей, планирования, проектирования детальных рабочих чертежей, логистики, строительства и эксплуатации этой высокоскоростной магистрали, Улан-Удэнский локомотивовогоноремонтный завод должен быстро расшириться за два-три года, занять все свои пустующие производственные площади и территорию современными 3D-принтерами и другой цифровой техникой по производству новых деталей и машин, модернизироваться для проектирования и производства полного комплекса новых машин, деталей и механизмов, оборудования, приборов, современной компьютерной техники для высокоскоростной железной дороги Москва — Дели и других высокоскоростных железных дорог Востока России.

Такая современная железная дорога с новейшей улан-удэнской техникой и управлением производства может укрепить не только экономику государств — совместных хозяев стратегической дороги, но и экономическую надежность и обороноспособность России, Монголии, Китая, Индии в условиях очень жесткой и бескомпромиссной экономической конкуренции и глобализма государств военного блока НАТО.

С целью ускоренного развития и расширения промышленного производства высокоскоростной железнодорожной техники 51 процент акций, функций управления в Улан-Удэнском локомотивовогоноремонтном заводе необходимо оформить на Правительство Республики Бурятия и трудовой коллектив Улан-Удэнского ЛВРЗ для более эффективного постоянного управления заводом, повышения производительности и качества производства техники при современных вызовах технетики по решению Правительства России и Указу Президента России В. В. Путина.

История планирования, проектирования, строительства и эксплуатации железных дорог Востока России показывает, что такие масштабные дорогостоящие проекты для бюджета России, как Транссибирская и Байкало-Амурская магистрали, быстро окупают инвестиции в эти крупные промышленные проекты XIX и XX вв., они становятся основными геополитическими логистическими линиями и центрами крупнейших грузопассажирских перевозок на Востоке России.

Инвестиции в эту новую высокоскоростную международную трассу также могут быстро, за пять и более лет, окупиться ввиду ускоренного экономического развития государств Юго-Восточной Азии — от Востока России до Индии.

Также для более успешного взаимовыгодного сотрудничества с Монголией необходимо создавать бюджетные учебные группы и центры в вузах Бурятии, подготовительные факультеты в учебных заведениях начального и среднего профессионального образования в Республике Бурятия для монгольских студентов: бюджетные инвестиции в подготовку монгольских кадров в СССР и в России уже показали свою эффективность и целесообразность для развития экономик Монголии и России.

Бурятский язык, ностратически близкородственный монгольскому языку, общая многовековая буддийская духовность и культура, история, традиции и обычаи монголов и бурят помогут молодым поколениям монголов быстрее освоиться в социально-экономической и культурной атмосфере динамично и транспарентно развивающейся России для дальнейшего качественного обучения в вузах России.

Как показала многолетняя история практики такого массового обучения молодых монголов в иркутских и улан-удэнских вузах, монгольские выпускники советских и российских вузов успешно работают в Монголии, за рубежом и с большой симпатией и толерантностью относятся к жителям России, свободно понимают их, владея русским языком.

Необходимо отметить, что в Монголии массово развивается животноводство, количество голов крупного рогатого скота на одного жителя Монголии — более десяти, но существуют проблемы в профилактике заболеваний сельскохозяйственных животных, с кадрами животноводов. Чтобы постоянно предупреждать и решать эти зоотехнические проблемы, повышать уровень зеленой экономики государств, совершенствовать качество органически и экологически чистой сельской продукции Российской Федерации (Республики Бурятия) и Монголии, должны работать более крупные постоянные совместные российско-монгольские пограничные ветеринарные службы по всей приграничной территории, предупреждая и ликвидируя массовые и одиночные загрязнения останками заболевших и погибших животных, иногда внезапно приплывающих из Монголии в Бурятию по рекам на Байкальскую природную территорию. Этот научно-технологический опыт могут использовать и в Китае, Индии для развития региональных зеленых экономик.

В ближайшие годы — 2020–2035 — необходимо увеличить количество студентов из Монголии, обучающихся на ветеринарных и технологических специальностях в Бурятской сельскохозяйственной академии имени В. Р. Филиппова в Улан-Удэ, регулярно приглашать монгольских ветеринаров и зоотехников на курсы повышения квалификации в этот вуз, который профессионально может готовить бюджетные кадры для сельского хозяйства Востока России и Монголии по госконтрактам.

Вызывает сожаление, что (по многим данным из прессы) на притоке реки Шурэн (монгольской части российской реки Селенги — основной водной артерии озера Байкал) проектируются и строятся монгольская гидроэлектростанция и крупные отводы воды для производственных нужд монгольских промышленных предприятий — без особых согласований с российской стороной и учеными, ин-

женерами Республики Бурятия, байкаловедами России, хотя ранее монгольская сторона проводила общественные обсуждения о совместной работе двух стран по известному проекту MINIS, финансируемому международным банком. И в Монголии тогда отменили этот проект, учитывая общественное мнение жителей Байкальской природной территории.

Вызывают интерес политические решения и предложения для использования положительного опыта развития Монголии соседнего с Дальним Востоком России штата Аляска (США), такие как ежемесячная выплата каждому жителю Монголии и Аляски по более чем триста долларов США из специальных государственных фондов за счет доходов от добычи природных ресурсов с этих территорий — этот общественный принцип управления доходами от природных ресурсов зарубежных государств необходимо использовать и для всех жителей Республики Бурятия, Дальнего Востока России.

С территории Республики Бурятия, по нашим оценкам и данным Росстата, уходит около триллиона рублей за добываемое золото, уголь, уран, нефрит, байкальскую воду для четырех гидроэлектростанций на Ангаре. И для жителей всего Дальневосточного федерального округа России это предмет особого внимания — ускоренное социально-экономическое развитие каждого жителя и в целом дальневосточных субъектов России [1]. Доходы от природных ресурсов территории ДФО должны быть прозрачными и распределяться по технологии штата Аляска (США) и Монголии каждому жителю ДФО.

Успехи бурят-монгольского международного сотрудничества за недавние годы впечатляют. Российско-монгольская школа-гимназия в Улан-Баторе многие годы занимает первые места в рейтинге и на конкурсах монгольских школ, её директор — гражданка Монголии, заслуженный работник образования Российской Федерации Дамбын Соронзон успешно руководит самым элитным и престижным школьным учреждением Монголии, где основной коллектив составляют учителя из Республики Бурятия. Выпускники этой школы с 1990-х гг. составляют заметную часть политической, научной, экономической и культурной элиты Монгольского государства. Известны успехи монгольских учеников-вокалистов на международных профессиональных конкурсах под руководством их бурятских преподавателей — народных артистов СССР и России профессоров Вячеслава Бальжинимаева, Галины Шойдагбаевой (Восточно-Сибирский государственный институт культуры) и Даримы Линховоин (Бурятский государственный академический театр оперы и балета).

Плодотворное и взаимовыгодное российско-бурятско-монгольское сотрудничество во многих сферах экономики и культуры за более чем сто лет позволяет нам предложить новое политическое и экономическое решение для постоянного повышения эффективности в международной политике этих государств — суверенных членов ООН и других международных организаций: на основе новых законов и поправок к законам Российской Федерации и Монголии разрешить по личным заявлениям граждан этих государств двойное гражданство России и Монголии с 2020 г., при обязательном условии сдачи государственных экзаменов в вузах Монголии и России (Бурятии) на знание русского, бурятского и мон-

гольского языков, истории и культуры России, Бурятии и Монголии по государственным программам средних школ России, Бурятии и Монголии, по защищенным образовательным порталам государственного сегмента Интернета или при личной явке на экзамен учащегося — претендента на двойное гражданство в государственную двустороннюю комиссию по принятию гражданства России и Монголии — по выбору человека [2].

В итоге принятия руководством России и Монголии такого важного политического и экономического решения может получиться более крупное стабильное транспарентное экономическое развитие этих обществ в условиях современных политических вызовов и экономических проблем глобализации и цифровизации, Интернета XXI в.

Об этом позитивном политическом, экономическом и образовательном процессе активного взаимовыгодного сотрудничества граждан Российской Федерации и Монголии вполне мог мечтать, прогнозировать выдающийся бурятский ученый-монголовед, талантливый историк XX в., профессор, доктор исторических наук Бурятского государственного педагогического института имени Доржи Банзарова Даши Батуевич Улымжиев.

Литература

1. Потапов Л. В., Жигмытов Б. Т. Гидроэнергетическая рента Байкальской природной территории: история, стратегическое планирование и общественное согласие // Вестник БНЦ СО РАН. № 1(25). С. 116–121.

2. Потапов Л. В., Жигмытов Б. Т. Стратегическое планирование социально-экономического и научно-технологического развития Республики Бурятия в условиях пятого и шестого технологических укладов // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2018. № 1. С. 95–104.

УДК 94(517.3)(092)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-190-196

**ВИДНЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ ЖАМСРАН ЦЭВЭЭН —
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЛИДЕР МОНГОЛИИ**

© **Цэцэгмаа Жамбалын**

(ScD), доктор исторических наук, профессор,
Международный университет Их Засаг имени Чингисхана
Монголия, г. Улан-Батор
E-mail: tsetsegmaa@ikhzasag.edu.mn

Жамсрангийн Цэвээн (Цыбен Жамцарано) — авторитетный ученый, общественный и государственный деятель, ставший символом патриотизма и национального сознания, оказавший существенное влияние на интеллектуальную жизнь монгольского народа и новой Монголии XX в. Он — личность, которая посвятила свой ум и душу Монголии. Сделал значительный вклад в развитие Монголии как самостоятельного государства, уделив особое внимание образованию монгольской молодежи, сохранению исторического и культурного наследия монголов. Поэтому его справедливо называют интеллектуальным отцом Монголии начала XX в. На наш взгляд, его деятельность еще недостаточно полно освещена в исторической литературе. На основе материалов архивохранилищ Монголии, таких как Центральный государственный исторический архив Монголии, Военно-исторический архив Монголии, архивы Исследовательского института истории Академии наук Монголии, Института тибетологии, буддологии и монголоведения СО РАН (Россия), Института восточных рукописей РАН (России), автор статьи анализирует разные аспекты деятельности Жамсрангийн Цэвээн, акцентируя внимание на значение его работы для Монголии времен Богдо-хана, автономного периода и Народной революции.

Ключевые слова: Жамсран Цэвээн (Цыбен Жамцарано); Монголия XX в.; монгольские народы.

**PROMINENT ENLIGHTENER JAMSRAN TSEVEEN — THE INTELLECTUAL
LEADER OF MONGOLIA**

Tsetsegmaa Zhambalyn

PhD in History, Prof.,
Genghis Khan International University “Ih Zasag”
Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: tsetsegmaa@ikhzasag.edu.mn

Jamsrangiin Tseveen (Tsyben Jamsarano) is a competent scientist, public figure and statesman who has become the symbol of patriotism and national conscious, having a significant impact on the intellectual life of Mongolians new Mongolia in the twentieth century. He is an individual, who has dedicated his mind and soul to Mongolia. Он — личностью, которая посвятила свой ум и душу Монголии. He made a significant contribution to development of Mongolia which is an independent state, paying special attention to education of Mongolian youth and preservation of historical and cultural heritage of the Mongols. Therefore he is rightly called as an intellectual leader of Mongolia at the beginning of the 20-th century. In our opinion, his activities are not fully covered in

historical literature yet based on materials of Mongolia's archives such as Central State Historical Archive, Military Historical Archive, Research Institute of History, the Academy of Sciences (Mongolia), and Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Russia), Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. The author of the article analyzes various aspects of the activities of Jamsrangiin Tseveen focusing on importance of his work for Mongolia during the time of Bogd Khan-a, autonomous period and People's revolution.

Keywords: Jamsran Tseveen (Tsyben Jamsarano), Mongolia of the 20-th century, Mongolian people

Настоящее имя Жамсрана Цэвээн — Шарайд Жамсрангийн Цэвээн, но в разных источниках его называют по-разному: Жамцаран, Жамсранов, Жамцаранов, Бэгз, Бэгзнов, Бэгзеев, Аюурвасэд, Мугар Огодей и Уулын Увгун, в российской исторической литературе — Цыбен Жамцарано [3]. Все это является свидетельством того, что у него есть богатое наследие, им было многое сделано и претворено в жизнь.

Жамсрангийн Цэвээн ездил верхом на лошади и верблюде по широкой местности — из правой части Байкала до Ордоса, из Агинской Бурятии до Увсанурского аймака, собирал и исследовал произведения устного народного творчества, памятники истории и культуры. В поездке он записывал сказки и эпосы, включая эпopeю «Гэсэр» и 56 строк текста народной песни «Сунжидмаа». В 1908 г., используя изученные и собранные материалы, Жамсрангийн Цэвээн в Санкт-Петербурге совместно с монголоведом Андреем Дмитриевичем Рудневым подготовил к изданию фундаментальный труд «Образцы монгольской литературы» [4].

Тот факт, что Жамсран Цэвээн был представителем бурятского народа, гражданином России, но при этом был глубоко патриотичен по отношению к родственному ему монгольскому народу, особо выделяет его имя. Он осознавал значимость распространения знаний среди монгольского народа, что и сделал своей задачей, которую смог в большей мере выполнить после его назначения в 1911 г. советником российского консула и помощником в министерстве иностранных дел Монголии при Богдо-хане. Поскольку Жамсран Цэвээн был разносторонне образован, он планировал написать и издать учебники по таким дисциплинам как история, география, биология, астрономия. Так, в 1912 г. он обратился с письмом к монгольскому правительству о проведении реформы образования в стране, и в результате по инициативе Жамсрангийн Цэвээн и при поддержке Чин Ван Ханддоржа 24 марта 1912 г. в Урге была открыта первая гражданская школа, в которой обучалось 47 учеников. В постановлении правительства указывалось об открытии школ летом в 1912 г. в Урге и еще в трех аймаках, а также об учреждении отдела просвещения при министерстве иностранных дел. Кроме того, в документе говорилось и о том, что инициатором создания начальной школы при министерстве был преподаватель монгольского языка Петербургского университета Жамсрангийн Цэвээн, и отсюда становится ясным, что основателем школы нового времени в Монголии был он. С открытием этих школ были заложены основы современных образовательных учреждений. Жаль, что сих

пор в стране продолжают считать, что образовательные учреждения были основаны благодаря победе революции 1921 г., историю образовательных учреждений, таким образом, сокращают почти на 10 лет. В то время ощущалась нехватка образованных учителей, и Жамсрангийн Цэвээн пригласил педагогов-бурят из России (Н. Т. Данчинова, Г. Вампилова, Д. А. Абашеева) для обучения монгольских детей. В 1913 г. он направил монгольских парней и девушек на учебу в Иркутск [1]. С той исторической поры, как он устроил их в среднюю школу, разместил по квартирам, проложена светлая дорога, по которой девушки и парни многих поколений отправлялись за знаниями в Россию. При этом нужно заметить, что Ассоциация выпускников российских вузов не упоминает об этом факте, ошибочно полагая, что поход за знаниями в Россию начался в 1930-е гг.

Жамсрангийн Цэвээн считал, что периодическая печать имеет важное значение в распространении знаний среди монголов, по его инициативе и с его участием с 1913 г. начал издаваться первый в Урге журнал «Шинэ толь» («Новое зеркало»). Также Ж. Цэвээн был инициатором газеты «Нийслэл Хурээний сонин бичиг» («Столичные новости»). Интересно то, что спустя 70 лет Монгольский демократический союз назвал свою газету «Шинэ Толь», а городской комитет Монгольской Народно-Революционной партии — «Нийслэлийн сонин бичиг». Это свидетельствует о том, что Ж. Цэвээн является основоположником журналистики Монголии¹.

Для распространения знаний среди широких масс населения через газеты, журналы и книги в 1913 г. Жамсрангийн Цэвээн создал в Урге типографию через посредничество советника при монгольском правительстве, переводчика Ф. С. Москвитина и при поддержке посла России. Вскоре по решению правительства был создан пресс-комитет, Ж. Цэвээн был назначен его заведующим. По его инициативе в те же годы стали издавать научно-популярную серию «Очлон ертөнцийн байдал» («Состояние Вселенной»)².

Одной из заслуг Жамсрангийн Цэвээна было то, что он написал научно-популярную книгу «История Монголии», которая была издана до «Истории» Магсара Хурца и Амара, она состояла из лекций, прочитанных им в Педагогической школе в 1917–1918 гг. Эта книга стала первой книгой об истории Монголии.

Жамсрангийн Цэвээн исполнял обязанности заместителя и советника при премьер-министре Сайн Ноён Хан Намнансурэне и министре иностранных дел Чин Ван Ханддорже. Он уделял огромное внимание установлению союзнических отношений с царской Россией, получению помощи от нее, тем самым внес значительный вклад в дело признания независимого Монгольского государства Россией. Жамсрангийн Цэвээн готовил тексты посланий на русском языке на имя председателя совета министров России П. А. Столыпина (1862–1911) и министра иностранных дел С. Д. Сазонова (1860–1927), а также подготовил послание Богдо-гэгэна российскому императору Николаю II.

---

¹ МАХН-ын туухэнд холбогдох баримт бичгүүд. Улаанбаатар, 1955. Т. 1. С. 13.

² Антология избранной литературы Монголии. Улаанбаатар, 1955. Т. 12. С. 64–72.

В 1915 г. Жамсрангийн Цэвээн принимал участие со стороны Монголии, под именем Амоснавжиг, в трехсторонних переговорах между Монголией, Россией и Китаем. По итогам переговоров из 13 пунктов соглашения Жамсрангийн Цэвээн подготовил большинство из них, в том числе пункт, который предусматривал, что «Монгольское государство будет включать в себя 4 аймака, 150 хошунов Халхи, 6 чуулганов, 49 хошуунов Внутренней Монголии, включая Солон, Хулэн Буйр, Барга, Элээт, Орчин, Хасаг, Урианхай, Дариганга». Данный пункт ставил цель создать независимое Монгольское государство, объединяющее монголов Внешней и Внутренней Монголии¹. Хотя просветительская и государственная деятельность Жамсрангийн Цэвээна в Монголии была прервана событиями Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в России, в это время он сделал многое, занимаясь переводами и изданиями различных книг.

В 1919–1920 гг. Жамсрангийн Цэвээн преподавал в Иркутском университете. Стараясь не прерывать связь с Монголией, он обращал большое внимание на установление и поддержание связей Иркутского университета с Монголией.

С 1920 г. Жамсрангийн Цэвээн активно участвовал в революционном движении в Монголии, при его непосредственном участии в Иркутске издавалась газета монгольских революционеров «Монголын Унэн» («Монгольская правда»). 1–3 марта 1921 г. состоялось совещание монгольских революционеров, на котором была принята программа партии². В исторических документах оно известно как съезд, на котором участвовали 5 бурят, один из них Жамсрангийн Цэвээн как автор политического документа «Декларация к народным массам». Он выделялся среди своих единомышленников как теоретик, лидер, советник и ученый-писатель.

В 1921 г. Жамсрангийн Цэвээн был выдвинут на должность заместителя министра внутренних дел временного правительства Монголии, так началась его карьера на государственной службе. С 1923 г. он работал ученым секретарем в комитете науки (книжной палате), с 1924 г. — советником в министерстве просвещения, с 1925 г. чиновником в военном совете, с этого же года избирался членом малого Народного хурала. На всех этих высоких постах Жамсрангийн Цэвээн предпочитал отдать свои знания делу становления государственности, выработке теоретических концепций развития страны, порой он отказывался от некоторых руководящих должностей.

Жамсрангийн Цэвээн был связан с проектом первой Конституции Монголии, он занимался переводом и сравнительным анализом текстов Конституции СССР, Англии, Швейцарии и других стран³.

Жамсрангийн Цэвээн изучал летописи монголов «Алтан товч», «Эрдэнийн товч», «Шар тууж», «Монгол Ойрдын Их Цааз», он устанавливал связь с профессором Харбинского университета В. Рязановским, изучал его труды о законе.

---

¹ БНМАУ-ын туух. 1968. Т. 2.

² МАХН-ын туухэнд холбогдох баримт бичүүд. 1966. Т. 1.

³ Там же.

Ж. Цэвээн перевел на русский язык памятник монгольского обычного права «Халх Журам», им были написаны многие научные статьи по проблемам государства, права, законности. Жамсрангийн Цэвээн придерживался мнения о развитии такой формы правления в Монголии, как парламентская республика. Особой оценки заслуживает его статья «Государственное право», в которой было проведено исследование общих принципов деятельности парламентов 62 стран мира. Идеи данной статьи не потеряли своей научной ценности и в наше время. Из этого следует, что он является основоположником монгольской государственной законодательной науки.

Жамсрангийн Цэвээн перевел на монгольский язык труды К. Маркса, В. И. Ленина, Марко Поло, Плано Карпини, Вильгельма Рубрука, Джека Лондона, Жюль Верна, а также 15 восточных старинных произведений. Таким образом, можно считать, что Ж. Цэвээн был основоположником науки перевода, так как он сыграл огромную роль в деле ознакомления монгольского народа с культурой восточных и западных народов.

Также он был одним из основоположников комитета науки (книжной палаты), сыграл большую роль в том, чтобы монгольская научная организация приобрела международное значение. Сохранены письма и документы в Государственном архиве Монголии, которые свидетельствуют о том, что Жамсрангийн Цэвээн поддерживал тесную связь, переписывался и обменивался идеями с многими учеными мира [5], в том числе с Домбровским, Поппе, Ольденбургом, Владимирцовым, Эндрюсом, Козловым, Эренженом Хар Даваа, Рязановским, Грум-Гржимайло. Все эти документы являются подтверждением того, что вокруг Жамсрангийн Цэвээна существовала своеобразная среда большой культуры, образования и просвещения. Жамсрангийн Цэвээн надеялся, что Монголия будет признана не только Советским Союзом и Китаем, но и многими странами мира, что Монголия присоединится к международному сообществу и станет нейтральной страной, как Швейцария [2].

В 1925 г. Жамсрангийн Цэвээн входил в состав специальной комиссии, созданной при Монгольской Народной Революционной партии (МНРП). Комиссия призвала относиться с должным уважением к свободе вероисповедания народных масс. Ж. Цэвээн заложил основы примирительной, мягкой политики по отношению к верующим, он придерживался мнения, что религия является частью мировой цивилизации, что ламы являются учеными [2].

В случае последовательного проведения МНРП в жизнь концепции Жамсрангийн Цэвээна о свободе вероисповедания возможно было бы избежать антиреволюционного восстания 1932 г., не было бы необходимости в применении военной силы для его подавления, а все эти события, как известно, закончились трагедией — репрессиями 1937 г.

Жамсрангийн Цэвээн был главным руководителем тех людей, которые придерживались концепции сохранения национального возрождения и единства, уважения прав и свобод человека, благосостояния народа путем развития частного сектора.

Жамсрангийн Цэвээн понимал негативные последствия попадания в зависимость от одной страны, важность установления связи с высокоразвитыми и демократическими странами, общего прогресса мировой цивилизации. К сожалению, он был обвинен в проведении буржуазных идей и был изгнан из МНРП в 1929 г., и с этого времени начался спад влияния социализма, который препятствовал развитию страны.

Репрессированный Жамсрангийн Цэвээн жил в Ленинграде в 1932–1937 гг., работал в Институте востоковедения Академии наук СССР. В 1936 г. он получил докторскую степень по лингвистике, потом был выбран членом-корреспондентом Академии наук Советского Союза. Жамсрангийн Цэвээн был первым доктором наук монгольского происхождения, одним из передовых сыновей монгольского народа, заслуживший стоять в первых рядах национальных патриотов. Многие вспоминают, что великий ученый Жамсрангийн Цэвээн был учителем и наставником многих ученых и писателей, в том числе Льва Гумилева, Б. Ринчена, Ц. Дамдинсүрэна и Д. Нацагдоржа.

Как сказал представитель культуры нового времени, писатель Д. Чимэд: «Жамсрангийн Цэвээн был не только учителем всех нас, крупным ученым и профессором, он был интеллектуальным лидером монголов».

Из вышеупомянутых примеров следует вывод о том, что профессор Жамсрангийн Цэвээн занимает достойное место в интеллектуальном мире новой Монголии. Становится все более ясным, что изучение роли Жамсрангийн Цэвээна в монголоведении должно находиться в центре внимания всех, кто занимается наукой. В далекие 1920-е гг. этот человек определял основы развития и прогресса своей страны, выдвигал замечательную идею о том, что Монголия должна существовать как нейтральная Швейцария, учитывая внешние и внутренние факторы государственной политики. Мудрые помыслы Ж. Цэвээна стали ориентиром внешней политики новой Монголии и могут стать первоначальным принципом внешней политики современной Монголии в период глобализации.

Видный ученый-монголовед Жамсрангийн Цэвээн был выдающимся просветителем, пропагандистом научных знаний в начале XX в. Он внес неоценимый вклад в дело просвещения монголов, развития партии и государства, науки и культуры. Он боролся за независимость, единство и свободу монгольского народа, служил делу развития традиций национальной истории и культуры. Жамсрангийн Цэвээн был необоснованно обвинен, он трагически скончался в 1942 г. Имя видного ученого-монголоведа, известного просветителя и общественного деятеля очень дорого для всех монголов.

Литература

1. Дамдинсүрэн Ц. Воспоминания и размышления // Цог. 1988. № 6. С. 19–41.
2. Жамсрангийн Цэвээн. Түүвэр зохиолууд. Улаанбаатар, 1997. Т. 1. С. 36.
3. Описание личного архива Ц. Ж. Жамцарано / авт.-сост. Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 97 с.

4. Полянская О. Н. Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Вестник Бурятского госуниверситета. 2013. Вып. 7. История. С. 123–130.

5. Полянская О. Н. Сотрудничество В. Л. Котвича и Ц. Ж. Жамцарано в изучении монгольских народов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 77–87.

УДК 352(=512.31)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-197-201

РОЛЬ ТУНКИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ БУРЯТ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

© **Шагдурова Ирина Никитична**

кандидат исторических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: irina_shagdurova@mail.ru

Рассматривается проблема интеграции бурят в состав Российского государства на примере Тункинской степной думы. Интеграция бурят, как и многих других нерусских народов России, проходила очень медленно и фактически до распада Российской империи так до конца и не была завершена. Российское государство было заинтересовано в вовлечении нерусских народов в общую хозяйственно-экономическую и административно-политическую жизнь страны. Для этого оно проводило политику интеграции путем распространения христианства, земледелия, развития образования, привлечения инородцев в органы управления, в благотворительность и т. д. В процессе интеграции народа власть искала опору в лице родовой знати, которую привлекала различными привилегиями, наградами, чинами и званиями. По реформе М. М. Сперанского были созданы степные думы, которые управлялись родовой знатью бурят и стали верной опорой власти. В результате исследования, проведенного в данной статье, автор приходит к выводу о том, что Тункинская степная дума сыграла огромную роль в процессе интеграции бурят в состав Российского государства.

Ключевые слова: степная дума; интеграция; тайша; глава рода; повинности; клятва; ведомство; инородцы.

THE ROLE OF THE TUNKIN STEPPE DUMA IN THE PROCESS OF INTEGRATION OF THE BURYAT PEOPLE AND THE RUSSIAN STATE

Irina N. Shagdurova

Cand. Sci. (History), A/Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: irina_shagdurova@mail.ru

The author of the article focuses on the problem Buryats' integration into the Russian state with the consideration of the Tunka Steppe Duma. The integration of Buryat people, as well as many other non-Russian ethnicities of Russia was slow, and had not been fully completed till the Russian empire collapse. The Russian state was interested in involving non-Russians into the economic, administrative and political life of the country. The integration process implied spreading ideas of Christianity, charity, development of education, agriculture, attracting locals to governing bodies, etc. In this integration process the authorities relied on local elite, attracting them with various privileges, awards, ranks and titles. The M. M. Speranskyreform established the Steppe Dumas of the Buryats to be controlled by the tribal power and provide the authorities base of support. The Tunka Steppe Duma worked perfectly well. The research done in the article lets the author

conclude that the Tunka Steppe Duma played an important role in the process of integrating of Buryats into the Russian state.

Keywords: Steppe Duma; integration; Taisha; head of tribe; conscription; oath; department; locals.

Степные думы были созданы в 1822 г. по реформе М. М. Сперанского в целях ускорения процесса интеграции бурят и других сибирских инородцев в состав Российского государства. Хотя буряты вошли в состав Российского государства в XVII в., проблема интеграции стояла довольно остро и в XIX в. Буряты все еще жили обособленно, имели собственную традиционную систему управления, традиционную форму хозяйствования, исповедовали шаманизм и буддизм и были слабо вовлечены в общегосударственную общественно-политическую жизнь.

Процесс интеграции инородцев проходил в первую очередь через распространение христианства, через систему управления, развитие образования, земледелия, вовлечение в общественно-политическую жизнь.

Рассмотрим процесс интеграции бурят в состав Российского государства на примере Тункинской степной думы. В архивных документах месторасположение Тункинского ведомства обозначено очень четко: «Тункинское инородческое ведомство расположено от южной оконечности Байкала по долинам реки Иркут, с севера граничит с Аларским ведомством Балаганского округа, отделяясь от него Саянским хребтом, с юга — Монголией»¹. Сама Тункинская степная дума располагалась в улусе Торском. В состав думы входили главный тайша, помощник главного тайши, два заседателя и письмоводитель².

Наиболее известным главным тайшой Тункинской степной думы был Иннокентий Николаевич Хамаков, который, как указано в документах, являлся тайшой с 1848 г., православного вероисповедования, имеет 3-летнее содержание Тункинского приходского училища, серебряную медаль на Аннинской ленте за заслуги, оказанные в пользу церкви, распространение православной веры — кавалер ордена Святого Станислава 3-й степени³. Помощником главного тайши с 1860 г. был Пунцык Атуев, ламайского вероисповедания, с 1854 г. заседателем думы был Александр Васильевич Урягаев, православного вероисповедания, имевший за принятие крещения Высочайше пожалованный серебряный кортик⁴. Старостами или главами родов являлись: Тыртэевского — Ошор Николаевич Васильев, 1-го Куркутского — Александр Васильевич Урягаев, 2-го Куркутского — Константин Васильевич Шонхоров, 1-го Хонгодорского — Василий Нилович Шеглахаев, 2-го Хонгодорского — Петр Васильевич Салданов, 3-го Хонгодорского — Павел Васильевич Макаров, 4-го Хонгодорского — Тимофей Васильевич Назаров, 1-го Хойгодского — Александр Николаевич Мункоев, 2-го Хойгодского — Константин Васильевич Сотников, 1-го Челдарского — Николай Васильевич Андреев, 2-го Челдарского — Александр Васильевич Жербаханов, Шошоловско-

---

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 171. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.

² Там же. Д. 48. Л. 1 об, 2 об.

³ Там же. Д. 76. Л. 17–17 об.

⁴ Там же. Д. 48. Л. 1 об-2, 2 об.

го — Федор Васильевич Сыдыков, Бадорхонского — Константин Васильевич Кононеров, Иркутского — Лука Васильевич Даргакиев, и письмоводителем в Тункинской думе являлся иркутский мещанин Федор Васильевич Шелковников¹.

Тункинское ведомство, как видим, делилось на 14 родов. Обязательным условием для занятия должности являлось принятие христианства. Вот откуда у глав тункинских бурятских родов русские имена и фамилии. Церковь в процессе интеграции играла ведущую роль и активно помогала власти. Так, например, церковь принимала присягу у лиц, вступающих в какую-либо официальную должность. Путем введения степных дум власть взяла под контроль традиционную систему управления бурят, интегрировала ее в свою административно-политическую систему. Отныне она утверждала в должности родоначальников и для надежности брала с них клятвы. Теперь все главы родов при вступлении в должность обязаны были давать клятвенные обещания о верном служении власти, прилежном исполнении своих обязанностей, как, например, сделал это староста Второго Челдарского рода Павел Хамаев: «Я нижеподписавшийся, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Александру Николаевичу, Самодержцу Всероссийскому, и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику Его Императорскому Величеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу верно и нелицемерно послужить, во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведою, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщаться, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и по вверенный и положенный на мне чин, как по сей Генеральной так и по особой, определенной и от времени до времени Его Императорского Величества имени и от предуставленных надо мною начальников, определяемым инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред богом и Судом Его страшным в том всегда ответ дать могу как суще мне, Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь»². К данной присяге приводил священник Гужирской Николаевской церкви Василий Косыгин³. Как видим, в самом тексте

---

¹ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 76. Л. 17.

² Там же. Д. 157. Л. 2.

³ Там же. Д. 130. Л. 209.

присяги ясно видна политика власти, направленная на установление верноподданических отношений со стороны инородцев, на интеграцию их в состав Российского государства. Власть умело использовала стремление родоначальников к власти и в лице родовой знати формировала себе опору в среде бурят. И именно через родовую знать она осуществляла политику интеграции бурят в состав государства.

Следующим важным инструментом интеграции является развитие хозяйственной деятельности, власть требовала от думы развития земледелия у бурят, чтобы максимально приблизить их к русскому населению. Как отмечается в документах думы: «Инородцы, обитающие по долине реки Иркут, на пространстве до Кондинского караула (пространство около 330 верст) занимаются земледелием и огородничеством. Далее же, в западном направлении по караулам: Кондинскому, Окинскому и Нарин-Хоройскому по скудности почвы и неблагоприятным климатическим условиям земледелием не занимаются»¹.

В Тункинском ведомстве земледелие было развито слабо. Вся земледельческая продукция, произведенная в ведомстве, употреблялась внутри него. Скотоводство являлось традиционным видом хозяйства у бурят. Например, в отчете думы за 1898 г. отмечается, что лошадей в ведомстве — 10 414, рогатого скота — 12 667, овец — 8 969, свиней — 266, коз — 639, оленей — 99². В ведомстве создавались хлебные магазины для безопасности на экстренный случай (неурожай, эпидемии, голод), что тоже следует отметить как фактор интеграции. Большую роль в хозяйственной деятельности бурят ведомства продолжала играть охота. В том же отчете сказано, что добыто соболей — 314 на сумму 3 154 рубля, белок — 1 992 на сумму 298 р., лисиц — 2, волков — 6, горностаев — 127, хорьков — 15, медведей — 3, изюбрей — 2, диких коз — 101³.

Тункинская степная дума ежегодно предоставляла подробные отчеты по всем сторонам жизни ведомства, из которых следует, что жители занимались скотоводством, земледелием, охотой, рыболовством, извозом, кузнечеством, обработкой шкур, сенокошением и т. д.

Одними из самых болезненных факторов интеграции являлись сбор податей и исправление повинностей, которые осуществляла Степная дума. Деньги собирались на: «1) капитал межевания земель, 2) государственную повинность, 3) губернскую повинность, 4) частичную земскую повинность, 5) капитал народного продовольствия, 6) хозяйственный капитал»⁴.

Повинности тункинских бурят заключались в исправлении дорог, в подводной повинности, а также в строительстве участка Кругобайкальского почтового тракта⁵.

Следующим важным фактором интеграции бурят является образование. 15 сентября 1872 г. в селе Тунка было открыто приходское училище⁶. Набор де-

---

¹ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 130. Л. 192.

² Там же. Л. 209.

³ Там же. Л. 192.

⁴ Там же. Д. 129. Л. 2–6об.

⁵ Там же. Л. 2–6об.

⁶ Там же. Д. 178. Л. 263–263 об.

тей в училище фактически осуществлялся строгими административными методами. Так, заседатель 3-го участка Иркутского округа Лопуцкий предписывает Тункинской степной думе: «...чтобы дети инородцев обоого пола были высланы в училище... предупредив родителей, что из-за отклонения детей от обучения грамоте подвергнутся взысканию»¹. Под школу был нанят дом Койморского священника Гродина за 50 рублей в год². Содержание школы возлагалось на родителей. Степная дума требовала от родовых глав собирать с каждой души по 10 копеек на содержание школы. Кроме указанного училища дети учились русской грамоте у письмоводителя Думы, у миссионеров в Гужирском, Шимковском и Койморском селениях³. Часть детей обучалась в Гусиноозерском дацане тибетской грамоте. В развитии русской грамотности у бурят была заинтересована прежде всего сама власть, так как грамотные люди становились проводниками ее политики в народе.

Главным инструментом в интеграции бурят являлось распространение христианства. Считалось, что чем больше простого народа обращено в христианство, тем более народ интегрирован в государство. В Тункинском ведомстве большую роль в распространении христианства сыграл сам главный тайша Иннокентий Хамаков, который за это получил значительные награды.

Следующим инструментом в интеграции можно назвать благотворительность, которая осуществлялась то в пользу церкви, то в пользу государства. Благотворительность всячески поощрялась, так, например, была объявлена благодарность инородцу Трапезникову, который пожертвовал 300 рублей на устройство дома для проезжающих на Быстринской станции⁴. Благотворительность втягивала бурят в общественно-политическую жизнь края и даже страны в целом.

Таким образом, подводя итоги, мы видим, что основными инструментами в проведении интеграции являлись распространение христианства, благотворительность, распространение земледелия, образования и т. д. И всеми этими делами руководила Тункинская степная дума, которая сыграла огромную роль в деле интеграции тункинских бурят в состав Российского государства.

Литература

1. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Местное самоуправление бурят в XIX — начале XX вв.: от степных дум к волостным правлениям // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2018. Т. 23. С. 22–35.
2. Сунь Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2001. № VI. С. 9–71.
3. Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек [и др.]. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 364 с.

---

¹ ГАРБ. Ф. 171. Оп 1. Д. 162. Л. 1а-1аоб.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Д. 157. Л. 19, 99.

⁴ Там же. Д. 167. Л. 104.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ

УДК 294.3:7(517.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-202-206

БУДДИЙСКОЕ ИСКУССТВО МОНГОЛИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX в.

© **Елихина Юлия Игоревна**

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Востока,
Государственный Эрмитаж, хранитель тибетской и монгольской коллекций,
доцент кафедры монголоведения и тибетологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34
E-mail: julia-elikhina@yandex.ru

Некоторые русские путешественники оставили описания буддийских монастырей и произведений монгольского искусства XIX в. К ним в первую очередь относятся О. М. Ковалевский, А. М. Позднеев, Г. Ц. Цыбиков. Монгольские мастера и в скульптуре, и в живописи придерживались особенного характерного ургинского стиля. Мастера изготавливали буддийскую пластику не только из металла, но и из дерева, папье-маше и глины. Подобных произведений сохранилось достаточно в разных музеях мира. Вероятно, именно русским путешественникам XIX в. принадлежит первенство в описании разных художественных стилей.

Ключевые слова: русские путешественники XIX в.; художественные стили; скульптура; живопись; архитектура.

BUDDHIST ART OF MONGOLIA IN THE EYES OF RUSSIAN TRAVELERS OF THE 19th CENTURY

Yuliya I. Elikhina

Cand. Sci. (History), Leading Researcher of Oriental Department,
The State Hermitage Museum
34 Dvortsvaya Emb., St. Petersburg 190000, Russia
A/Prof. of Mongolian and Tibetan Studies Department
7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: julia-elikhina@yandex.ru

Some Russian travelers have described Buddhist monasteries and works of Mongolian art in the XIXth century, among them were O. Kovalevskiy, A. Pozdneev, G. Tsybikov. Mongolian masters made Buddhist sculptures and pictures in a special Urgin style, which is characteristic only for Mongolian masterpieces. Masters made Buddhist plastic pieces of arts not only from metal, but also from wood, papier-mâché and clay. Such works have been preserved in various museums around the world. Probably, it was Russian travelers of the 19th century, who first described various artistic styles.

Keywords: Russian travelers of the 19th century; art styles; sculpture; painting; architecture.

Буддизм получает широкое распространение в Монголии со второй половины XVI в. В это время связи осуществляются через служащих посольского приказа. Хорошо известны такие имена, как Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков.

В XIX в. российско-монгольские связи стали более тесными. Через Монголию проходили маршруты разных экспедиций: Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова, В. И. Роборовского, Н. Г. и А. В. Потаниных, П. К. Козлова и других. Разные путешественники побывали в Монголии в XIX в., но лишь немногие оставили описания буддийских монастырей, храмов, архитектуры и произведений искусства. К ним в первую очередь относятся О. М. Ковалевский (1800–1878), А. М. Позднеев (1851–1920), Г. Ц. Цыбиков (1873–1930). Вот как в своем дневнике О. М. Ковалевский описывает буддийскую скульптуру: «в местности Олон Хутуг [в храме] расставлены статуи бурханов, весьма искусно и красиво, частью в Долонноре, частью же в Пекине, литые Шакьямуни, Майдари, Авалокитешвары, Аюши и др.» [1, с. 16–17]. Таким образом, О. М. Ковалевский первый выделил стили буддийской скульптуры в Монголии.

Одним из крупнейших монастырей Монголии был Амарбаясгалант, возведенный в китайском архитектурном стиле. В нем были храмы, посвященные Будде Шакьямуни (Цзу), Майдари, Аюши, Будде врачевания и десяти гневным дхармапалам [3, с. 32–33]. Особо чествовали Чжамсарана, почитаемого хранителем (монг. сахиус) Ундур-гэгэна и вообще всех его монастырей, и богиню Лхамо [3, с. 35–36]. Хубилганы Джубдзун-дамба-хутухты по мере возможности посещали этот монастырь. Так, седьмой хутухту посещал его два раза с большими церемониями, восьмой Богдо-гэгэн на тот момент — три раза [3, с. 36].

Халхаские¹ монастыри бывают разные: одни представляют собой целые города, другие — безлюдны [2, с. 18]. На станции Дзэрэн находился дуган, состоящий из семи отдельных сумэ: три построенных из гранита с черепичной кровлей китайской архитектуры, четыре из сырцового кирпича с глинобитной крышей [3, с. 190].

А. М. Позднеев относил ранние каменные буддийские храмы в Их-Хурэ к 1739 г. [3, с. 86]. Они представляли собой смешение тибетского, монгольского и китайского архитектурных стилей. Самым старым храмом, называемым «Баруун орго», считалась юрта Абатай-хана. Она была перенесена сюда Ундур-гэгэном (1635–1723). В ней находились деревянные скульптуры десяти дхармапал, хранителей буддизма. Самый главный образ — Чжамцаран, ему раз в три месяца делали подношения. Существовала особая легенда, связанная с ним. Однажды второй Богдо-гэгэн вышел из дворца, и в этот момент рядом с ним пролетела и упала стрела. Богдо обратился к своему божеству-хранителю, Чжамцарану, который неожиданно показался ему из Баруун орго. С тех пор этому божеству устра-

---

¹ Халха — историческая область Монголии, обозначающая земли к северу от пустыни Гоби.

ивают особые церемонии [2, с. 18; 3, с. 92]. Вероятно, эта юрта была первым храмом-музеем в Монголии.

А. М. Позднеев описал храмовую скульптуру Майдари, которая была изготовлена в Долонноре, в мастерских китайца, его монгольское имя — Аюши-тунчжан. Лавки этого китайца находились и в Долонноре, и в Урге. Статуя состояла из семи частей (голова, грудь, две руки, нижняя часть туловища, две ноги) и по частям была привезена из Долоннора в Ургу. Первоначально для Майтрейи был построен деревянный храм, выполненный в китайском архитектурном стиле. Божество «не захотело жить» в китайском храме, и для него специально построили храм в тибетском стиле [3, с. 93; 4, с. 140]. А. М. Позднеев писал, что в 1892 г. в Их Хурэ была создана специальная комиссия для покупки буддийской скульптуры в Пекине и Долонноре [3, с. 88]. На станции Сайр-усу путешественник посетил сначала китайский храм, посвященный Гэсэру, а затем — монгольский. Сүмэ, построенный в тибетском стиле, состоял из двух помещений: для проведения хуралов и хранения бурханов (монг. шүтэний өргө). Здесь он увидел бурханов, привезенных из Лхасы, Пекина, Гумбума и Долоннора. Он отметил, что из Урги привезли «кумир 5-го Джебзун-дамба-хутухты; бурхан этот, можно сказать, выдающийся по изящности... И нужно сказать, что лучшая вся работа... гумбумская, а самая худшая долоннорская...» [3, с. 177].

К ургинской скульптуре, вероятно, можно отнести произведения, выполненные в смешанной технике выколотки и литья, имеющие гравированный орнамент. Этой традиции мастера Долоннора научили местных скульпторов, но буддийская пластика получалась несколько иной, лучше проработанной и более изысканной. В коллекции Государственного Эрмитажа имеется несколько примеров подобной бронзовой пластики.

Г. Ц. Цыбиков, описывая свое путешествие по Монголии в 1895 г., подчеркивает, что «Хит Дара-Эхэ [Белой Тары], находящийся по левую сторону р. Хары», был построен китайцами. Главная святыня — скульптура Дара-Эхэ — сделана в китайских мастерских [6, с. 100]. Он видел много скульптур китайской работы. Про долоннорскую скульптуру он писал: «...они [бурханы] в большинстве случаев делаются в Долонноре из меди» [6, с. 51].

Таким образом, в XIX в. в Монголии мастера сами изготавливали бронзовую скульптуру, хотя большая часть произведений была привозная.

Что касается живописи, то в литературе содержатся следующие сведения: «...много [буддийских] икон рисуется в монастырях. В каждом монастыре имеются свои иконописцы-художники (монг. зурагчин), которые пишут иконы и для своего монастыря, и по заказу для окрестных жителей. Зато приезжают (в Ургу) китайские иконописцы и, поселившись в людных пунктах, около больших монастырей открывают свои иконописные мастерские и лавочки» [5, с. 26]. Поэтому

по работам таких живописцев сложно точно определить, писали их в монастыре в Урге или на Утайшане¹.

Все китайские живописцы жили недалеко друг от друга, в западной части китайского квартала, в непосредственной близости к огромному поселению монастыря Гандан. Живописцы (монг. зурагчи) приходили в Ургу главным образом из провинции Шань-си, особенно из Утайшаня и Инь-чжоу. «Общее число мастерских не превышало семи... рисовали бурханов на полотне, раскрашивали и золотили бурханов, приготовленных из дерева, глины и папье-маше» [3, с. 105].

В монастырях Утайшаня много произведений создавалось специально для Монголии. Часто двойная рамка, окружающая образ, была живописной, а не сшитой из шелка. Такая рамка была декорирована облачным орнаментом. Подобных свитков сохранилось достаточно много в разных коллекциях.

Во второй половине XIX в. появляется целый ряд произведений, которые можно отнести к ургинской живописной художественной школе. Они отличаются своей пышностью, обилием золота и проработкой деталей, изображением различных животных на фоне пейзажа, разноцветными облаками.

«В Урге есть лавки, где продаются изображения святых и предметы религиозного культа, изготавливаемые в Долонноре или Утайшане. Многие сделаны очень грубо и не представляют художественной ценности. Изображения, изготавливаемые в мастерских Утайшаня, несколько лучше долоннорских» [4, с. 130]. Ю. Н. Рерих (1902–1960) посетил Монголию в составе Центрально-азиатской экспедиции в двадцатых годах двадцатого века, но в его описаниях повторяется много сведений, приведенных ранее А. М. Позднеевым.

Таким образом, согласно сведениям, приводимым русскими путешественниками XIX в., в Монголии получили распространение разные архитектурные стили: китайский, тибетский, монгольский и смешанный, соединяющий в себе черты китайской и монгольской традиций.

Литература

1. Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского. 1830–1831 гг. / подгот. к изд., предисл., глоссарий, коммент. и указатели Р. М. Валеев, И. В. Кульганек; отв. ред. А. Д. Цендина; Институт экономики, управления и права. Казань: Таглитат, 2006. 104 с.

2. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1887. 492 с.

---

¹ Гора Утайшань (кит. Утай-шань, буквально «Гора пяти высот», тиб. ri-bo rtse-Inga) находится на северо-востоке Китая, на севере уезда Утай в провинции Шаньси. Длина горного хребта около 170 км. Главная горная вершина возвышается на 3058 метров, за что Утайшань называют «крышей северного Китая». На пяти вершинах расположены буддийские монастыри, посвященные Манджушри, причем четыре вершины расположены по углам квадрата и окружают пятую центральную.

3. Позднеев А. М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1. Дневник и маршрут 1892 г. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1896. 697 с.
4. Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994. 480 с.
5. Шастина Н. П. Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе // *Mongolica-III: Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX вв.* СПб., 1994. С. 26–27.
6. Цыбиков Г. Ц. Избранные труды в двух томах: в 2 т. Т. 2. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск: Наука, 1991. 232 с.

УДК 24-36

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-207-212

ХУБИЛГАНЫ И ХУТУХТЫ В ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОГО БУДДИЗМА

© **Ванчикова Цымжит Пурбуевна**

доктор исторических наук, профессор,

Институт монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: vanchikova.ts@gmail.com

В статье кратко рассмотрены история возникновения института перерожденцев — хубилганов в Монголии, происхождение которого связано с историей Тибета и тибетского буддизма и восходит к XVI–XVII вв., его роль на протяжении цинского периода и правовые аспекты его функционирования. Первым монгольским хубилганом, официально определенным V Далай-ламой в 1650 г., стал Лобсан-Дамби-чжалцан Дзанабадзар, сын халхаского Тушету-хана Гомбодоржа. Он был объявлен перерожденцем проповедника буддизма в Индии и Тибете Даранаты (1573–1635) и провозглашен духовным главой буддистов Монголии с титулом Джебдзун-Дамба-хутухта. По мере усиления влияния буддизма в Монголии количество хубилганов увеличилось, и они заняли привилегированное положение в монгольском обществе. Хубилганы и хутухты значительно различались между собой как по экономическому, так и по социальному статусу, их права определялись законодательно маньчжурами. В начале XX в. в Монголии насчитывалось примерно 100 тысяч лам и 140–150 хутухт-хубилганов. Выявление и подтверждение хубилганов и хутухт было запрещено Законом об отделении дел религии от дел государства 1934 г. С 90-х гг. XX в. с началом возрождения буддийских традиций стали выявляться новые перерожденцы.

Ключевые слова: история буддизма в Монголии; перерожденцы; хубилганы; хубилганы с печатями.

TULKU AND KHUTUKHTU IN THE HISTORY OF MONGOLIAN BUDDHISM

Tsymzhit P. Vanchikova

Dr. Sci. (History), Prof.,

Institute for Mongolian Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

E-mail: vanchikova.ts@gmail.com

The article briefly discusses the history of the formation in Mongolia of the Institute of reincarnations — tulku, the origin of which is closely connected with the history of Tibet and Tibetan Buddhism and dates back to the XVI-XVII centuries, as well as its role during the Qing period and the legal aspects of its functioning. The first Mongolian khubilgan, officially defined by the V-th Dalai Lama in 1650 was Lubsan-Dambi-jaltsan Zanabadzar, son of Khalkha Tushetu Khan Gombodorzh. He was declared a reincarnation of Daranatha (1573-1635), a famous Buddhist preacher in India and Tibet, and proclaimed the spiritual head of the Buddhists of Mongolia with the title of Jebdzun-Damba-khutukhta. As far as the influence of Buddhism in Mongolia increased, the number of tulku increased and they took a privileged position in Mongolian society. Tulku and khutuktu considerably differed

between each other for both economic and social status, whose rights were determined legislatively by the Manchus. At the beginning of 20th century in Mongolia there were about 100 thousand lamas and 140–150 khutuktus and khubilgans. Identification and confirmation of tulku and khutuktus was prohibited by The law on the separation of religious Affairs from State Affairs in 1934. Since the 90s of the last century, with the beginning of the revival of Buddhist traditions, new rebirths began to be revealed.

Keywords: The history of Buddhism in Mongolia; reincarnations; tulku; khutuktus with the seals.

Традиция выявления перерожденцев¹ возникла в Тибете в XII в. в школе Карма Кагью, а получила развитие в школе Гелугпа с начала XV в., когда Цзонхава (1357–1419) объявил, что деятельность по продолжению созданной им школы Гелугпа после его кончины будет продолжена его основным учеником Гендундубом (1391–1474), признанным впоследствии вместе с его перерожденцем Гендун-чжамцо (1475–1542) — третьим Далай-ламой Соднам-чжамцо (1543–1588) — его предыдущими перерождениями. Начиная с Далай-ламы III вся история монгольского буддизма была вплотную связана с ним и его последующими перерождениями.

Так, в 1578 г. тумэтский Алтан-хан пригласил к себе Соднам-чжамцо, где он преподавал ему, многим монгольским князьям и их людям наставления и посвящения, в результате которых Алтан-хан принял буддизм. Хан и лама обменялись почетными титулами и подарками. Соднам-чжамцо получил титул далай-ламы и печать с надписью «Дордже-чанг» (Держатель ваджры). А Соднам-чжамцо даровал в ответ монгольскому хану титул «Царь учения, Брахма» [8, с. 108]. Таким образом, Соднам-чжамцо стал третьим перерожденцем линии основателя традиции Гелугпа и первым из далай-лам, кого официально стали именовать этим титулом.

Первый монгольский хубилган официально был определен Далай-ламой V, объявившим в 1650 г. Лобсан-Дамби-чжалцана (Дзанабадзара), сына халхаского Тушету-хана Гомбодоржа, перерожденцем знаменитого проповедника буддизма в Индии и Тибете Даранаты (1573–1635) и провозгласил его духовным главой буддистов Монголии с титулом Джебдзун-Дамба-хутухта.

---

¹ Титулом хубилган (тиб. *spul ba*, от монг. хувилах — превращаться, принять другой вид, обращаться во что-нибудь другое) называют реинкарнации или перерожденцев известных буддийских божеств или крупных буддийских деятелей или учителей, определяемых в детском возрасте по особым правилам.

Хутухта (тиб. *'phags ba*, санскр. *Агуа*, монг. *боудо* или «живые божества» (*amid burqan*), просветленные, святые, отсюда хутагт — святой, богдо) — титул, жалуемый маньчжурским императором тибетским и монгольским гэгэнам и хубилганам. Хубилганам давали титул хутухты за их деятельность на благо буддийской церкви и религии, а титул гэгэна давался за гражданские доблести [5, с. 248].

Хотя впервые слово «хутухта» в монгольских юридических сводах встречается в «Халхаских степных указах на бересте»¹. В рассматриваемых законах правовое положение и привилегии буддийской церкви и представителей высшего буддийского духовенства уже признаны, определены законодательно и свидетельствуют об устойчивом положении буддийской церкви в Монголии. В этих законах буддийское духовенство обозначается словами «ламы», «послушники», «тойны». Исходя из того факта, что слово «хутухта» упоминается лишь один раз в «Небольшом законе года Дерева-Тигра» (*modon bars jil-ün öčүken čaγaja*) от 1614 г. (Х. Пэрлээ полагает, что это имя Майдари-хутухты Цаган Номун-хана) [7, с. 112], можно сделать вывод, что институт хубилганов и хутухт только начал зарождаться.

По мере усиления влияния буддизма и его распространения в Монголии стало увеличиваться количество хубилганов (перерожденцев) и хутухт (святых), чему, по словам А. М. Позднеева, «способствовали сами халхаские ламы, для которых приобретение в монастырь хубилгана равносильно изысканию средств к удвоению и даже утроению доходности монастыря, а следовательно, и к обеспечению его всегдашнего и безбедного существования» [5, с. 235]. Хутухты занимали привилегированное положение не только среди духовенства, но и в монгольском обществе. Их финансовое благополучие обеспечивалось за счет эксплуатации труда шабинаров, подношений верующих, обладания скотом, сдачей его в аренду, на выпас, ростовщичества и т. д. Если на начальных этапах маньчжуры были заинтересованы в увеличении их количества и зачастую сами объявляли перерожденцами тех лам, которые оказывали им услуги, и покровительствовали им, что позволяло контролировать появление новых перерожденцев из монгольских семейств, лояльных к ним, или же давало возможность определять перерожденцев в Тибете. Это также соответствовало их политике ограничения влияния богдо-гэгэнов, бывших самыми влиятельными из числа перерожденцев. Цинское правительство, Палата Внешних сношений Китая (Лифаньюань), обеспокоенные ростом числа хутухт, были вынуждены принять меры по сокращению числа монгольских хутухт, так, были изданы указы в 1762, 1789 и 1815 гг., запрещающие выявление хубилганов из числа монгольской знати, а также выявление перевоплощений тех лам, у которых ранее не было перерожденцев² [2, с. 383]. Увеличение численности подданных хутухт и хубилганов, а также их скота привело к необходимости оформления прав духовных лиц на владение, потому маньчжуры стали принимать меры по официальному оформлению их прав на владения и выдавать хубилганам, имевшим свыше 500 шабинаров, официальные грамоты и печати, даровавшие им право на владение землей и шабинарами. В связи с чем лиц, получивших такие грамоты, стали называть «обладающими печатями» — *тамгату*. Впервые такие права были предоставлены хубилганам императором Канси в 1688–1691 гг. При этом следует отметить,

---

¹ Они были впервые описаны, расшифрованы, транслитерированы, прокомментированы и детально изучены Х. Пэрлээ [7].

² Уложение Китайской палаты внешних сношений, кн. 59, л. 3–4.

что хубилганы и хутухты значительно различались между собой как по экономическому, так и по социальному статусу.

Всего официально было выдано 13 «печатей» хубилганам. Их подданные — шабинеры — освобождались от трех основных гражданских повинностей: военной, караульной и уртонной (только со второй половины XIX в. шабинеры стали привлекаться к несению уртонной повинности), подчинялись они своему хутухте и обслуживали только его. Сами хутухты с печатями были освобождены от несения государственной службы. Все хозяйственные дела хубилганов с печатями вел шанзодба, которому помогали да-лама, зайсан и смотрители. Институт хутухт для цинских властей являлся важным социальным и политическим инструментом для управления монгольскими хошунами, созданным с целью ослабления сил и влияния монгольских князей.

Большинство монгольских хубилганов и хутухт обучались в тибетских, в основном в амдосских, дацанах, становились учениками крупных тибетских ученых лам, получали посвящения и благословения у далай-лам и панчен-лам и напутствие на распространение буддийского учения среди монголов.

Несмотря на попытки маньчжурского правительства ограничить влияние буддийской церкви, не допустить обострения противоречий между светскими и духовными феодалами, открытого народного недовольства монгольского населения иностранным игом, монгольские ламы с середины XIX в. начинают игнорировать указы маньчжурского двора, самостоятельно посвящают в ламы, определяют перерожденцев без его разрешения. Джебзун-Дамба-хутухта уже не встречается лично с императором, а сам издает указы, касающиеся дел по Халхе, а духовные и светские феодалы ведут борьбу за обладание крепостными.

В начальный период национально-освободительной революции в Монголии было более 100 тысяч лам, около 140–150 хутухт-хубилганов, около 800 монастырей и более 2960 храмов и религиозных сооружений. Монастырям принадлежало более 2 млн голов скота, а недвижимое имущество оценивалось в 57 млн золотых рублей [6].

Более того, уже в январе 1922 г. Монгольская народная партия и правительство вынесли решение о ликвидации шабинского ведомства, об отмене наследственных званий и титулов, о лишении хутухт и хубилганов печатей, об обложении налогом хозяйств хубилганов и хутухт. В январе и марте 1923 г. вышли постановления: «Положение о местном самоуправлении» и «Положение о правах владетельных (хошунных) и не владетельных князей (ванов и гунов)», которыми ограничивались и регламентировались права лам и хутухт, проведение молебнов, а также устанавливался контроль за деятельностью местных органов управления. Таким образом монастыри были лишены права на проведение самостоятельной экономической, государственной и судебной политики.

Согласно Конституции церковь отделялась от государства и провозглашалась свобода вероисповедания для всех граждан Монголии (Ст. 6), а хутухты лишались права на управление и совершение наказаний, ламы, проживавшие в монастырях, хутухты, хубилганы, бывшие князья, а также «лица, добывающие сред-

ства исключительно путем эксплуатации», торговцы, ростовщики и бывшие князья лишались избирательных прав (Ст. 34)¹.

В это же время среди духовенства началась кампания по определению нового перерожденца богдо-гэгэна, которая вылилась в политические дискуссии, решение этого вопроса замалчивалось и постоянно откладывалось, а в 1928 г. на VII съезде МНРП было принято окончательное решение об отмене поисков его нового перерожденца и постановление, запрещающее выявление новых перерождений хутухт и хубилганов.

После выхода в 1934 г. нового закона об отделении дел церкви от государства и под влиянием советских властей и Коминтерна продолжились массовые репрессии лам, которые были разделены на 3 ранга. К высшему рангу были причислены хубилганы и перерожденцы, ламы, занимавшие высшие административные должности в монастырях, ко второму рангу — ламы-богословы, имевшие ученые степени в тех или иных отраслях знаний, к низшему рангу — все остальные.

Выявление и подтверждение хубилганов и хутухт было запрещено Законом об отделении дел религии от дел государства 1934 г.²

С 90-х гг. XX в. с началом возрождения буддийских традиций стали выявляться новые перерожденцы. Согласно списку, любезно предоставленному гэбши Н. Амгаланом, сотрудником Института культуры и науки монастыря Гандантегченлин, на начало 2015 г. было зарегистрировано 19 перерожденцев-хубилганов. Из них, согласно буддийской традиции, в соответствии с которой хубилганы утверждаются высшими иерархами буддизма, 12 были утверждены Далай-ламой, 3 — Богдо-гэгэном IX, 1 — Гурудева-ринпоче, 1 — тибетским гэгэном амдоского монастыря Гумбум, 1 — ламами Гандана в 1944 г., признан местным населением, 1 — признан местным населением³.

Монгольские ламы продолжают вносить огромный вклад в развитие собственно монгольской письменности, культуры и истории, они были самой образованной и просвещенной частью монгольского общества, восполнявшей отсутствие централизованной светской учебной системы, благодаря им буддизм и буддийские традиции сохранились после жестоких репрессий и началось современное возрождение буддизма.

Литература

1. Алтанзая Л. Халх Монголын хутагтуудын тамганы асуудалд // Межконфессиональные отношения на рубеже тысячелетий. Улан-Удэ, 2007. С. 5–13.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). М.: Восточный дом, 2002. Т. 1. 464 с.
3. Болдбаатар Ж. Монголын тамгатай хутагтууд. Улаанбаатар, 2017. 100 с.

---

¹ 1924, 1940, 1960, 1992 оны үндсэн хуулиуд, 2007.

² Современная Монголия. 1935. № 1(8). С. 146.

³ Уложение китайской Палаты внешних сношений: в 2 т. / пер. с маньчж. С. В. Липовцов. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1828. Т. II.

4. Дашбадрах Д. Монголын хутагтууд. Намтрын ойллого (XVII–XX зуун). Улаанбаатар, 2004. 216 с.
5. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии, в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1887. 495 с.
6. Пүрэвжав С., Дашжамц Д. БНМАУ-д сүм хийд лам нарын асуудлыг шийдвэрлэсэн нь (1921–1940). Улаанбаатар, 1965. 262 н.
7. Пэрлээ Х. Халхын шинээр олдсон цааз эрхэмжийн дурсгалт бичиг. Монгол ба Төв Азийн орнуудын соелын түүхэнд холбогдох хоёр сурвалж бичиг // Monumenta Historica. T. VI, fasc. 1-2. Улаанбаатар, 1973. 139 н.
8. Цепон В. Д. Шакабпа. Тибет: Политическая история. М., 2003. 428 с.

УДК 398.8(512.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-213-219

ЗВУКОВАЯ КАРТИНА МИРА ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

© **Дашиева Лидия Данииловна**

доктор искусствоведения, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: dashieva2006@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается звуковая картина мира как универсальная информационная модель в традиционной обрядовой культуре тюрко-монгольских народов. Впервые в бурятской фольклористике и этномузыкологии поставлена проблема изучения звукового или акустического кода в обрядовой музыке бурят и монголов, раскрывается структурирующая функция звука, обусловленная спецификой степной культуры тюрко-монгольских народов. Результаты исследования позволили выявить семантику звука и рассмотреть звуковую модель мира в обрядовом протяжном пении монголов и бурят, в их шаманских и буддийских ритуалах. В статье также пунктирно проведены параллели с обрядовой культурой тувинцев.

Ключевые слова: звук; звуковая картина мира; семантика; обряды; тюрки; монголы; буряты.

SONAL WORLDVIEW OF THE TURCO-MONGOLIAN PEOPLE

Lidiya D. Dashieva

Dr. Sci. (Arts), Senior Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
E-mail: dashieva2006@yandex.ru

In this article the sonal worldview as universal information model in the traditional ceremonial culture of the Turco-Mongolian peoples is considered. For the first time in the Buryat folklore studies and an etnomuzykologiya the problem of studying of the sound or acoustic code in ceremonial music the Buryat and Mongols is put, the structuring function of a sound caused by specifics of steppe culture of the Turco-Mongolian people reveals. Results of a research allowed to reveal semantics of the sound and to consider sound model of the world in ceremonial long singing of Mongols and Buryats, in their shaman and Buddhist rituals. In article parallels with the ceremonial culture of Tuvinians are also punktirno drawn.

Keywords: sound; sonal worldview; semantics; rituals; the Turkic peoples; Mongols; Buryats.

В любом традиционном обществе представления о мире складывались в систему так называемой традиционной картины мира (ТКМ) — основы мировоззрения, служащей «средством интеграции человека в природе, регуляции взаимоотношений между людьми, взаимодействия разных сфер культуры. <...> Картина мира формировалась в рамках сакрального, обеспечивавшего функциони-

рование обыденно-практического» [14, с. 4–5]. Вследствие того, что традиционная картина мира тюрко-монгольских народов реализуется в обрядах, в настоящей статье, посвященной изучению звуковой картины мира как универсальной информационной модели, акцентируется внимание на изучении синтагматики и парадигматики ритуала. В этой связи особое значение приобретает исследование звукового или акустического кода в обрядовой песенной традиции монголов и бурят.

В отечественной этномузыкологии феномен звука и звуковые представления восточных славян рассматриваются в статьях В. М. Щурова, Н. Н. Гиляровой, А. М. Мехнецова, Г. В. Лобковой, И. С. Поповой и др.¹ Изучению звукового кода традиционной обрядовой культуры славянских и других народов была посвящена одна из интереснейших тем научной конференции «Голос и ритуал»². Фундаментальным исследованием феномена звука в инструментальной традиции тюрков стала монография С. И. Утегалиевой «Звуковой мир музыки тюркских народов: теория, история, практика (на материале инструментальных традиций Центральной Азии)» (2013) [18]. В контексте традиционной культуры монгольских народов большую значимость имеют работы Г. Ю. Бадмаевой, в которых исследуется звуковой мир музыки калмыков, их музыкально-религиозные традиции [2].

Как было отмечено выше, данная статья посвящена изучению звуковой картины мира как универсальной информационной модели в обрядах бурят и монголов. Такая модель представляет собой дифференцированную систему звуков со своими грамматическими и синтаксическими правилами, «способную не только передать всю сложность представлений человека об устройстве мироздания, но и воздействовать на мир, служа залогом сохранения миропорядка» [12, с. 47]. Как представляется автору, в описании звуковой картины мира особое внимание должно уделяться феномену звука в обрядовом протяжном пении монголов и бурят, а также в их шаманских и буддийских ритуалах.

Акустический код, характеризуя культурный и природный ландшафт, включается в целостную обрядовую систему тюрко-монгольских народов. Исследование закодированного музыкального языка обряда как особой знаковой системы реализуется путем характеристики ее важнейших элементов: интонационно-акустических особенностей, ритмической, звуковысотной организации обрядовых песен тюрко-монгольских народов. Однако, на мой взгляд, в комплексном анализе предполагается сконцентрировать внимание на интонационно-акустическом и звуковысотно-ладовом параметрах, попытаться рассмотреть семантику звука в обрядовом протяжном пении монголов и бурят.

Известно, что акустический код традиционной культуры отличается многогранностью и многофункциональностью. Он включает широкий спектр звуков от природных, натуральных до строго организованных звуковых текстов (вербальных и музыкальных) [12]. На первом плане находится звук человеческого голоса, выполняющий коммуникативную и магическую функции. Звуки обрядового про-

---

¹ Звук в традиционной народной культуре: сб. науч. ст. М., 2004. 253 с.

² Голос и ритуал: материалы конференции. М., 1995. 188 с.

тяжкого пения, так же как звук голоса шамана в сочетании со звучанием бурятского шаманского бубна *хэсэ*, на наш взгляд, образует особый канал информационной связи, недоступный и далеко не безопасный для непосвященных в сакральный мир шаманских духов и божеств. Кроме того, в акустическом коде важной является структурирующая функция звука, «способного определенным образом организовывать время и пространство» [там же, с. 48].

В этой связи нас интересует вопрос структурирования звукового пространства в традиционной культуре тюрко-монгольских народов.

Звуковое поведение кочевников сформировалось в определенной акустической среде — степи, которая как бы предлагала свои звуковые образы и особые звуковые впечатления. Поэтому одним из критериев оценки звукового пространства в степной культуре тюркских и монгольских народов является не «что», а «как» звучит, «акцент переносится на звук, и сфера операций с ним почти ничем не ограничена, на первый план выходит человеческий голос» [15, с. 9–10]. Звучащая степь с красочной палитрой звуков и цвета для кочевника была его жизненным пространством, в котором хозяйственная деятельность сочеталась с нормами звукового обрядового поведения. На мой взгляд, в звуковом пространстве степной культуры через игру долгих звуков в возгласных распевах, возникших в результате подражания звукам природы, и звучания обрядового протяжного пения монголов *уртын дуу* и бурят *ута дуун* как бы устанавливалась магическая связь с природой и предками. Безусловно, в шаманских обрядах бурят подобная магическая связь с божествами и духами осуществляется через звуки шаманского призывания *дурдалга* и ритм шаманского бубна *хэсэ*, сопровождающего шаманские ритуалы, а в буддийских песнопениях — звуки мантры в ансамблевом исполнении монахов-лам во время богослужения в *дацане* (буддийском монастыре).

В традиционном культурном поле монголов и бурят через звуки монгольской протяжной песни *уртын дуу* и бурятской *ута дуун* можно было определить пространство мерой длины *дуунай газар* (*газар* — земля; расстояние, *дуун* — песня; *дуунай газар* — расстояние слышимости звука голоса человека). У тюрко-монгольских народов как истинных кочевников одним из способов определения расстояния была мера длины, формируемая при помощи зрения и слуха. Прежде всего, нас интересует слуховой критерий, позволявший кочевникам определять границы пространства [5, с. 16]. По звуку голоса одинокого всадника, поющего протяжную песню в безбрежной степи, близкие или дальние родственники узнавали о предстоящем визите далекого гостя. По-видимому, выражение *дуунай газар* обозначает расстояние слышимости звука голоса человека [там же]. Например, в бурятском языке имеет место выражение *нохойн дуунай газарта* («на расстоянии собачьего лая»), указывающее на недалекое расстояние, у халха-монголов — *дуу хүрэх газар* («пространство, на котором слышится голос») [7, с. 8]. Очевидно, особая оценка звуков протяжной песни *уртын дуу* / *ута дуун* была одним из способов определения расстояния в открытом пространстве (в степи).

Учитывая физиологию человеческого голоса, а также акустические свойства звука, концентрически распространяющегося волнами, звучанием протяжного пения заполняется пространственная горизонталь (степь, лес, реки, озера) и вертикаль (горы, небо). Как нам представляется, в целом это отражает сакральную сущность звуковой картины мира, где важную роль играет медиатор — шаман или певец, в совершенстве владеющий протяжным пением.

В представлениях монгольских народов пение и человеческий голос, обладающие огромной эмоциональной силой воздействия на окружающий мир, становятся особым инструментом, посредством которого достигается коммуникативная и магическая связь с Небом и предками. Не случайно талантливых певцов монголы наделяют сверхъестественными способностями, якобы дарованными им высшими божественными силами. С ними же связаны и народные поверья бурят — выдающиеся певцы рано уходят из жизни. По сведениям известного западнобурятского сказителя Александра Васильева (Альфора), хорошие певцы боялись особенно выделяться [3]. Подобные поверья присутствуют в традиционной культуре других народов, в частности, удмуртов — искусные певцы в жизни бывают несчастливими. В их «песенных текстах сложились целые сюжеты о несчастливой судьбе искусного певца» [13, с. 85].

В этой связи позволим себе предположить, что востребованность певцов, обладающих хорошими голосами и вокальным искусством, предназначенных для небесного хора, являлась одной из причин их ранней смерти. Вероятно, не случайно имена рано ушедших красивых девушек с хорошими, звонкими и чистыми голосами входили в шаманский культ западных бурят *Улезе олон* и их «одновременное самоубийство... было истолковано местными шаманами как проявление воли *тэнгэри*, якобы избравшего души этих девушек в качестве солисток шаманского песнопения»¹ [11, с. 80].

Мифологические представления о дарованном свыше уникальном таланте и мастерстве певцов и музыкантов отражаются в монгольских и калмыцкой легендах. В них приобретение вокального мастерства в искусстве протяжного пения интерпретируется как проявление божественного дара, позволяющего талантливым певцам стать медиаторами между небесным и земным мирами. «Однажды ястреб гнался за птицей, которая спряталась на груди у девушки, и он не посмел

---

¹ Уточняя генезис шаманского культа *Улезе олон* (Улейские многие), включающего более трехсот шестидесяти почитаемых духов и распространенного среди осинских бурят-булагатов, особенно жителей села Улей Осинского района Иркутской области, отметим, что по древнему шаманскому преданию этот культ возник вследствие коллективного суицида и сумасшествия молодых девушек и юношей из села Улей, а также проклятия улейской девушки, наложенного на улейских мужчин [4]. По данным И. А. Манжигеева, этот культ «появился в начале XIX века после коллективного самоубийства 17 девушек во главе с насильно выданной замуж прославленной красавицей *Буржухайн дүүхэй*. <...> С тех пор, по поверью местных шаманистов, каждая трагически умершая красивая девушка, имевшая хороший голос, считалась призванной в число “Улейского множества”» [11, с. 79–80]. Согласно преданию, они целой толпой ночью ходили из улуса в улус с песнями и призываниями, уводили людей в лес и издавались над ними [там же].

схватить птицу, улетел, а птица после обернулась хозяйкой местной горы. В благодарность за спасение даровала она девушке прекрасный голос» [9, с. 33–34].

Другая известная монгольская легенда о слепом Тарвае была записана И. В. Кульганек в сомоне *Дуут*: «15-летний *Сохор Тарвай* (слепой Тарвай) заболел оспой, и одноулустики (односельчане), думая, что смерть неминуема, оставили его одного умирать. Он умирает, душа его попадает к *Эрлик-хану*, владыке ада, но тот отпускает его душу, поскольку не пришло еще время мальчику появляться перед ним. В качестве компенсации за ошибку и напрасный страх *Эрлик-хан* дарит ему умение петь, прекрасный голос. Но за то время, пока тело мальчика лежало неподвижным посреди степи, птицы выклевали ему глаза, и он стал слепым — Слепым *Тарваем*» [9, с. 33–34].

В этих легендах отражаются мифологические представления монголов о том, что владыка Нижнего мира наделяет героя исключительным музыкальным талантом (прекрасным голосом, знанием народных песен, мастерским владением игрой на музыкальных инструментах), снискавшим ему славу первого сказителя, певца и музыканта.

Выясняя генезис монгольской протяжной песни *уртын дуу*, особо подчеркнем одну из ее жанровых разновидностей — возгласные обрядовые песнопения *бороо зогсоон аялгуунууд*, исполнявшиеся перед грозой, очевидно, с целью остановить грозу¹ (напевы-обращения к Небу при приближении грозы) [6, с. 12]. По сведениям исследователя монгольской традиционной музыки Б. Ф. Смирнова, в старину при приближении грозы возгласное ритуальное песнопение раздавалось с порога каждой юрты монгола [16, с. 81]. Вероятно, в обрядовых песнопениях — обращениях к Небу и божествам — выражалась не только просьба людей остановить надвигающуюся грозу, но и мольба, обращенная к предкам, защитить их от смерти и несчастья² [6, с. 12]. По-видимому, именно на основе этих

---

¹ *Бороо* — дождь; *аялгуу* — возглас; *зогсоох* — останавливать, приостанавливать; прекращать [19, с. 221]. Другим способом остановить дождь и грозу был посвист — «древнейший магический способ призывания *дон* — у монголов носит название *дон шуглэх*... По представлениям бурят, посвист — магическое средство вызывания ветра ... Свист также считается магическим средством призывания духов» [8, с. 238–239].

² Проводя параллели с магическими ритуалами, связанными с вызыванием и остановкой дождя в славянской обрядовой культуре, необходимо отметить различия в статусе адресата, к которому обращались участники обряда, и отсутствие обрядовых песнопений в славянской культурной традиции. Как пишет С. М. Толстая: «В этих обрядах хорошо сохраняются архаические формы примитивной магии и мифологические представления о природе дождя и причинах засухи» [17, с. 452]. Причем указывается адресат ритуала — предки, среди которых присутствуют так называемые нечистые покойники (самоубийцы, утопленники), которые — по дохристианским мифологическим представлениям — обладают властью над дождем и другими атмосферными явлениями [там же].

интонаций выросли монгольские протяжные песни *айзам дуу*¹, семантически связанные с обрядовой сферой традиционной культуры монголов.

Интересно провести параллели с обрядовым поведением тувинцев во время грозы. Если монголы и буряты исполняли особые обрядовые песнопения, посвященные верховному божеству-громовержцу, то тувинцы проводили обряд защиты, во время которого произносили, по-видимому, шаманские заклинания. Тувинский ритуал заключался в следующем: в жертвеннике возжигают можжевельник и, привязав веревкой *чат-даш* (священный камень) к длинной палке, коптят его в огне. Совершая жертву духам, брызгают ритуальной ложкой молоком вверх и во все четыре стороны. Затем, приговаривая громким голосом «*Алас, алас!*», произносят заклинание, сопровождаемое окуриванием дымом можжевельника: *Өршээ, Хайыракан! Бак чиве ынай турзун!* (Помилуй, Хайыракан! Всякое плохое пусть отойдет!) [10, с. 90–91]. Приведем словесный текст заклинания, посвященного богу-громовержцу *Хайыракану*:

Өршээ, Хайыракан!	О, помилуй, Хайыракан!
Оран-тандым!	Земля-тайга моя!
Кудай-динмирээшкиним,	Небесный гром [мой]!
Чайлап өршээ!	Обойди стороной, помилуй!
Кыйбап өршээ!	Отклонись, пощади!
Улу чылдыг	В год Дракона рожденных
Оолдарлыг мен.	Сыновей имею.
Ак сүдүм	Белое молоко мое
Чажып тур мен.	Разбрызгиваю [окропляю] я.
Ыштыг санным	Дымящийся сан свой
Салып тур мен.	Возжигаю я.
Хойнунарга хойланар,	Положите за пазуху,
Колдуунарга кызынар.	Под мышкой зажмите,
О, өршээ, Хайыракан!	О, помилуй, Хайыракан!
Черим!	Земля [моя]!

[10, с. 91].

Звуковая картина мира имеет многогранное отражение в религиозной ритуальной практике тюрко-монгольских народов, в частности в шаманских обрядах. Она реализуется не только в шаманском камлании и произведениях шаманского культа (песнопениях, призываниях, заклинаниях), но и в коллективном обрядовом пении *ёхорных* песен, сопровождающих круговой танец бурят *ёхор* (*ёохор*).

Литература

1. Бадмаева Г. Ю. Музыка буддийского космоса // Музыка народов мира: проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф. М., 2008. Вып. 1. С. 241–245.
2. Бадмаева Г. Ю. Звуковой мир традиционной культуры калмыков // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 140–153.

---

¹ *Айзам дуу* — протяжная песня; слово *айзам* имеет несколько значений: 1. 1) такт, ритм, мера (в музыке); 2) напев, мелодия; такт; 2. ритмичный [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001, с. 65].

3. Берлинский П. М. Музыкальная культура бурят-монголов. Рукопись // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Верхнеудинск, 1932. Инв. № 5. С. 24.
4. Дашиева Л. Д. Шаманская песня Улейской девушки в фольклоре западных бурят // Музыковедение. 2009. № 8. С. 24–28.
5. Дашиева Л. Д. Протяжная песня *уртын дуу* монголов и *ута дуун* бурят: опыт сравнительного анализа // Музыковедение. 2010. № 8. С. 15–20.
6. Дашиева Л. Д. Звук в обрядовом протяжном пении монголов и бурят // В мире научных открытий. 2015. № 9.1 (69). С. 7–14.
7. Дондокова Д. Д. Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 135 с.
8. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
9. Кульганек И. В. Мир монгольской народной песни. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 218 с.
10. Тувинские народные песни и обрядовая поэзия / сост. З. К. Кыргыс. Новосибирск: Сибирская горница, 2015. 432 с.
11. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.
12. Народное музыкальное творчество: учебник / отв. ред. О. А. Пашина. СПб.: Композитор, 2005. 568 с.
13. Нуриева И. М. Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: дис. ... д-ра искусствоведения. Ижевск, 2014. 415 с.
14. Обряды в традиционной культуре бурят / Д. Б. Батоева [и др.]; отв. ред. Т. Д. Скрынникова. М.: Восточная литература, 2002. 222 с.
15. Сагеева Г. Х. Традиционная терминология татарской музыкальной культуры: семантическая реконструкция: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Казань, 2007. 24 с.
16. Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка. М.: Сов. композитор, 1971. 365 с.
17. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 527 с.
18. Утегалиева С. И. Звуковой мир музыки тюркских народов: теория, история, практика (на материале инструментальных традиций Центральной Азии). М.: Композитор, 2013. 528 с.
19. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. Т. 1. 636 с.; 2008. Т. 2. 708 с.

УДК 394.21

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-220-227

**БУДДИЙСКАЯ ОБРЯДОВАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА
А. А. ЛУШНИКОВА¹**

© **Цыденова Лилия Борисовна**

заместитель директора по научной работе,
Кяхтинский краеведческий музей им. акад. В. А. Обручева
Россия, 673840, г. Кяхта, ул. Ленина, 49
E-mail: kyakhtamuseum2@mail.ru

На основе архивных документов и фондовых материалов Кяхтинского музея в статье рассматривается становление творческой личности художника Александра Лушникова, сына одного из столпов кяхтинского общества второй половины XIX в. — Алексея Михайловича Лушникова. Семья потомственного почетного гражданина, кяхтинского купца первой гильдии, мецената А. М. Лушникова заслуживает особого внимания исследователей истории. Особенностью клана Лушниковых являлось то, что «меркантильные» интересы легко уживались с интересами искусства и литературы. Семья на благотворительность смотрела как на выполнение какого-то свыше назначенного долга. В статье особое внимание уделено атмосфере, в которой вырос А. Лушников. Гостями дома были известные путешественники Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, Д. Н. Клеменц, Г. Н. Потанин. А. А. Лушников, получив профессиональное образование, работал в разных жанрах и направлениях. В фондах Кяхтинского музея хранятся работы А. А. Лушникова, отображающие буддийскую обрядовую традицию.

Ключевые слова: Кяхта; А. А. Лушников; художник; мистерия ЦАМ; хутухта.

BUDDHIST RITUAL TRADITION IN THE WORKS OF THE ARTIST A. A. LUSHNIKOV

Liliya B. Tsydenova

Deputy Director for Academic Affairs,
Obbruchev Kyakhtinsky Local History Museum
49 Lenina St., Kyakhta 673840 Russia
E-mail: kyakhtamuseum2@mail.ru

Archival documents and materials stock Kyakhtinsky Museum the article discusses the formation of the creative personality of the artist Alexander Lushnikov, the son of one of the pillars of Kyakhta society of the second half of the XIX century Alexei Mikhailovich Lushnikov. The family of the Hereditary honorary citizen, Kyakhta merchant of the first Guild, philanthropist A. M. Lushnikov deserves special attention of history researchers. The peculiarity of the Lushnikov clan was that Mercantile interests easily coexisted with the interests of art and literature. The family looked upon charity as the performance of some over-appointed duty. The article pays special attention to the atmosphere in which A. Lushnikov grew up. The guests of the house were famous travelers N. M. Przhevalsky, P. K. Kozlov, D. N. Klements, G. N. Potanin. A. A. Lushnikov having received professional

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по гранту 17-21-21002: «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX в. по начало XX в. По материалам российских и китайских архивов».

education worked in different genres and directions. The collections of the Kyakhta Museum contain works by A. A. Lushnikov, reflecting the Buddhist ritual tradition.

Keywords: Kyakhta; A. A. Lushnikov; artist; mystery of TSAM; Hutukhta.

А. А. Лушников (1872–1947) родился в семье кяхтинского 1-й гильдии купца-чаеоторговца А. М. Лушникова. Его малой родиной стала слобода Кяхта, расположенная на российско-монгольской границе. Монголия с 1691 по 1911 г. входила в состав Цинской империи. Рядом с Кяхтой, основанной в 1728 г., в результате заключения Кяхтинского трактата с противоположной стороны границы для торговых сделок в 1730 г. был основан китайский Маймачен (город купи-продай).

Кяхта в XVIII–XIX вв. была центром русско-китайской торговли. Через Кяхту в Китай шли и иностранные товары — английские, французские, голландские и немецкие изделия, она была втянута в орбиту мировой торговли. Кяхту называли миниатюрным Вавилоном за разноязычие, город был расположен на стыке европейской и восточной культур и традиций.

В метрической книге Кяхтинской Воскресенской церкви за 1875 г. внесена запись, что 12 августа 1872 г. состоялось крещение Александра. «Восприемниками были кяхтинский купец 1-й гильдии Иван Федорович Токмаков и жена Селенгинского 1-й гильдии купца Анна Силиверстовна Чемякина»¹. И. Ф. Токмаков имел отношение, как и Клавдия Христофоровна, к знаменитому роду Кандинских, он являлся двоюродным братом матери А. Лушникова.

У супругов Лушниковых Алексея Михайловича и Клавдии Христофоровны (Кандинской) было 11 детей, которые росли в атмосфере любви, творчества и все получили прекрасное образование. В доме был свой домашний театр, картинная галерея, для обучения детей приглашали преподавателей французского языка, музыки. В семье «меркантильные» интересы торговли уживались с интересами искусства и литературы [1, с. 155].

А. М. Лушников состоял одновременно в нескольких благотворительных обществах, являлся активным деятелем и инициатором открытия в Троицкосавске-Кяхте образовательных учреждений: Алексеевского реального училища, женской гимназии им. Н. Н. Муравьева-Амурского. При содействии А. М. Лушникова в 1861 г. открывается в Кяхте типография, где печатается газета «Кяхтинский листок». По мере сил и возможностей Алексей Михайлович содействовал этой газете, помещая заметки и передавая туда письма М. А. Бестужева. Вскоре за изданием «Кяхтинского листка» в Кяхте открывается общественная библиотека, содержащаяся всецело на средства кяхтинцев. Библиотеки в то время имелись в немногих городах Европейской России [2, с. 4].

Александр в 1889 г. по окончании полного курса по коммерческому отделению Алексеевского реального училища с оценками «отлично» и «хорошо» принимает решение продолжить обучение в Санкт-Петербурге в Академии художеств. 22 июня 1891 г. временно исполняющий дело полицмейстера ротмистр Бабаев выдал удостоверение, что он «сын Потомственного почетного граждани-

---

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 261. Оп. 1. Дело о выдаче свидетельств на звание почетного гражданина. Л. 26.

на. 18 лет, вероисповедания православного. Под следствием и судом не состоял. На выезде его из Кяхты в Санкт-Петербург препятствий не имеется»¹. С Троицко-савской городской управы получили за № 4:

Свидетельство о принадлежности по купеческому сословию

«Выдано Кяхтинскому купеческому сыну Александру Алексеевичу Лушникову. 18 лет, холост, веры православной. Из Троицкосавской Городской управы 1891 г. ноября 1 дня по 31 декабря 1891 г.»

*казначей управы М. А. Кондаков
бухгалтер Мих. Попов²*

В материалах Российского государственного исторического архива хранится прошение А. А. Лушников в Императорскую академию художеств.

*Дело канцелярии
Императорской академии художеств № 120
Начато 9 августа 1891 г.*

*В Императорскую академию художеств
Представляю свидетельство о принадлежности к купеческому сословию, метрическое свидетельство, аттестат об окончании Реального училища, свидетельство от полиции о благонадежности. Свидетельство по участку мною будет доставлено через неделю. Имею честь покорнейше просить о допущении меня к вступительным экзаменам. Желая изучать живопись.*

*Потомственный почетный гражданин
Александр Алексеевич Лушников³*

Из архивного материала известно, что Александр обучался в академии до 1894 г. Как вспоминал один из сокурсников Лушников, известный русский художник В. Э. Борисов-Мусатов: «Худощавое, спокойное лицо с тонкими чертами, нос с легкой горбинкой, маленькие усики. Узкие, словно чуточку «китайские» глаза под стеклами очков. Да Лушников и был выходцем из дальних восточных земель — из Забайкалья. Кассиром посадили его, видать, из-за деловой и бухгалтерской сметки: Лушниковы были владельцами торговой фирмы по продаже чая в Кяхте» [3, с. 10].

В Петербургской академии художеств учеба не принесла ему удовлетворения. Покинув академию, он уехал в 1895 г. в Париж, где поступил в класс известного художника Фернанда Кормона. Париж в те времена был центром мирового искусства. Импрессионисты достигли зенита своей славы и влияли решительно на все школы и художников. Понятно, что А. Лушников не мог оказаться исключением.

---

¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 120. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

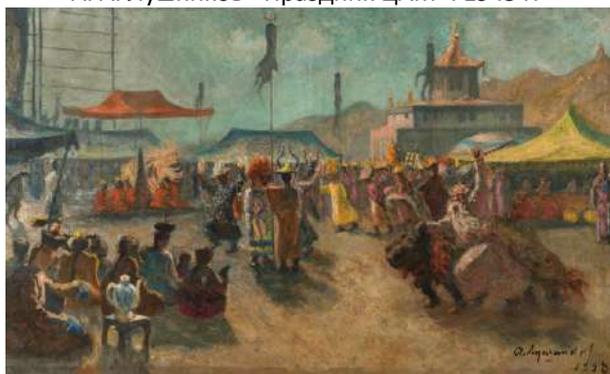
³ Там же. Л. 1.

Окончив учебу в мастерской Кормона, Лушников не остается на Западе, он окажется так привязан к родным местам и к семейным традициям, что, несмотря на успехи в искусстве, вернется через годы к фамильному своему занятию. «Виктор, его друг, будет позже беситься, негодовать, но ведь знал же он, что не один коммерческий дух жил в той Лушниковской тяге, иначе бы просто разорвал с “отступником”, предавшим искусство. А потянет “Алексеича” домой родовая память».

В России в XIX в. уделяли большое внимание изучению Центральной Азии. Русским географическим обществом организовывались экспедиции в Китай, Тибет, Монголию. Через Кяхту проходили экспедиции известных путешественников Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, Д. Н. Клеменца, Г. Н. Потанина, В. А. Обручева и др. Семья Лушниковых из первых уст получала сведения о восточных странах и закрытом для европейцев Тибете. Александр, возвратившись в Забайкалье, вступает в Троицкосавско-Кяхтинское отделение Русского географического общества, основанного в 1894 г. Отделение уделяло большое внимание изучению истории, культуры, религии монголоязычных народов, собиранию монгольских книг и рукописей.

А. А. Лушников «Праздник ЦАМ». 1945 г.¹

А. А. Лушников «Благословение народа Хутухтой» (Богдо-гэгэном) во время праздника Долон хошун. 1899 г.²

¹ Фонды Кяхтинского музея А. А. Лушников «Праздник ЦАМ». 1945 г. ОФ-4130/1. Инв. ЗЖ-104.

² Фонды Кяхтинского музея А. А. Лушников «Благословение народа Хутухтой». 1900 г. ОФ-2695.

Самобытность Монголии, ее народа отражена Лушниковым в картине «Благословение народа Хутухтой». Хутухта (Богдо-гэгэн) — глава буддийской церкви Внешней Монголии. Художник в 1899 г. во время праздника Долон хошун был потрясен увиденным почтением и поклонением верующих Богдо-гэгэну VIII. Толпа паломников, съехавшихся со всех концов некогда могущественной Монгольской империи, уселась «длинными рядами прямо от ворот Гэгэновского дворца и в этом положении ожидала его появления». Как отмечает известный русский востоковед А. М. Позднеев: «Можно удивляться, с каким благоговением смотрят все они в сторону, откуда должен появиться Гэгэн народу, и какая тишина царствует во все это время, длящееся для некоторых иногда два и три часа. Отправляясь за тысячу верст, они, безусловно, тратили огромные средства на дорогу и ценные подношения главе монгольской церкви. Однако, вернувшись домой, они чувствовали себя баловнями судьбы, получившими благословение от “живого святого”» [4, с. 184–186].

Картина «Благословение народа Хутухтой» автором была представлена на выставке в Париже. В газете «Байкал» в рубрике «Новости Кяхты — Троицкосавска» была помещена информация, что 8 марта А. А. Лушников выехал на выставку в Париж¹. Позже кяхтинцы были информированы, что в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже эта картина получила «Почетный отзыв» (Mention Honorable)².

В 1902 г. Александр совместно с И. В. Багашевым и братом Иннокентием учредил газету «Байкал». Принимал активное участие в деятельности ТКО ПО ИРГО. В г. Иркутске на праздновании 50-летия Восточно-Сибирского отдела ИРГО выступил с докладом о деятельности ТКО ПО ИРГО. В 1901 г. опубликовал статью (Граф Муравьев-Амурский по отношению к Кяхте // Труды ТКО ПО ИРГО. Т. V), дал оценку вклада Н. Н. Муравьева-Амурского в развитие кяхтинской торговли. В 1902 г. А. А. Лушников принимал участие в 3-й экспедиции ТКО ПО ИРГО на озеро Косогол. Кроме собранных коллекций членами экспедиции были также произведены съемки местности и измерение высот. И возможно, тогда были сделаны фотографии в Монголии, хранящиеся в Кяхтинском музее.

После революции 1917 г. А. А. Лушников выехал из Кяхты, жил в Благовещенске, Владивостоке. Позднее в Москве, где работал во Всероссийском кооперативе художников, в Дарвинском музее, помогал Д. А. Клеменцу в оформлении экспозиции этнографического музея.

Многие кяхтинцы уехали из родного города, но продолжали поддерживать связь с друг другом. Из письма Ивана Казакова (мужа Александры Викторовны Барбот-де-Марни) из Москвы к Лидии Викторовне Игнатьевой (Барбот-де-Марни) в Алма-Ату 1943 г.: «Часто навещаю дядю Сашу и Шуму, делюсь продуктами, которые получаем из Алма-Аты. Живут они очень бедно, плохо у них со

---

¹ Байкал. 1899. № 19.

² Байкал. 1900. № 2. С. 6.

здоровьем». Шума — так звали в семье сына Ивана Ивановича Попова, зятя А. М. Лушников, автора книги «Минувшее и пережитое», а дядя Саша — это Александр Алексеевич Лушников, дядя Шумы.

Умер А. А. Лушников после войны в 1947 г. Одной из последних работ художника стала картина «Праздник Цам». На картине изображено проведение театрализованного и красочного обряда богослужения Цам-хурал. Дата написания картины — 1943 г.

Проживая в Кяхте, он неоднократно посещал и китайский Маймачен и столицу Монголии Нийслэл Хурээ (Улан-Батор). В Монголии он наблюдал за завораживающим обрядом «Мистерия Цам», ежегодно совершаемым в буддийских монастырях. Экзотические костюмы: страшные, птичьи или звероподобные маски с клыками в оскаленных пастьях, украшенные черепами; резкие, пугающие движения танцоров — таково первое впечатление от мистерии. Прототипы масок Цама ученые находят на древних петроглифах и наскальных рисунках Центральной Азии.

Цам — это танец мистического содержания, во время которого монахи, облаченные в костюмы и маски, с помощью символических жестов и движений представляют персонажей буддийского пантеона. Цель мистерии — показать присутствие божества на земле и отдалить злых духов (шимнусов) от последователей Будды. Главная задача мистерии Цам — распространение блага для местности, где она проводится. Это театрализованное представление с большим количеством участников собирало тысячи верующих и могло длиться несколько часов. В дацанах хранились специальные руководства на тибетском языке по проведению ритуальных танцев, а ламы высокого посвящения руководили всей церемонией мистерии, постановкой танца и пантомимы. Задолго до начала ритуала ламы, исполняющие роли главных персонажей, проходят длительное затворничество, созерцая то божество, которое затем будут представлять в танце. В монастырях работали ламы — мастера по пошиву разнообразных и сложных костюмов для персонажей мистерии, существовали мастерские по изготовлению масок, реквизита, ритуальных предметов. Маски для Цама обычно делали из папье-маше и расписывали минеральными красками. Некоторые маски украшали кораллами, бирюзой, малахитом, дополняли позолоченными серьгами и короной. Перед использованием маски освящали. Их изготовление приравнивалось к высокому искусству. Роль, которая доверялась тому или иному ламе, зависела, прежде всего, от его знаний в области буддийской философии и мистических основ Цама. Исполнителями ролей гневных божеств — докшитов — могли быть только ламы высокого посвящения, в то время как ламы среднего уровня исполняли роли второстепенных божеств свиты. Очень важная роль в Цаме отводилась музыкантам, которые аккомпанировали танцующим монахам. Музыка для ламского оркестра была расписана по инструментам, для каждого бога существовала своя мелодия, свой ритм.

На картине мы видим, что церемония проводится летом перед буддийским храмом. В церемонии участвуют злые и добрые персонажи, а также различные животные, символизирующие разные грани буддийского учения. В центральной части представлены главные персонажи Цам: Джамсаран — бог войны, один из самых гневных докшитов, бог смерти Ямараджа, или Чойчжал, в облике быка. Следующим участником действия показан Ваджрапани — один из бодхисаттв, охраняющих Будду и его учение. Ваджрапани — это бог целительства. Справа на картине изображен Белый старец, божество местности (монг. газрын эээн; савдаг), сопровождаемый драконом, защитником Будды и буддийского Учения, а также другие участники действия. Все персонажи отображены художником не в статичном положении, а в движении. Вокруг импровизированной сцены расположились верующие.

В сценическом (материальном) плане решение главных задач мистерии — усмирение зла (очищение мира) и устрашение врагов веры — происходит следующим образом. Перед началом церемонии из теста, бумаги или деревянных реек (в разных монастырях своя традиция) создаются два предмета: фигурка врага веры, слепленная из теста — «линг» (похожая на человечка), а также «сор» — жертвенная пирамида из реек и бумаги, напоминающая наконечник стрелы, увенчанная человеческим черепом из теста. Мистерия заканчивается уничтожением сора и линга. Во время церемонии Цам с помощью движений монахов эти два предмета «наполняются» из окружающего мира злой энергией (плохой кармой), а потому должны быть уничтожены, их сжигают на большом костре, что и отобразил художник А. Лушников. Картина в музей поступила в 1969 г.

Сотрудники одного из ведущих музеев России — Дарвиновского государственного музея — писали о художнике Александре Алексеевиче Лушникове (1872–1947): «Сын известного кяхтинского купца-мецената А. М. Лушникова. Закончил Петербургскую академию художеств, учился в Париже. Работал во Всероссийском кооперативе художников в Москве, в Дарвиновском музее, сотрудничал с другими музеями России. Дальний родственник В. В. Кандинского. А. А. Лушников — художник разноплановый, работал в разных жанрах и направлениях. И всегда это получалось очень талантливо. К большому нашему сожалению, Дарвиновский музей утратил все работы художника. В 1970-х г. музей заставили избавиться от “непрофильных активов” и передать картины мастера другому учреждению. О чем мы горько сожалеем!».

Последнюю свою работу «Старый Троицкосавск» А. А. Лушников писал в 1945 г. по заказу А. Н. Орловой, директора Кяхтинского музея, по памяти и старым фотографиям. На картине изображен вид «Старой Кяхты», написанный по рисункам и фотографиям, сохранившимся у художника. Талантливая работаполнила коллекцию купеческой семьи А. М. Лушникова.

Литература

1. Цыденова Л. Б. А. М. Лушников — кяхтинский купец первой гильдии, меценат, просветитель // Цыбик чайных историй: очерки по истории русско-китайской чайной торговли. М., 2017. С. 149–156.
2. Назимов К. И. Страничка из истории Кяхты (А. М. Лушников) // Восточное обозрение. Иркутск, 1901. № 141. С. 4.
3. Шилов К. В. Борисов-Мусатов // Жизнь замечат. людей. Сер. Биогр. Вып. 781. М.: Мол. гвардия, 2000. С. 406.
4. Позднеев А. М. Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880. 84 с.

УДК 82-13(=512.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-228-232

**«КРОВОЖАДНЫЕ» ЗАГОВОРЕННЫЕ СТРЕЛЫ
В ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОСАХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ**

© **Миягашева Суржана Борисовна**

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8
E-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru

Исследование посвящено этнографической интерпретации мотивов о заговоренных стрелах в эпосах тюрко-монгольских народов. В результате привлечения ритуально-обрядового материала выявлена семантика «кровожадных» стрел, в которой зашифрованы представления об инициации охотника-воина, ритуалы обрядового «кормления» оружия и вселения боевого духа, называемого *сульдэ/илбис*. Подобная боевая ипостась находит аналогии с шаманской наследственностью *удха*, где данный термин имеет общие корни с названием стрел у тюрко-монгольских народов.

Установлено, что сюжеты оживления магического оружия (магии оборотничества) представляют собой отголоски архаической имитативной магии, нацеленной на непреременный успех в охоте и военных действиях. В целом определено, что промысловые обряды присутствуют в цикле военных ритуалов народов Центральной Азии и Южной Сибири.

Ключевые слова: улигер; заговоренное оружие; охотничье-промысловые обряды; сульдэ; дух войны.

«BLOODTHIRSTY» CHARMED ARROWS
IN THE HEROIC EPICS OF THE TURCO-MONGOLIAN PEOPLES

Surzhana B. Miyagasheva

Cand. Sci. (History), Research Assistant,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
8 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
E-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru

This study is devoted to the ethnographic interpretation of the motives of the charmed arrows in the epics of the Turkic-Mongolian peoples. The involvement of ritual reveals the semantics of the «bloodthirsty» arrows, in which the encrypted representation of the initiation of the hunter-warrior rituals the ritual of «feeding» weapons and instilling the fighting spirit, called *sulde/ilbis*. Such a combat hypostasis finds analogies with the shamanic heredity of the *udha*, where this term has common roots with the name of arrows among the Turkic-Mongolian peoples. It is established that the subjects of the revival of magical weapons are echoes of archaic imitative magic aimed at the indispensable success in hunting and warfare. In general, it is determined that fishing rites are present in the cycle of military rituals of the peoples of Central Asia and southern Siberia.

Keyword: uliger; enchanted weapons; hunting-trade rites; sulde; spirit of war.

Героический эпос является не только эпическим богатырским сказанием, но и представляет собой уникальный комплекс ритуалов и обрядов, мифологических представлений и народной мудрости. Эпосы составляли важный компонент духовно-обрядового и хозяйственно-бытового комплекса древнего коллектива. Испокон веков у бурят их исполнение носило ритуально-обрядовый характер и приурочивалось к какому-либо общественному событию. Улигеры поют (сказывают) для достижения разных благ, например для исцеления больных, для прозрения слепых, ради успеха в промыслах, на охоте, на облавах, во время ловли рыбы, улигер способствует успеху в походах [2, с. 14].

В данном аспекте заслуживает внимания один из известных мотивов героического эпоса, богатырских и волшебных сказок народов Сибири — заговор или заклинание стрелы. Заговор стрелы представляет собой жанр обрядового фольклора, в котором эпический монолог обращения героев к своему оружию служил в качестве заклинания [8, с. 74]. В эпическом действии богатырь обращается с заговором к стреле, чтобы наделить ее меткостью. Например, ойратский богатырь Бум-Эрдэни произносит: «Пусть попадет она в белый хрящ груди Кийтен Кеке Зеве, пусть попадет она в жилу его пестрого сердца, в главную кость, в жилистое сердце!». Затем стрела, пущенная богатырем с помощью произнесенного заговора, точно попадает в намеченную цель [4, с. 97].

Заговоренная стрела может выполнить разные поручения: герой указывает ей, куда лететь, в какое место поразить врага или его коня (в шею, глаз), что захватить с собой на обратном пути (перо Ханхан Хирдиг-птицы, ящик с душами мангусов — перепёлками) [11, с. 75]. В ряде эпосов стрела обладает свойством, дойдя до цели и совершив заданное, самой возвращаться обратно и входить в колчан [1, с. 55]. Волшебные стрелы, пущенные батором, способны облететь вокруг земли, они могут проложить путь по тайге, через горы [11, с. 75].

Стрелы эпических героев представляются живыми. Например, в героических сказаниях хакасов имеется описание сказочной стрелы с двойным наконечником *хосто*, которую описывали как дальнебойную, огнедышащую, настигающую врага и возвращающуюся обратно к хозяину. Ее называли «языкастое, зубастое живое *хосто*». В сказаниях хакасов также существовала волшебная девятиглазая черная стрела *ортахчин*, которой свойственно не только убивать, но и исцелять воинов. Носили ее, согласно легендам, в правом кармане боевой одежды [5, с. 193–194].

Героические стрелы обладают магией оборотничества и превращений. Так, улигерные стрелы из бурятских эпосов имеют способность превращаться то в ястреба, то в серого волка, то в сокола [9, с. 41]. Как отмечает Д. В. Цыбикдоржиев, стрела выступает как оборотень какого-то животного и, несомненно, звериные рудименты в образах стрел представляют собой отголоски архаического мотива [13, с. 22].

На наш взгляд, сюжеты оборотничества предполагали также и имитативную магию, основанную на принципе «подобное производит подобное», а в частности со способностями звериных персонажей. В данном случае можно привести в пример обычай хакасов, которые носили засушенную голову птицы сорокопуд

хуралдай вместе с охотничьим набором или просто привязанной к ружью. Перед тем как выйти на зверя, ее клюв три раза вставляли в ствол ружья и произносили заклинание: «Достигни зверя так же, как никогда впустую не падающий *хуралдай*!». Хакасы считали, что после такого магического действия ружье метко поразит зверя, так как хищная птица *хуралдай* никогда не промахивается при нападении на жертву [6, с. 101]. Вероятно, не случайно улигерные стрелы из бурятских эпосов имеют способность превращаться в зверей и птиц, отличающихся именно своей быстротой и меткостью в охоте.

Еще одним мотивом заговоренных стрел является ее кровожадный образ. Мотив кровожадности оружия и самого эпического богатыря встречается в фольклоре народов Сибири. В бурятских улигерах стрела воспринимается как кровожадное живое существо — она разговаривает, дает клятву верности, поет и просит угостить ее кровью. Например, в улигере «Алтан Гургалдай мэргэн» богиня Охин тэнгри изготавливает стрелу, взяв с нее девять присяг и девять клятв, и эта стрела не падает, пока не напьется крови врага. Попав в руки героя, стрела умоляет его: «Дай лизнуть хоть каплю крови, не дай на землю упасть», обещая служить ему и его потомкам. Воин подставляет ей свое бедро и, напившись крови, стрела становится его верным неумолимым оружием [13, с. 22]. У хакасов наравне со стрелами кровожадностью обладали копья *чыда* — «кровью ненасытная, трехглазая, сороказубая кровавая *чыда*» [5, с. 190].

На наш взгляд, семантика образа кровожадной стрелы кроется в военно-охотничьих ритуалах, которые проявляются в окроплении кровью и магическом «кормлении» оружия. Подобные элементы встречаются в промысловых обрядах бурят. Неспроста заговоренные, бьющие без промаха стрелы героев западно-бурятского эпоса всегда называются черными хангайскими, что связывает их с покровителями охотников и тайги Хангаем [13, с. 28]. До недавнего времени у бурят для призывания охотничьего счастья перед охотой требовалось провести «кормление» оружия, насадив кусок бараньего курдюка или мяса на шомпол ружья, из которого потом выстреливали [7, с. 144]. Несомненно, смысл данного обряда демонстрирует ритуальное угощение не духа хозяина тайги Хангая, а самого охотничьего оружия (стрелы, ружья), так как считалось, что оно живое.

По поверьям тюрко-монгольских народов, любой предмет наделялся признаками одушевления — они могли обижаться, нарочно хуже или лучше служить, а также есть и пить. Поэтому орудия труда и охоты, также идола и онгоны требовалось угощать, обращаться к ним и просить верно служить. В связи с этим необходимо было периодически их угощать и смазывать жиром или кровью [10, с. 19].

Мотив «кормления» кровью входит не только в промысловые обряды, но также присутствует в цикле военных ритуалов. Окропление боевого оружия кровью встречалось во время инициаций молодого охотника-воина. Например, у якутов существовала традиция перед началом сражения проколоть копьем или стрелами сердце жертвы и, окрасив оружие кровью, вызывать и вселить дух войны, называемый *Илбис*. Окропление свежей кровью боевого оружия *сэби хааннааһын* проводилось перед каждым сражением. По представлению, подоб-

ное окровавленное оружие должно было само находить живое и поражать его насмерть [12, с. 253].

Аналогом якутского *Илбис* у монгольских народов является боевой дух *сульдэ*. *Сульдэ* — это душа, которая ассоциируется с гением войска, воплощаясь в знамя *туг*. Чтобы вселить боевой дух *сульдэ*, требовалось пролить кровь. Так, у киданей существовал ритуал перед отправкой в военный поход проливать кровь приготовленного в жертву человека (обычно преступника), когда тысячи воинов проезжали вокруг и осыпали его тучами стрел. Д. В. Цыбикдоржиев считает этот обряд трансформированным обрядом вверения войском своего *сульдэ* предку, в дальнейшем — богу войны. Стрела служит символом *сульдэ*, и выстрелить в жертву должен каждый воин [13, с. 263].

Возможно, заговоренная стрела, окропленная жертвенной кровью, наделялась свойством бить прямо в цель, не зная промаха, нести смерть и тем самым воплощала *сульдэ* самого воина, «впустившего» в себя духа войны, т. е. вошедшего в состояние боевого экстаза.

Следует отметить, что фольклор предбайкальских бурят изобилует преданиями, повествующими о шаманах, сражающихся посредством боевой ипостаси, которая ассоциировалась с поражающей способностью стрел. Подобная способность называлась термином *удха*, что находит аналогии с названием стрел у тюрко-монгольских народов. По мнению Скрынниковой, *удха* — от слова «укту» — «имеющий стрелу», а шаманы, как известно, обладали сакральной субстанцией, харизмой. Бурятское выражение *удха харбуулха* — быть сраженным шаманским *удха*, вероятно, означало «вселение харизмы, сакрального духа *сульдэ*». Как отмечает С. Б. Болхосоев, слово *удха* в шаманской традиции воспринималось как реальное оружие, боевая стрела, вооружение, поэтому со стрелой отождествлялась магическая сила шамана [3, с. 34–35].

В целом мотив «кровожадной» заговоренной стрелы отражает зашифрованные представления об инициации молодого охотника-воина, ритуалы обрядового «кормления» оружия и вселения духа войны посредством боевого экстаза во время военных сражений и битв.

Литература

1. Абай Гэсэр-хубун. Ч. II. Ошор Богдо и Хурин Алтай / подгот., пер. и прим. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1964. 230 с.
2. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон. Бурятский героический эпос / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 312 с.
3. Болхосоев С. Б. Избранничество: феномен шаманской наследственности *удха* у предбайкальских бурят. Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВО ВСГИК, 2016. 247 с.
4. Борджанова (Басангова) Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста, 2007. 592 с.
5. Бутанаев В. Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 188–197.
6. Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан, 2005. 200 с.
7. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991. 172 с.

8. Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. 264 с.
9. Намжилова М. Н. Хоринские улигеры. Улан-Удэ, 1997. 120 с.
10. Обрядовая поэзия саха (якутов) / сост. Н. А. Алексеев, П. Е. Ефремов, В. В. Илларионов. Новосибирск, 2003. Т. 24. 512 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
11. Уланов А. И. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 2009. 220 с.
12. Ушницкий В. В. Воинские ритуалы и обряды якутов: илбис тэгэри (обряд вселения духа кровожадности в воина) // Народы и религии Евразии. Т. 3, № 3: Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической перспективе / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул, 2009. С. 249–257.
13. Цыбикдоржиев Д. В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ, 2003. 292 с.

УДК 393(=512.36)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-233-246

**РАЗНОВИДНОСТИ ПОХОРОННЫХ ОБРЯДОВ СОВРЕМЕННЫХ МОНГОЛОВ:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

© **Идэрмаа Гаравсүрэн**

аспирант,

Монгольский государственный университет

Монголия, г. Улан-Батор

Email: idermaa.g@gmail.com

Ритуалы почитания, похорон и поминок покойника в похоронных обрядах монголов являются определенным своеобразием их культурной жизни, демонстрирующим особенности быта кочевников. В разные периоды монгольской истории были распространены *разные типы захоронений: захоронение в земле, кремация, захоронение с жертвоприношением, захоронение в гробнице, мумифицирование и воздушное погребение*. Современный период монгольской истории (с 1911 г. до нашего времени) характеризуется реформами, охватывающими разные сферы социальной жизни, в том числе касающиеся похоронных обрядов. В этом докладе была поставлена цель дать краткое описание некоторых из них: *захоронение в земле, воздушное погребение, кремация в их традиции и инновации* на примере кладбищ на территории столицы Монголии г. Улан-Батор.

Ключевые слова: монголы; похоронные ритуалы; традиция; современность.

**FUNERAL RITUALS OF MODERN MONGOLIA:
TRADITION AND INNOVATION**

Idermaa Garavsuren

Research Assistant,

National University of Mongolia

Mongolia, Ulaanbaatar

E-mail: idermaa.g@gmail.com

Funeral rituals of Mongolians are uniquely distinct and ancient tradition. Rituals such as condolences, burial, and remembrance are purely influenced by the nomadic culture of the Mongolian people. Since long ago, there have been many methods to honor the remains of the dead. Methods such as: ground burial, cremation, sacrificial feeding to animals, sky burials, building tombs, mummification, and releasing ashes by wind. Beginning from 1991 to present day, funeral rituals are now enforced by law that takes considerations of many aspects. These aspects include: economy, politics, and socio-cultural traditions

In this paper, the most common funeral rituals of modern-day Mongolia and its historical traditions and innovations are to be presented. Note that examples are sampled only from the capital city of Mongolia, Ulaanbaatar. The two most funeral methods are ground burial and cremation. There are documentations and researches that have studied the funeral processes of the many ethnic groups of modern-day Mongolia. However, there is no holistic research that examines the cross-cultural differences between the ethnic

differences in its entirety. This focal point of this paper is to approach these differences in a unified matter that is most likely unexamined.

Keywords: Mongolia, funeral, tradition, innovation, Ulaanbaatar cemetery.

Ученые проводили исследования по похоронным обрядам монгольского этноса [1]. Однако всеобъемлющих и фундаментальных исследований по видам похорон и развитию их традиций пока не опубликовано.

1. Захоронение в земле

Как показывают исторические источники и археологические находки, похороны в знак уважения к покойнику восходят к древнему времени.

Самое древнее захоронение на территории Монголии относится к концу неолита. Так как погребения периода неолита относятся к периоду 4000-летней давности до н. э., древние люди начали специальные похороны покойников с периода 6000 лет, почитая и организуя поминки [2]. Способы погребения монголов изменялись из поколения в поколение. Захоронение в земле было распространено в ранние и средние периоды, как показывают источники по истории и археологические находки. Хунны, создавшие первое государство на территории Монголии, хоронили своих покойников великолепно и глубже, чем другие народы. Если древние египтяне создавали пирамиды как погребения их фараонов на земле, монголы создавали гробницы в виде пирамид на 20-метровой глубине под землей [3].

Одним из многих аналогичных вещей в погребальных обрядах хуннов и монголов (например, организация погребальных сооружений, сопровождающие вещи с определенными местами нахождения и положение тела покойника) является захоронение в земле, как показывает современные исследования около 2160 погребений в 12 кладбищах хуннских аристократов в Монголии, Бурятии и Тыве Российской Федерации (в среднем в одном кладбище 10–500 погребений и из них 27 были исследованы). Небольшие обыкновенные погребения с каменным насыпями были обнаружены в Монголии — более 300 мест, и число погребений в этих местах насчитывает свыше 10 тысяч (в среднем около 100 погребений на одном кладбище) [4]. Были сделаны раскопки в 400 погребениях.

Наблюдается связь населенного пункта с большими кладбищами, то есть, как мы предполагаем, около кладбища с более 200 погребениями находился населенный пункт [5]. Например, село Боро и гора Нойон, Иволгинское кладбище и Иволгинское село и Тамирын улаан хошуу (Бурхан толгой) и три смежных крепости Хэрмэн.

При хунну глава рода или шаман определял место захоронения покойников. Так как хунны имели единое кладбище, определялось место нахождения погребения внутри кладбища. Стремилась хоронить родственников-покойников близко друг к другу [6], и это наблюдается в погребальном обряде современных монголов.

С древних времен до XII в. глав племен и родов хоронили в одном месте и называли это место «Ихсийн газар» («Кладбище вельможей»), однако их устройство похоже на устройство общих кладбищ покойников [7]. Сейчас на территории

города Улан-Батора более 20 общих кладбищ с лицензиями и без лицензий охватывают площадь более 1000 га [8].

Так как по представлению монголов Средневековья место для покойников находилось на матери-земле, именно в почитаемых горах, было распространено захоронение покойников на теплом и солнечном склоне горы [9], и этот обычай сохранился до нынешних дней.

В Центральном национальном архиве Монголии (XVIII — начало XX в.) сохранились сведения не только о похоронном обряде монголов, но и о семьях, которые были обязаны хранить Кладбище вельможей [10].

Изменения в похоронном обряде монголов XX в. коснулись вопросов захоронений в густонаселенных пунктах Улан-Батора.

Как считают исследователи, процесс реализации культурной политики в Монголии в 1921–1940 гг. развернулся в виде борьбы за освобождение народа от старой нравственности, буддийской идеологии и влияния суеверий [11].

В результате внимания со стороны правительства Монголии на устранение обычая «воздушного» погребения в 1929 г. городским управлением Улан-Батора было принято «*Аливаа наснаас нөгцсөнийг нутаглуулах тухай (Правило захоронения покойников)*» и были созданы специальные кладбища — восточный и западный *Алтан улгий*. Как было указано в этом правиле, с 1929 г. по всей территории Улан-Батора:

- запрещалось всем оставлять покойников на территории города и близ города,
- все обязуются хоронить покойников или на севере или на северо-востоке города (восточный и западный *Алтан улгий*) независимо от их возраста,
- яма для захоронения копалась специальными людьми и размер платы за их труд определялся городским управлением от одного до пяти тугриков.

Это было связано не только с решением устранить обычай «воздушного» погребения, который возник как результат сильного распространения буддизма в Монголии, но и являлось частью процесса внедрения новой культуры.

Первое правило захоронения на территории города Улан-Батор было тесно связано с изменением порядка в похоронных обычаях и ритуалах монголов: уничтожение идеологии старого общества, обращением внимания на внешний вид столицы, забота о здоровье народа и уважение к покойникам и формирование новой культуры.

1 марта 1956 г. по совместному постановлению Совета министров МНР и президиума ЦК МНРП было создано “Хүүр оршуулах товчоо (Бюро похорон)” со специалистами, транспортными средствами и цехом при городском исполнительном управлении города Улан-Батор. Это бюро являлось государственной организацией, созданной для проведения политики партии и правительства в населенных пунктах.

«Бюро похорон» занималось только захоронениями на территории города Улан-Батор, продолжило свою деятельность как государственная организация с 1958 по 1991 г., компания «Иргэдийг үйлчлэх Буян (Бюро по обслуживанию

граждан)» — с 1991 по 2004 г. и компания «Улаанбаатар буюн» с 2004 г. по сей день.

С 1958 г. в Улан-Баторе разрешено хоронить покойников в определенном месте, необходимо ставить определяющие знаки и держать скот на расстоянии 200 метров от кладбища. Захоронение в земле стало распространенным, этот способ делится на захоронения в гробу или без гроба. При этом способе захоронения сначала копается яма, гроб с покойником помещается в яме, заполняется яма песком или землей, верхняя часть или цементируется, или закрывается каменной насыпью и ставится надгробный камень [12].

«Процедура организации похоронного процесса на территории столицы» была утверждена в рамках постановления № 86, опубликованного 9-го июня 2014 г.

Компания «Улаанбаатар буюн» организывает захоронения на склоне горы «Шулэг» или в «Мемориальном парке» на западе столицы, на склоне горы «Баян» и «Парке рая» на востоке и в других кладбищах с разрешением или лицензией. Это компания работает с целью достижения международного уровня в деле увековечивания имени покойника и сочетания похоронного обряда с традиционными ритуалами своей родины.

Захоронение покойников в «Мемориальном парке» на западе и в «Парке рая» на востоке Улан-Батора проводится по следующей процедуре: 1) инструкция дается в приемной, 2) причина смерти и дальнейшие действия родственников за упокой души покойников спрашивается у монаха, 3) регистрируется у консультанта, 4) вычеркивается имя покойника из листа гражданской регистрации, 5) получение средств в организации социального страхования, 6) информация дается консультантом, 7) заключается договор, 8) выбирается площадь для захоронения, 9) покойника привозят из морга, 10) приезд в парк, 11) прощание с умершим в зале, 12) захоронение в земле, 13) зажигание лампы в комнате лампад, 14) приход родственников к могиле покойника и выражение уважения, 15) литургия в храме блага, 16) умывание рук святой водой, 17) уход из парка.

Как показывают исторические источники Монголии и археологические находки, захоронение в земле было распространено в Монголии с древних времен и дошло до наших дней. Классовые различия в обществе и принадлежность к этническим группам не влияли на захоронение в земле, и этот способ похорон продолжает быть основным для современных монголов.

2. Кремация

Связь традиции и инноваций кремации в похоронном обряде монголов и вопрос об изменении способа кремации являются одной из важных тем, которые вызывают интерес исследователей.

Как показывают письменные источники и археологические находки, кремация использовалась для аристократов, почетных людей, буддийских лам и хувараков, шаманов и укротителей погоды. Можно упомянуть некоторые факты по этой теме.

Внутри гробницы Шороон бумбагар в местности Улаан хэрэм в сомоне Баяннуур Булганского аймака Монголии головная часть гроба направлена на север.

В гробу в виде деревянного ящика длиной 80 см и шириной 35 см помещен прах покойника в шелковом мешке. Это является свидетельством существования кремации у древних кочевников [13]. Шороон бумбагар в местности Улаан хэрэм относится к второй половине VII века н. э.

Следы кремации были найдены среди похоронных памятников монголов, относящихся к XIV в. в местности Маамуу толгой, близ столицы Хархорум Монгольской империи. Как писали исследователи Г. Мэнэс и Д. Баяр: «Это покойница, голова которой направляется на юг. У её головы прах взрослого человека в вазе с большим краем» [14]. Это доказывает существование кремации в период Монгольской империи и Великого монгольского государства.

Когда потомок Чингис-хана и аристократ Халхасский Сэцэн-хан Шолой умер в 1652 г. его тело было кремировано, была построена Золотая ступа, которой до начала XX в. делали подношения. Из источника «*Өмч хуваасан тэмдэглэл (Записки о делении имущества)*»: «тело Сэцэн-хана Шолоя после смерти было сожжено, и предплечье, которое осталось целым, вложили внутрь золотой ступы и мне, Ананду Далаю Жонону, как продолжателю рода отца поручили делать подношения этой ступе» [15].

Исторические источники и археологические находки, найденные на территории Монголии, доказывают, что кремация тел покойных аристократов продолжалась с давних пор.

Как считают исследователи, способ захоронения покойников зависит от верований, обычаев, нравственности данного народа.

В своем произведении «Хух сутра» (1886) Инжаннаши Ванчинбал писал: «...преподнесите ли вы тела покойных учителей-лам сожжением. Людям на земле нужно понять, что плоть (монаха) дается на корм богов, а его дух становится богом» [16]. Так монголы понимали кремацию тел покойных лам и хутугтов.

Этнографические сведения сообщают, что тело покойного монаха помещается внутри большого котла, закрывается другим котлом сверху, запечатывается, расплавляется, останки в виде костей и прах помещаются в специальной ступе [17].

Когда хубилган лама Ловон ширээт как IV инкарнация в хошуне Бишрэлт Түшэтханского аймака Халхи умер весной 1933 г., его тело было сожжено внутри его печки [18], и прах был преподнесен горе Мунгон в сомоне Хишиг-Ундор Булганского аймака Монголии.

Когда деятель политики, религии и культуры Монголии XX века Дилова хутугт Жамсранжав [19] умер в г. Нью-Йорк США, его тело было кремировано, часть праха была послана в Индию, а другая часть была сохранена, чтобы послать в Монголию в подходящее время. Эта часть праха была привезена представителями Монголии и Ассоциации культуры США в Монголию 8 ноября 2016 года. Церемония получения этой ценности была организована в храме Тугс Буянт Жавхлант в сомоне Улиастай Завханского аймака 9 декабря 2016 г. [20].

Коренным верованием монголов был шаманизм, который возник и развивался в кочевой культуре Центральной Азии как ее составная часть и идеология [21]. Человек, который общается с идолом и делает заклинания, называется *шаманом*. Как пишут исследователи, через три года после открытого захоронения покойного шамана собирались останки костей, древесины, тканей, поливались топленным маслом и сжигались, и этот обычай сохранился до наших дней [22].

Встречаются в исторических источниках и сведения о том, что простые люди кремировали тела своих родителей. Например, В. Инжинааш в своем произведении «Хух судар» писал: *«Внутренних местах хоронят в золотах и яшмах. В нангиаде дают оставить в реках и морях. В Монголии преподносят с помощью огня, в нашей Монголии пятьдесят и шестьдесят лет назад начали даже простые люди приглашать лам, обливать тела покойных родителей и сжигать на огне как мандала, и оставшиеся кости сожигаются дотла»* [23]. Этот факт истории доказывает, что среди простых людей была кремация.

Как показывает история, культура и ежедневная жизнь монголов, они кремировали покойников с давних пор и до наших дней.

Изменение способов похорон у монголов связано с формированием населенных пунктов, планированием города и уровнем развития общества и экономики.

С 1990 г. на территории Улан-Батора тела покойников часто кремировали и с официальным разрешением и без разрешения. Поэтому 3 июля 1997 г. по указу губернатора столицы А/123 был утвержден «Порядок оказания обслуживания в виде кремации» [24], это был первый документ в Монголии в этой сфере. Этот порядок был важным шагом, направленным на интеграцию традиционного монгольского погребального обычая и прогресса современной техники и технологии при почитании покойников. Однако реализация этой процедуры в реальной жизни была сравнительно медленной и зависела от многих социальных и экономических причин.

Впервые в Монголии кампания «Улаанбаатар буян» оказало обслуживание в виде кремации, основанное на прогрессивной технике и технологии по международному стандарту в 2004 г. Эта кампания создала «Комплексный центр блага» на западе и востоке города, в целях исправления нынешнего состояния кладбищ, которое поднимало сложный вопрос по эксплуатации земли внутри границы столицы, прекращения охвата земли кладбищем и улучшения вида города и природы.

Восстановление древней традиции кремации компанией «Улаанбаатар буян» было заказом общества в городе Улаанбаатар с населением более миллиона человек. Это обслуживание, которое было внедрено в жизнь по предложению граждан, на основе социальной потребности выбирали в 2004 г. 17,0% жителей, а сейчас — более 40,0% [25].

В «Центральном комплексе блага» на пади Баруун туруун, 32-го квартала района Сонгино хайрхан на западе города Улаанбаатар проводят обслуживание кремации и освящения праха по международному стандарту, используя совре-

менную технику и технологию, интегрируя это с традиционным похоронным обрядом монголов.

«Центральный комплекс блага» на востоке начали создавать с 2008 г. на территории 20 квартала района Баянзурх для обслуживания жителей в Налайха, Баганууре и других населенных пунктах на востоке города Улан-Батор.

Компания «Улаанбаатар буян» проводит кремацию тел покойников по современной технологии с автоматизированным управлением и безопасными условиями труда, сохраняя традиции монголов и соблюдая стандарты, связанные с кремацией.

Захоронение покойников в «Комплексных центрах блага» на западе и востоке Улаанбаатара почитание, связанное с кремацией, имеет следующие 17 частей: 1) инструкция дается в приемной, 2) причина смерти и дальнейшие действия родственников за упокой души покойников спрашивается у монаха, 3) регистрация у консультанта, 4) удаление имени покойника из листа гражданской регистрации, 5) получение средств в организации социального страхования, 6) получение информации консультантом и оформление заказа, 7) заключается договор, 8) покойника привезут из морга, 9) приезд в комплекс блага, 10) прощание с умершим в зале, 11) кремация, 12) зажигание лампы в комнате лампад, 13) литургия в храме блага, 14) получение праха покойника и превращение его в святыню, 15) помещение святыни, 16) умывание рук святой водой, 17) уход из парка.

После кремации в «Комплексном центре блага» в пади Баруун туруун предлагается 8 способов размещения праха:

- на почетной стене
- в земле
- в ступе
- на стене храма
- под деревом по одному
- в семейной усыпальнице
- под деревом по группам

Отсюда видно, что кремация имеет цель не вредить природе, например, используют способ сухого праха, то есть хранят священный прах покойника в чистом виде в войлочном мешке.

Кремация в похоронном обряде монголов решает проблемы, связанные с эксплуатацией земли, природой, экологией, здоровой и безопасной средой населения, и дает возможность почитать покойников и интегрировать традицию и современную тенденцию.

3. Воздушное погребение

Воздушное погребение — это оставление покойника, завернутого в ткань или войлок, на специальном кладбище или в безлюдном месте.

Воздушное погребение связано с распространением буддизма в Монголии. Об этом писали исследователи:

– «В развитии феодализма в Монголии при сильном распространении буддизма в погребальном обряде монголов появились изменения. Это было всеобщее воздушное погребение покойников» [26].

– «Хотя в конце XIX века и в начале XX века были некоторые способы погребения, такие как захоронения в гробнице, кремация, мумификация, воздушное погребение и другие, самым распространенным было воздушное погребение по традиции буддизма» [27].

– С XVI века «воздушное погребение стало иметь большое значение под влиянием буддизма, который снова распространился в Монголии» [28].

После смерти покойника раздевают, приводят порядок тело, бьют со ступни три раза вверх, закрывают или запутывают голову хадаком, укорачивают его ногти, бреют голову, помещают покойника на его правом боку, ставят правую руку под его щеку, а левую руку на бедре и закрывают тело дэгэлом (национальная верхняя одежда) воротником на очаг. Кроме того, по всей Халхе было распространено завязать тело покойника пестрой веревкой и оставлять пищу в чашке у покойника. Это доказывает, что воздушное погребение как один из способов захоронения восходит к периоду сильного распространения буддизма среди монголов.

Как показывают документы в Центральном национальном архиве Монголии, в начале XX века в Их Хурээ (с 1924 г. Улаанбаатар) и вблизи него в 15 местах проводилось воздушное захоронение покойников. Человека, который занимался этим делом, называли *ясчин* или *яс баригч* [29].

И. Майский в своем произведении «Современная Монголия (Автономная Монголия на пороге XX века)» писал об интересных и особых вещах в похоронном обряде, что доказывает распространенность воздушного погребения в первой половине XX века. Он написал очень детально:

«В автономной Монголии похороны покойников очень необычные. Есть один монгольский обычай, который будет вызывать крайнее удивление у европейцев. Однако по буддийскому верованию покойник не должен быть захоронен в земле, его тело должно стать пищей зверей и птиц. Поэтому монголы не хранят тело умершего в земле, оставляют в безлюдной степи, чтобы истратилась зверьми, воздухом и ветром... Так как покойника оставляют в практически безлюдном месте, в этом способе погребения нет особого неприятного. А в больших городах, монастырях дело идет более тщательнее, например в Урге (Их хурээ), где постоянно живет около 30 000 человек и где много покойников, появилось кладбище. Это так называемое кладбище есть обыкновенный склон горы недалеко от города, где оставляют покойников на воздухе... Тела покойных хутугтув и знаменитых лам в Урге мумифицируют и потом помещают в храме для молитвы» [30].

Как показывают архивные документы и заметки путешественников, было распространено воздушное погребение покойников в населенных пунктах, таких как Улаанбаатар в начале XX в.

Однако народное правительство проводило политику внедрения новой культуры и создало городское управление столицы Улаанбаатар, которое выпустило первое правило по упорядочению погребального ритуала и обычая, запретив воздушное погребение.

В 1929 г. Монгольским правительством были обсуждены вопросы о похоронах покойников и о защите гигиены и принято решение хоронить покойников в земле или сжигать, городскому управлению дано указание совместно с управлением здравоохранения установить место для кладбища на большом расстоянии от города, огораживая это место забором, готовить тарантас, закрытый со всех сторон для возки покойника, и создать печь для сожжения трупов. Например, в официальном письме от министерства внутренних дел городскому управлению 28 сентября 1929 года было написано: «...Нынешнее министерство внутренних дел предлагает управлению здравоохранения запретить воздушное погребение покойника, который умер вследствие заразных болезней, так как собаки, которые съели тело покойника, могут заразить людей любой инфекционной болезнью...» [31].

Городское управление Улаанбаатара выпустило первое «Правило захоронения покойников» в 1929 г. и создало западный и восточный Алтан улгий — кладбища. В предисловии этого правила было подчеркнуто: «В этой стране до сих пор хранят старый обычай оставить покойников вблизи города и не используют захоронение в земле, и этот обычай, внедренный высшими ламами с давних пор, нужно считать одним из путей эксплуатации безграмотных жителей. Такой обычай не соответствует поведению образованных людей, мешает в соблюдении гигиены, распространяет инфекционные болезни и становится причиной смерти людей. Следовательно, городской совет составил это правило в целях исправления этого несовместимого положения и хоронить покойников культурным способом...» [32].

Воздушное захоронение покойников и оставление в безлюдном месте в Монголии продолжались до середины 1940-х гг. и министерство внутренних дел МНР и городское управление Улаанбаатара обращали большое внимание на это. Например, председатель государственного милиционного управления при министерстве внутренних дел подполковник Д. Лувсандорж в своем отчете «Об оставлении тел покойников в любых местах» (29 мая 1945 г.) писал: «Столица Монголии Улаанбаатар должна быть очень уютным и чистым городом, обратить особое внимание на здоровье народа», «Продолжается оставление трупов покойников в овраге у подножий левого и правого склонов сопки Тасган, который принадлежит первому кварталу. Вообще среди рабочих, служащих и жителей города Улаанбаатара очень распространены разные инфекционные болезни и даже в одной семье умерло трое детей. В таком положении в оставленных трупах появляются микробы разных болезней особенно в теплые времена года, и трупы становятся самой большой угрозой для общества. На этом заканчивается мое краткое представление и сейчас познакомлю с

дальнейшими мерами» [33]. Этот отчет реально показывает состояние столицы Улаанбаатар того времени.

Городское управление считало, что оставление трупа покойника вблизи города на земле, игнорируя захоронение в земле и загрязняя место, вредно, нарушение соблюдения гигиены *«прямо противоречит здоровью и культуре городских жителей»*.

По совместному постановлению Совета министров МНР и Центрального комитета МНРП №339/198 от 28 июля 1955 г. «О наведении порядка в сфере захоронений» было решено создать «Бюро по захоронению трупа» [34], которое стало первой организацией, ответственной за похоронные вопросы в населенных пунктах.

В начале постановления было отмечено: *«На уровне нынешнего развития с точки зрения новых задач беспорядочное воздушное погребение покойников, игнорируя захоронение в земле, является одним из очень некрасивых явлений прошлого. Как показывают источники по истории, обычай воздушного погребения появился после распространения буддизма в Монголии. Однако раньше монголы имели обычай хоронить покойников в земле... Благодаря многочисленным мероприятиям в годы народной власти появились в населенных районах специальные места, где хоронят покойников в земле»* [35] и далее было сказано: «Культура у нашего народа повышается и сознание бороться против старых, несправедливых поступков углубляется...» и в конце было упомянуто, что данное постановление было выпущено Советом министров МНР и Центральным комитетом МНРП.

В постановление были включены следующие пункты о наведении порядка в деле похорон:

- Соблюдать порядок захоронения покойника в земле с 1 сентября 1955 г. по всей стране;
- организовать работу по объяснению значения захоронения в земле для народа;
- все расходы на копание ямы несет государство.

Реализация содержания этих пунктов была поручена партийным ячейкам, комитетам партии всех аймаков и пропагандно-идеологическому отделу ЦК МНРП.

С 1956 г. впервые начали соблюдать пункт «Порядка погребения покойников» — не проводить похоронные обряды на территории Улаанбаатара во время всеобщих праздников и знаменательных дней, что было особым изменением в погребальном обряде монголов.

Как было указано в «Порядке погребения покойников», который должен был соблюдаться в столице, тело покойника помещается только в яме, которая дается администрацией, и эта яма дается бесплатно, похороны проводятся после получения справки о смерти в больнице и справки от родственников или опекунов или местной администрации, по необходимым санитарно-гигиеническим требованиям, после захоронения в земле над гробом ставится маленькая табличка, на

которой бюро похорон пишет имя, дату рождения и смерти покойника и разрешается наклеить на табличку еще фотографию покойника, если он был согласен на это.

Как было отмечено в архивных документах столицы в 1950-х гг. тела покойников оставляли в оврагах вокруг столицы и даже иногда на магистрали. Следовательно исполнительное управление депутатов хурала города Улаанбаатар 30 января 1958 г. выпустило решение «Об обязательном захоронении покойника в земле (№13)» и дало специальное задание «Бюро по обслуживанию жителей» и организациям под его управлением.

Городское управление считало, что *«...оставление тела покойников на земле не прекращается. Это не только не соответствует развитию нашей столицы, гигиене жителей, культурному поведению, но и является очень мерзким недостатком прошлого феодального общества»*, и выпустило следующие решения:

- Покойников, независимо от их возраста (дети и взрослые), должны хоронить в земле по разрешению Бюро по обслуживанию жителей в определенном месте, и люди, которые проводят погребение должны регистрировать это в местной администрации.

- Строго запрещается ехать не по маршруту для захоронения покойника в земле.

- Строго запрещается воздушное погребение в других местах, кроме указанного места.

Кроме того, следующие пункты «Порядка организации погребения на территории столицы» (2014), который соблюдался на территории Улан-Батора, были направлены на ограничение воздушного погребения:

«4.6. Погребение на территории столицы проводится только в выделенных местах.

4.7.2. Тело покойника возится только специальным грузовиком для похорон, родственники покойника снабжаются местом и помещением для прощания с покойником и литургии для покоя души умершего и захоронение проводится под управлением специального работника

4.7.3. Глубина ямы не должна превышать 1,5 метров, почва копается круто вниз и к погребению относится уважительно и площадь погребения убирается регулярно».

В результате этих мер число воздушных погребений на территории города Улаанбаатар заметно уменьшалось после 1960 г. Однако воздушное погребение встречалось близ сомонов.

Итак:

- Как показывают информация из исторических источников и археологические находки, способы погребения монголов менялись в разные исторические периоды и захоронение в земле было распространенным в раннем и среднем периодах истории.

– Как показывают история, культура, ежедневная жизнь и традиции Монголии, кремация покойников восходит к древнему времени, и этот обычай дошел до нас.

– Кремация в современном монгольском погребальном обычае способствует правильной эксплуатации земли Улан-Батора, созданию здорового, безопасного и экологически чистого образа жизни и интеграции традиции уважения покойников с современной тенденцией.

– Как показывают архивные документы и заметки путешественников, было распространено воздушное погребение покойников в населенных пунктах в начале XX в. Однако с проведением политики внедрения новой культуры народным правительством созданием городского управления столицы Улан-Батор было выпущено первое правило по упорядочению погребального ритуала и обычая, запретив воздушное погребение.

– Как показывает наше исследование тема о традиции погребального обряда и ее изменений имеет определенное влияние на разрешения одной из актуальных проблем развития города Улан-Батор.

Литература

1. Эрдэнэбаатар Д. Монголчуудын оршуулгын зан үйлийн хувьсал өөрчлөлтийн тухайд. Түүхийн судлал. Том. XXXII. Fasc. 5. Улаанаатар, 2001. Н. 59–62; Батнасан Г. Монгол оршуулга, уламжлал зан үйл. Улаанбаатар, 2005; Отгонбаатар Б. Орчин үеийн монголчуудын оршуулгын зан үйл сэдвээр явуулсан хээрийн судалгааны тухай товч мэдээлэл. Угсаатан судлал. Том. XVII. Улаанбаатар, 2006. Н. 138–139; Хурцбилэг. Монголчуудын оршуулгын соёл. Өвөр Монголын Сурган Хүмүүжлийн Хэвлэлийн Хороо, 2005; Отгонбаатар Б. Монголчуудын оршуулгын зан үйл (XX зуун). Улаанбаатар, 2009; Отгонбаатар Б. Монголчуудын оршуулгын тухай хууль тогтоомжид тусгагдсан нь. Угсаатан судлал. Том. XX. Fasc.23. Улаанбаатар, 2011. Н. 292–299; Жигмэддорж Э., Идэрмаа Г. Орчин үеийн монголчуудын оршуулгын ёсон дахь шашны зан үйлийн асуудалд. Философи, шашин судлал. № 19(475). Боть XIX. Улаанбаатар, 2017. Н. 121–129; Идэрмаа Г. Халхын VIII Богдын лагшинг Гандан хийдэд залсан тухай. Богд Жавзундамба хутагт: амьдрал, өв. Эрдэм шинжилгээний хурлын материал. Улаанбаатар, 2018. Н. 91–105; Жигмэддорж Э., Идэрмаа Г. Монголчуудын оршуулгын зан үйлийн эрх зүйн зохицуулалт (Улаанбаатар хотын жишээгээр). Монголчуудын хойлгын зан үйл. Эрдэм шинжилгээний хурлын материал. Улаанбаатар, 2018. Н. 157–186; Монголчуудын хойлгын зан үйл-II. Эрдэм шинжилгээний хоёрдугаар хурлын материал. Эмхэтгэсэн Э. Жигмэддорж, Г. Идэрмаа. Улаанбаатар, 2019.
2. Монголын археологийн өв. Монголын эртний булш, оршуулга. Улаанбаатар, 2016. Т. III. Н. 13.
3. Балгасын тал дахь Гол мод-2-ын Хүннүгийн язгууртны булшны судалгаа. Улаанбаатар, 2015. Н. 7.
4. Монголын археологийн өв. Боть III. Монголын эртний булш, оршуулга. Улаанбаатар, 2016. Н. 142, 166.
5. Батсайхан З. Хүннү /археологи, угсаатны зүй, түүх. Улаанбаатар, 2002. Н. 27.
6. Төрбат Ц. Хүннүгийн жирийн иргэдийн булш. Улаанбаатар, 2004. Н. 14.
7. Пэрлээ Х. Эртний монголчуудын үхэгсдээ оршуулж байсан зан үйлийн асуудалд. Улаанбаатар, 1956. Н. 5.

8. Жигмэддорж Э., Идэрмаа Г. Орчин үеийн монголчуудын оршуулгын ёсон дахь шашны зан үйлийн асуудалд. *Философи, шашин судлал*. № 19(475). Боть XIX. Улаанбаатар, 2017. Н. 127.
9. Мэнэс Г. Символика солнца в системе погребельного обряда монгольских племен // *Археологические памятники Средневековья в Бурятии и Монголии*. Новосибирск, 1992. С. 20.
10. Ноёдын шарил оршуулсан газрыг хамгаалж байсан ардуудын өрх, малын тоо бүртгэлийн данс // *МУУТА*. ФТ-101, Д-2, Хн-4 гэх мэт.
11. Пунсалдулам Б. Шинэ соёл Монголд төлөвшсөн түүх (XX зуун). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. Н. 17.
12. Отгонбаатар Б. Монголчуудын оршуулгын зан үйл (XX зуун). Улаанбаатар, 2009. Н. 31.
13. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжубай С., Жантегин Х. Эртний нүүдэлчдийн Бунхант булшны малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. Н. 30.
14. Мэнэс Г., Баяр Д. Два погребения Монгольского времени из Кара-Корума. Түүхийн судлал. Боть XXXIII. Fasc. 14. Улаанбаатар, 1989. Н. 127–136.
15. Жигмэддорж Э. Халх-Манжийн улс төрийн харилцаа. Улаанбаатар, 2008. Н. 105.
16. Инжаннаши В. Хөх судар (тэргүүн дэвтэр). Монгол бичгээс хөрвүүлэн оршил бичиж, тайлбар зүүлт хийсэн Ш. Чоймаа, М.Баярсайхан. Улаанбаатар, 2009. Н. 81.
17. Отгонбаатар Б. Монголчуудын оршуулгын зан үйл (XX зуун). Улаанбаатар, 2009. Н. 41.
18. Жигмэддорж Э. Хошуу даасан хувилгаан лам (Ловон ширээт Рэнцэндоржийн намтарын балархайг тодруулахуй). Улаанбаатар, 2015. Н. 115.
19. Jigmeddorj E. On Several letters by Dilowakhutughtu Jamsranjav kept in the Mongolian National Central Archives [Монгол улсын Үндэсний Төв Архивт буй Дилов хутагт Жамсранжавын зарим захидал]. *Oyirad Studies*. Vol. 2. Budapest, 2016. pp. 11-29
20. URL: <http://zavkhan.khural.mn/n/63son> (дата обращения: 10.04.19).
21. Пүрэв О. Монгол бөөгийн шашин. Улаанбаатар, 1998. Н. 7.
22. Батнасан Г. Монгол оршуулга уламжлалт зан үйл. Улаанбаатар: 2005. Н. 79.
23. Инжаннаши В. Хөх судар (тэргүүн дэвтэр). Монгол бичгээс хөрвүүлэн оршил бичиж, тайлбар зүүлт хийсэн Ш. Чоймаа, М. Баярсайхан. Улаанбаатар, 2009. Т. 81.
24. Нийслэлийн архив. Х-1. Д-3. Хн-2. Т. 103–105.
25. URL: <http://ulaanbaatarbuyan.mn/> (дата обращения: 10.04.19).
26. Пэрлээ Х. Эртний монголчуудын үхэгсдээ оршуулж байсан зан үйлийн асуудалд. Улаанбаатар, 1956. Н. 5.
27. БНМАУ-ын угсаатны зүй. 1 боть. Улаанбаатар, 1987. Н. 406.
28. Отгонбаатар Б. Монголчуудын оршуулгын зан үйл (XX зуун). Улаанбаатар, 2009. Н. 37.
29. Энд жишээ болгон «Хүрээнд хэн болох нь тодорхойгүй үхсэн хүмүүсийг ясчингаар зайлуулсан тухай» (МУУТА. ФМ-179, Д-1, Хн-975), «Хүрээний ойр тойроны 15-ний газар шалган байцааж, хүрээний газар нас барсан хүний ясыг ясчингаар зайлуулах зэрэг асуудлаар харилцсан нугалбар бичиг» (МУУТА. ФМ-33, Д-1, Хн-1770) зэргийг дурьдаж болно.
30. Майский И. Орчин үеийн Монгол (Автономит Монгол XX зууны гараан дээр). Орос хэлнээс орчуулсан Ц.Отхон. Улаанбаатар, 2001. Н. 72.
31. Жигмэддорж Э., Идэрмаа Г. Монголчуудын оршуулгын зан үйлийн эрх зүйн зохицуулалт (Улаанбаатар хотын жишээгээр). Монголчуудын хойлгын зан үйл. Эрдэм шинжилгээний хурлын материал. Улаанбаатар, 2018. Н. 159.
32. Нийслэлийн архив. Х-1. Д-1. Хн-1283. Н. 1.

33. Нийслэлийн архив. Х-1. Д-1. Хн-1247. Баримт 1.
34. БНМАУ-ын СнЗ, МАХН-ын Төв Хорооны Тэргүүлэгчдийн 1955 оны 7 сарын 28-ны өдрийн 339/198 дугаар тогтоол (Хүүр оршуулах газар байгуулах тухай). Эх сурвалж: Монгол улсын Засгийн газрын архив.
35. Нийслэлийн архив. Х-1. Д-2. Хн-141. Н. 190–194.

УДК 636(=512.31)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-247-252

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ОЛЕНЕВОДСТВА У ЦААТАНОВ МОНГОЛИИ

© **Рассадин Игорь Валентинович**

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: rassadin.73@mail.ru

В статье автор рассматривает основную, по утверждению всех источников, хозяйственную деятельность цаатанов Монголии при их кочевой жизни — оленеводство. С конца XIX в. и до конца 20-х гг. XX в. наряду с оленеводством у них прослеживается табунное коневодство, заимствованное у монголов. Другими видами хозяйственных работ, дающими дополнительный источник существования, особенно при малой численности оленей в хозяйстве и при плохой охоте, являлись рыболовство и собирательство. При изучении хозяйственного уклада автор в статье особо обращает внимание на важные и актуальные проблемы, такие как сохранение оленеводства и традиционных видов промысла. В статье говорится об уникальности саянского типа оленеводства, в отличие от других имеющихся типов.

Ключевые слова: оленеводство; цаатаны Монголии; хозяйственная деятельность; собирательство.

A BRIEF ANALYSIS OF REINDEER HERDING AT THE TSAATANS OF MONGOLIA

Igor V. Rassadin

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanov Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

Candidate of history

E-mail: rassadin.73@mail.ru

In the article, the author tries to restore and show the main economic activities of the Mongolian Tsaatans during their nomadic life, reindeer herding. Shows in the article that according to all sources, among the Tsaatans of Mongolia, they were reindeer herding and hunting. However, from the end of the last century to the end of the 20s of our century, along with reindeer herding, they traced herd horse breeding borrowed from the Mongols. Other types of economic work, giving an additional source of livelihood, especially with a small number of deer in the farm and with a bad hunt, were fishing and gathering. When studying the economic structure, we have paid special attention to the urgent problems of the conservation of reindeer husbandry and traditional types of fishing. The article highlights the uniqueness of the Sayan type of reindeer husbandry, unlike other available types.

Keywords: reindeer herders; Mongolian caaatans; economic activity; gathering.

Цаатаны Монголии искони разводят оленей так называемой карагасской породы, принадлежащей к виду северных оленей. Карагасский олень более одомашнен, чем все другие породы северных оленей, и очень неприхотлив в пище

[4, с. 87–92]. Дархатская котловина, расположенная в горно-таежном массиве Саян, покрытых горной тайгой, имеющих на высокогорных плато, так называемом белогорье, обширные пространства высокогорных тундр, сплошь покрытых ягелем — оленьим мхом, представляют собой идеальное место для обитания северных оленей. Дикий северный олень сохранился здесь, кстати, и поныне. Эти места издавна были освоены людьми — предками цаатанов. Оленеводство как специфическая отрасль животноводства отмечено и у некоторых других народов, живущих по соседству с цаатанами и обитающих в сходных географических условиях. К этим народам относятся тюркоязычные тувинцы-тоджинцы [2, с. 57–68], тофалары [9], а также монголоязычные дархаты в Монголии [13, с. 113–114] и бурятоязычные экинские сойоты в Бурятии [5, с. 14; 6, с. 54–55; 7, с. 58; 10; 11]. Все исследователи единодушно утверждают, что оленеводство у этих тюрко-монгольских саянских народов выючно-верхового типа сочетается с кочевым охотничье-промысловым образом жизни.

Г. М. Василевич и М. Г. Левин, исследовавшие в специальной работе типы оленеводства России и их происхождение, выделяют 5 типов оленеводства: 1-й — лопарский, 2-й — самоедский, 3-й — саянский, 4-й — тунгусский, 5-й — чукотско-корякский [3, с. 77]. Саянский тип оленеводства, по их мнению, присущ лишь тувинцам и тофаларам. Как они утверждают, «...оленеводство тувинцев и тофаларов... обнаруживает ряд черт, которые выделяют его в особый тип. Относясь, так же как и оленеводство ряда эвенкийских групп, к выючно-верховому типу без пастушеской собаки, оно отличается вместе с тем от оленеводства тунгусских народностей способом кастрации и многими деталями выючно-верхового транспорта: устройством седел, способом седлания, отсутствием посоха, посадкой и продлением поводка слева. Обратим внимание, что прохождение поводка и посадка слева (в одном случае на оленя, в другом случае на нарту) сближают саянский тип с самоедским. На черты, сближающие оленеводство тофаларов и тувинцев с коневодством, указывалось уже выше» [3, с. 76–77]. Авторы отмечают также, что по технике выючно-верхового транспорта выделяются вообще три различных типа: саянский, сибирский и лопарский. Лопарский тип имеет только выючное седло особой конструкции и, не сближаясь с остальными двумя, стоит особняком. Для двух других типов характерны как перевозка выюков на специальных выючных седлах, так и верховая езда. При этом саянский и сибирский типы в этом заметно разнятся. «Саянский тип характеризуется чертами, сближающими его с типом выючно-верхового конского транспорта: все устройство седла со стременами и двумя ремнями, способ седлания и посадка. В отличие от сибирского типа, поводок проходит слева. Распространен только у тувинцев и тофаларов. Сибирский же тип отличается от саянского устройством как верхового, так и выючного седел, способом седлания, посадкой, употреблением посоха при посадке и езде, а также прохождением поводка с правой стороны. Распространен среди эвенков, эвенов, долганов, юкагиров, якутов, негидальцев, ороков» [3, с. 73]. «Седло саянского типа по своему устройству сходно с конским седлом. Оно имеет высокие массивные луки, крепленные на досках, несколько отступая от концов к середине. Это седло имеет стремяна и, кроме

подпруги, также подгрудный и подхвостный ремни. Доски его не обшиты, а под седло укладывают сложенный войлок и кусок ровдуги. Такие седла распространены у тувинцев и тофаларов, которые иногда покупают их у своих соседей-коневодов» [3, с. 71–73]. Нам, кроме того, известно, что только у тофаларов (эримээш), тувинцев-тоджинцев (ээрмээш), цаатанов (эримээш) и дархатов (эрвээлж) имеются особые седла с высокими перекрестиями вместо обеих луков, предназначенные для перевозки детских колыбелей и малолетних детей [9]. Именно такие седла есть еще у киргизов (айырмач), а также у северных монголов (эрвээлж) и калмыков (эрвэлжн). Кстати, на связь тувинского и киргизского седел указал С. И. Вайнштейн [1, с. 54–60].

Относительно происхождения оленеводства на Саянах Г. М. Василевич и М. Г. Левин приходят к выводу о том, что впервые оно развилось у самодельных аборигенов тайги под влиянием их тюркоязычных соседей-скотоводов [3, с. 87]. К такому же выводу приходит и С. И. Вайнштейн, анализируя историю появления оленеводства у тувинцев-тоджинцев [2, с. 33]. Как показало обращение к литературе и этнографическим фактам, оленеводство саянского типа оказалось присуще не только тувинцам и тофаларам, но и цаатанам и дархатам в Монголии и окинским сойотам в Бурятии. Следует при этом отметить, что С. Бадамхатан прямо указывает, что оленеводство дархатов является частью тувинского оленеводства [13, с. 114]. Цаатаны же — тюркоязычный народ, родственник тувинцам и тофаларам, их оленеводство однотипно с тувинско-тофаларским и обслуживается одними и теми же по сути терминами [12, 7–9; 14, с. 106–108].

Относительно сойотов известно, что они происходят от тюркоязычных племен Саян [15, с. 97–100] и сами еще недавно были тюркоязычны, поэтому мы вправе предположить, что и у них оленеводство того же типа, что и у других тюркских народов Саян. Во всяком случае описание окинского сойотского оленеводства и его вьючно-верхового транспортного использования с типом седел, сходных с таковыми у тувинцев и тофаларов, какое находим у исследователей сойотов [6, с. 54–55; 7, с. 85–90], позволяет утверждать это с большой долей вероятности.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, можно сделать несколько выводов: 1) современное оленеводство саянского типа, имеющее многие черты, выделяющие его среди других типов оленеводства, представлено не только у цаатанов и дархатов Монголии, но также у тофаларов, тувинцев-тоджинцев и сойотов Бурятии; 2) саянский тип оленеводства, наиболее приближенный к коневодству, возник среди аборигенных и позднее перекочевавших сюда тюркоязычных племен под влиянием коневодства; 3) к монголоязычным племенам Саян и Присаянья оленеводство перешло от тюркоязычных саянских племен. Роль оленеводства в жизни цаатанов Монголии была весьма велика. Транспортное вьючно-верховое использование оленей позволяло осваивать большие промысловые угодья. Карагасский олень самый крупный в мире и очень вынослив, поэтому в зимних условиях олени цаатанов могут проходить под седлом и вьюком около 30 км в день, при этом даже там, где лошадь не может пройти и десятка километров. Особенно незаменимы олени в условиях высокогорной тундры, которая покрывает значительные площади на Саянских плато. Только благода-

ря оленям цаатаны осуществляли свои сезонные перекочевки и зимнюю охоту. Наличие у охотника 3–4 оленей позволяло ему непрерывно охотиться месяцами. Такое было возможно при ежедневной смене ездового оленя. Пока он ездил на одном в течение всего дня, другие паслись и отдыхали. На следующий день охотник седлал другого оленя и так далее. Такой способ позволял ему всю зиму сохранять силы своих оленей.

Оленеводство цаатанов было основано на экстенсивном использовании пастбищных угодий и, как и охота, требовало постоянных сезонных перекочевков. Весь годовой хозяйственный цикл цаатанов был связан с охотой в разные сезоны и со сменой оленьих пастбищ. Интересы оленеводства определяли строго сезонный цикл кочевков с заранее намеченными остановками в местах, наиболее благоприятных для пастьбы, гона, отела. Кроме того, маршруты и количество кочевков зависели и от требований охотпромысла и стремления создать наиболее благоприятные условия для охоты и охватить ею как можно большую территорию. Собирательство тоже требовало определенных сезонных перемещений. Поэтому в течение года оленеводы совершали до 15 и более перекочевков различного характера. Зимой они жили обычно в долинах рек, осенью и весной располагались повыше, в таежных массивах. Летом стойбища оленеводов находились на белогорье — плоских горных вершинах, покрытых ягелем, где всегда дул ветер и где не было мошки. Очень важным вопросом в деле пастьбы оленей летом является вопрос о выборе места для выгона. Оно должно отвечать целому ряду условий, из которых важнейшие — удобства для оленей, а уже второстепенные — для их хозяев. Самыми подходящими местами являются высокогорные луга с ягелем выше линии леса. Только здесь олени летом чувствуют себя хорошо. Обычно летние пастбища располагаются в широких долинах, окруженных горами так, чтобы олени не смогли разбредаться в разные стороны: ведь они пасутся без присмотра пастухов и без пастушеских собак, самостоятельно. Наиболее подходящими в этом отношении являются остатки кратеров древних вулканов. Такие пастбища называются (ср. древнетюркское *otukan jis* — «Отюкенская чернь»), известны наперечет и считаются идеальными для пастьбы оленей летом.

В принципе самым хлопотным и трудоемким для цаатанов Монголии процессом пастьбы оленей является их летний выпас, потому что в иные времена года, когда происходят различные перекочевки, олени работают и пасутся обычно там, где люди сделают стоянку, специального выпаса в это время нет. Оленухи в это время уже не доятся, и поэтому за ними нет специального ухода, как это происходит летом. Зато в летнее время, когда олени отдыхают, накапливают силы для предстоящей осенней и зимней работы на охотпромысле, начинается специальный выпас оленей.

Как нам удалось установить из разных источников, традиционно это происходило следующим образом.

Летом, когда все семьи цаатанов, принадлежащие к одной патронимии, съезжались вместе на белогорье для пастьбы оленей, к ним обычно присоединялось несколько других аалав. Таким образом, на одном месте могли собирать-

ся до десятка и более чумов. На удобном, обычно это было заветренное место, склоне горы, предпочтительно террасе, на большой поляне чумы располагались кругом или полукругом, в зависимости от их количества. Все олени собирались в одно большое стадо и отгонялись на выбранное пастбище. При этом, как уже уже говорилось, олени паслись сами, без пастухов и собак. В начале лета олени питались свежей травой, почками карликовой березки, ягелем. В разгар лета тоже травой и ягелем. В конце лета, когда появлялись грибы, они становились избранной пищей оленей. В это время олени во множестве поедают грибы и даже широко разбредаются в поисках грибов. Настает самое трудное время для оленеводов, так как именно в этот период происходят значительные потери оленей.

Отел происходил обычно в самом конце апреля и в мае. В это время начинали доить важенок. С появлением телят их обычно на весь день пригоняли в стойбище, где в самом его центре были устроены специальные приспособления для привязи оленят в виде длинных жердей, положенных на землю, а также для привязи важенок в виде специальных односторонних козел. Если быки, олени и подростки прошлогодний молодняк все лето пасутся вольно, то дойных важенок специально выпасали. Происходило это так. Утром в стойбище пригоняли оленят и важенок. Оленятам надевали специальные намордники, чтобы они не высасывали бесконтрольно молоко у матух, и привязывали к лежащим жердям. Матухе привязывали к козлам, чтобы они некоторое время выстаивались. Потом к матухе подводили ее олененка, давали ему сосать оба соска и отводили. В это время у важенки появлялось молоко, которое выдаивали в специальный сосуд в виде берестяной коробочки.

Затем выдоенное молоко сливали в специальный берестяной туюс. За один удой важенка давала обычно полстакана очень жирного снежно-белого по цвету молока. После дойки опять подводили олененка, который высасывал оставшееся в вымени молоко. Потом олененка снова привязывали к жерди, возле которой он лежал, жуя свою жвачку, целый день до вечера. После утренней дойки оленух отпускали пастись. Они паслись неподалеку, боясь потерять своего теленка. Поэтому их легко было снова поймать ближе к вечеру, когда наступало время вечерней дойки. Важенок опять привязывали к козлам, а оленята лежали, привязанные к жердям, рядом со своими матерями. После двухчасовой выстойки та же процедура дойки повторялась. За день от каждой матухи надаивали один-полтора стакана молока. После вечерней дойки оленух опять отпускали пастись. На этот раз вместе с оленятами. А утром все повторялось снова. В конце сентября — начале октября оленухи прекращали доиться. Длительность жизни оленей была сравнительно велика — хорошая важенка при надлежащем уходе жила до 20 лет и за свою жизнь приносила от 10 до 12 телят. Средняя важенка жила до 15 лет и, соответственно, меньше раз телилась. Быки при большой рабочей нагрузке более 10 лет не выдерживали, редко доживали до 15 лет. У многооленных хозяев олени жили дольше, поскольку имелась возможность чаще сменять оленей в работе. У бедняков, не имевших много оленей, каждый олень получал предельную рабочую нагрузку и поэтому долго не жил. Когда приближался конец жизни оленя, а это узнавалось по съеденным зубам, его старались

откормить на осенней траве и ягеле, когда они еще мягкие, а потом оленя забивали на мясо. После забоя мясо и кишки варили и употребляли в пищу, шкуру, а также сухожилия, из которых ссучивали крепкие нитки. Таким образом, хозяйственная роль оленя в жизни цаатанов была чрезвычайно велика, хотя на мясо своих оленей цаатаны забивали редко, только по старости или в случае увечья. Мясо для пищи добывали в основном охотой.

Анализ способов ведения цаатанами Монголии оленеводства — одного из видов традиционного хозяйствования — говорит о том, что они создали уникальную культуру, позволившую им жить в условиях кочевой жизни в суровой высокогорной тайге Саян.

Литература

1. Вайнштейн С. И. К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении // КСИЭ. Вып. 34. 1960. С. 54–60.
2. Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы // Историко-этнографические очерки. М.: Восточная литература, 1961. 217 с.
3. Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1. С. 63–87.
4. Керцелли С. И. Карагасский олень и его хозяйственное значение // Северная Азия. 1925. № 3. С. 87–92.
5. Петри Б. Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные) // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Вып. 12. Педагогич. фак-т. 1927. С. 217–226.
6. Рассадин В. И. Легенды, сказки и песни седого Саяна. Иркутск, 1996. 249 с.
7. Рассадин В. И., Цыренова Д. Б. Лексика материальной культуры окинских сойотов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. 188 с.
8. Рассадин И. В. Специфика оленеводства у тюрко-монгольских народов Центральной Азии // Цыбиковские чтения — 7: тез. докл. и сообщений. Улан-Удэ, 1998. С. 46–48.
9. Рассадин И. В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 201 с.
10. Рассадин И. В. Об оленеводстве у окинских сойотов // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. Вып. 2. Ч. 1. С. 23–28.
11. Рассадин И. В. О характере оленеводства у окинских сойотов // Гуманитарный вектор. 2012. № 4. С. 214–217.
12. Бадамхатан С. Хөвсгөлийн цаатан ардын аж байдлын тойм [Жизнеописание хубсугульских цаатанов]. Улаанбаатар: ШУАХ, 1962. 66 х.
13. Бадамхатан С. Хөвсгөлийн дархад ястан [Дархаты — народ Хубсугула]. Улаанбаатар: ШУАХ, 1965. 257 х.
14. Дулам С. Уйгар-цаатан ардын бөө мөргөл, угсааны зүйн талаарх ажиглалт [Некоторые замечания по шаманству уйгуров-цаатанов] // Эрдэм шинжилгээний бичиг [Новые исследования в науке]. Улаанбаатар, 1995. № 5. 113 х.
15. Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 90–101.

УДК 393(=512.36)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-253-257

**КОЛЧАН МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ № 1 ЗАХА-КУНДЭЙ
ЗАЙГРАЕВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

© **Мясников Вадим Юрьевич**

кандидат исторических наук,

Администрация Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия

Россия, 670000, г. Улан-Удэ

E-mail: myasnikov79@mail.ru

© **Ярославцева Лариса Геннадьевна**

хранитель музейных предметов «Археология»,

Национальный музей Республики Бурятия

Россия, 670000, г. Улан-Удэ

E-mail: lgyar@mail.ru

Статья посвящена введению в научный оборот берестяного колчана из захоронения монгольского времени из местности Заха-Кундэй (ныне Заиграевский район Республики Бурятия). Обнаружение и первичное изучение захоронения было сделано сотрудником Антираионозного музея БМАССР Георгием Павловичем Сергеевым во время Хоринской археологической экспедиции в 1935 г. Берестяной колчан с накладками, фрагментами древков стрел представляют значительный интерес для сибирского оружиеведения и археологии Средневековья в целом.

Даны научное описание материалов и их предварительная хронологическая и этнокультурная привязка к монгольской археологической культуре XII–XIV вв.

Ключевые слова: Бурятия; Заиграевский район; Забайкалье; Средневековье; монгольские захоронения.

QUIVER OF THE REPUBLIC OF BURYATIA
OF MONGOLIAN TIME FROM BURIAL NO. 1 OF ZAHA-KUNDAY
OF ZAGRAEVSKY DISTRICT

Vadim Yu. Myasnikov

Cand. Sci. (History),

Administration of the Head of the Republic of Buryatia

and the Government of the Republic of Buryatia

Russia, Ulan-Ude

E-mail: myasnikov79@mail.ru

Larisa G. Yaroslavtseva

Arkhivator,

National Museum of the Republic of Buryatia

Russia, Ulan-Ude

E-mail: lgyar@mail.ru

The article deals with the introduction to the scientific community of the birch quiver from the tombs of the Mongolian era at the location of Zakha-Kundei (currently the Zaigraevsky

district of the Republic of Buryatia). The artefacts were first discovered and examined by the science assistant of the Antireligious museum of the Buryat Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic Georgy Pavlovich Sergeev during the Khorinsky archaeological expedition conducted in 1935.

Preserved quiver made of birch bark with plaques, fragments of arrows is of a great value for archaeologists on the Middle Ages and specialists interested in Siberian weapon.

The authors of the article made a scientific attribution of the items and distinguished their belonging to the Mongolian archaeological culture of the 12th-14th centuries.

Keywords: Buryatia, Zaigraevsky district, Zabaikal region, Middle Ages, Mongolian burials (tombs).

В ходе Хоринской археологической экспедиции 1935 г., организованной и проведенной под руководством сотрудника Антирелигиозного музея БМАССР Георгия Павловича Сергеева, в которой принимали участие аспирант ГАИМК им. Н. Я. Марра Эрдэмто Ринчинович Рыгдылон, сотрудник музея Генин-Дарма Нацов, фотограф тов. Красавцев из Центрального музея БМАССР и несколько рабочих, фамилии которых неизвестны, наряду с другими были обследованы курганы, которые можно датировать XIII–XIV вв. (монгольское время) и определить как монгольские.

В числе других археологических находок, обнаруженных в указанных курганах, самой яркой, на наш взгляд, является фрагментированный берестяной колчан.

Колчан был найден в кургане № 1 в местности Заха-Кундэй Заиграевского района Республики Бурятия. Заха-Кундэй (Хундуй-Тайс) находится в 3 км к юго-западу от Ацагатского аршана и представляет собой цепь гор, примыкающих к высокому горному кряжу, расположенному с юга Хара-Ацагатской долины. Раскопки проводились на южном склоне г. Заха-Кундэй (Хундуй-Тайс), где и расположен ряд курганов.

Погребенный в кургане № 1 находился в долбленной из толстого ствола колоде, половины которой крепились четырехгранными шкантами в вытянутом положении, ориентирован головой на северо-восток, был обернут в редкую китайскую шелковую ткань. Курган представлял собой сползшую по склону насыпь размером 4,80x4,50, высота 0,5 м. Могильное пятно находилось на глубине 0,8 м от высшей точки насыпи в северной части, ориентировано по линии СЗ-ЮВ длиной 1,8 м. Колода находилась в специально подготовленном углублении, выбитом в скале, размером 2,3x0,85x0,75 м.

Инвентарь захоронения был представлен следующими находками: фрагментированным копьем с железным наконечником, древко которого было обвито серебряной ленточкой; сильно коррозированным железным ножом, костяными накладками от лука и берестяным колчаном, древками стрел без наконечников.

Берестяная часть колчана ныне состоит из двух частей (МИБ НВФ — 2760). Концы его имели украшения из тонких накладных серебряных ленточек, а по соединению бересты на одной стороне — сплошная накладка из дерева полукруглой формы, на которую были пришиты четырехугольные пластинки (13 шт.), вырезанные из «дерева», покрытые листовым серебром (МИБ НВФ-2673) (по

предположению Г. П. Сергеева, основа была изготовлена из дерева, затем обтянута серебряной фольгой).

Берестяная часть колчана изготовлена из двух слоев. Толщина бересты в разных местах от 0,1 до 0,2 см. В настоящий момент колчан разукомплектован. Длина одной половины 34,0 см, ширина с одного края 11,8 см, обхват 28,5 см. С другой стороны, ширина порядка 10,0 см, обхват — 26,2 см. На бересте имеются следы от деревянного каркаса, в виде отпечатков, причем указанные отпечатки от планок каркаса имеются с двух сторон колчана, что подразумевает наличие как минимум двух планок каркаса, укрепляющих колчан с двух сторон. В берестяной части имеются отверстия парные и одинарные для крепления составных частей колчана диаметром 0,2–0,3 см.

Длина второго берестяного фрагмента — 38,3 см, ширина у одной стороны 11,0 см, обхват 24,0 см; ширина у второй стороны — 11,0 см, обхват 26,0 см. Как и на первой половине, имеются парные и одинарные отверстия и отпечатки от планок каркаса, шириной порядка 2,3 см.

В настоящий момент сохранившаяся часть каркаса представлена двумя обломками. Длина одного из них 8,4 см, ширина 1,8 см, толщина около 0,6 см; форма в сечении — полуовальная вытянутая. Второй фрагмент каркаса в длину 19,1 см, в ширину с одной стороны 2,2 см. Фрагмент имеет сложную конфигурацию в разрезе: с широкой стороны — полуовальная в сечении, ближе к середине овальная, а на узком конце — в виде равнобедренной трапеции с одной полукруглой стороной. Видимо, планка деформировалась с течением времени. В планке имеются два отверстия для крепления к берестяной части колчана диаметром 0,2–0,25 см. Оба фрагмента были склеены из обломков, вероятно Г. П. Сергеевым¹.

Берестяные колчаны известны на территории Сибири и Центральной Азии со времен тюркских каганатов. Их находки также хорошо известны и в монгольских средневековых захоронениях. Однако колчаны с деревянным каркасом встречаются довольно редко. Авторам известно несколько подобных колчанов, в том числе по публикации монгольского исследователя Уланбаяра Эрдэнбата. Берестяной колчан с каркасом, происходящий из Баянхонгорского аймака Монголии, по радиоуглеродному методу датируется концом XI — серединой XII в. — С14 1046±38 лет (905–1022/894–1149) [10, Abb. 295,296, s. 321; Abb. 318, s. 344], однако, в отличие от колчана из Заха-Кундэя, колчан из Монголии имеет так называемый карман — расширение горловины. Описание похожего по конструкции колчана было опубликовано в статье А. М. Савина и А. И. Семенова, где был графически реконструирован колчан, найденный в Монгун-Тайге (Тува) [7, рис. 1, с. 93].

В то же время все известные авторам берестяные колчаны, происходящие с территории Забайкалья и Предбайкалья, и с карманом, и без кармана, не имеют каркаса из деревянных планок. В связи с чем можно предположить, что колчан из кургана № 1 отличается от указанных находок колчанов и был близок по кон-

---

¹ Сергеев Г. П. Дневник Хоринской археологической экспедиции 1935 года // Национальный музей Республики Бурятия. НВФ 2969.

струкции к колчанам из Монголии (Баянхонгорский аймак) и Тувы (Монгун-Тайга). По нашему предположению, колчан был поврежден перед захоронением, у него был отломан «карман» и наконечники стрел, которые, судя по всему, помещались в колчане наконечниками вверх, что объясняет отсутствие наконечников стрел в захоронении.

Накладки на колчан (МИБ НВФ-2673) изготовлены из металлической фольги серого цвета, по предположению Г. П. Сергеева, из серебра. Внутри заполнены, по нашему мнению, массой из клея и, вероятно, костяного наполнителя. В настоящий момент общее количество целых и обломанных накладок составляет 14 шт., они имеют вид четырехугольников со сторонами 1,8 на 3,0 см, толщиной 0,4–0,45 до 0,6 см. Целые накладки имеют по два отверстия диаметром 0,15–0,2 см, у двух из них имеется выпуклость подпрямоугольной формы в середине.

Необходимо отметить, что, судя по описанию, аналогичные накладки были найдены в захоронениях монгольского времени в Джидинском и Кяхтинском районах Республики Бурятия — в кургане из местности Подчерная, в 7 км к северо-востоку от с. Усть-Кяхта Кяхтинского района, на правом берегу р. Селенги. Они находились около плеч, локтей, выше пояса и ступней ног погребенного. «Деревянные» пластинки с тонкой металлической накладкой были изготовлены из «серебристого желтоватого сплава, прокатанного в тонкий лист» [5, с. 72]. Десять «деревянных» пластинок с тонкой металлической накладкой, изготовленной из серебристо-желтого металла, очень тонкого, напоминающего фольгу, без орнамента, были найдены из местности Дэрестуйский Култук в 8 км к юго-западу от с. Дырестуй Джидинского района, на левом берегу р. Джида. Накладки лежали в области грудной клетки и пояса [5, с. 76].

Мы считаем предварительно, что накладки колчана из кургана № 1 из местности Заха-кундэй, как и накладки из других погребений, упоминаемых выше, выполнены не из дерева, обтянутого фольгой, а по иной технологической схеме. Некоторые поясные накладки из монгольских погребений золотоордынского времени из Воронежской области изготовлены из серебряной фольги, которая заполнена клеевой основой с костными опилками [6, с. 224, рис. 2, 1, 4; с. 225]. Дальнейшие исследования методами естественных наук помогут прояснить ситуацию с заполнением серебряных накладок колчана из Заха-Кундэя.

Обломки древков стрел — 16 шт. (МИБ НВФ-2709). Сколько стрел было в колчане при находке в отчете Г. П. Сергеева, не указано. Фрагменты разной сохранности и разного размера и формы. Длина фрагментов от 15,2 до 1,5 см. Диаметр от 0,6 до 0,8 см. Дерево, из которого сделаны древки, не установлено. Наконечники стрел, оперение или его фрагменты, пятки стрел отсутствуют.

Погребение № 1 — по обряду и по виду захоронения, а именно в каменном небольшом кургане, в деревянной колоде; ориентацией головой на северо-восток; наличием в инвентаре «деревянных», обтянутых «серебряной» фольгой накладок, копья с древком, обернутым серебряной ленточкой, берестяного колчана, аналогичного по конструкции колчану из захоронения в Туве, Монголии — можно датировать монгольским временем (XII–XIV вв.) и отнести его к монгольской археологической культуре.

Особенностями данного захоронения является то, что колчан, стрелы (отсутствуют наконечники) и лук (от лука две сломанных накладки), судя по всему, были повреждены до захоронения.

Литература

1. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.
2. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 232 с.
3. Именохоев Н. В. О научных исследованиях Э. Р. Рыгдылона // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 4(21). С. 135–146.
4. Именохоев Н. В. Погребальные памятники XVII–XVIII вв. долины р. Уды (по материалам Хоринской экспедиции 1935 года) // Региональные музеи: настоящее и будущее. Улан-Удэ, 2003. С. 152–157.
5. Именохоев Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1995. С. 69–86.
6. Кравец В. В. Поясные наборы золотоордынских кочевников Среднего Подонья // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004. С. 222–229.
7. Савин А. М., Семенов А. И. Колчан древнетюркского времени из Монгун-Тайги (MT — 1958 — X — 2) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 81–96.
8. Селихов Е. А. Историография исследований средневековых погребальных комплексов Забайкалья: дис. ... канд. ист. наук 07.00.09 — историография, источниковедение и методы исторического исследования / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2005. 190 с.
9. Ярославцева Л. Г. Источниковая база археологической экспозиции. Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова: сб. ст. Улан-Удэ: Респ. тип., 1999. Вып. 2. С. 16–20.
10. Ulambayar Erdenebat. Altmongolisches Grabbrauchtum — Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei. Anhang: Katalog der Grabfunde. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich — Wilhelms — Universität. Bonn, 2009. 357 с.

ВОПРОСЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

УДК 94(=512.36)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-258-267

ИЗ ИСТОРИИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА ПОСЛЕДНЕГО МОНГОЛЬСКОГО ХАНА

© **Баярмаа Гомбо**

сотрудник Национального исторического музея Монголии,
аспирант, Монгольский государственный университет
Монголия, г. Улан-Батор
E-mail: gangabayarmaa@gmail.com

Первый пункт решения, принятого на третьем заседании народного правительства 7 июня 1924 г., после смерти хана Богдо Жибзундамбы хутухты VIII 20 мая 1924 г., постановил ликвидировать институт хутухты с ограниченными правами и в дальнейшем не определять хутухту IX. Несколько раз в правительстве обсуждались вопросы конфискации имущества хутухты Жибзундамбы: недвижимости и скота, распределения имущества по разным организациям. В статье рассматривается история конфискации личных вещей Богдо Жибзундамбы VIII, то есть прослеживается судьба имущества с момента кончины Богдо-хана.

Ключевые слова: Жибзундамба; внутренний фонд; Управление по делам религий; министерство образования и министерство здравоохранения; Монголия.

FROM THE HISTORY OF CONFISCATION OF THE LAST MONGOL KHAN'S PROPERTY

Bayarma Gombo
Officer,
National Historical Museum of Mongolia
Research Assistant,
Mongolian State University
Mongolia, Ulaanbaatar
E-mail: gangabayarmaa@gmail.com

The first paragraph of the decision adopted at the third meeting of the People's Government on June 7, 1924, after the death of Khan Bogdo Jibzundamba Hutuhtu VIII on May 20, 1924, it was decided to liquidate the institute of hutuhta with limited rights and not to further determine the IX Hutuhta Zhibzundamba Bogdo. Several times the government discussed the confiscation of Hutukhta Zhibzundamba's property, and its distribution to different organizations. The article discusses the history of confiscation of personal belongings of Bogdo Zhivzundamb VIII from the internal fund, that is, the fate of things is traced from the moment of the death of Bogdo Khan.

Keywords: Jibzundamba; internal fund; Department of Religious Affairs; Ministry of Education and Ministry of Health; Mongolia.

Административная единица Их шавь была создана в 1639 г., когда по инициативе Түшээтхана Гомбодоржа «...собрался народ из семи хошунов в круг в местности Ширээ нуур и дал его пятилетнему сыну Занабазару звание Гэгээн (Святой) и организовал почетную церемонию для него¹ и многие аристократы Монголии подарили ламам аратов из своего подчинения. Кроме того, аккумуляровались разные товары, драгоценности, редкие вещи и много голов скота в виде преподнесения простыми верующими во время церемоний даншиг и мандал. В результате создались фонды пищи, одежды и сырья для снабжения дворцов, монастырей, дуганов Гэгээн» [1, с. 143]. Эти фонды пополнялись с каждой инкарнацией Богдо-хана.

Фонды делились на внешние и внутренние.

- «Внутренний фонд» хранил алтари, драгоценности, шелка, материи, разные товары внутри монастырей, принимал подношения во время церемоний даншиг и мандала и подготавливал все необходимое для дворцов и монастырей. Внутри этого фонда был и «ближний фонд», который ежедневно снабжал дворец хутугты одеждой и вещами для церемоний и другой деятельности.

- «Внешний фонд», или «Большой фонд», занимался хозяйством и финансами хутухты.

В этой статье нами рассмотрена история конфискации инвентаря «Внутреннего фонда» Богдо-хана.

О. Батсайхан и Я. Шийлэгмаа в своих работах [2; 3] затрагивали вопрос о конфискации имущества хутугты Жибзундамбы. Историк О. Батсайхан описывал, где, какое имущество, по какой цене было конфисковано и было роздано, опираясь на регистрационные тетради и документы фонда хутугты, которые хранятся в национальном архиве Монголии. Исследователь Я. Шийлэгмаа рассмотрела, как народное правительство создало комиссию по конфискации имущества Богдо-хана VIII, как регистрировали и оценивали их и как раздавали их.

В нашей статье мы рассмотрим, как государство конфисковывало имущество «внутреннего фонда», то есть личные вещи Богдо-хана Жибзундамба VIII, и как использовали его:

- Смерть Богдо-хана
- Решение о конфискации имущества
- Места и формы раздачи вещей.

Смерть Богдо-хана

Последний хан Монголии Богдо-хан Жибзундамба VIII умер 17 апреля 1924 г. (по лунному календарю в час тигра 20-го дня 5-го месяца), похоронный обряд прошел 29 ноября 1925 г., его тело было привезено из Восточного дворца в Гандан и было помещено рядом с богдо-ханами V и VII инкарнации.

После смерти Богдо-гэгээн... чиновник народной власти при ведомстве лама Дашдэндэв опечатал имущество Богдо [2, с. 552], которое должно было перейти следующей инкарнации. Народная власть проводила политику определения следующей инкарнации богдо-хана по традиции, как видно из специального по-

---

¹ Национальная библиотека Монголии. Рукописный фонд. 7б.

становления от 3 августа 1924 г. «...прежде каждый раз, когда умирает Жибзундамба любой инкарнации, сообщали об этом из места его принадлежности в нужное ведомство; гонзог, или литургия блага, организуется в Западном Зуу; об этом сообщается Далай-ламе и Банчину-Эрдэнэ и даются деньги тем, кто идет за определением следующей инкарнации. Тело богдо-гэгэна будет храниться в ступе и будет проводиться церемония. Все это обсуждается на заседаниях аймаков (ступу поместят рядом с ступами V и VII инкарнаций)¹. Кроме того, «печать хана передали правительству и решили временно хранить ее в народном правительстве, до начала заседания Государственного хурала. ...20 апреля, или в 23 день 5-го месяца в час Змеи, перевезли печать из монастыря Гунгаадэжидлэн в здание народного правительства, и там приняли ее и запечатали. ...А золотую печать Жибзундамбы дали хамбо Номуну-хану, чтобы затем передать ее новой инкарнации, сообщив об этом народному правительству»². Золотая печать была дана в руки второму хомбо — Гоошдэндэву, который хранил печать хомбо Номун-хана. На III пленуме ЦК МНРП 7 июня 1924 г. было принято решение о создании Народной республики. 13 июня в постановлении 18-го народного хурала было отмечено: «Будет правильным иметь народную власть и организовать большой праздник по созданию народной власти, которая будет отмечаться 6 июня 14 года Монголии по новому календарю»³. Ученики Богдо-хана были жителями аймака Дэлгэрэх уул. Создание специального ведомства по религиозным делам в Их Хурээ и передача дворца и имущества в собственность государства были на самом деле реализацией решения прервать процесс инкарнации Богдо-хана Жибзундамбы.

Решение о конфискации и установление цены на имущество Богдо-хана

ЦК МНРП обращал внимание на использование имущества Богдо-хана.

На заседании Центрального комитета 10-го февраля 1925 г. было утверждено постановление о создании специального фонда имущества хутугты. «...Планируется создать специальный фонд из золотых, серебряных товаров и другого имущества, обсудить вопрос о начале литургии и детально зарегистрировать все вещи, создать комиссию из учеников Богдо-хана, выбрать президиум и произвести опись имущества Богдо-хана за один месяц» [3, с. 221].

По требованию Народного правительства была создана специальная комиссия, Гиваабалжир был назначен главой комиссии, члены комиссии Сүрэн, Галон, Тожобагсум, Дэжид-Осор начали работу по описи движимого и недвижимого имущества «внутреннего фонда» хутугты.

21 февраля 1925 г. было разработано правило для временной комиссии: «...Нет претензии в соблюдении временного правила от нашего правительства ...посылаю правило в данную комиссию» [3, с. 222]. Правило не было рассмотрено нами полностью.

18 августа 1925 г. члены ЦК МНРП — Цэрэндорж и другие — сделали предложение правительству: «...расходы от ведомства по религиозным вопросам, свя-

¹ Национальный центральный архив Монголии. Ф. 179. Оп. 1. Ед. хр. 233.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. ед. хр. 412. С. 221–225.

³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. ед. хр. 317. С. 31–39.

занным с литургией, достигают десятков тысяч тугриков... так как это очень трудно, нужен создавать фонд. ...Все имущество, скот, помещения и монастыри хутугты Жибзундамбы следует передать в ведомство по религиозным вопросам, сделать их средствами фонда и использовать для религиозных дел» [3]. Однако это предложение не было поддержано. Народное правительство определило срок описи имущества хутугты в параграфе 10 материалов VI хурала. «...Было решено произвести опись всего имущества хутугты Жибзундамба за один месяц. Было дано распоряжение передать это решение председателю комиссии Гиваабалжиру официальным листом № 184 и закончить эту работу немедленно»¹.

Так как имущества было много, комиссия не успела закончить работу за один месяц, и просила продлить опись еще на один месяц. Эта просьба и просьба предоставить по одному способному чиновнику из семи министерств были исполнены. В итоге эта работа продолжалась в течение целого года. Цена имущества составила один миллион тугриков². Скот не был включен в эту опись.

21 июня 1925 г. было принято решение обязать аймак Дэлгэр их уул³ и ведомство по религиозным делам хранить имущество Богдо до конца описи. «...Следует давать обязательство аймаку Дэлгэр их уул и ведомству по религиозным делам защищать это имущество до конца описи и окончательного решения этого дела»⁴. Это было мерой предосторожности, чтобы избежать потери и кражи имущества. Опечатанное имущество Богдо-хана хранилось в монастыре Гунгаадэжидлин (белый монастырь), монастыре Билгийг хөгжүүлэн бадруулагч (Развиватель ума) (зеленый монастырь) и лаврине Хайстай (коричневый монастырь).

О том, как было распределено имущества в описи

Х. Чойбалсан поставил на обсуждение вопрос об имуществе Богдохана на IV съезде МНРП⁵. Он говорил: «...так как восьмая инкарнация Богда уже умер в 14 году (в 1924 году), осталось имущество монастыря, золото, серебро, шелк, материи остались в большом количестве без хозяина. Это имущество есть добровольное подношение от верующих в качестве сборов и налогов, как все знают» [4]. Следовательно, встал вопрос о распределении вышеупомянутых имуществ. «Было 5 предложений конфисковать их в государственный фонд, одно предложение конфисковать в фонд партии, одно предложение — посвящать литургии, и одно предложение — вложить 2% имущества в фонд для подготовки создания банка, 4 предложения — использовать религиозные принадлежности в религиозных организациях, а остальное имущество добавить в государственный фонд, было и предложение использовать половину в религиозном деле, другую поло-

---

¹ Национальный центральный архив Монголии. Фонд партийных и общественных организаций. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 36. С. 8.

² IV Съезд МНРП. Документы. Улаанбаатар, 1978.

³ Одиннадцатое постановление Правительства от 3 апреля 1925 г. ликвидировало Их Шаби Богд хаана и на его месте был образован аймак Дэлгэр ула.

⁴ Национальный центральный архив Монголии. Фонд партийных и общественных организаций. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 36. С. 37–38.

⁵ IV Съезд МНРП заседал с 23 сентября по 1 октября 1925 г.

вину в государственном, притом 9% которого добавить в государственный фонд и 1% использовать в армии»¹. Х. Чойбалсан предложил: «... Делим имущества хутугты Жибзундамбы на три части и одну часть предоставим религиозной организации, вторую часть — для просвещения народа и третью — для здравоохранения...» [4], 84 из 89 участников съезда поддержали это предложение².

В параграфе 7 материала 46-го заседания правительства 25 декабря 1925 г. было указано, каким образом эта комиссия «...будет делить имущества по трем отраслям... и назначит представителей из трех отраслей для получения имущества, и если будет неразбериха, то Луусан, Дэлгэрсан и Галсансэнгэ, которые были назначены в комиссию, решат проблемы»³.

Таким образом, началась деятельность по описи, оценке и делению имущества Богдо-хана. Сейчас в фонде рукописи Национальной библиотеки Монголии хранится опись одежд богдо-хана и материй, которые были привезены из тугдама вместе с статуями богов. Дата на этих документах относится к периоду конфискации имущества. Однако в описях нет цен. Например, там написано: «в первом сундуке в красном доме желтая шелковая верхняя одежда ребенка с изнанкой из мерлушки и обшлагами из выдры, две коричневых шелковых верхних одежды ребенка с изнанками из мерлушки и обшлагами из бобра, шелковые одеяла, алтарные принадлежности» и т. д. Кроме того, в архиве исторических документов Центрального национального архива Монголии⁴ хранятся две тетради описи всех имущества хутугты Жибзундамба и одна тетрадь торгового расчета. Доктор О. Батсайхан ввел эти тетради в научный оборот.

Тетрадь торгового расчета есть регистрация недвижимостей, скота и драгоценностей хутугты.

Комиссия конфискации в первую очередь сделала опись 12 железных ящиков «Внутреннего фонда» с драгоценностями, шелками и т. п. Можно рассмотреть драгоценности в первых трех железных ящиках: 784 ланов и 50 пунов золота высшего качества в первом железном ящике стоимостью 47 070 тугриков (60 тугриков за один лан), золота 26 ланов и 81 пунов в целом 1 340 тугриков и 5 мунгов (50 тугриков за один лан), цена железного ящика, который хранит это золото 8 тугриков, следовательно, первый ящик со своим содержимым стоит 48 418 тугриков 50 мунгов. Во втором железном ящике — 567 золотых колец со вставками из разных камней, а также из жемчуга и бирюзы, сделанные в манере монгольских ювелиров с хорошим и плохим дизайном⁵, как считали члены комиссии. Например, кольцо, зарегистрированное под номером 72, имевшее 10 вставок из 2-каратного алмаза оценили 250 тугриков. В третьем ящике — ожерелья из драгоценных камней и жемчуга. Например, было описано 13 женских ожерелий, одно ожерелье состояло из 11 алмазных бус высшего качества, 46 — среднего

---

¹ IV Съезд МНРП. Документы. Улаанбаатар, 1978.

² МНР на пути некапиталистического развития. Улаанбаатар, 1956.

³ Национальный центральный архив Монголии. Ф. 179. Оп. 1. Ед. хр. 346.

⁴ Подлинники хранятся в НЦА, я использовала копии материалов, хранящиеся в Музее Богдо-хана.

⁵ Дворец-музей Богдо-хана. Оп. 1.

качества и 43 — маленького размера, другое — из 59 каменных бус, 3 больших бериллов, 33 маленьких бериллов, из 5 больших качественных жемчужин, 4 бериллов и из многих маленьких жемчужин, ценой в 5 500 тугриков. Таким образом, 20 января 1926 г. 261 ожерелье стоимостью 220 187 тугриков и 5 мунгов, по оценке комиссии и 75 000 янчанов были отданы на просвещение народа, 72 498 янчанов и 27 мунгов — на здравоохранение, 71 255 янчанов и 57 мунгов — ведомству религиозных дел. Таким образом, была сделана опись драгоценностей, шелков, парчи, одежды из 12 железных ящиков и 39 сундуков, проставлены цены, проданы и розданы деньги нужным организациям. В эти суммы не вошли цены на скот [5, с. 145], хотя в описях упоминается скот, который относился к монастырю. В 1924 г. у хутугты Жибзундамбы было 2 689 лошадей, 247 верблюдов, 564 коров, 15 473 овец, в целом 18 973 голов скота [5, с. 145], было отмечено, что 10 306 голов крупного скота стоимостью 10 306 тугриков, из них 350 лошадей, оцененных в 3 500 тугриков, передали в ведомство религиозных дел. Кроме того, 884 лошадей стоили 18 417 тугриков. Так как были потери лошадей «...в виде смерти, побега в родные края», члены комиссии заботились «о быстрой передаче их в другие места»¹, сообщив об этом в Центральный комитет и сделав предложение «...отдавать старых, тощих лошадей на помощь в деле обслуживания самолетов»². Скот хутугты таким образом был полностью продан, например, от скота из монастыря в верховьях Хайстая выручка составила 6 427 тугриков и 76 мунгов³.

Была организована работа по продаже и передаче недвижимости хутугты. Например, был продан монастырь в верховье Хайстая, все дома, ограждения Сэрууна лаврина, многие дома на территории Хайстая и вне ее, а также ворота. Эти дома и заборы купили центральный комитет молодых членов партии, городской комитет партии, центральная школа партии, отдел женщин и другие организации за 60 000 тугриков, которые были переданы через министерство просвещения⁴. Кроме того, вещи в 100 сундуках, из зданий 1, 2 и 3 на территории монастыря в верховье, тоже были проданы по ценам, определенным комиссией.

Во второй описи фонда хутугты было зарегистрировано 11 комодов в 7 лавринах, 8 комодов в здании фонда в монастыре в верховье, а также вещи в 30 зданиях, таких как, например, Ногоон лаврин, дом литургии Гонгора, дом литургии Намсрая в монастыре в верховье, дом алтаря Эх дагины, молельня, Хайстай лавиран и Гунгаадэжидлин. Например, 150 наименований, таких как фонарь, фарфоровый цветок, расписная ваза, коричневый деревянный комод с зеркалом и др., оценили в 1280 тугриков и 25 мунгов, а 193 наименований в доме на северо-востоке — в 2 283 тугриков и 38 мунгов⁵.

Таким образом, комиссия работала и распределяла имущество по инструкции. Однако ведомству религиозных дел не передали вещи религиозного харак-

---

¹ Музей-дворец Богдо-хана (1926–2016). Улаанбаатар, 2016. С. 33.

² Там же. Оп. 1, 2.

³ Там же. Оп. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Оп. 2.

тера, такие же, как министерствам народного просвещения и здравоохранения. Например, кроме хадака и железных рам, они получили фарфоровые чашки, ведра, посуду, палатки, ковры, коробки для сигарет, деревянный стол с резьбой, железный мех, зеркало, латунные тарелки, медные ложки. Кроме того, среди конфискованных вещей было много ружей: «нашли много маузеров, которые были спрятаны за портретами богов (более 400 винтовок и более 150 000 снарядов)»¹, их передали министерству военных дел.

Во время раздачи имущества был случай, когда ведомство отказалось забирать животных, 2 марта 1926 г. антилоп и волков не хотели брать в министерстве народного просвещения, подали заявление, три члена комиссии по разрешению вопросов обсудили и решили: «... свиней и собак, содержащих на средства государства, решили отдать в министерство народного просвещения вместе со старым медведем, тремя антилопами и двумя волками, которые были в среднем монастыре ведомства религиозных дел, чтобы кормить их постоянно» [3, с. 224].

Среди экспонатов выставки «...были две вазы, оцененные в 10 000 тугриков, которые невозможно было продать, и их передали в музей» [3, с. 225]. Первый директор музея Н. Дэндэв вспоминал: «...Пришлось создать музей из разных частей животных и многих других интересных вещей, которые находились в Зеленом дворце Богдохана. Эти вещи конфисковали и хранили временно в доме Дархан-вана. Осенью 1926 г. музей перевезли в Зеленый Дворец у реки»².

Институт рукописей и манускриптов подарил сутары (судар-буддийские каноны) Центральной школе партии. Сейчас эти сутары хранятся в фонде редких книг Национальной библиотеки Монголии. В 1959 г. исследователь Жадамба изучил их и издал книгу «Собрание манускриптов восьмого Жибзундамбы». В нее были включены сутары по истории, литературе, религии на монгольском, маньчжурском, китайском и тибетском языках из библиотеки богдо-хана Жибзундамбы, например, 78 книг Энх-Амгалана, 15 книг Хүйтэн ула, 70 томов словаря маньчжурского и монгольского языка, написанных ханом, 25 томов по истории династии Тан, определения обязанностей чиновников во дворце Богдо-хана с пятой по восьмую инкарнации, предсказание богдо-хана пятой инкарнации, Хух сутара государства империи Юань [6, с. 10–15] и др.

Комиссия не только делала опись вещей, но и продавала их. Многие организации и министерства, чиновники и простые люди покупали их. Среди покупателей были и премьер-министр Монголии, председатель ЦК МНРП, командиры армии, посол России в Монголии. Например, монгольским правительством были куплены «позолоченное огниво с тесьмой с каменным украшением на 50 янчанов, позолоченный нож с крючком и огнивом на 70 янчанов, 8 рулонов белой чесучи по 100 янчан, норковая шапка на 20 янчанов и так далее, вещи 12 наименований на 496 тугриков и 50 мунгов, и эту сумму передали ведомству здравоохранения. Отдел женщин купил бумажную маску, часы, коричневый деревян-

---

¹ Документы Всероссийской Коммунистической партии большевиков. (1920–1932 гг.). Улаанбаатар, 2008. С. 142.

² Воспоминания старика Дэндэва. Улаанбаатар, 1961. С. 21.

ный стол, дом и забор на территории монастыря Хайстай и в целом имущества 8 наименований на 56 783 янчанов»¹. Ведомство Великого хурала, центральный комитет партии, центральный комитет молодежи, партийная школа, министерство внутренних дел, городской комитет партии, ведомство здравоохранения, кооперация взаимопомощи, Институт рукописей и манускриптов, министерство иностранных дел, министерство военных дел, военное училище, министерство хозяйства, министерство просвещения, министерство в Дэлгэрэх уле и другие предприятия покупали вещи у 30 монастырей.

Имущество богдо-хана покупали премьер-министр, министры, многие работники министерств, 15 членов комиссии, сойвон и донир внутреннего фонда, работники банка и других учреждений. Например, Намсрай и Занабазар из комитета молодежи, чиновники Амгалан, Содномдаржаа и Найдансүрэн, председатель министерства внутренних дел Насанбат, министры Амар и Бадрах, председатель ЦК МНРП Дамбадорж, члены комиссии Баттөмөр, Балжинням, переводчик и мн. др. Например: «командующий Х. Чойбалсан купил золотой браслет ценой в 3 лана, золотую цепочку-браслет, нож, вилки, ложки, в целом 75 наименований на 2130 янчанов»². 15 членов комиссии купили вещи самых разных наименований. Член комиссии Батумор купил табакерки, серебряные пуговицы, кубки, чашки 64 наименований на 1265 янчанов 60 мунгов [6, с. 10–15]. В описи отмечены только покупки, сделанные должностными лицами и авторитетными людьми. Остатки вещей продавали в магазине для народа — чашки, шелк, фарфоровые изделия и керамику, в целом 426 наименований³.

Были случаи вывоза за рубеж. Посол России приобрел один шелковый дэли, две шелковые рубашки, представитель Китая Зэн купил дэли из белок, норковый воротник, 9 полотнищ парчи, 3 часов, 1 дээл из лисы, чашки с каменным подносом⁴.

...Был случай, когда донир фонда Далай-ламы Лувсанчойндон подал заявление в министерство финансов, в котором просил пропустить без таможенного осмотра груз на восьми верблюдах (эмалированный лев, кадило, красивые шелка и др.), купленный в фонде хутугты Жабзундамбы, так груз предназначен Далай-ламе, заявление было обсуждено в министерстве финансов, и дано разрешение пропустить [3, с. 224]. Таких примеров немало.

В торговом отчете общая цена всех проданных вещей составила 19 563 тугриков 13 мунгов⁵.

Я. Шийлэгмаа показала составленные цены и продажу имущества Богдо-гэгэна следующим образом [3, с. 224]:

---

¹ Дворец-музей Богдо-гэгэна. Торговые документы.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Таблица 1

№	Полученная отрасль	Цена имущества	Процентом
1	Отрасль здравоохранения	355 094	27,92
2	Отрасль образования	355 130	27,93
3	Отрасль религии	366 383	28,81
4	Проданные вещи	195 063	15,34
	В общей сумме	1 271 670	100

Таким образом, работа, которая была начата в феврале 1925 г., продолжалась до конца апреля 1926 г.

Из второго параграфа материалов 81-го заседания ведомства религиозных дел от 26 апреля 1926 г.: «Опись недвижимого и движимого имущества хутугты Жабзундамбы была сделана детально и понятно специальной исполнительной комиссией, которая продлевала срок несколько раз. ...Комиссия проверяла золото, серебро, жемчуг и другие драгоценности, а также шелк, разные материи, наряды и скот, определяла их стоимость... усердно старалась больше года и только сейчас закончила работу. ...Сутары и другие вещи для музея, подаренные Институту рукописей и манускриптов и Центральной школе партии, ружья и снаряды, конфискованные министерством военных дел, были введены в опись, их цена составила 1 179 270 тугриков и 18 мунгов.

...Расходы на комиссию, на чиновников из правительства, бывших учеников богдо — 13 985 янчана и 50 мунгов, деньги, данные министерству военных дел на самолет кооперации взаимопомощи из Советского Союза, который сломался при столкновении, — 1 000 тугриков, по постановлению заседания правительства, цена двух красивых ваз, переданных музею, составила 10 000 тугриков, и в целом 1 065 284 тугриков и 68 мунгов, как нами было сообщено правительству. Так как на втором государственном заседании было разрешено разделить имущество хутугты на три части, распределив одну часть с религиозными принадлежностями ведомству религиозных дел, вторую часть — в министерство внутренних дел для здравоохранения и третью часть — в дело народного просвещения в виде золота, скота, жилищ и разных вещей в присутствии назначенных чиновников и представителей, подписав три описи проверки, пять копий списка книг, сутаров и музейных экспонатов, подаренных Институту рукописей и манускриптов и Центральной партийной школе, а также списка ружей и снарядов, переданных министерству военных дел, и одну копию списка проданного имущества. 40 400 ланов, которые были израсходованы учениками хутугты Жибзундамбы, которые распоряжались фондами хутугты перед описью, для богослужения и поминок, тратили в виде денег и вещей, и 12 000 ланов, израсходованных на ежедневные молебны, считали доходами его учеников, как и было утверждено правительством¹. Этим отчетом, доставленным в правительство, в основном была закончена данная работа.

¹ Национальный центральный архив Монголии. Ф. 179. Оп. 1. Ед. хр. 346. С. 3.

Заключение

Таким образом, государство распорядилось недвижимостью, скотом и вещами богдо-хана, хранившимися во «внутреннем фонде» хутугты, часть денег, полученных от продажи имущества, расходовали на деятельность министерств народного просвещения и здравоохранения, книги, сутары были переданы в Национальную библиотеку Монголии, Дворец-музей Богдо-хана, в другие музеи, а алтари и редкие вещи хранятся у частных лиц как уникальное культурное наследие Монголии.

Литература

1. Насанбалжир Ц. Фонд Жавзандамба хутагта // Түүхийн судлал. Т. VIII. F13-24. Улаанбаатар, 1970. С. 143.
2. Батсайхан О. Последний царь Монголии VIII Богд Жавзандамба. Улаанбаатар, 2014. С. 100.
3. Шийлэгмаа Я. Об имуществе VIII Богдо Жибзундамба хутагта // Acta Historica Mongolica. Улаанбаатар, 2001. Т. XIV. Fasci 23.
4. Чойбалсан Х. Статьи и доклады. Улаанбаатар, 1951. Т. 1. 315 с.
5. Насанбалжир Ц. Фонд Жибзундамба хутагта // Түүхийн судлал. Улаанбаатар, 1970. Т. VIII. Fasc 22.
6. Жадамба. Библиотека VIII Богдо Жибзундамба: манускрипты и ксерокопии книг // Монгол судлал. Улаанбаатар, 1959. Т. 1. Facs VI. С. 10–15.

УДК 94(=512.36)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-268-271

ДАУРЫ В МОНГОЛИИ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ БОГДО-ГЭГЭНА

© **Цыбенев Базар Догсонович**

кандидат исторических наук, доцент,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: bazar75@mail.ru

В статье освещены малоизвестные в отечественной исторической науке источники о прошениях разных лиц о вступлении их в подданство, в частности даурских чиновников Хулун-Буира и Хэйлунцзяна. Показана деятельность даура Цэнд-гуна в составе правительства Богдо-гэгэна. Автор статьи рассказывает и о даурском чиновнике Линшене, который в 1912 г. находился в Монголии в составе делегации от Хулун-Буира и принимал участие в Кяхтинской тройственной конференции 1914 г.

Ключевые слова: дауры; Богдо-гэгэн; Урга; Хулун-Буир; Цэнд-гун; Линшен; Кяхтинская тройственная конференция.

DAURS IN MONGOLIA IN BOGDO-GEGEN PERIOD

Bazar D. Tsybenov

Cand. Sci. (History), A/Prof.,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

E-mail: bazar75@mail.ru

The article examines obscure petitions for accepting Mongolian citizenship by Daurian officials of Hulun-Buir and Heilongjiang. The author explores the activities of Tsend-gung in the work of the Bogdo-Gegen government. He also assumes that in 1912, the Daurian figure Linshen was in Mongolia as a member of the delegation from Hulun-Buir. Apparently, in 1914, Linshen participated in the Kyakhta tripartite conference.

Keywords: Daur, Bogdo-Gegen, Urga, Hulun-Buir, Tsend-gun, Linshen, Kyakhta tripartite conference.

После объявления независимости Монголии в 1911 г. Хулун-Буир одним из первых заявил о своей готовности принять монгольское подданство. Глава Хулун-Буира, хайларский даур Шэнфу, зимой 1912 г. отправил делегацию во главе с Дамдинсурэном. В архивах Монголии сохранились материалы, связанные с этой делегацией и последующими вопросами обустройства Хулун-Буира в составе Монголии. Так, своим указом от 11 февраля 1912 г. Богдо-гэгэн оказывал почести делегации из Хулун-Буира. В другом своем указе от 14 августа 1912 г. решал вопрос о порядке и правилах замещения чиновничьих должностей в Хулун-Буире. В документе, датированном 15 августа 1912 г., говорится об удовлетворении Богдо-гэгэном прошения монгольских чиновников о наказаниях за грабежи и

воровство [5, с. 97, 107, 110]. Чиновники Хулун-Буира указывали на участвовавшие случаи подобных явлений, которые были связаны с проведением железной дороги. От грабежей и воровства особенно страдали китайцы, монголы и эвенки-орочоны, населявшие юго-восточную, гористую часть региона. Эти три архивных документа свидетельствуют о том, что чиновники Хулун-Буира с февраля по август 1912 г. взаимодействовали с правительством Богдо-гэгэна на правах подданных. Вероятно, уже тогда между хулун-буирскими и халхаскими чиновниками возникли серьезные расхождения в вопросе о правилах и порядке назначения чиновников в Хулун-Буире. Например, есть данные, что после возвращения делегации чиновники Хулун-Буира решили воздержаться от принятия монгольского подданства и утвердить независимое положение региона [1, с. 12]. Власти Хулун-Буира стали проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику [8, с. 205–206].

Ценным документом является прошение о принятии в монгольское подданство некоего Минбуу, чиновника четвертой степени провинции Хэйлунцзян Китая, датированное 5 мая 1912 г. (с приложением карты). Прошение написано на маньчжурском языке. В начале прошения Минбуу обращается к истории дауров с момента падения Юаньской династии и ухода монгольского хана Аюшридары из г. Инчан на север. Как отмечал Минбуу, Аюшридары переправился через Амур и обосновался там. После падения династии Мин предки Минбуу в Мукдэне приняли подданство маньчжуров. Название своего рода «онон» он связывает с одноименной рекой в Монголии, «мои предки жили на р. Онон» [6, с. 20]. Из текста прошения можно понять, что Минбуу был уполномоченным от трех городов, где, по всей видимости, проживало даурское население. Одним из этих городов был г. Мэргэн, названия двух других городов не удалось установить. Таким образом, можно говорить о двух даурских чиновниках — Шэнфу и Минбуу, подавших в 1912 г. Богдо-гэгэну прошения о принятии монгольского подданства. Необходимо заметить, что в изучаемый период название «даур/дагур» в документах и источниках употреблялось редко, дауры были известны как выходцы из Барги или как солонь. В 20-х гг. XX в. под влиянием национального движения монгольских народов появилось название «дагуур-монгол». До образования КНР дауры причислялись к монголам, и лишь в 1956 г. они были выделены в качестве самостоятельного этноса. В 1958 г. был создан даурский автономный хошун Морин-Дава [9].

Многие деятели национального движения Внутренней Монголии были приняты на службу монгольского правительства [Батунаев, 2015, с. 71]. В их числе был и даур Цэнд(-э), ставший впоследствии известным в монгольском мире как Цэнд-гун (1875–1935). Прибыв в Монголию в 1913 г., Цэндэ работал в канцелярии монгольского правительства, принял участие в военных кампаниях во Внутренней Монголии. За проявленное мужество ему был присвоен титул «Бодолгату-батор-гун» («Рассудительный герой») [8, с. 205]. С тех пор за ним закрепилось новое имя — Цэнд-гун. В 1914 г. он принимал участие в Кяхтинской тройственной конференции, входил в состав монгольской делегации [3, с. 243]. Как известно, по итогам Кяхтинской конференции Монголия была признана автономией Ки-

тайской Республики. В октябре 1915 г. было подписано российско-китайское соглашение и по Хулун-Буиру, закрепившее автономию региона и прямое управление Китая [4, с. 112]. Тем временем Цэнд-гун продолжал свою энергичную деятельность в Монголии, работал в разное время на должностях заместителя министра финансов [7, с. 49], заместителя иностранных дел и представителя от Хулун-Буира в монгольском правительстве [10, с. 124]. Цэнд-гун также известен как первый переводчик «Сокровенного сказания монголов» с записи китайскими иероглифами на монгольский язык.

В составе делегации Хулун-Буира, возглавляемой Дамдинсурэном в 1912 г., по нашему предположению, мог находиться другой даурский чиновник — Линшен. Среди имен делегатов упоминается некий чиновник Линсан [7, с. 47]. По всей видимости, его имя повторно встречается в списке монгольской делегации на Кяхтинской тройственной конференции. В нем Линшен записан как «чиновник-переводчик, занги сомона Линшин» [3, с. 244–245]. Других сведений о его деятельности в Монголии не имеется.

Таким образом, вышеотмеченные прошения даурских чиновников от 1912 г. свидетельствуют, что даурские чиновники Хулун-Буира и трех городов Хэйлунцзяна возлагали большие надежды на независимую Монголию во главе с Богдо-гэгэном. Даурские деятели участвовали в переговорах на Кяхтинской тройственной конференции. Цэнд-гун плодотворно работал в правительстве Богдо-гэгэна. Многие детали биографии даурских деятелей остаются неосвещенными, поэтому необходимо продолжить изучение, чтобы восстановить истинную картину их участия в переговорном процессе в Кяхте и работе правительства Богдо-гэгэна.

Литература

1. Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.
2. Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 160 с.
3. Батсайхан О. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916) [Суверенитет Монголии (1911–1916) и Кяхтинский договор 1915 г. между Китаем, Россией и Монголией]. Улаанбаатар: Адмон, 2007. 317 с.
4. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.
5. Монголчуудын нэгдсэн улс байгуулахын толоох тэмцэл (1911–1915). Баримт бичгийн эмхтгэл. I [Борьба за создание единого государства монголов] / эмхтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн: Ж. Гэрэлбадрах; эрхэлсэн: Ж. Урангуа. Улаанбаатар, 2014а. 376 с.
6. Монголчуудын нэгдсэн улс байгуулахын толоох тэмцэл (1911–1915). Баримт бичгийн эмхтгэл. III [Борьба за создание единого государства монголов] / эмхтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн: Ж. Гэрэлбадрах; эрхэлсэн: Ж. Урангуа. Улаанбаатар, 2014б. 361 с.
7. Мягмарсамбуу Г. Бус нутаг, Монголын түүхэн дэх Барга: улс торийн түүх (1900–1960 он) [Барга в истории Монголии: политическая история региона (1900–1960 гг.)]. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2017. 338 с.

8. Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017а. С. 201–210.

9. Цыбенков Б. Д., Юй Шан. История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945–1958 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017б. Т. 22. С. 113–123.

10. Atwood C. P. Young Mongols and vigilantes' in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. 1168 p.

УДК 336.6(091)(517.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-272-279

**МОНГОЛЬСКИЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ БАНК
(1924–1954)**

© **Дэлгэрмаа Болдбаатар**

аспирант,

Монгольский государственный университет

Монголия, г. Улан-Батор

Email: delgermaa.b@ufe.edu.mn

Вскоре после создания правительства Монголии при теократии Богдо-хана была выпущена национальная валюта, в результате чего был открыт Банк Монголии. Однако из-за неэффективной работы Национального банка Монголии (1915–1919) правительство объявило недействительной концессию, которая была установлена между Монголией и торговцами из России. Кроме того, из-за неизбежной потребности в экономических и финансовых операциях Народное правительство учредило 22 июня 1924 г. Монгольско-Российский акционерный торгово-промышленный банк Монголии. Банк функционировал как советско-монгольское акционерное общество в течение 30 лет, пока он не был передан в полную собственность Монголии в 1954 г. Создание первого банка в Монголии было решительно поддержано Советским Союзом. В данной статье рассматривается роль Советского Союза в становлении банковской сферы Монголии.

Ключевые слова: банк Монголии; взаимный кооператив; кредит; экономика.

THE TRADE AND INDUSTRIAL BANK OF MONGOLIA (1924–1954)

Delgermaa Boldbaatar

Research Assistant,

National University of Mongolia

Ulaanbaatar, Mongolia

Email: delgermaa.b@ufe.edu.mn

Soon after the Government of Mongolia under theocracy of the Bogd Khaan was founded, the national currency was issued, thus, later, the Bank of Mongolia was opened. However, due to inefficient operation of the National Bank of Mongolia (1915–1919), the Government of Mongolia declared the concession that had been established in between Mongolia and traders from Russia as invalid. Furthermore, due to the unavoidable necessities and needs in economic and financial operations, the People's Government established the Mongolia-Russian shareholding Trade and Industrial Bank of Mongolia in June 22nd, 1924. The bank had been operated as shareholding property in between the People's Republic of Mongolia and the Soviet Union for 30 years until it was transferred to the full ownership Mongolia in 1954.

The establishment of the first bank in Mongolia was vitally supported by the Soviet Union. This paper studies what objectives and effects the Soviet Union had on this investment.

Keywords: The Bank of Mongolia, Mutual Cooperative, loan, economy

Министерство финансов как основной представитель народной власти до 1925 г. наряду с его главными функциями разработки и регуляции политики финансовых кредитов было ответственным за заготовку сырья, внешние экономические связи, государственное денежное обращение, то есть — за финансы и хозяйство правительства. Премьер-министр и министр финансов Д. Чагдаржав был освобожден от этой должности в связи с созданием кооперации взаимопомощи. Во втором параграфе «Правил для временного Монгольского народного правительства», утвержденных 23 апреля 1921 г., было указано: «Д. Чагдаржав был назначен на должность исполнителя при создании кооперации взаимопомощи, и на должность инструкторов и служащих этой кооперации будут приглашены способные люди»¹. Однако создание кооперации взаимопомощи было начато позже, так как народному правительству нужно было довести победу революции до конца, провести политико-организационные работы и с этими целями назначили Д. Чагдаржава работать в Хубсугуле и Урианхайском краю [8, х. 16]. Монгольская народная кооперация взаимопомощи (МНКВ) с момента ее создания работала по направлениям торговли, обслуживания и производства и, кроме того, предоставляла заем под небольшой процент. Однако появилась потребность создать государственный банк, так как МНКВ предоставлял займы под небольшие проценты вследствие непрочности ее финансов, люди лезли в кредит, получив кредит у китайских фирм под большой процент, возможность создания государственного бюджета за счет таможи и разных налогов и взимаемый уменьшалась. 28 февраля 1922 г. на заседании правительства было решено создать Банк для улучшения кооперации [1, х. 401]. Однако в директиве «Основной экономической политики»², выдвинутой правительством в процессе подготовки к реализации этого решения, было определено, что целью нового банка является «выпуск золотых, серебряных и медных монет и банкнотов из государственного фонда, заверяя их всем капиталом государства», и проведение денежных операции, используя национальную валюту, игнорируя зарубежную.

Хотя монгольское правительство хорошо понимало большое значение национального банка в развитии государственной экономики, Монголия не имела капитала для создания банка, осознавала необходимость сотрудничества с другой страной и искала надежного партнера. В это время в 1922 г. первый министр С. Данзан прибыл в Баргу (Хулун-Буир) с официальным визитом и подписал договор, в котором было определено общее направление монголо-баргутских отношений. В первом параграфе этого договора было указано: «следует обмениваться опытом в сфере кооперации и банковского дела, которые помогают в развитии образования и культуры»³. Однако создание совместного банка не получилось вследствие политического кризиса в Барге [2, х. 323].

В протоколе заседания Политбюро была упомянута важность немедленного создания Русско-монгольского банка с июля 1923 г. [6, х. 130]. Следовательно, в

---

¹ Нац. центр. архив Монголии. УТА.УТОНББТА. Х. 1. Д. 2. ХН. 3. Т. 2.

² «Эдийн засгийн үнлсэн бодлого» (1923) нь манай улсын эдийн засгийг бүхэлд нь тодорхойлж байсан чухал хэрэгтэй байсан тул 1940 он хүртэл мөрдөнөжиллэсэн юм.

³ УТА.УТОНББТА. Х. 4. Д. 1. ХН. 95. Т. 59.

феврале 1924 г. была организована договоренность с Советским Союзом, обсуждены условия создания банка и 2 июня¹ Монгольский торгово-промышленный банк (МТИБ) был открыт. Восемнадцать из 22 работников данного банка были гражданами Советского Союза. Как показывает документ, первые сотрудники Банка Монголии Д. Цэдэн-Иш и Ш. Бат-Очир были членами генерального комитета банка, Дугар и Юндэн — практикантами и счетоводами. Первым директором генерального комитета банка Монголии был В. И. Комор, главным бухгалтером — Ф. Ф. Трифонов, ревизором — А. С. Таршис, членами генерального комитета — Г. Н. Шур и Б. М. Берлацкий, а также многие другие русские сотрудники разных профессий. Первое отделение банка Монголии было открыто в селе Алтанбулаг на границе Монголии и России, директором был назначен Ф. С. Власов, кассиром — И. В. Маркевич. В течение 8 лет сменилось 5 директоров банка Монголии, а с 1932 г. начиная с С. Довчина директорами работали монголы. Сейчас банком Монголии управляет шестнадцатый директор. В архиве есть сообщение от Талунтиса — консультанта по финансово-экономическим вопросам при правительстве Монголии, в котором упомянуто о первом директоре монгольского банка В. И. Коморе: «Хотя он является членом партии, он слаб в работе, не только не знает банковских дел, но и он вообще необразованный. Он даже не умеет выполнять обязанности политического комиссара при банке». «Исполнительный директор банка Монголии И. Шур не только не знает свою работу, но и презирается публикой» [6, х. 176]. Третьим директором утвердили И. Н. Дейчмана². На основе этих фактов можно сделать вывод, что по политическим причинам кратковременного срока службы русских директоров банка Монголии является политика и недостаток знаний банковского дела в Монголии.

При открытии банк имел следующую структуру:

1. Генеральный комитет банка Монголии (5 человек).
2. Служба секретаря.
3. Бюро финансов и экономики.
4. Центральная бухгалтерия.
5. Отдел денежного оборота.
6. Ревизионная комиссия.
7. Касса.
8. Эмиссионный отдел.
9. Монгольская бухгалтерия.
10. Отдел страхования.
11. Административный отдел.

В 1924 г. Монгольский торгово-промышленный банк открыл свое первое отделение в селе Алтанбулаг (6 августа 1924 г.), в 1925 г. — отделения в Сан бэйсе,

---

¹ «Монголын худалдаа аж үйлдвэрийн банк байгуулагдсан хугацааг 1924 оны 6 сарын 25, 7 дугаар сарын 2 гэх мэт зөрөөтэй зүйлс байдаг. 6 дугаар сарын 24-нд Ардын эрх сонинд зарлал гарсныг тийнхүү андуу ойлгодог бололтой» гэсэн тайбарыг судлаач М. Ринчин өгсөнтэй санал нэг байна.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 624. Л. 6.

Заяын шавь, Жаргаланте и Улиастае, а также в монастыре Югзора в хошуне Уйзэна вана¹. В 1954 г. было открыто уже 22 отделения и 13 касс, в них работали 4 советника из Советского Союза и 414 работников из Монголии.

В 1935 г. Советский Союз свою долю капитала, который стал основой для создания Монгольского торгово-промышленного банка, передал в пользу МНР [9, х. 69].

Целью монгольского торгово-промышленного банка было приведение порядка в денежном обороте страны и выпуск национальной валюты для содействия развитию экономики, торговли, сельского хозяйства и индустрии. Этот банк начал деятельность с июля 1924 г. с капиталом 250 000 рублей и ввел 144 тугриков в денежный оборот 9 декабря 1925 г.

Монгольское правительство приняло закон «О проведении денежной реформы» 22 февраля 1925 г. Главная задача денежной реформы — укрепить национальную валюту и сделать ее основой экономических отношений, так как никакая иностранная валюта не могла обеспечить стабильность в экономике и политике независимости страны. Было установлено, что национальной валютой Монголии является тугрик.

С этого момента китайский янчаан, монгольский бага болзоот, введенный в оборот с мая 1921 г., американские и мексиканские доллары, английские фунты стерлингов, серебряные слитки, российские рубли и золотые монеты «Империал» были вытеснены из рынка, и с 1927 г. весь денежный оборот основывался на тугриках.

Вначале монголы предпочитали чистые серебряные слитки и китайские серебряные янчаны и снисходительно относились к тугрикам как к исписанной бумаге, но потом стали использовать монеты, полтинники и серебряный тугрик, что привело к пониманию того факта, что металлические деньги и банкноты имеют одинаковую ценность. Однако серебряные монеты не вышли из употребления до 1970 г.

Монгольский торгово-промышленный банк предоставлял акции и ценные бумаги для населения. Благодаря предоставлению займа гражданам Монголии денежный капитал банка за период с 1925 по 1927 г. значительно вырос [2, х. 323].

Главной целью банка, который был создан из капиталов Монголии и Советского Союза в равных долях, являлось формирование партнерских отношений между двумя странами. Однако банк не обращал внимания на эту задачу и совершал ошибки, а когда главы государств выражали недовольство, управление банка относилось к этому равнодушно, безразлично. Министр хозяйственных дел А. Амар и глава военного совета Н.Жадамба напоминали о некоторых проблемах в монголо-советском экономическом сотрудничестве при встрече с начальником народного комиссариата иностранных дел Г. В. Чичериным «Настоящей целью монгольского торгово-промышленного банка является, во-первых, содействие развитию монгольской экономики, во-вторых, формирова-

---

¹ Национальный центральный архив Монголии. УТА. Х. 279. Д. 1. ХН. 4. Т. 86–87.

ние взаимовыгодного экономического сотрудничества между Монголией и Советским Союзом. Однако этот банк прежде всего обращает внимание на предприятия и кооперации, которые относятся к Советскому Союзу, и не обращает внимание на коренной интерес Монголии и экономические отношения двух стран. МТИБ лениво относится к заему для монголов и теряет время. Русские работники в банке, которые составляют большинство в главном комитете, создают такое отношение. В дальнейшем, если нам действительно нужно экономическое развитие двух стран, надо изменить такое положение в банке и работать усердно над нищетой...»¹. Хотя А. Амар не был согласен с советской стороной с точки зрения национальных интересов, он считал, что главной внешней опорой Монголии являлся Советский Союз. Он проявлял всевозможные усилия, чтобы поднимать общество и экономику для реализации национальной и демократической тенденции внутри Монголии [3, х. 41].

Советский Союз отреагировал на выступление Амара и Жадамбы, повысив число займов монгольским торговцам.

Так как деление чистых доходов совместного торгово-промышленного банка в некотором смысле было убыточно для Монголии, правящие круги Монголии тайно планировали создать свой национальный банк. Однако советская сторона, узнав об этом, позвала в народный комиссариат иностранных дел СССР полномочного представителя Монголии в Москве Буянчулууна: «Вам не следует создавать свой банк. Если создается банк Монголии, то торгово-промышленный банк будет закрыт. Если в нашем совместном банке есть какие-нибудь недостатки, то обсудим их и исправим их»². Об этом сообщил властям полномочный представитель Б.Буянчуул телеграммой. Монгольские власти ответили: «Наша страна намеревается создать банк страны, но он будет создаваться позже на основе нашего капитала и условий того времени». Так как вопрос создания банка является нашим «важным внутренним делом», нет надобности нашим двум странам «обсуждать» этот вопрос сообща³. Как показывает этот факт, власти Монголии того времени не только хотели создать свой собственный независимый банк, но и сообщили об этом сразу.

Денежный капитал монгольского торгово-промышленного банка было заметно увеличен — в три раза с 1925 по 1928 г. 1 сентября 1928 г. 90% общего займа принадлежало к торговым организациям.

Как показывает таблица, 43,4% займа было предоставлено торгово-промышленным банком, а 9,6% — частным фирмам. Будучи в зависимости от политики Советского Союза, торгово-промышленный банк не предоставлял займы иностранным фирмам и компаниям [2, х. 325]. До 1928 г. в Монголии не было фабрик и заводов. Позже стали предоставлять займы вновь открывающимся предприятиям, в частности новому юфтовому заводу в Алтанбулаге.

1 июня 1928 г. торговые организации имели займ на более чем на 8 миллионов тугриков (табл. 1):

---

¹ Национальный центральный архив Монголии. УТА.УТОНББТА. 4-2-131.93.

² Там же. УТА.УТОНББТА. Ц.7-1-16,101.

³ Там же.

Таблица 1

№	Торговые организации	Займ (тыс. тугриков)	Процент займа %
1	Монгольская народная кооперация взаимопомощи	38 429 000	43,4
2	Монголо-советский совместный кооператив	3 166 900	35,8
3	Другие организации Советского Союза	991 300	11,2
4	Частные торговцы — граждане Монголии	848 900	9,6
5	В целом	8 850 000	

Так как торгово-промышленный банк не предоставлял займы иностранным фирмам и компаниям, их влияние на экономику Монголии, особенно на внешнюю торговлю, интенсивно уменьшалось. Например, 86,3% экспорта в 1923–1924 гг. принадлежало торговцам из Китая и других капиталистических стран, а их доля уменьшилась до 14,5% с 1928 по 1929 г., доля Советского Союза составляла 13,7% в 1923–1924 гг., она увеличилась до 85,5% в 1928–1929 гг., в импорте его доля увеличилась с 13,5 до 48,0% [5, с. 145].

Приведение порядка в деятельности МТИБ, стабилизация национальной валюты, увеличение торговых оборотов кооператива и монголо-советской совместной торговли интенсивно уменьшали влияние торговцев из Китая и других капиталистических стран. Однако потребность в китайском чае, табаке и шелке не уменьшалась, а цены на них увеличивались. Несмотря на это, специалисты Советского Союза придавали большое значение вытеснению китайских торговцев и торговцев капиталистических стран из Монголии.

Деятельность Торгово-промышленного банка сохранялась до конца 1929 г. Банк стал предоставлять займы без определенного назначения и залога на собственность колхозам и коммунаам, и в результате их количество заметно увеличилось с 1930 по 1933 г.: на торговлю — в 5,08 раза, на пенсии — в 17,2 раза, для сельского хозяйства — в 183,4.

Хотя займы для сельского хозяйства в целом увеличились в 183,4 раза, количество займов для частных хозяйств было мизерным. С 1929 по 1931 г. остаток займа частным предпринимателям и торговцам уменьшился с 143,0 тысяч тугриков до 12,0 тысяч тугриков как результат политики левых оппортунистов, оказывающих давление на сектор частных собственников и поддерживающих государственный сектор и кооперативы для интенсификации перехода на коммунистический этап. Однако займ, данный аратам, играл важную роль в развитии земледелия. Им оказали помощь еще и в виде современных сельскохозяйственных машин, техники и зерна. Этот займ реально увеличил производительность труда в земледелии [7, х. 95].

В постановлении специального 17-го малого хурала МНР, в котором было принято решение исправить ошибочную политику левых оппортунистов, четко было указано о предоставлении заема. В постановлении было подчеркнуто: «Банку нужно обращать особое внимание на предоставление займа не только

государственным предприятиям и кооперативам, но и частным торговцам и хозяйственникам, не игнорируя их»¹.

По этому решению торгово-индустриальный банк разработал серьезную политику по улучшению его деятельности. Например, с июля 1932 г. были определены условия оплаты долга, назначения займа и залога. Также Совет министров дал задание обновлять займы, утвердив постановление 24 марта 1933 г. Следовательно, торгово-промышленный банк сумел не повторить прежних ошибок, урегулировав денежный оборот, изменяя и обновляя формы займов. Кроме того, для увеличения бюджетных доходов обложили акцизами и увеличили цены на импортные товары. В результате всех этих мер количество денег в обороте уменьшилось на 5 миллионов тугриков к началу 1933 г.

Расчеты были приведены в порядок, и с 1933 г. бюджетные и внебюджетные предприятия стали вести ежегодные отчеты. К 1 января 1934 г. количество выданных займов увеличился в 23,6 раза по сравнению с 1923 г. и составил 283,1 тугрика.

Государство предоставляло займы бедным хозяйственникам, колхозам и коммуналам, оставляя лимит для частных собственников. Торгово-промышленный банк стал играть главную роль в развитии экономики, культуры, науки и других отраслей [2, х. 327]. Кроме того, развитие сельского хозяйства и увеличение численности скота были актуальными даже во время Второй мировой войны. По некоторым данным, подарки монгольского народа для Красной армии составили 53,5 миллиона тугриков, в целом банком был предоставлен займ более чем на 80 миллионов тугриков [10, х.37].

Заключение

Так как Монгольский торгово-промышленный банк уже выполнил свою роль **в создании и формировании** национальной денежной системы с 1924 по 1954 г., на основе взаимного согласия правительств МНР и СССР с 12 апреля 1954 г. акции совместного банка перешли на сторону Монголии, и в результате в собственности МНР появился Монголбанк.

Так как Торгово-промышленный банк основывался на акционерной собственности Монголии и Советского Союза в течение 30 лет, он имел некоторые разногласия в начале, которые были сглажены по инициативе А. Амара и других, а информации о каких-либо других разногласиях нет. Нужно отметить важную роль нашего северного соседа в появлении национального банка Монголии.

Банковские специалисты из Советского Союза учили созданию отчетов и балансов и у них ежедневно практиковались для подготовки национальных профессиональных кадров. Торгово-промышленный банк сделал многое для обеспечения экономической независимости и формирования национальной денежной системы Монголии.

Литература

1. Амарсанаа Ж., Баярсайхан Б., Монголын хууль тогтоомжийн түүхэн эмхтгэл Хоёрдугаар боть 1911–1926, V сар. Улаанбаатар, 2010. Х. 115–123.

---

¹ БНМАУ-ын 1932. х. 55–56.

2. Батсайхан О., Лонжид З болон бусад. Монголын түүх 1911–2017. Улаанбаатар, 2018. Х. 322–327.
3. Болдбаатар Ж., Амар Сайд. Улаанбаатар, 2016. 317 х.
4. Болдбаатар Ч., Түмэн-Өлзий Д., Цэнддоо. Монголын эдийн засгийн түүхийн алман-нах. Улаанбаатар, 2014. 301 х.
5. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей историй Монголии. М., 1957. 300 х.
6. Өлзийбаатар Д., Козлов В. П. Болон бусад. Монголын тухай БХК(Б)Н-ын баримт бичигт. (1920-1932). Улаанбаатар, 2002. 180 х.
7. Пунсалдулам Б. Монголын газар тариалангийн түүх. Улаанбаатар, 2017. 120 х.
8. Ринчин М. Монгол улсын санхүүгийн албаны түүх. Улаанбаатар, 1996. 90 х.
9. Сүхээ М. Үндэсний банкны түүхэн хөгжил 1924–1991. Улаанбаатар, 2014. 101 х.
10. Эрдэнэбат Да. Монгол улсын эдийн засаг дэлхийн хоёрдугаар дайны үед. Улаанбаатар, 2018. 115 х.
11. Энххуяг, Бархас Ч., Янсанжав Г., Монгол улсад банк үүсч, хөгжсөн нь. Улаанбаатар, 2004. 137 х.

УДК 327(517.3:430)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-280-287

**МОНГОЛЬСКО-ГЕРМАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В ОБЛАСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1926–1931 гг.**

© Будбаяр Ишгэн

начальник отдела планирования политики и отдела управления,
Монгольский национальный исторический музей
Монголия, г. Улан-Батор
Email: budbayart@gmail.com

Создание национальной торговли, промышленности, банковской и финансовой системы и развитие внешней торговли были основой независимости и дальнейшего развития общества в Монголии. Политика правительства Монголии заключалась в том, чтобы направить коммерческого представителя в Германию для приобретения заводского оборудования, необходимого для Монголии, и заручиться поддержкой немецких инженеров и техников. Германия не смогла отказаться от официальных отношений с Монголией из-за своего статуса на международной арене, что положительно сказалось на развитии взаимовыгодных интересов, в Монголию был направлен коммерческий представитель одного из заводов в Берлине. Благоприятные монгольско-германские отношения положительно были оценены даже со стороны Советского Союза.

Ключевые слова: монгольско-германское сотрудничество; промышленность; Монголия.

MONGOLIAN-GERMANY COOPERATION
IN THE FIELD OF INDUSTRY IN 1926-1931

Budbayar Ishgen

Head of Policy Planning and Management Department
National Museum of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar
E-mail: budbayart@gmail.com

Building of national trade, industry, banking and financial system and develop foreign trade was the basis for the independence and further development of society in Mongolia even which was one of the problem. The Mongolian government policy focused on to send a commercial representative to Germany and buy factory equipment necessary needed for Mongolia and establish factory support of German engineers and technicians. Although Germany was unable to give up official relations and with Mongolia due to it's status and it has been a positive result for sending commercial representative establishing a factory in Berlin. On the one hand, Mongolia and Germany mutual interest has been favorable, even one of the main support was the Soviet Union has been able to positively respond for the situation at that time.

Keywords: Mongolian-German cooperation; industry; Mongolia.

Народное правительство Монголии считало, что создание и развитие национальной промышленности является важным способом укрепления политической

и экономической независимости страны и преодоления ее технической и экономической отсталости. Но для этого не хватало технологического опыта, достаточных финансовых ресурсов и собственных инженеров. Поэтому руководство Монголии придавало большое значение интенсивному сотрудничеству с Германией в области промышленности для будущего развития Монголии. В прессе Германии также сообщалось: «Ведущие государственные деятели Монголии неоднократно выражали свою дружбу и восхищение Германией и приглашали все больше немецких компаний в Монголию, призывали создать в Монголии фабрики и заводы с помощью Германии. Народное правительство Монголии с помощью Германии и Советского Союза в первую очередь решило восстановить электростанцию, типографию, металлургический завод, кирпичный завод, фабрику по производству ткани, химическую лабораторию и транспортную компанию.

27 июня 1924 г. был создан Монгольский торгово-промышленный банк, который являлся совместным (по 50% акций) предприятием Монголии и Советского Союза. Важнейшей задачей этого банка было создание национальной валюты. В декабре 1925 г. по приказу ЦК Монгольской Народной Революционной партии национальная валюта тугрик была введена в оборот. С 1929 г. тугрик используется в качестве единственной валюты. Второй основной задачей было финансирование национальной торговли и промышленности. Для стимулирования экспорта и импорта банк выдал ссуды на шесть миллионов тугриков. Кроме того, он поддержал строительство домов, фабрик, заводов и способствовал развитию угольных шахт возле Улан-Батора, прядильной фабрики, а также производства кирпича и кожи [1].

Другие формы сотрудничества между двумя странами включали закупку немецких технологий и работу немецких специалистов в качестве консультантов в Монголии, а также обучение молодых монголов в Германии по некоторым насущным специальностям. Представители Министерства хозяйства Монголии Цэрэндорж Дашсампилон и С. Хурлат заключили контракт на размещение (крупных) европейских инженеров и специалистов в Монголии. В частности, это были дипломированный горный инженер Берлина Фриц Вайске, инженер вагонов Карл Шварце, автоинженер Дегион Монтетон, инженер Альфред Бергер, дизайнер из Дрездена Альфонс Байнлих, слесарь Ричард Меллер, швейцарские инженеры — строитель Карл Геринг и металлург Свен Эдуард Линдблум¹.

Министерство хозяйства Монголии в контракте, заключенном со инженерами и специалистами, обязалось своевременно выплачивать ежемесячную зарплату 500 мексиканских долларов для инженеров и 225 мексиканских долларов для специалистов, предоставить бесплатное жилье, возместить расходы за поездку в обе стороны, оказывать бесплатную медицинскую помощь, обеспечить защиту личного имущества инженеров и специалистов. Немецкие инженеры и специалисты взяли на себя следующие общие обязательства: соблюдать (соответствующие) законы Монгольской Народной Республики, бережно обращаться с государственным имуществом, предоставляемым им для производства, быть ответ-

---

¹ BArch, R 9208/2360, с. 148.

ственным за их безопасность и обслуживание оборудования при их монтаже, делиться своими знаниями и опытом в работе, не иметь политических взаимоотношений и контактов с иностранными организациями и лицами, не брать на себя обязательство быть представителем любой иностранной компании и предприятия, находящихся в Монголии, поехать в Улан-Батор не позднее, чем через две недели после получения суммы, причитающейся по контракту¹.

Был также индивидуальный подход к каждому специалисту².

1. Участие специалистов в строительстве новых заводов и мастерских, а также в сборке и монтаже действующего оборудования: был заключен контракт с господином Линдблумом — «первоначальная установка электропечи и общее руководство соответствующими текущими работами». Господин К. Геринг заключил контракт на «установку печи и всех машин и оборудования для кирпичного завода», задачи господина Байнлиха, согласно контракту, «включали первоначальную организацию лесопилки и деревообрабатывающего цеха, а также монтаж (сборку) всех машин», «верстаки и другое оборудование фабрики и цеха, чтобы оба работали».

2. Специалисты несли ответственность за техническое руководство в компании и мастерских, где они работают. Таким образом, контракт с господином Линдблумом включал «научно-техническое управление химико-технической лабораторией», контракт с господином Монтетоном — «ответственность за гараж министерства экономики, автомобили и тракторы из Германии и других стран и техническую исправность».

3. Проведение испытательных работ по конкретному техническому направлению на основании заказа министерства хозяйства. Таким образом, господин Линдблум взял на себя обязательство «проводить научно-технический анализ в металлургии, горнодобывающей промышленности, сельском хозяйстве, кожевенном и красильном производстве». У Карла Геринга было обязательство «создать план строительства цементного завода и проведения физико-химического исследования». Вайске обязался «подготовить специальную программу и инструкции для проведения геологических и горных исследований, а также проводить такие исследования в сельской местности и исследовать их в лаборатории, обрабатывать собранные материалы в ходе исследования с научной точки зрения, составлять отчеты, геологические карты и чертежи, собирать редкие минералы для соответствующего музейного отдела, подготовить экономико-технические отчеты, бюджеты и планы, связанные с повышением эффективности горнодобывающей промышленности Монголии, а также сметы и проекты для строительства новых предприятий».

4. Проводить обучение монгольских сотрудников по своей квалификации, а также учить научную теорию и ее применение на практике. По словам господина Линдблума, в его задачи входит «теоретическое и практическое преподавание химии и смежных наук в монгольской технической школе и подготовка работников — местных жителей».

---

¹ BArch, R 9208/2360, с. 149.

² BArch, R 9208/2361, с. 299.

Европейские инженеры и специалисты приехали в Улан-Батор в течение двух недель после подписания контракта. Альфонс Байнлих, например, подписал контракт в 8 апреля 1926 г. Письмо Фрица Вайскеса показывает, что группа прибыла в Москву в 1 мая 1926 г. *«Остальные джентльмены... тем временем отправились в Ургу. Я уехал с мистером Хурлатом и его невестой через неделю. Во время поездки я путешествовал в купе "International Sleeper", которое был достаточно чистым. Верхне-Удинск — последняя железнодорожная станция. Из Верхне-Удинска до Усть-Кяхты по Selenge реке мы путешествовали чистым и ухоженным пароходом. Остальные джентльмены оставили автомашину в Верхне-Удинске, так как на момент их прибытия условия на реке были неблагоприятными. <...> Из Усть-Кяхты ехали на машине в Троицкосавск, российскую пограничную станцию, где мы сдаем машину. <...> В сильно загруженной машине "Dodge" мы приехали в Ургу за полтора дня»¹.*

Европейские инженеры и специалисты приехали в Монголию летом 1926 г. Осенью 1926 г. фабрика, где Вайске должен был начать свою работу, еще находилась в процессе строительства, и заказанные машины не прибыли в Улан-Батор. Вайске пишет: *«Другие джентльмены до сих пор не могли развивать какую-либо дальнейшую деятельность, так как заказанные машины еще не прибыли сюда. Некоторые из машин находились в порту в Владивостоке в течение нескольких месяцев, а некоторые из них уже прибыли в Верхне-Удинск, откуда господин фон Монтетон привез [их в Монголию]. Каких-либо договоренностей по размещению машин еще не было сделано. Он не смог подать заявку на необходимые средства для строительства мастерских. Так что начать строительство можно только весной следующего года. Через несколько недель после нашего прибытия сюда прибыл шведский химик Линдблум, который также не может начать свою работу, потому что лаборатория еще не прибыла сюда. Кроме того, мое научное оборудование еще не прибыло, поэтому мне пришлось использовать самые примитивные орудий труда»².*

Из сообщений Министерства хозяйства за 1929 г. видно, что хотя в 1926 г. были начаты работы по строительству завода по обработке железа, дерева и кирпича, они были завершены в 1929 г. и переданы по назначению. Строительство большинства хозяйств было завершено в 1929 г. 28 июня 1927 г. под руководством инженера-тренера Карла Шварце, дизайнера Альфонса Байнлиха и инженера-металлурга Свена Эдуарда Линдблума был введен в эксплуатацию металлургический завод. Этот завод, построенный по немецким технологиям, имел помимо прочего отделение по производству электрических печей, расплаву чугуна, лесопильный завод и деревообрабатывающую мастерскую. На заводе ежедневно производили изделия из дерева и железа, а также делали ремонт автомобильных двигателей и других деталей. Из документа видно, что оборудование для этого завода было поставлено из Китая немцем Вильгельмом Дорном [2].

В сентябре 1929 г. инженер из Швейцарии Карл Геринг передал кирпичный завод Министерству хозяйства Монголии. Под его руководством работал госпо-

---

¹ ВArch, R 9208/2361, с. 299–300.

² Там же, с. 305.

дин Рюгер — мастер кирпичного завода. Все оборудование, включая систему наземного транспорта, измерительную машину, смеситель, машину для резки кирпича, печатную машину, машину для производства плитки и 25 формовочных машин, было приобретено у немецкой компании «Karl Händel & Sons» из Вюртемберга.

Монголы имели давнюю традицию печатания книг, но типография была основана в 1913 г. при правительстве Богдо-хана. Народное правительство дало типографии подходящее здание, оборудовало современной техникой и таким образом повысило ее эффективность. Например, немецкие машины от 1926 г. были заказаны в шанхайском офисе «Сименс Китай» и доставлены компанией «Wostwag» в 1927 г.¹ По проекту немецкого инженера-строителя Дебеля и русского инженера-строителя Барановского это здание типографии (Монгол Пресс) было расширено до двух этажей в 1929 г. В 1928 г. немецкий инженер Барток вместе с приглашенными четырьмя китайскими рабочими из Шанхая провел работу по увеличению мощностей типографии и обучал монгольских рабочих.

Фабрика по производству ткани была основана в 1926 г. под руководством немецкого инженера Альфреда Бергера. В конце августа 1926 г. он приехал в Монголию со своей женой и проработал там до сентября 1929 г. В 1927 г. он выехал в Россию за недостающим оборудованием для завода². В 1928 г. по его указанию в Германии были закуплены различные ткацкие машины и другое оборудование.

В 1917 г. немецкая компания «Koda» привезла из Тяньжина первую монгольскую электростанцию и установила ее в Нийслэл Хурее [3]. После Народно-демократической революции народное правительство с большим трудом смогло ввести в эксплуатацию вторую электростанцию мощностью 120 квт. Работой руководил венгерский инженер-электрик Джозеф Гелета. В письме № 728 от 30 мая 1925 г. в Центральный совет Монгольского центрального кооператива Д. Гелета пишет о приобретении измерительных приборов, электрошкафов, кабелей, сосудов и предохранителей в той же компании «Koda» и посылает запрос об их оплате [4]. За это время в Улан-Баторе было построено много новых зданий, поэтому необходимо было срочно расширить и обновить производство электроэнергии. С этой целью правительство Монголии подписало контракт с немецкой компанией «АЕГ» в Улан-Баторе и приобрело электростанцию мощностью 500 квт за 75 000 долларов США. Монгольское представительство в Москве по поручению правительства организовало работу по получению необходимых разрешений для перевозки по территории СССР и пересечения границы, сообщив об этом Министерству иностранных дел Монголии и торговому представителю в Берлине³. Все заказанное оборудование прибыло в Монголию в 1930 г.: две печи, изготовленные в Тегельверке в 1928 г., которые производили 350–400 °С тепла и двенадцать тонн пара в час, паровой двигатель, сделанный в Англии, предназначенный для использования на судах, и два генератора от

---

¹ Номын ууган орд 1972, с. 49.

² Архивы Министерства иностранных дел Монголии. Ф. 6. Оп. 4.

³ Там же.

«Siemens Schukert», каждый мощностью 250 кВт и трехфазной мощностью 525 вольт. Сборка этого завода в Монголии была завершена под руководством некоего господина Вера, который прибыл в Улан-Батор 19 июля 1930 г. В августе 1931 г. электростанция была испытана, откалибрована и введена в эксплуатацию.

В 1920-х гг. автомобильные перевозки в Монголию осуществлялись американскими и немецкими компаниями и частными лицами. В 1925 г. была основана первая монгольская транспортная компания. В Германии было закуплено 230 цистерн, каждая вместимостью от 14 до 15 тонн, были установлены первые заправочные станции. Автомобили, запчасти и топливо поставлялись в основном «Германо-Монгольской торговой компанией» и «Wostwag». Тем не менее некоторые частные лица также были активны в этой отрасли. Например, гражданин Германии Вильгельм Дорн поставил «Монгольской транспортной компании» запасные части [5]. В 1930 г. акционерное общество «Монгол Транс» решило создать комиссию с компанией «Мерседес Бенц», которая должна была проверить, подходят ли их автомобили для использования в Монголии. Для этого представитель «Мерседес-Бенц» автомобильный инженер Карл Швайгер в октябре 1930 г. прибывает в Монголию¹. В. Борнхорст также сообщил 15 декабря 1930 года: *«Карл Швайгер, автомобильный инженер, приехал осенью в Ургу, чтобы проверить, подошел ли автомобиль Мерседес-Бенц для “Монгол транс”. Также он планирует вернуться в Германию к концу этого года»*². Это был очень важный момент в развитии транспорта в Монголии. Импорт автомобилей был государственной монополией, и решался вопрос, какой тип автомобилей выбрать: немецкий или американский.

В 1926 г. немецкая транспортная ассоциация и компания «Люфтганза» обратились в МИД Монголии за разрешением провести специальный рейс (через территорию Монголии) через посольство Монголии в Москве для исследования воздушного маршрута Берлин — Москва — Улан-Батор — Пекин. Два представителя «Люфтганзы» Эрвин Шульц и Габриэль Надеждин отправились в Монголию в июле 1926 г., чтобы обсудить возможное сотрудничество с представителями правительства Монголии. Монгольская сторона рассмотрела этот вопрос и, наконец, одобрила этот полет³. К сожалению, в 2 июля 1931 г. самолет немецко-китайской компании «Евразия» (модель L5 изготовлена в 1929 г.) был сбит монгольскими пограничниками вблизи монгольско-китайской границы на озере Буйр. Летчики были арестованы. Газета «Франкфуртер цайтунг» от 9 июля 1931 г. сообщила следующее: «Почтовому авиалайнеру “Нанжин-Берлин” пришлось совершить вынужденную посадку из-за непогоды, он был захвачен монгольскими пограничниками. Судьба двух немецких пилотов неизвестна»⁴. Самолет представлял собой «Юнкерс-33» с семью посадочными местами. За это время

---

¹ Архивы Министерства иностранных дел Монголии. Ф. 6. Оп. 6.

² ВArch, R 9208/2361, с. 4.

³ Архивы Министерства иностранных дел Монголии. Ф. 6. Оп. 4.

⁴ Государственная библиотека Берлина, Frankfurter Zeitung. 1931. 9 июль.

немецкая авиакомпания «Люфтганза» провела испытания следующих трех маршрутов полета между Берлином и Шанхаем¹:

1. Шанхай — Берлин; через Нанкин, Тяньцзинь, Пекин, Маньчжурию и Сибирь.
2. Шанхай — Берлин; через Нанкин, Тяньцзинь, Пекин, Кулун и Сибирь.
3. Шанхай — Берлин; через Нанкин, Синьцзян, Кансу и Сибирь.

Второй маршрут проходил по короткому участку на монгольской территории у озера Буйр, разрешение на полет не было получено. Два немецких пилота были арестованы как шпионы, и фотографии монгольских военных объектов (найденные на них) были приведены в качестве доказательств. Один из пилотов Отто Кёльбер был оправдан по причине ранения, но 6 августа 1931 г. капитан Йоханнес Х. Ратье был приговорен к пяти годам тюрьмы². Правительство Германии неоднократно обращалось в посольство Монголии в Москве и к представителю России в Монголии А. Я. Охтину с требованием освободить пилотов и их самолет. Джерард М. Фритерс писал: *«Немецкие власти не переставая пытались добиться этого (освобождения двух пилотов). Однако их усилия столкнулись с большими трудностями, главным образом из-за сложных политических условий во Внешней Монголии. По-видимому, освобождение было наконец достигнуто благодаря официальным действиям Германии в Москве»* [6].

Дипломатические усилия Германии успешно разрешились. Правительство Монголии 4 сентября 1930 г. оправдало пилотов. Чтобы избежать других подобных случаев, «Люфтганза» подала письменное заявление в монгольское представительство в Москве на право пролетного полета. Из письма представительства Монголии в Москве к МИД Монголии от 28 ноября 1931 г. № 434: *«немецко-китайский кооператив осуществляет полеты между Маньчжурией и Шанхаем. Центральный совет «Люфтганза» просит правительство Монголии выдать разрешение на перелет через юго-восточную Монголию по маршруту Маньчжурия — Шанхай. Если полет будет разрешен, рейсы будут выполняться только гражданами Германии, будут соблюдаться все правила, касающиеся маршрута, остановок и т. д.»*³. Однако правительство Монголии предоставило это право только в 1935 г.⁴

Правительство Монголии с помощью немецких специалистов срочно создало необходимые объекты, таких как электростанция, типография, металлургический завод, кирпичный завод, фабрика по производству ткани, химическая лаборатория и транспортная компания. Это стало началом строительства монгольской промышленности, на всех этих заводах использовались немецкие станки и технологии. Сотрудничество с Германией позволило Монголии использовать лучшие и новейшие технологии того время и провести свою политику экономической самостоятельности. Однако под давлением СССР все немецкие специали-

---

¹ Jahrbuch der Deutschen Lufthansa. 1931. № 32. С. 23.

² Центральный архив истории Монголии. Ф. 284. Оп. 1. Ед. хр. 496. С. 13.

³ Архивы Министерства иностранных дел Монголии. Ф. 6. Оп. 6.

⁴ Журнал ассоциации немецких инженеров [Zeitschrift des Vereins Ingenieure]. 1935. С. 1308.

сты, работавшие по приглашению правительства Монголии, были отправлены на родину в 1929-м и 1930-м годах.

Литература

1. Strong A. L. China-Reise: mit Borodin durch China und die Mongolei. Berlin, 1930. С. 204.
2. Төрдалай Р. Монголия-германские вопросы торгово-экономических отношений (1921–1938) // Германия: исследования и информация. 2004. № 2. С. 43.
3. Намсрай Я. Некоторые материалы, связанные с историей монгольской электроэнергетики. Улаанбаатар, 1997. С. 72.
4. Forbath, Ladislaus, Die neue Mongolei (Nach Joseph Geleta`s Tagesbuch). Berlin, 1936. С. 105.
5. Намжим Т. Монгольское хозяйство и экономика. Улаанбаатар, 2000. С. 52.
6. Friters Gerard M. Outer Mongolia and its International Position. The Johns Hopkins Press, Baltimore, 1949. С. 271.

УДК 94(517.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-288-292

**К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ УРГИНСКОГО ОТРЯДА АТАМАНА СЕМЕНОВА
НА ТЕРРИТОРИИ ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИИ В 1918 г.**

© **Кургузов Павел Владимирович**

соискатель кафедры философии, истории и культурологии,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В, стр. 1
E-mail: bpnf1968@bk.ru

В статье на основе материалов из фондов Национального архива Республики Бурятия (НАРБ), монографий и воспоминаний участников событий анализируется начальный период формирования Ургинского белого отряда атамана Семенова на территории Внешней Монголии и России. Предпринята попытка последовательно проследить ход его создания и определить круг лиц, внесших наибольший вклад в организацию его структур.

Ключевые слова: гражданская война; консульские конвои; Кяхта; Троицкосавск; Монголия; белогвардейские отряды; Урга; белое движение; Маймачен; Ургинский отряд атамана Семенова.

**FORMATION OF THE URGA DETACHMENT OF ATAMAN SEMENOV
ON THE TERRITORY OF OUTER MONGOLIA IN 1918**

Pavel V. Kurguzov

Applicant of Philosophy, History and Cultural Studies Department,
East-Siberian State University of Technology and Management
Bldg 1, 40v Kluchevskaya St., Ulan-Ude 670013, Russia
E-mail: bpnf1968@bk.ru.

The article, on the basis of data from the funds of the National Archive of the Republic of Buryatia (NARB), monographs and memories of participants in the events analyzes the initial period of the creation of the Urginsky white squad of ataman Semenov in Mongolia and Russia. An attempt was made to chronologically consistently trace the course of its creation and to determine the circle of persons directly related to its creation, who made the greatest contribution to the organization of its structures.

Keywords: civil war; consular convoys; Kyakhta; Troitskosavsk; Mongolia; White Guard units; Urga; White movement; Maymachen; Urga detachment of Ataman Semenov.

История возникновения белогвардейских отрядов после двух революций 1917 г. во Внешней Монголии в настоящий момент практически не изучена или в лучшем случае носит фрагментарный характер. Тем не менее открывшиеся сегодня возможности позволяют более подробно изучить генезис белого движения в Халха — Монголии, хронометрировать основные вехи его развития и выделить организаторов и лидеров отряда.

Особенностью возникновения белых отрядов и в частности Ургинского отряда атамана Семенова на территории Монголии в 1918 г. является характер его

комплектования, начальное финансирование и состав этих формирований. В отличие от частей барона Унгерна, вторгшихся на территорию Монголии осенью 1920 г. и сформированных по принципу регулярных частей белой армии, Ургинский и другие более мелкие отряды (Кударинский, Желтуринский и др.) в 1918 г. возникли как иррегулярные, партизанские белые соединения, основу которых составили добровольцы из казачьего и офицерского сословия. Первоначально они содержались на пожертвования кяхтинских и ургинских купцов русского происхождения. Между тем термин «партизаны» на тот период активно использовался в разговорах и переписке именно представителями белого движения и только позднее стал ассоциироваться с красными отрядами, возникшими на территории захваченной властями атамана Г. Семенова или адмирала А. Колчака.

В историографии рассматриваемой нами проблемы есть мнение, что Ургинский отряд своему первому формированию обязан казакам русских дипломатических конвоев в Монголии и инструкторскому составу Монгольской бригады во главе с войсковым старшиной А. Ф. Васильевым. На наш взгляд, эта версия является достаточно спорной, ведь, судя по приказным спискам 1 Отдела Забайкальского казачьего войска (ЗКВ), основным контингентом конвоев был состав из местных казаков близлежащих станиц Троицкосавского уезда, в основном бурятской национальности¹. Поэтому процент оставшихся в Монголии военнотружущих должен был быть незначительным, ведь остальным нужно было кормить свои семьи, поддерживать хозяйство в России. А в отсутствие финансирования из центра и общем разоружении армии оставаться на чужой земле на тот момент не имело смысла. Но сами конвои, их структура, дислокация, а главное оружие, которое было собрано и находилось под контролем российского генерального консула в Монголии А. А. Орлова, сыграли решающую роль в вооружении Ургинского отряда и в конечном итоге успешном его формировании.

В Монголии процессы ликвидации конвоев начались в середине зимы 1918 г. Без особого шума прошла ликвидация самых крупных из них в Урге и Кобдо. В Улясутае разоружение пришлось осуществлять при помощи китайских и монгольских солдат. В Кяхтинском Маймачене казаки конвоя, находясь в 4 верстах от русской границы, в один из дней бросили службу и с оружием ушли на родину [2].

Основным «окном» российского проникновения в Монголию был в то время пограничный город Троицкосавск, с его двумя слободами — Кяхтой и Усть-Кяхтой. Занимая исключительно стратегическое положение, располагаясь в центре богатых казачьих станиц 1-го военного отдела Забайкальского казачьего войска, этот небольшой городок с его торгово-чиновничьим населением числом не более 10 тысяч человек играл роль передового форпоста русско-монгольского политического, экономического, военного и гуманитарного сотрудничества. Начиная с января 1918 г. Троицкосавск — Кяхта стал основным центром формирования белого движения на русско-монгольской границе.

Основными действующими лицами генезиса подпольной военной организации белых были: генеральный консул в Монголии А. А. Орлов, бывший погра-

---

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 89. Оп. 1. Д. 483.

ничный комиссар, потомственный дворянин, деятель русской военной императорской разведки, полковник А. Д. Хитрово, секретный военный и политический представитель правительства Автономной Сибири Б. Н. Волков и молодой русский офицер 20-го Сибирского полка, уроженец Троицкосавска, лидер местной буржуазной молодежи В. С. Юнтер.

Сообщение о февральских событиях и падении царской власти пришли в уездный Троицкосавск 5 марта 1917 г. 8 марта 1917 г. местной буржуазией был создан новый орган власти — Комитет общественной безопасности, переформирована местная милиция, набранная из бывших полицейских и жандармов. Кроме этого, с весны 1917 г. в городе действовали Комитет спасения революции и его комендатура во главе со ставленником торгово-финансовых кругов купеческой Кяхты меньшевиком Г. Г. Лапердиным.

Исторической точкой размежевания и резкого обострения политической борьбы в Троицкосавске стали события 6 января 1918 г. в Петрограде, когда было разогнано Учредительное собрание. Большинство членов Совета и руководство Комитета спасения революции Троицкосавска выступило категорически против результатов этого события. Одновременно с этим противниками большевиков начиная с 8 января по всей стране, в том числе и в Троицкосавском уезде, было начато формирование дружин «самообороны» и квартальных комитетов для охраны порядка и защиты имущества граждан.

В городе еще в ноябре 1917 г., под эгидой Комитета спасения революции из купеческих и детей крупных чиновников, учащихся старших классов реального училища, демобилизованных офицеров и состоятельных мещан была создана первая такая дружина «самообороны», которая подчинялась комендатуре указанного выше комитета. В противовес этому в январе 1918 г. созданный в Троицкосавске «Союз уволенных солдат», численностью около 300 человек, становится самой решительной силой в борьбе с местными контрреволюционерами [3]. Прибывающие в город и уезд, бывшие солдаты и казаки придерживались радикальных политических взглядов, многие из них уже были членами партии большевиков.

Одновременно с этим в город возвращаются и бывшие офицеры, испытавшие на себе унижение и позор развала армии и государства. В шинелях со снятыми погонами и оторванными от фуражек кокардами, они жаждали реванша и начали охотно вступать в добровольческую дружину местного Комитета спасения революции. В ответ на это под руководством Троицкосавского совдепа создается первый городской отряд Красной гвардии, оружие для которого посылает Верхнеудинский совет рабочих и солдатских депутатов.

В начале февраля проходят новые выборы в Троицкосавский совдеп, большевики занимают в его новом составе стратегические посты. 19 февраля 1918 г. по новому стилю Совет берет власть в свои руки, упраздняет власть Городской думы и Комитета спасения революции.

Активные действия местных большевиков встретили резкое сопротивление со стороны троицкосавской буржуазии, которая через представителей местной думы обратилась к китайскому сановнику в Маймачене за помощью. «Дружина

самообороны», имевшая в своем составе более 100 человек, начала применять оружие против местных красногвардейцев, осуществляла незаконную транспортировку оружия из арсенала местного гарнизона и кяхтинской таможни за границу в Монголию.

В то же самое время китайский сановник в Маймачене предъявил Троицкосавскому совету ультиматум, суть которого сводилась к требованию немедленной передачи власти органам городского самоуправления, то есть городской думе, ибо только она «могла гарантировать порядок и закон в Троицкосавске». Со стороны России политическое прикрытие этой акции осуществляли бывший кяхтинский комиссар А. Д. Хитрово, живший в это время в Кяхтинской слободе и заведовавший канцелярией Торгового дома покойного А. Лушников, его приятель вице-консул в Маймачене В. Н. Лавдовский и генеральный консул в Монголии А. А. Орлов.

В этой ситуации исполком совета депутатов в связи с недостатком сил и невозможностью противостояния иностранной китайской интервенции, руководствуясь заботой о безопасности русских граждан, 4 марта 1918 г. сложил с себя полномочия. В этот же день городская дума приняла решение сосредоточить всю власть в своих руках, упразднила местный совет рабочих и солдатских депутатов, установила в городе осадное положение и восстановила деятельность комендатуры. Ей снова передавалось управление за всеми государственными ведомствами в городе, милицией, военный гарнизоном и дружиной «самообороны».

Вскоре представители расформированного совета депутатов, уведомив телеграммой Совнарком РСФСР и отправив представителя совета Г. В. Васильева в Иркутск — правительство Центросибири, добились отправки красногвардейского отряда черемховских рабочих во главе с Д. М. Третьяковым в Троицкосавск.

Отряд входит в город в середине марта, и 26 марта 1918 г., Троицкосавский совет на своем заседании объявляет: «...Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, постановил принять всю полноту власти в городе в свои руки и объявить власть Городской Думы и Комендатуры низложенной»¹.

Восстановление в Троицкосавске советской власти в середине марта 1918 г. вызвало массовый исход из города местной крупной и средней буржуазии, членов дружины «самообороны» в соседнюю Монголию, в Маймачен и Ургу и ознаменовало собой начало гражданской войны на территории Троицкосавского уезда. Эмиграция начала осуществляться с первыми известиями о выходе отряда из Иркутска, в одиночку и небольшими группами с ценностями и оружием. Вышли из состава совета и сбежали в Монголию и основные политические лидеры местной оппозиции Г. Г. Лапердин и А. А. Александров.

Именно март 1918 г. явился началом организации структур белого движения в Монголии, основным ядром которого были граждане Троицкосавска, бывшие белые офицеры, купеческая молодежь и реалисты Алексеевского училища. Фактически можно утверждать, что будущий Ургинский отряд родился из структур и личного состава Троицкосавской дружины «самообороны».

---

¹ ГАРБ. Ф.Р-577.Оп. 1. Д. 5. Л. 43.

О происходившей работе по формированию белогвардейского подполья в Монголии и становлении Ургинского отряда, в дальнейшем его Особым Ургинским отрядом Атамана Семенова, лучше всего свидетельствуют воспоминания Б. Н. Волкова, написанные им в эмиграции в США [1]. Этот белый офицер, разведчик, принял на себя основную координирующую роль в организации одного из первых заграничных отрядов будущей Забайкальской белой государственности.

История Ургинского отряда, прекратившего свое существование в 1919 г. и ставшего далее основным ядром казачьего дивизиона имени генерала Крымова, является ярким примером эволюции белого движения в Забайкалье и Сибири в целом. Консолидированное общей экономической и политической судьбой, яростной борьбой против большевиков и советской власти, после прихода к власти осенью 1918 г., оно быстро разложилось на сторонников радикальных методов против своих политических противников (т. н. «атаманщины») и приверженцев либерально-демократического направления белого движения («колчаковцев»).

Литература

1. Volkov B. N. Vziatie bielymi Troitskosavska I sobytiia na russko — mongolskoi granitsie g. g. Typescript (1918–1919). С.Н.: 36008. Vox 15, folder 14.
2. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. С. 315.
3. Кравцов В. Т. Кяхта революционная. Улан-Удэ: БКИ, 1977. С. 60.

УДК 94(=512.36)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-293-299

**МОНГОЛЬСКИЕ НАРОДЫ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ XIII–XXI вв.
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

© **Дугаров Владимир Доржиевич**

доктор исторических наук, профессор,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: dugarovbgu@mail.ru

Процессы глобализации в отечественном научно-образовательном комплексе остро и совершенно по-новому ставят вопросы выбора путей развития гуманитарного знания, способного давать адекватные ответы на эти вызовы.

В региональной монголоведной науке России в начале XXI в. актуальной проблемой изучения является комплексное исследование историографии бурятских, монгольских государственных образований в их взаимоотношениях с сопредельными государствами Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия; Монголия; Китай; Корея; историография; методология; Д. Б. Улымжиев; «Их Засаг».

**THE MONGOLIAN PEOPLES IN TRANSNATIONAL PROCESSES
OF NORTH-EASTERN ASIA IN THE 13th–21st CENTURIES
IN REGIONAL HISTORIOGRAPHY**

Vladimir D. Dugarov

Dr Sci. (History), Prof. of General and National History Department,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000 Russia

E-mail: dugarovbgu@mail.ru

The processes of globalization in the domestic scientific and educational complex raises a question of choosing ways to develop humanitarian knowledge that can give adequate answers to these challenges.

Comprehensive study of the historiography of Buryat and Mongolian state formations, and their relations with the neighboring states of North-Eastern Asia is an urgent problem in regional Mongolian studies of Russia at the beginning of the 21st century.

Keywords: North-Eastern Asia; Mongolia; China; Korea; historiography; methodology; D. B. Ulymzhiev; "Ikh Zasag".

Изменение геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже XX–XXI вв., разрушение биполярного мира, связанного с крушением системы социализма, определяемой ведущей ролью Советского Союза в политических событиях Евразии, обострение транснациональной конкуренции между США и КНР в мировой и региональной политике, трансформация государственно-политических и экономических структур государств региона привели к карди-

нальной смене методологических критериев оценки в отечественной ориенталистской науке. В региональной монголоведной историко-политологической науке России в начале XXI в. актуальной проблемой изучения является комплексное исследование истории монгольских, бурятских государственных образований в их взаимоотношениях с сопредельными государствами Северо-Восточной Азии.

Один из ведущих российских ученых, занимающихся проблемами методологии, академик РАН А. О. Чубарьян, анализируя современную ситуацию в гуманитарных науках, отмечает: «На рубеже XX и XXI вв., в условиях набирающих силу процессов глобализации, связанных с модернизацией всех сфер общественной жизни, научно-образовательный комплекс сталкивается с вызовом динамично изменяющейся действительности, остро и совершенно по-новому ставящей вопросы выбора путей развития гуманитарного знания, способного давать адекватные ответы на эти вызовы» [26, с. 56].

В современных геополитических условиях в Северо-Восточной Азии накапливается немалый конфликтный потенциал. Подъем КНР вызывает активное неприятие со стороны США, которые стремятся вовлечь в противостояние с ним своих союзников: Японию и Республику Корея. В этих условиях возможны непредсказуемые последствия для региональной и глобальной безопасности, например выход на новые рубежи ракетно-ядерной программы КНДР. О чем свидетельствуют активные двусторонние встречи лидеров РФ, США, КНДР, Японии за период второй половины 2018 — первой половины 2019 г., которые приводят к разнообразным геополитическим результатам, связанным с обострением территориальных споров.

На данном этапе развития формирующийся геополитический новый Шелковый путь, объявленный в качестве широкомасштабной программы международного сотрудничества, может стать основой системного сдвига в мировой геополитике. Постсоветская модель трансграничного регионализма связана, с одной стороны, культурно-исторической близостью стран-участниц, а с другой — наличием экономических и политических разногласий, требующих от соседних стран значительных усилий. Эти проблемы подвергаются критическому анализу бурятскими, иркутскими и читинскими учеными [2–6].

История приграничного взаимодействия российских многонациональных этносов по рассматриваемому вектору развития, проблемы истории анализируемых регионов, цивилизационно входящих в орбиту формирующихся в региональной ориенталистской науке России альтернативных дискуссионных теорий: нациестроительства, евразийства, кочевниковедения, фронта, Великого лимитрофа, «третьего соседа», «мягкой силы», экологической безопасности, требуют на пороге XXI в. своей теоретической проработки и обоснования. В отечественной востоковедной науке кардинальному изучению и систематизации подлежат исторические понятия и категории: Азиатско-Тихоокеанский регион, Центрально-Восточная Азия, Большая Азия, Внутренняя Азия, Байкальская Азия и другие.

Нуждается в квалифицированной теоретико-методологической проработке создаваемый международный туристический проект «Великий чайный путь», который совместно реализуют Россия, Китай, Монголия, Северная и Южная Корея и другие страны пояса «Одна сила — один путь». Единению народов региона послужит основная цель проекта — содействие развитию туризма между тремя странами. В основу проекта положена идея исторического маршрута «Чайный путь», по которому сырье для этого благородного напитка попадало из Азии в Европу. В связи с этим происходит детализация термина или понятия «Байкало-Монгольская Азия», которое перекочевало из физической географии (где оно обозначало в основном бассейн Байкала) в лексикон местных туроператоров. Сегодня под этим словосочетанием часто подразумевается вся территория от Байкала до пустыни Гоби, поскольку она пронизана сетью туристских маршрутов так же, как с незапамятных времен ее пронизывали маршруты сезонных кочевков монгольских племен, караванов с чаем, а позднее — советских и монгольских геологов, археологов, биологов, строителей. На этой территории схожи и взаимозависимы природные комплексы, здесь мигрируют, невзирая на границы, птицы и звери, отдельные виды растений. Здесь все пронизано историческими, культурными и этнографическими связями — например, имя Гэсэр-хан хорошо известно и в Бурятии, и в Монголии, и даже в Тибете.

Академик А. О. Чубарьян отмечает: «Действительность современного мира предъявляет новые требования к интеллектуальному сообществу, его ресурсам и возможностям познания сути происходящих социально-исторических процессов. В профессиональном сообществе сложилось устойчивое представление о парадигмальном характере происходящих изменений в современной исторической науке, нередко описываемых как “революция в историографии”. Особенно рельефно это отражает текущий процесс теоретико-методологического переоснащения научного знания, наиболее приметной чертой которого является выраженное стремление к преодолению дисциплинарных границ и барьеров, иными словами — к полидисциплинарному синтезу. Вместе с тем механистичность заимствования из других дисциплин и даже использование порой взаимоисключающих подходов оборачивается нередко теоретическим хаосом и методологической беспринципностью» [26, с. 56].

Как отмечается рядом исследователей, на характер протекания кризиса идентичности профессии в российском научном пространстве повлиял процесс утраты теоретико-эпистемологических ориентиров в виде марксистской методологии. При всех оговорках, которые делаются авторитетными экспертами в отношении квалификации кризиса российской исторической науки, признается, что в перестроечные годы значительная часть историков оказалась в состоянии философской и методологической растерянности. Резкая теоретическая ломка устоявшихся представлений в постперестроечный период наложила существенный отпечаток на характер заимствования российской историографией как концепций и методов, родившихся в лоне западной исторической науки, так и индисциплинарного знания. Полисемантичность исторических терминов — это характерная черта современного исторического дискурса, с одной стороны, свиде-

тельствующая о нормальном развитии исторической науки, с другой — содержащая терминологические риски при составлении подобного рода словарей.

Хронологические и цивилизационные рамки не всегда равномерного диалектического развития стран Северо-Восточной Азии, охватывающие период от формирования степных политий в Великой Степи в виде хунну до истории этносов периода плиточных могил и керексуров, дун-ху, сяньби, монгольских и бурятских родов, квалифицированно раскрыты в работах ведущих бурятских ученых: П. Б. Коновалова, С. В. Данилова, Б. Б. Дашибалова, Н. В. Именохоева, Д. Д. Нимаева, Б. Р. Зориктуева, А. И. Бураева и др. [11–21].

Квалифицированный анализ развития археологической науки в регионе, истории становления и расширения научной проблематики археологии Бурятии от начала изучения «кочевых» культур железного века до охвата всех разделов археологической периодизации был сделан патриархом бурятской археологии П. Б. Коноваловым в статье «Пятьдесят пять лет археологии Бурятского научного центра СО РАН», где автор отмечает: «В рамках Восточной Сибири три соседних территории — Предбайкалье, Западное Забайкалье и Восточное Забайкалье — образуют историко-этнографическое единство как историческую область формирования бурятского этноса, или этнической/этнографической Бурятии... Совершенно естественным и закономерным было сотрудничество с монгольскими археологами. Занимаясь археологией Забайкалья, невозможно не выйти на памятники Монголии, которые представляют те же древние культуры, но только в пространственных и количественных макромасштабах» [11, с. 10–12].

Бурятские ученые (М. М. Содномпилова, В. А. Родионов, Т. Б. Бадмацыренов, Д. Д. Бадараев, Б. З. Нанзатов, Ю. Григорьева и др.) опубликовали ряд качественных в методологическом отношении материалов по общественно-политическим, философским, этнографическим, буддологическим, социологическим проблемам в востоковедной науке [23–25]. Большой блок историографической и методологической литературы анализирует геомасштабный миграционный этап в мировой истории в виде «великого переселения народов», фактически перевернувший европейский мир, который предшествовал многовековому доминированию Великой монгольской империи и ее эволюции в евразийско-азиатском мире, истории политических образований после распада империи в трансграничном пространстве монгольского мира до современных историко-политических событий в регионах Большой Азии. Драматические исторические события в евро-азиатской Ойкумене, хронологически охватывающие период с XVII по XXI в., рассмотрены в коллективной монографии «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии». Авторы введения Б. В. Базаров, М. Н. Балдано в квалифицированной монографии, состоящей из девяти научных глав, в которых проанализированы и обоснованы основные актуальные тенденции и направления в мировой монголоведной науке, не случайно отмечают, что «важнейшим аспектом поставленной проблемы стали базовые концепты мировоззрения монголов. Именно они обеспечили сохранность и воспроизводство социальной организации монгольского общества, политической культуры Великой монгольской империи вплоть до XVII в. Именно они сохранили свою акту-

альность в условиях современности» [1, с. 5]. В главе VII «Проекты нациестроительства в монгольском мире: реальность и иллюзии (XX — начало XXI в.)» (с. 419–447) авторы исследования отошли от превалирующей в советской монголоведной историографии «теории некапиталистического пути развития» Монголии, монгольязычных этносов в XX в.

Большой блок трудов ученых анализирует современную геополитическую ситуацию, которая диктует необходимость перестройки структуры межгосударственного взаимодействия в Евразии в целом, сферы взаимодействия России, Монголии, Китая, Республики Корея и КНДР в особенности. Экономические предпосылки для этого накапливались по мере развития научно-технической революции, политические же были созданы фактом распада СССР. Однако еще в 60-е гг. XX в. начали формироваться субъекты экономических изменений, обладавшие формальным политическим статусом и потому способные выступить в качестве новых центров влияния и силы уже и в мировой политике. То были страны Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань и др.), объединяемые общностью этноконфессиональных, духовно-культурных традиций (конфуцианство, буддизм), а в недалеком прошлом и единой иероглифической системой письма. В короткие сроки они модернизировали экономику и социальную сферу, достигли высоких темпов роста и в то же время сохранили свои этнокультурные традиции, в том числе религиозные (правда, не в одинаковой мере), в чем была одна из главных причин их успеха. Еще тогда, когда только обозначились признаки появления на мировой арене восточноазиатских «драконов» и «тигров», заговорили о конце «атлантической эпохи» и наступлении «тихоокеанской» [4; 6; 10; 22].

Эволюция теоретических критериев в российской востоковедной историографической науке по истории и формированию современной модели развития Северо-Восточной Азии, совершенствование методологических подходов в оценке истории и практики северо-восточного регионализма определяются сменой политических, теоретических, практических направлений приграничного сотрудничества регионов Российской Федерации с аймаками Монголии, провинциями Китайской Народной Республики, провинциями КНДР и Республики Корея — государств, расположенных вдоль Великого шелкового пути. Активно поддерживаемая правительством России, Китая, Монголии, КНДР и Республики Корея геостратегическая концепция «Один пояс, один путь» предусматривает формирование научно обоснованной стратегии развития стран «Большой Восточной Азии», ориентированной на их своевременное включение в наметившийся процесс геоэкономической революции региональных соседей.

Как известно, первый форум «Один пояс, один путь» прошел в Пекине в 2017 г. с участием глав государств и правительств России, Китая и еще 28 стран. В конце апреля 2019 г. в Пекине прошел второй форум «Один пояс и один путь». Количество стран, поддерживающих глобальную торговую инициативу КНР, выросло до 38 [22, с. 5]. При изучении этого транснационального проекта, помимо положительной оценки формирующегося неизведанного направления в мировой стратегии и практике, в отечественной историко-политологической науке

необходимо учитывать проблему того, что два крупнейших мировых участника — США и Индия по политическим мотивам демонстративно игнорируют проект. С Индией у Китая территориальный спор, с США — геополитический [6].

Формирование перспективного, активно теоретически и практически изучаемого направления требует своей проработки и детализации. В мировой экспертной науке начинают обсуждаться альтернативные теории развития и перспектив стратегии «Один пояс и один путь». Председатель Китайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии Ли Юнцюань, поясняя сущность китайского подхода, сравнил «Один пояс и один путь» с российской инициативой «Большой Евразии», выдвинутой в 2016 г. «В 2015 году русские не до конца понимали, что такое “Пояс и путь”, но подписали соглашение о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП, потому что чувствовали: это важно для коренных национальных интересов Китая, — заметил он. — Так и мы сейчас не до конца понимаем, что такое “Большая Евразия”, но поддерживаем ее, так как чувствуем, что она важна для национальных интересов России» [22, с. 5].

Дискуссионные теории и практики политико-экономической и экологической безопасности, трансграничья, евразийства, фронта, Великого Лимитрофа, нацистроительства представляют собой актуальный объект изучения в мировом востоковедении, их история и перспективы требуют своего методологического и теоретического обоснования. Необходима фундаментальная трансформация богатого опыта исследований контактных зон межкультурного общения народов, включающих в себя ареал приграничных с российскими территориями национальных анклавов Китая, Монголии, Корейского полуострова, рассматривая их в рамках изменяющейся системы трансграничных территорий, формирования барьерных и контактных рубежей.

Литература

1. Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии: колл. монография / отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск; ИМБТ СО РАН, 2016. 623 с.
2. Базаров Б. В., Базаров В. Б., Нолев Е. В. Новый Шелковый путь: открытая политика открытого общества Китая // *Власть*. 2015. С. 29–34.
3. Базаров Б. В. «Новый шелковый путь»: к постановке проблемы стратегического взаимодействия России и Китая // *Власть*. 2017. № 11. С. 7–12.
4. Дондоков З. Б.-Д. Россия — Монголия — Китай: перспективы трехстороннего сотрудничества // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 1. С. 93–101.
5. Дугаров В. Д., Казанцева Н. Г. Таможенное дело на территории Юго-Восточного Забайкалья в конце XVII — начале XVIII в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 416. С. 81–86.
6. Лиштованный Е. И. Современные геополитические тенденции и Монголия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irkutsk.iriss.ru/pub/bgca/8.html> (дата обращения: 26.04.2019).
7. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 633 с.

8. Бурятия: к 350-летию вхождения Бурятии в состав Российского государства: энциклопедический справочник: в 2 т. / науч. ред. Б. В. Базаров; Правительство РБ; Народный Хурал РБ; ИМБТ СО РАН. Улан-Удэ: Экос, 2011. 328 + 300 с.
9. История Бурятии: в 3 т. / гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 337 + 630 + 473 с.
10. Григорьева Ю. Г. Экономическое сотрудничество между Республикой Корея и Монголией: современное состояние и перспективы // Мировая политика. 2018. № 1. С. 13–23.
11. Коновалов П. Б. Пятьдесят пять лет археологии Бурятского научного центра СО РАН // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 4(24). С. 10–12.
12. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1976. 220 с.
13. Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с.
14. Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
15. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.
16. Дашибалов Б. Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 124 с.;
17. Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 202 с.
18. Именохоев Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 69–85.
19. Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2000. 190 с.
20. Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI–XIII в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. 84 с.
21. Бураев А. И. Древние тюрки Монголии (реконструкция антропологического состава скульптурных изображений). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 207 с.
22. Ли Юнцюань. В Пекине начался второй форум «Пояса и пути» // Коммерсантъ. 2019. №75. 26 апр. С. 5.
23. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
24. Бадараев Д. Д. Традиционные хозяйственные практики монголоязычных номадов: особенности и перспективы развития скотоводства на сопредельных территориях Монголии и России // Вестник Института социологии. 2016. № 18. С. 175–194.
25. Нанзатов Б. З. Расселение бурят и их соседей в конце XVI — первой половине XVII в. // Вестник БНЦ СО РАН. 2011. № 2. С. 32–37.
26. Чубарьян А. О. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 56.
27. Фаляхов Р. Пан или пропал: куда заведет Россию Шелковый путь. Китай и Россия будут строить «Один пояс, один путь» // Газета.RU. 2019. 26 апр.

УДК 271.2(517.3)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-300-303

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В УРГЕ

© **Корниенко Николай Николаевич**

кандидат богословия, старший преподаватель,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: niknik-84@mail.ru

В статье анализируется образовательная и просветительская деятельность священнослужителей Русской православной церкви, окормлявших русскоязычное население в Монголии в 1860–1910-х гг. Активизация данной работы стала возможной благодаря учреждению в монгольской столице Ургинского приходского попечительства, инициаторами создания которого выступили настоятель Свято-Троицкой церкви священник Федор Парняков и дипломатический агент российского консульства А. Я. Миллер.

Ключевые слова: Урга; Свято-Троицкий приход; Федор Парняков; Ургинское консульство; приходское попечительство; начальная школа; коммерческое училище.

EDUCATIONAL ACTIVITY OF ORTHODOX PRIESTS IN URGA

Nikolay N. Kornienko

Cand. Sci. (Theology), Senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: niknik-84@mail.ru

The article deals with the educational and enlightening activity of Russian Orthodox Church priests who mainly held service for Russian-speaking community in Mongolia during 1860–1910 years. Such work was enabled by the establishment of an Urgin parochial trusteeship body in the capital of Mongolia. It was initiated by senior priest of Saint Trinity church Fedor Parnyakov and public minister of Russian consulate A. Ya. Miller.

Keywords: Urga, Holy Trinity Parish, Fedor Parnyakov, Urga consulate, parish patronage, elementary school, commercial college.

Одним из основных направлений в деятельности Свято-Троицкого храма в Урге была просветительская работа, которая осуществлялась в соответствии с вероучительной основой Русской православной церкви и была направлена на совершенствование человеческой личности и общества в целом [2, с. 97]. Просветительская деятельность, предпринимаемая священнослужителями Троицкой церкви в монгольской столице, была направлена на сплочение соотечественников в этой стране.

Вице-консул генерального консульства в Урге А. П. Хионин сообщал в Азиатский департамент МИД России о разобщенности проживающих здесь русских

подданных как друг от друга, так и от церкви при генеральном консульстве. Религиозно-нравственные нужды российской колонии, состоящей в большинстве из средних и мелких торговцев и рабочих, оставались неудовлетворенными. Среди русских людей не было ни сплоченности, ни единения¹.

Устранение этих недочетов в далекой Урге сделалось возможным лишь после назначения настоятелем Свято-Троицкой церкви священника Федора Парнякова, энергично взявшегося за дело сплочения русских подданных на почве религиозно-нравственных интересов. В своем рапорте епархиальному начальству отец Федор отмечал, что лучшая часть русского населения во всей Монголии отличается религиозной настроенностью и преданностью православной церкви, простотой отношений, радушием и гостеприимством. Люди сожалеют, что единственный храм в столице находится далеко от их мест жительства [5, с. 763]. «В то же время, — замечает священнослужитель, — худшая часть населения, находясь в близком соприкосновении с приезжими... шатка в нравственном отношении. Пьянство, картежная игра, половая распущенность, сквернословие, сплетни — все это сделалось обычным явлением жизни среди этой части ургинского населения» [5, с. 764].

Долгое время культурным центром русской колонии в Урге был клуб, открывшийся в 1903 г. Он размещался в большом двухэтажном здании, имел буфет, бильярд, зал для вечеров и концертов. Зимой в клубе довольно регулярно играла труппа местных любителей артистов, пользующаяся большой популярностью в городе². В клубе устраивались литературно-музыкальные, танцевальные и семейные вечера, концерты. В нем были и такие развлечения, как кабаре. Здесь устраивались маскарады, балы, елки, лотереи. Играли и в карты (кроме азартных игр), лото, шахматы, шашки, кегли [4, с. 92]. Некоторое время в городе работал и кинематограф, который с удовольствием посещали не только русские жители города, но и китайцы, монголы³.

В июле 1914 г. в Урге было создано «Попечительство Ургинской Свято-Троицкой при Императорском Генеральном консульстве в Монголии церкви», которое играло значительную роль в общественной жизни российских подданных. Свою задачу попечительство видело в знакомстве с соотечественниками в Монголии, изучении и удовлетворении их религиозных нужд, оказании им духовно-нравственной и культурно-просветительской поддержки⁴. Попечительство должно было объединить русских не только в Урге, но и во всей Монголии, ему предназначалось стать своеобразным центром русской колонии в этой стране, заменив в этом деле ургинское консульство⁵.

Для торжественности богослужений и большей привлекательности православного богослужения попечительство озаботилось заведением церковного

---

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 116. Л. 2.

² Торжественное открытие «Русского клуба» в Урге // Байкал. 1903. № 23 (3 авг.). С. 3.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 188. Оп. 761. Д. 879. Л. 3.

⁴ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 1.

⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 116. Л. 4–4 об.

хорового пения. С этой целью были приглашены из Иркутска трое певчих, которые вместе с местным псаломщиком создали хор, «стройное и мелодичное пение которого доставляло молящимся минуты высокого духовного утешения» [3, с. 885]. Позднее хором управлял чиновник консульства, драгоман Н. С. Сенько-Буланый. Кроме того, был организован и струнный оркестр из 20–22 инструментов под руководством техника-строителя И. М. Симухина. В целях культурного развития и эстетического воспитания большинства населения попечительством устраивались концерты с пением и литературными вечерами. С большим успехом прошли четыре музыкально-литературных концерта. Хор любителей под управлением А. М. Гольцова пел церковные песнопения и народные песни. Иногда эти произведения исполнялись под аккомпанемент рояля или пианино. Пение чередовалось игрой хора балалаечников или военной духовой музыкой. По воскресным дням и в Великий пост церковным хором исполнялись духовные песнопения русских композиторов¹.

Попечительство заботилось не только о культурных запросах населения, но и о нуждах просвещения. Был организован ряд публичных лекций различного содержания: о войне, о настроениях русского общества, об эпидемических болезнях, об истории Монголии, о путешественниках, о гигиене и санитарии в Урге, о религиозных и эстетических запросах, о первостепенных задачах попечительства, об объединении русских колонистов в Монголии на почве церковно-национального самосознания и любви к родине [1, с. 121].

Заботясь об интеллектуальном и духовно-нравственном состоянии российских подданных, попечительство открыло приходскую библиотеку-читальню. Она была оборудована на частные пожертвования и членские взносы. Фонд библиотеки насчитывал около тысячи книг по разным отделам, в том числе материалы религиозно-богословского содержания и труды по изучению стран Центральной Азии. Библиотека была доступна для всех русских колонистов без различия национальности и вероисповедования, давала возможность общения, обмена мыслями и взглядами. Делами библиотеки ведало избранное правление, а библиотекарем состояла местная учительница².

Попечительство считало своей обязанностью заботиться и о школьном образовании детей русских колонистов. В Урге имелось две начальные школы на 100 учащихся обоего пола, но не было среднего учебного заведения. Отсутствие его причиняло большие неудобства родителям, которым приходилось обучать своих детей в реальном училище и в женской гимназии г. Троицкосавска (Кяхты). Обучение было сопряжено с большими расходами на поездки и содержание детей. Кроме того, такая учеба была затруднительной в воспитательном отношении вследствие оторванности детей от родителей. Ввиду этого попечительство открыло в Урге коммерческое училище³.

---

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 116. Л. 28–33 об.

² Там же. Л. 28.

³ Там же. Д. 120. Л. 2–3, 9–10, 42.

Открытие учебного заведения для изучения коммерции встретило сочувствие торгового сообщества и выразилось в денежных пожертвованиях¹. Обучение велось по программе коммерческих училищ Российской империи с присоединением монгольского языка. В нем, наряду с общеобразовательными предметами и законом Божиим, полагались по программе правительственных коммерческих училищ, преподавались предметы, непосредственно касающиеся Монголии: монгольский язык, история Монголии, физическая и коммерческая география Монголии².

По отношению ко всем русским, расселившимся по обширной территории Монголии, попечительство проявляло заботу и участие. Оно старалось объединить их в тесно сплоченную семью, возбудить церковно-национальное самосознание, любовь к родине, воспитать в них взаимное доверие, товарищескую солидарность. Члены попечительства искренне желали понять трудное положение жизни своих соотечественников, оказать им нравственную поддержку, но, к сожалению, не достигли намеченных задач, потому что не располагали для этого достаточными средствами.

Таким образом, образовательная и просветительская деятельность священнослужителей Русской православной церкви явилась своеобразным «скрепляющим» элементом общественной и духовной жизни российских подданных в Монголии. При Свято-Троицком храме было организовано Ургинское приходское попечительство. Реализация просветительской программы попечительства привела к появлению начальных школ и коммерческого училища, к устройству библиотеки и читальни; стали организовывать общественные собрания и проводить открытые лекции, устраивать концерты и музыкально-литературные вечера.

Литература

1. Даревская Е. М. Ф. А. Парняков // Три портрета — три судьбы. Улан-Батор: Адмон, 1997. 160 с.
2. Деметриос Константелос. Богословские ориентации социальной ориентации православной церкви // Православное богословие и благотворительность (диакония). СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1996. С. 95–112.
3. Иоанн (Восторгов), протоиерей. Русский уголок в Монголии // Прибавление к церковным ведомостям. 1916. № 36 (3 сент.). С. 882–887.
4. Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. 332 с.
5. Парняков Ф., священник. Религиозно-нравственное состояние русских колонистов, проживающих в Монголии // Забайкальские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1914. № 19 (1 окт.). С. 762–769.

---

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 519. Л. 3.

² Там же. Л. 34.

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы международной научной конференции

«УЛЫМЖИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — X»

Дизайн обложки А. Г. Мельникова

Компьютерная верстка Н. Ц. Тахинаевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 20.11.19. Формат 70х100 1/16.
Усл. печ. л. 26,6. Уч.-изд. л. 22,22. Тираж 500. Заказ 198.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а